Российская академия наук
Институт государства и права

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 4 2021 Апрель

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN 1026-9452

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Главный редактор
М.И. Клеандров,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*председатель*);
М.В. Баглай, чл.-корр. РАН; А.П. Вершинин, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН;
В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург); А.А. Клишас, д.ю.н.; П.В. Крашенинников, д.ю.н.;
Н.М. Кропачев, чл.-корр. РАН (Санкт-Петербург); А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Е.А. Лукашева, чл.-корр. РАН; Н.А. Макаров, акад. РАН;
А.В. Смирнов, акад. РАН; Ю.К. Толстой, акад. РАН (Санкт-Петербург);
Т.Я. Хабриева, акад. РАН; А.Р. Хохлов, акад. РАН

Редакционная коллегия:

А.И. Абдуллин, д.ю.н. (Казань); С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Армения);
Вильфрид Бергманн, д.ю.н. (Германия); Окко Берендс, д.ю.н. (Германия); Н.А. Богданова, д.ю.н.;
М.М. Бринчук, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н. (Австрия); А.Н. Вылегжанин, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; В.Н. Гуцуляк, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (Германия);
Ван Джихуа, д.ю.н. (КНР); А.Г. Диденко, д.ю.н. (Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; И.В. Ершова, д.ю.н.;
В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.С. Занковский, д.ю.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.; В.С. Каменков, д.ю.н. (Беларусь);
Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия); М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*); Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР);
Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР); А.В. Малько, д.ю.н. (Саратов); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж);
Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Болгария); Т.А. Полякова, д.ю.н.; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджан);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Л.В. Санникова, д.ю.н., проф. РАН; Паола Северино, д.ю.н. (Италия);
Г.С. Скачкова, д.ю.н.; Ю.Н. Старилов, д.ю.н. (Воронеж); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Болгария);
А.А. Тедеев, д.ю.н.; А.П. Фоков, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (Германия); В.М. Шерстюк, д.ю.н.;
Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; В.В. Ярков, д.ю.н. (Екатеринбург)

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, 10
тел.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru;
http://gospravo-journal.ru/

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Институт государства и права РАН, 2021
© Составление. Редколлегия журнала
«Государство и право», 2021

Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law

STATE AND LAW

№ 4 2021 April

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN 1026-9452

Formerly known as: "Revolution of the Law" (Revolyutsiya prava) (1927–1929)
"Soviet State and the Revolution of the Law" (Sovetskoe gosudarstvo i revolutsiya prava) (1930–1931)
"Soviet State" (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
"Soviet State and Law" (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
"State and Law" (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

The Journal is published under supervisi,
on of the Department of social Sciences of the RAS

Editor-in-Chief
M.I. Kleandrov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Chairman*);
M.V. Baglay, Corresponding Member of the RAS; A.P. Vershinin, Doctor of Law;
V.I. Zhukov, Academician of the RAS; V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); A.A. Klishas, Doctor of Law;
P.V. Krasheninnikov, Doctor of Law; N.M. Kropachev, Corresponding Member of the RAS (St. Petersburg);
A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; E.A. Lukasheva, Corresponding Member of the RAS;
N.A. Makarov, Academician of the RAS; A.V. Smirnov, Academician of the RAS;
Yu. K. Tolstoy, Academician of the RAS (St. Petersburg);
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS; A.R. Khokhlov, Academician of the RAS

Editorial Board:

A.I. Abdullin, Doctor of Law (Kazan); S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutyunyan, Doctor of Law (Armenia);
Wilfried Bergmann, Doctor of Law (Germany); Okko Behrends, Doctor of Law (Germany); N.A. Bogdanova, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; Bernd Wieser, Doctor of Law (Austria); A.N. Vylegzhanin, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law; V.N. Gutsulyak, Doctor of Law;
Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); Wang Jihua, Doctor of Law (China); A.G. Didenko, Doctor of Law (Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; I.V. Ershova, Doctor of Law; V.N. Zhukov, Doctor of Law, Dsc in Philosophy;
S.S. Zankovsky, Doctor of Law; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*); Kuang Zengjun, Doctor of Law (China);
Liu Hongyan, Doctor of Law (China); A.V. Mal'ko, Doctor of Law (Saratov); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.I. Nosyreva (Voronezh); Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); T.A. Polyakova, Doctor of Law;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan); R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan);
L.V. Sannikova, Doctor of Law, Professor of the RAS; Paola Severino, Doctor of Law (Italy); G.S. Skachkova, Doctor of Law;
Yu. N. Starilov, Doctor of Law (Voronezh); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
A.P. Fokov, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
B.S. Ebzeev, Doctor of Law; V.V. Yarkov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
tel.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Institute of State and Law of the RAS, 2021
© Editorial Board of "State and Law", 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2021

Военное право: постановка проблемы и пути решения
А.Н. Савенков, А.В. Кудашкин 7

Дистанционное (удаленное) участие в защите диссертаций
А.В. Габов, Н.В. Колотова 35

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Коллизии ценностей и перспективы развития российской государственности
О.В. Мартышин 50

Философия и её урок для современного правоведения
С.А. Бочкарёв 59

Типология правовых теорий: позитивистская традиция и вызовы интерпретативизма
С.Н. Касаткин 70

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Рецензия на книгу профессора И.М. Рагимова «Религия и наказание» (СПб., 2020. – 217 с.)
А.И. Бастрыкин 81

ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Антропогенные изменения климата и международно-правовая деятельность по смягчению их последствий
Часть 1. От Рамочной конвенции ООН до Парижского соглашения
А.Б. Полонский, М.Е. Пекарникова 104

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Коррупция в сфере науки и образования: нормативно-правовые основы противодействия
М.М. Поляков, С.Я. Саламова 114

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Субсидии в законодательстве отдельных стран – членов ВТО и интеграционных объединений: сравнительно-правовой анализ
М.В. Глазатов 120

Роль и значение международного сотрудничества государств в рамках ОПЕК и ОПЕК+
М.Э. кызы Гулиева 131

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Генезис пенсионных идей в истории Российского государства и теории права (конец XIX – начало XX в.)
В.И. Жуков, М.В. Раттур 137

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Служение науке: прошлое и настоящее отдела правоведения ИНИОН РАН в лицах ученых и научных трудах
Е.В. Алферова, И.А. Алешкова 149

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Правовое регулирование дистанционной (удаленной) работы: вопросы теории и практики (Обзор «круглого стола»)
С.Ю. Чуча 155

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

П.П. Серков. Правоотношение (нравственность современного правового регулирования)
Н.Н. Цуканов 161

Е.А. Осавелюк. Конституционно-правовые основы статусных полномочий высших органов государственной власти / отв. ред. Б.С. Эбзеев
В.В. Невинский 165

IN MEMORIAM

Невинский Валерий Валентинович (05.12.1950–11.02.2021) 168

Дубовик Ольга Леонидовна (22.11.1949–28.03.2021) 170

CONTENTS

Number 4, 2021

Military Law: statement of the problem and solutions
A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin 7

Remote participation in the defense of dissertations
A.V. Gabov, N.V. Kolotova 35

PHILOSOPHY OF LAW

Conflicts of values and prospects for the development of the Russian state
O.V. Martyshin 50

Philosophy and its lesson for modern jurisprudence
S.A. Bochkarev 59

Typology of legal theories: positivist tradition and challenges of interpretativism
S.N. Kasatkin 70

DISCUSSIONS AND DEBATES

Review of the book by Professor Ilgam M. Ragimov "Religion and punishment" (St. Petersburg, 2020. – 217 pp.)
A.I. Bastrykin 81

THE PROTECTION OF ENVIRONMENT

Anthropogenic climate change and international-juridical activity on climate mitigation Part 1. From the UN Framework Convention to the Paris Agreement
A.B. Polonsky, M.E. Pekarnikova 104

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

Corruption in the field of science and education: regulatory framework for counteraction
M.M. Polyakov, S. Ya. Salamova 114

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

Subsidies in certain WTO – Members and integration associations' legislation: comparative legal analysis
M.V. Glazatov 120

The role and importance of international cooperation between states within the framework of OPEC and OPEC+
M.E. Gulieva 131

PAGES OF HISTORY

The genesis of pension ideas in the history of the Russian state and the theory of law (late XIX – early XX century)
V.I. Zhukov, M.V. Rattur 137

SCIENTIFIC REPORTS

Service to science: past and present of the Department of jurisprudence of the ISISS RAS in the faces of scientists and scientific works

E.V. Alferova, I.A. Aleshkova 149

SCIENTIFIC LIFE

Legal regulation of remote work: questions of theory and practice (Review of the “Round Table”)

S. Yu. Chucha 155

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

P.P. Serkov. Legal relations (the morality of modern legal regulation)

N.N. Tsukanov 161

E.A. Osavelyuk. Constitutional and legal bases of the status powers of the supreme bodies of state power / ed. by B.S. Ebzeev

V.V. Nevinsky 165

IN MEMORIAM

Nevinsky Valery V. (5.12.1950–11.02.2021) 168

Dubovik Olga L. (22.11.1949–28.03.2021) 170

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 4, с. 7–34
STATE AND LAW, 2021, № 4, pp. 7–34

ВОЕННОЕ ПРАВО: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ[1]

© 2021 г. А. Н. Савенков[1, *], А. В. Кудашкин[2, **]

[1]Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва
[2]Академия военных наук, г. Москва

[*]E-mail: an61s@mail.ru
[**]E-mail: kud64@mail.ru

Поступила в редакцию 24.02.2021 г.

Аннотация. В статье рассмотрены исторические предпосылки формирования и этапы развития военного права как самостоятельной отрасли российской системы права. Первые источники российского военного права датируются X в.; первые работы по теории военного права в России – второй половиной XIX в. Военное право получило мощное развитие в 40–50-х годах XX в., однако окончательное оформление военного права в качестве самостоятельной отрасли права связано с формированием современной системы права России и происходящими геополитическими событиями в мире.
Раскрыто содержание специфического обособленного предмета и самостоятельного метода правового регулирования. Отмечено расширение предмета правового регулирования за счет появления новых видов вооруженных конфликтов, расширения состава его участников, разработки новых систем вооружений, применение которых не охвачено правовым регулированием. «Ядро» предмета военного права составляют отношения в рамках права вооруженных конфликтов, основанного на нормах международного гуманитарного права, имплементированного в российскую правовую систему.
В статье сделан вывод, что военное право – это исторически сложившаяся отрасль российского права, регулирующая отношения в области военной деятельности государства, имеющая специфический обособленный предмет и метод правового регулирования.

Ключевые слова: война, вооруженный конфликт, военное право, предпосылки и генезис военного права, предмет и метод правового регулирования, отрасль права, право вооруженных конфликтов, международное гуманитарное право, комбатанты, некомбатанты, источники военного права.

Цитирование: *Савенков А.Н., Кудашкин А.В.* Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7–34.

DOI: 10.31857/S102694520014362-9

MILITARY LAW: STATEMENT OF THE PROBLEM AND SOLUTIONS[2]

© 2021 A. N. Savenkov[1, *], A. V. Kudashkin[2, **]

[1]Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow
[2]Academy of Military Sciences, Moscow

[*]E-mail: an61s@mail.ru
[**]E-mail: kud64@mail.ru

Received 24.02.2021

[1] Статья обсуждена на совместном заседании Комиссии по военному праву Ассоциации юристов России и отделения военного права Академии военных наук 19 февраля 2021 г.

[2] The article was discussed at a joint meeting of the Commission on Military Law of the Association of Lawyers of Russia and the Department of Military Law of the Academy of Military Sciences on February 19, 2021.

Abstract. The article considers the historical background of the formation and stages of development of Military Law as an independent branch of the Russian legal system. The first sources of Russian Military Law date back to the X century; the first works on the theory of Military Law in Russia – to the second half of the XIX century. Military Law received a powerful development in the 40–50s of the XX century. However, the final formalization of Military Law as an independent branch of law is associated with the formation of the modern system of law in Russia and the ongoing geopolitical events in the world.

The content of a specific separate subject and an independent method of legal regulation is revealed. Marked expansion of the subject of legal regulation due to the emergence of new types of armed conflicts, expanding its membership, the development of new weapons systems, the application of which is not governed by law. The "core" of the subject of Military Law is relations within the framework of the law of armed conflict, based on the norms of International Humanitarian Law, implemented in the Russian legal system.

The article concludes that Military Law is a historically established branch of Russian law that regulates relations in the field of military activities of the state, which has a specific separate subject and method of legal regulation.

Key words: war, armed conflict, Military Law, prerequisites and genesis of Military Law, subject and method of legal regulation, branch of law, law of armed conflicts, International Humanitarian Law, combatants, non-combatants, sources of Military Law.

For citation: *Savenkov, A.N., Kudashkin, A.V. (2021).* Military Law: statement of the problem and solutions // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 7–34.

Президент РФ В.В. Путин принял решение о проведении в 2021 г. в Российской Федерации Года науки и технологий[3]. И это повод обратить свое внимание на науку военного права, которое было основано Петром Великим, принявшим 305 лет назад, 10 апреля (30 марта по старому стилю) 1716 г., Воинский устав[4], определивший все стороны жизни и деятельности армии[5]. По мнению П.О. Бобровского, «только со времени появления Воинского устава следует считать учреждение регулярного войска в России совершившимся историческим фактом, потому что только с принятием к руководству этого устава войско получило единство, организацию и законы соответственно требованиям и условиям военного искусства тогдашнего времени»[6]. В современных геополитических условиях актуальным является развитие военного права, имеющего глубокие исторические корни и напрямую связанного со становлением Российского государства, его современным развитием и местом в мире.

Военная деятельность есть неотъемлемый атрибут каждого современного государства. Формы и объемы такой деятельности дифференцированы в зависимости от приоритетов внешней и внутренней политики.

Сегодняшняя геополитическая ситуация характеризуется стремлением ведущих западных стран во главе с США к установлению нового мирового порядка. И в этом процессе западные лидеры по-прежнему рассматривают военную силу в качестве одного из главных инструментов преобразований, а ставка на военную силу, как и прежде, остается главным аргументом мировой политики. Подтверждение тому – вооруженные конфликты в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и др.

Цивилизация вступила в социальный и гуманитарный кризис планетарного масштаба, и большинство государств уже не смогут, опираясь на известный государственно-правовой инструментарий, прогнозировать ни развитие общественно-экономической формации, ни цели социальных и политических преобразований[7].

Выступая на сессии «Давосская повестка дня 2021», Президент РФ В.В. Путин обратил внимание на ослабление международных институтов, появление новых региональных конфликтов, деградацию системы глобальной безопасности. Он также отметил: «можно ожидать, что более агрессивным станет и характер практических действий, включая давление на те страны, которые не согласны с ролью послушных управляемых сателлитов,

[3] См.: Указ Президента РФ от 25.12.2020 г. № 812 «О проведении в Российской Федерации Года науки и технологий». URL: http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=44b75f02–8717–4640–976d-307e90613df1&print=1

[4] См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1649–1825 гг. / под ред. М.М. Сперанского. СПб., 1830. Т. V (1713–1719). Закон 3006. С. 203–453.

[5] Устав состоял из 68 глав и следующих приложений: «Артикул воинский» с кратким толкованием (209 статей; военно-уголовный кодекс), «Краткое изображение процессов или судебных тяжеб» (3 части и 14 глав), «О экзерциции (или учении), о приуготовлении к маршу, о званиях и о должности полковых чинов» (3 части).

[6] *Бобровский П.О.* Происхождение артикула воинского и изображения процессов Петра Великого по Уставу воинскому 1716 г.: историческое исследование. 2-е изд., с доп. пояснениями. СПб., 1881; *Его же.* Переход России к регулярной армии: исследование. СПб., 1885 (Правовые памятники).

[7] См.: *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 155.

использование торговых барьеров, нелегитимные санкции, ограничение финансовой, технологической, информационной сфер. Подобная игра без правил критически повышает риски одностороннего применения военной силы...»[8].

Сдвиг в глобальной среде безопасности во многом обусловлен внешней стратегией США к военному превосходству, желанием стать единственной «великой сверхдержавой», реализация которой ведется в худших традициях «холодной войны» – гонка вооружений на новом технологическом уровне. США объявили Россию самой большой современной угрозой[9]. Проявлением этого, помимо военных приготовлений, стали санкции, применяемые США без разбора к 2/3 стран мира, строительство разных стен и другие действия изоляционистского и протекционистского характера.

В состоянии новой (второй) «холодной войны» мир уже находится сегодня, так же как мир очень близок состоянию глобальной военной дестабилизации, так считает акад. РАН А.А. Дынкин[10].

По мнению акад. РАН А.Г. Арбатова, вероятность первого применения ядерного оружия стала ныне больше, чем когда-либо за прошедшие 30 лет[11].

С.В. Лавров обратил внимание на размывание грани между несиловыми и силовыми методами достижения внешнеполитических целей; милитаризацию международных отношений и киберпространства; повышение роли ядерного оружия в доктринальных документах США, снижение порога его возможного применения; появление новых очагов вооруженных конфликтов[12].

Российские ученые отмечают, что «общее состояние стратегической стабильности стало гораздо более сложным и менее управляемым, более подверженным разного рода случайностям и воздействиям со стороны неядерных факторов и третьих стран», но «уровень угрозы преднамеренной войны, особенно ядерной, между ядерными державами» – низкий. Вместе с тем «совокупность военно-технических и политических факторов – нагнетаемая США конфронтация, состояние элит в ряде ведущих стран, разрушение режимов ограничения вооружений и связанных с ними мер доверия – объективно усиливает вероятность развязывания непреднамеренной ядерной войны»[13].

Министр обороны РФ С.К. Шойгу также оценивает мир как «более непредсказуемый и менее безопасный», но надеется, «что о полномасштабной войне сегодня вопрос не стоит», не исключая при этом высокую «вероятность ошибки в системе управления вооружением» в современном уровне информатизации и автоматизации[14].

На наш взгляд, появление новой терминологии, претендующей на доктринальный характер использования, требует тщательного правового изучения, а феномен «непреднамеренной ядерной войны» как явление – глубокого международного, междисциплинарного исследования. Поскольку если хотя бы на минуту допустить, что сегодня мир стоит на пороге гибели даже не по воле «суверена», а в результате несовершенной техники, ошибки в тактическом военном прогнозе, «человеческого фактора» или целенаправленных действий хакера-одиночки, то такой мир несовершенен.

В этих непростых условиях требуется дальнейшее развитие военной организации Российского государства, реализации комплекса мер в области военного строительства, в т.ч. правового характера. Актуальность правовых исследований в военной сфере обусловлена потребностями государства в совершенствовании правовых основ военной деятельности государства, военных отношений, которые, будучи урегулированные правом, приобретают качество правоотношений, объединяемых понятием «военное право».

Целевой задачей является доктринальное понимание военного права как системы установленных государством военно-правовых норм, в т.ч. имеющих экстерриториальный характер, *утверждающих* понятие войны, поводы для ее объявления, правовые основы отношения государства к войне и направления политики в целях обеспечения его военной безопасности; *регулирующих* порядок поддержания мобилизационной готовности Вооруженных Сил, других государственных военных организаций, органов и воинских формирований, экономики и граждан к отражению нападения, правила ведения вооруженной борьбы и достижения победы в войне (вооруженных конфликтах); *закрепляющих* правовое положение (статус) и ответственность участников военной деятельности, правомерность применения ими вооружений

---

[8] URL: http://kremlin.ru/events/president/news/64938

[9] См.: *Савенков А.Н.* Указ. соч. С. 224–229.

[10] См.: *Дынкин А.А.* Стратегическая стабильность и архитектура безопасности // Вестник РФФИ. 2018. № 2. С. 43.

[11] См.: *Арбатов А.Г.* Трансформация ядерного сдерживания. Безопасность и контроль над вооружениями 2017–2018: преодоление разбалансировки международной стабильности / отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнов. М., 2018. С. 17, 18.

[12] См.: *Лавров С.В.* Мир на перепутье и система международных отношений будущего // Россия в глобальной политике. 2019. 20 сент.

[13] *Караганов С.А., Суслов Д.В.* Доклад «Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности». М., 2019. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2019/09/REPORT_Rus_1.pdf

[14] См.: Интервью Министра обороны РФ С.К. Шойгу «Московскому комсомольцу», 22 сентября 2019 г. URL: https://www.mk.ru/politics/2019/09/22/sergey-shoygu-rasskazal-kak-spasali-rossiyskuyu-armiyu.html

и иных средств для достижения целей войны, а также отношение к военнопленным и гражданскому населению на оккупированных территориях как в период боевых действий, так и после их завершения.

Военное право имеет древнее происхождение, и, переходя к современной проблематике, следует остановиться на исторических предпосылках военного права и его генезисе.

Зарождение и этапы становления военного права

Военное право возникает тогда, когда государство ставит цель сохранить свой суверенитет и определяет задачи по вооруженной защите своего Отечества или, наоборот, направляет свои усилия на захват других территорий. Так начинается военная деятельность в государстве (возникают отношения по созданию вооруженных сил, воинских формирований, их комплектованию, обучению, обеспечению и т.д.). Это процесс объективный и неизбежный. Вопрос в том, насколько этот процесс формализован и интенсивен. А это зависит от конкретно-исторических условий и целей государства. Так появляются ритуалы, традиции, законы и обычаи войны, военное законодательство.

В полной мере познать любое общественно-политическое явление возможно только через изучение его исторических корней, исследование его генезиса, т.е. истории становления и развития явления, представляющей «собой органическое единство количественно или качественно различных исторических состояний (этапов), которые, будучи объективированным выражением действия процессов изменения и развития, отражают их автономное время и находятся между собой в генетической связи»[15].

На переломных этапах общественного развития в России всегда возрастал интерес к прошлому страны. Сталкиваясь с многочисленными трудностями становления, по сути, нового государства, сегодня общество ищет в своем прошлом примеры и исторические аналогии. Как справедливо отмечает акад. РАН А.А. Кокошин, исторический материал должен быть рассмотрен многопланово, с выявлением многих деталей, нюансов, которые и делают картину полной, дают основания для суждений, выводов, столь важных для понимания войн и военного дела настоящего и будущего. Предметом рассмотрения должен быть значительный набор исторических явлений, событий, связанных с проблемами войны и мира[16].

«Жизнь войска, – отмечал один из крупнейших специалистов в области военного права конца XIX – начала XX в. П.Ф. Заусцинский, – представляет собой непрерывную цепь явлений, в которой настоящее является неизбежным следствием прошедшего и служит единственной причиной будущего»[17].

Военное право есть неотъемлемая часть правовой системы государства, которая через свои нормы регулирует общественные отношения в сфере военного строительства и жизнедеятельности Вооруженных Сил. Возникновение права в целом и его неотъемлемой составной части – военного права самым тесным образом связано с созданием и развитием государства. Видный немецкий юрист Р. Иеринг писал, что «идея права и интерес государства всегда шли рука об руку»[18]. Однако это отнюдь не означает, что изначальный генезис военного права целиком коренится в государстве. Истоки военного права коренятся в реальной жизни, в назревших потребностях становления и развития военной организации государства. Государство же только фиксирует в военном законодательстве требования складывающихся общественных отношений в сфере военной деятельности, и поэтому право «несет на себе отпечатки всех существенных особенностей истории данного общества»[19]. Согласно воззрениям многих ученых, право вообще возникает до государства. Последнее устанавливает лишь юридические нормы, а не правовые[20].

Зарождение военного права относится ко времени возникновения государства и армии, появления военной политики.

Попытки определить и регулировать поведение участников войны и смягчить наихудшие последствия войны имеют давнюю историю. Самые ранние из известных примеров встречаются в Махабхарате и Ветхом Завете (Торе).

На индийском субконтиненте Махабхарата описывает дискуссию между правящими братьями относительно того, что представляет собой приемлемое поведение на поле битвы, ранний пример принципа соразмерности: «Не следует атаковать колесницы с кавалерией; воины колесниц должны атаковать колесницы. Никто не должен нападать на бедствующего, ни пугать его, ни побеждать его...».

В Древней Индии есть записи (Законы Ману, например), описывающие виды оружия, которые

[15] *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права: в 2 т. М., 2004. Т. 1: Элементный состав. С. 87.

[16] См.: *Кокошин А.А.* Вопросы прикладной теории войны. 2-е изд. М., 2019. С. 33.

[17] *Заусцинский П.Ф.* История кодификации русского военного законодательства. СПб., 1908. С. 4.

[18] *Иеринг Р.* Борьба за право. М., 1991. С. 9.

[19] *Алексеев С.С.* Избранное. М., 2003. С. 93.

[20] См.: *Мальцев Г.В.* О происхождении и ранних формах права и государства. М., 2000; *Розин В.М.* Генезис права. М., 2001.

не должны использоваться: **«90.** Когда он сражается со своими врагами в битве, пусть он не бьет ни оружием, скрытым (в лесу), ни колючим, отравленным или остриями, которые пылают огнем»[21].

Будда в Палийском Каноне ясно заявляет, что война и насилие имеют нездоровые состояния ума как свою причину. Так, в Гамани Саньютта Будда отвечает, «когда наёмник усердный и пылкий в битве, то его ум уже низок, испорчен, направлен неправильным образом так: “Пусть эти существа будут убиты, повержены, уничтожены, ликвидированы, истреблены”»[22].

В начале второго тысячелетия до н.э. в Судебнике Хаммурапи описывались порядок комплектования армии и обязанности воинов.

В Древнем Китае классическими военными философами Сунь-Цзы и У-Цзы были созданы трактаты «О военном искусстве», в которых сформулированы принципы ведения войны, в т.ч. принцип «закона» (организованности и дисциплинированности), принципы осуществимости законов и приказов, силы войска, обученности командиров и солдат, ясности наград и наказаний. В трактате также содержатся правила ведения боевых действий в различных условиях (прообраз современного права вооруженных конфликтов)[23].

Наиболее развитую систему военно-правовых норм создало Римское государство. Особо следует отметить Дигесты Юстиниана (в 530–533 гг.), которые в числе прочих затрагивают ряд публично-правовых вопросов. Параграфы 15–18 книги 49 Дигест[24] содержат суждения и нормы международного гуманитарного права, военного права, военно-уголовного законодательства, в т.ч. раскрывающие содержание важных правовых институтов: «24. ULPIAN, Institutes, book 1: Враг – это те, кому римский народ публично объявил войну или кто сам [объявляет войну] римскому народу; других называют грабителями или бандитами[25]. 17. PAUL, Sabinus, book 2: Те, кто, потерпев поражение, сдались врагу вместе со своим оружием, не заслуживают восстановления в правах.

2. ARRIUS MENANDER, Military Law, book 1: Преступления или проступки солдат либо специфичны, либо обычны для других мужчин; и, соответственно, их преследование либо особенное, либо обычное. Своеобразное военное преступление – это преступление, которое человек совершает в качестве солдата[26].

11. MARCIAN, Rules, book 2: Рабам запрещена всякая военная служба; в противном случае им грозит смертная казнь[27].

16. PAUL, Views, book 5: Солдат, нарушающий мир, подвергается высшей мере наказания»[28].

История человечества, в т.ч. и Российского государства, – это во многом история многочисленных войн и вооруженных конфликтов. Историками подсчитано, что только за последние пять с половиной тысяч лет на Земле произошло более 14 тыс. войн, в которых погибло свыше 4 млрд человек – столько же, сколько было населения в 70-е годы XX в. на всей планете. За время писаной истории человечества мирных лет в его жизни было всего 292. Все остальное время было наполнено большими и малыми войнами, вооруженными столкновениями, которые возникали, протекали и заканчивались то в одной точке земного шара, то в другой[29].

Говоря об историко-правовых предпосылках возникновения специфической сферы человеческой деятельности, именуемой военной службой, известный немецкий юрист XIX столетия Л. фон Штейн писал: «На самой низкой ступени развития выступает на войну каждый раз весь народ. Глава семейства покидает свою хижину и свои поля, жена и дети следуют за ним... Военный стан – это сам народ. Когда просвещение делает успехи, то на войну выступают одни только способные носить оружие; дома еще слишком мало богатства, чтобы думать о раздельности труда также и во время войны. Только у более развитых народов выделяется из общей массы народонаселения особенная, предназначенная для войны организация способных к оружию людей. Государственная власть выделяет этих людей на основании определенных правил и законов; она дает им особенную организацию, особенных предводителей, особенное устройство, особенные отличия, *особенное право* (курсив наш. – *Авт.*), особенное управление; она

[21] The Laws of Manu. George Bühler, translator (Sacred Books of the East, Volume 25). Ch. VII. URL: https://www.sacred-texts.com/hin/manu/manu07.htm

[22] Палийский Канон. СН 42: Гамани Саньютта – Начальник. СН 42.3. Йодхаджива сутта: Йодхаджива. СН 42.4–5 / пер. с англ. Samyutta Nikaya by Bodhi. P. 1334, 1336.

[23] См.: *Сунь-Цзы*. Трактаты о военном искусстве / Сунь-Цзы, У-Цзы; пер. с кит., предисл. и коммент. Н.И. Конрада. М.; СПб., 2003.

[24] См.: § 15. Prisoners of War, Postliminium, and Persons Ransomed from the Enemy. § 16. Military Law. § 17. Peculium Castreme. § 18. Veterans.

[25] См.: *Theodor Mommsen; Paul Krueger; Alan Watson*. The Digest of Justinian. Latin text ed. by Theodor Mommsen with the aid of Paul Krueger; English translation ed. by Alan Watson: in 4 vols. Philadelphia, 1985. Vol. 4. Book forty-nine. § 15. Prisoners of War, Postliminium, and Persons Ransomed from the Enemy. P. 406.

[26] См.: ibid. § 16. Military Law. P. 407.

[27] См.: ibid. P. 410.

[28] Ibid. P. 411.

[29] См.: *Тюшкевич С.А.* Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования. М., 2002. С. 15, 16.

объявляет предназначенных ею таким образом для войны отдельных лиц и учреждения своею вооруженную силою; она определяет условия, на которых отдельные члены государства принимают участие в войне; она издает определенные предписания и постановления, которым они должны подчиняться. Образованная и организованная таким образом, призванная и уполномоченная государственной властью на войну, самостоятельно существующая и по наружности заметно отличающаяся от остального народонаселения организация военной силы государства называется войском»[30].

Профессор международного публичного права в Брюссельском университете Эрнест Нис утверждал, что «до Гроция история международного права ограничивалась историей права войны. Само по себе право войны серьезно развивается, оно составляет основу международного права. Исторически этот факт никогда не оспаривался. Право войны, состоящее из пределов, установленных правом на войну, является первым проявлением права, первым из основ, из которых состоит международно-правовая структура»[31].

Рассмотрим этапы развития российского военного права.

Допетровский период (X в. – 1700 г.). Наиболее ранними из дошедших до нас письменных памятников древнерусского права являются тексты договоров Руси с Византией. В них кроме норм, регулирующих торговые дела, определялись и взаимоотношения по военным вопросам: порядок привлечения русских дружин на службу в Византию, порядок выкупа военнопленных и др.

Первые источники русского военного права – Русско-византийские договоры 907 и 911 гг., которые были заключены после успешного похода киевского князя Олега и его дружины на Византийскую империю. В договор впервые включены правила комплектования вооруженной силы: «Если же будет набор в войско и эти (русские) захотят почтить вашего царя, и сколько бы ни пришло их в какое время, и захотят остаться у вашего царя по своей воле, то пусть так будет»[32].

В целом же анализ древнерусского законодательства показывает, что в период до XVI в. специальных «военных» правовых актов в России, как и в подавляющем большинстве государств, не было; нормы военного права были как бы «вкраплены» в общее законодательство: в Русскую Правду, международные договоры с другими государствами, Судебники Ивана III 1497 и Ивана IV 1550 гг., в Уложение о службе 1556 г. и т.д. Правовые основы военной организации Древней Руси нашли свое отражение в Русской Правде, в которой содержались положения о категориях ратных людей, взаимоотношениях между дружиной и князьями, князьями и ополчением и др.

В XVI в. стали появляться отдельные акты, целиком посвященные военным вопросам. Например, издаются царские указы, определяющие порядок подчиненности между «детьми боярскими и воеводами» на поле брани. Борис Годунов в 1604 г. специальным актом определил порядок участия монастырских людей в военных походах, а также льготы раненым, вдовам и детям погибших на войне[33].

С середины XVI в. отдельные вопросы прохождения военной службы стали регулироваться первыми воинскими уставами. Так, 16 февраля 1570 г. на основании проекта, разработанного князем М.И. Воротынским, состоялся Боярский приговор о станичной и сторожевой службе[34]. Этот акт по праву считается первым русским воинским уставом.

В 1621 г. царь Михаил Федорович утвердил Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки[35], а в 1647 г. вышел Устав «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»[36]. В основу как первого, так и второго уставов были положены нормы, выработанные в результате сочетания зарубежного опыта с отечественным. В целом же российское военное законодательство XVI–XVII вв. характеризуется большим количеством разного рода правовых актов по самым различным сферам военного дела и военной службы.

Первым в истории Российского государства законодательным актом, в котором была сделана попытка обобщить нормы, регулирующие военную службу, стало Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.[37] Большинство военно-правовых норм были изложены в гл. 7 «О службе всяких ратных людей Московского Государства».

---

[30] *Штейн фон Л.* Учение о военном быте, как часть науки о государстве / пер. А. Эртеля. СПб., 1875. С. 57.

[31] *Nys Ernest.* Le Droit de la guerre et les précurseurs de Grotius. Introduction. Bruxelles et Leipzig, 1882.

[32] Повесть временных лет / подгот. текста Д.С. Лихачева; пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950 (Литературные памятники).

[33] См.: Российский военный сб. Вып. 10. Военное законодательство Российской империи (Кодекс Русского Военного Права) / сост. В.Ю. Кудейкин, А.Е. Савинкин. М., 1996. С. 9.

[34] См.: *Беляев И.Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украйне Московского государства, до царя Алексея Михайловича. М., 1846.

[35] См.: Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. СПб., 1777–1781.

[36] 1647 годъ. Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. СПб., 1904.

[37] См.: *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года. М., 1961.

В течение последующих 50 лет вплоть до восшествия на престол царя Петра I военные законы снова «растворяются» в многочисленных царских указах и боярских приговорах, которые не только дополняли и изменяли Соборное уложение 1649 г., но и нередко противоречили друг другу.

Таким образом, допетровский период характеризуется появлением первых самостоятельных источников военного права одновременно с формированием централизованного Российского государства.

Петровский период (1700–1725 гг.). Хорошо осознавая вред, который приносят армии неопределенность прав и обязанностей военных чинов и отсутствие правильного правосудия, Петр I попытался систематизировать основные военно-правовые нормы в особых законодательных актах. В результате появились знаменитые памятники российского военного законодательства: Инструкция и артикулы российскому флоту 1710 г. – первый печатный морской военно-уголовный кодекс России[38], Воинские артикулы 1715 г.[39], Воинские уставы 1716 г. и Морской устав 1720 г.[40] Эти документы были составлены на основе нормативной базы развитых европейских государств. Однако их появление не было результатом единовременного слепого копирования чужого опыта. Материалы для составления этих своеобразных военных кодексов собирались на протяжении полутора десятков лет, большинство их статей и пунктов оказались хорошо проверенными практикой отечественного военного строительства.

Некоторые исследователи петровские уставы 1716 и 1720 гг. как по широте замысла, так и по богатству содержательной части вполне обоснованно считали лучшими и самыми передовыми воинскими уставами рассматриваемого исторического периода. По мнению большинства историков, русская военная мысль, отраженная в уставах, наставлениях и инструкциях, находилась на уровне лучших мировых образцов[41].

Кодификационная работа Петра I привела не только к созданию первого в истории России систематического военного законодательства, но она выявила и принципиальные идеи российского военного права, наложившие отпечаток на все его последующее развитие.

К петровским временам восходит и зарождение «права войны», т.е. определенных правил ведения боевых действий, а также «гуманитарных норм», не допускающих озлобления и ненависти между воюющими сторонами и смягчающих (ограничивающих) бедствия и произвол во время военных действий. Российская военная мысль одной из первых осознала необходимость установления правовых запретов на неограниченное применение военной силы. С самого начала существования регулярной армии в России она рассматривалась и воспитывалась как христолюбивое, дисциплинированное войско, которое действует на основе требований военного права, ведет справедливые войны, проявляет милосердие и великодушие к побежденным, не допускает коварства, вероломства, зверств и насилия к военнопленным и раненым воинам противника, т.е. соблюдает все законы и обычаи войны, освященные авторитетом веков. Зародившись в качестве обычаев и традиций, свое законодательное закрепление указанные принципы получили в Воинских артикулах Петра I.

В послепетровский (дооктябрьский) период (1725–1917 гг.). характерной особенностью развития отечественного военного законодательства является активная работа по его систематизации.

С конца XVIII в. в военно-законотворческой деятельности широкое применение получила практика создания хронологических сводов военных узаконений. В России в указанный период издавались:

Собрание приказов по военному ведомству (с 1788 по 1821 г.), 26 томов;

Собрание законов и постановлений, «до части военного управления относящихся» (с 1816 по 1827 г.), 12 томов;

Сборник приказов Военного Министра (с 1839 по 1878 г.), 51 том;

Сборник приказов по военному ведомству (с 1869 по 1917 г.), 52 тома;

Свод штатов военно-сухопутного ведомства;

Циркуляры Главного штаба и Главных управлений;

Приказы по Генеральному штабу и Главному управлению Генерального штаба;

Правила о форме одежды для генералов, штаб- и обер-офицеров;

Расписания сухопутных войск;

Высочайшие приказы о чинах военных.

---

[38] См.: Инструкции и артикулы военные надлежащие к российскому флоту / Напечатаны повелением царского величества. В Москве: [Московский Печатный двор], апр. 1710. Инструкция правлена Петром I. Кн. переиздана в апр. и мае 1710, марте и июле 1714 г. СК 1708–1725. URL: https://www.prlib.ru/item/413680

[39] См.: Артикул воинский с кратким толкованием. № 3006. С. 318–382. ПСЗ РИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. V. 1713–1719 гг. URL: https://runivers.ru/bookreader/book9813/#page/319/mode/1up

[40] См.: Книга Устав морской: о всем, что касается доброму управлению, в бытности флота на море / Напечатася повелением Царского Величества. Кн. пятая «О штрафах». Арт. 73. СПб., 1778. URL: https://www.prlib.ru/item/336980

[41] См.: Российский военный сб. Вып. 10. Военное законодательство Российской империи (Кодекс Русского Военного Права) / сост. В.Ю. Кудейкин, А.Е. Савинкин. С. 24, 25, 39.

В XIX в. наиболее важным направлением развития отечественной правовой системы, включая военное право, явилось осуществление его кодификации. В 1826 г. статс-секретарь М.М. Сперанский представил императору Николаю I предложения по осуществлению систематизации существующего законодательства на основе Соборного уложения 1649 г.

В основание нормативно-правовой базы Российской Империи были положены два сборника законодательных актов: «Полное собрание законов Российской империи» (далее – ПСЗ РИ) и «Свод законов Российской Империи».

В ПСЗ РИ собирались в хронологическом порядке все вышедшие от лица верховной власти правовые акты, как действующие, так и утратившие силу. Собрание 1-е ПСЗ РИ (1830 г.) включило более 30 тыс. законодательных актов. Собрание 2-е выходило ежегодными выпусками с 1830 по 1884 г. и составило 55 томов, в которые вошло более 60 тыс. актов. В Собрании 3-м (1885–1916 гг.) в 33 томах представлено более 40 тыс. актов.

В отличие от ПСЗ РИ в Своде законов Российской империи включались только действующие акты. Его первое издание, объединяющее 15 томов, вышло в 1832 г. Впоследствии указанный Свод постоянно дополнялся и изменялся.

В Свод законов Российской империи были включены также и законы, имеющие значение для правового регулирования военного строительства:

том 1 (ч. 1) включал основные государственные законы;

том 4 содержал акты об учреждении органов верховного и центрального управления (Государственного Совета, Государственной думы, Сената, Совета Министров и т.д.), а также Устав о воинской повинности;

в том 16 вошли: Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия; Правила временного содействия войск гражданским властям для охраны порядка и общественного спокойствия; Правила о воспрещении военнослужащим принимать участие в политических партиях и собраниях; Правила для взаимных отношений гражданских и военных властей; Судебные уставы.

Начиная с 1863 г., появляется новый периодически обновляемый источник – Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате.

Полный свод законов Российской империи, Свод законов Российской Империи, а затем и Собрание узаконений стали источниковой базой для составления и систематизации Свода военных постановлений – основного издания военного законодательства Российской Империи XIX в.

Первый Свод военных постановлений появился в 1838 г. В январе 1869 г. была утверждена новая программа Свода. Свод военных постановлений 1869 г. разделялся на шесть частей: ч. 1 – Военные управления; ч. 2 – Войска регулярные; ч. 3 – Войска иррегулярные; ч. 4 – Военные заведения; ч. 5 – Военное хозяйство; ч. 6 – Уставы военно-уголовные. Каждая из указанных частей объединяла несколько книг общим количеством 24. Изменения и дополнения в Свод вносились ежегодными сборниками приказов по военному ведомству.

В рассматриваемый период совершенствуется и «право войны». Определение законов и обычаев войны стало осуществляться уже не на односторонней основе, а путем заключения Россией двусторонних и многосторонних международных соглашений. Война начинает превращаться из политического явления и акта вооруженной борьбы в юридический процесс, в котором нормы права все больше определяют способ ее ведения, лицо и характер и тем самым создают предпосылки для обеспечения прочного мира[42].

В XIX–XX вв. Россия активно участвует во всех международных форумах того времени по вопросам обычаев и законов войны (Женевская конференция 1864 г., Санкт-Петербургская конференция 1868 г., Брюссельская конференция 1867 г., Гаагские конференции 1899 и 1907 гг.). На основании этих соглашений был составлен «Наказ Русской армии о законах и обычаях сухопутной войны», высочайше утвержденный 14 июля 1904 г. 27 апреля 1912 г. этот Наказ был включен в качестве приложений к Уставам полевой службы 1904 и 1912 гг.

Одновременно с совершенствованием формы российского военного законодательства путем его кодификации в XIX в. появляются систематические исследования теоретических аспектов военного права. Впервые вводится в научный оборот и само понятие «военное право». Один из первых российских военных ученых, широко использовавших данное понятие в своих научных работах, – П.О. Бобровский[43], исследовавший историю отечественного и зарубежного военного права.

---

[42] См.: Российский военный сб. Вып. 10. Военное законодательство Российской империи (Кодекс Русского Военного Права) / сост. В.Ю. Кудейкин, А.Е. Савинкин. С. 387.

[43] См.: *Бобровский П.О.* Развитие способов и средств для образования юристов военного и морского ведомств в России: историческое исследование: в 2 т. СПб., 1882–1898. Т. 2. Военное право в России при Петре Великом: Артикул Воинский с объяснениями, заметками и цитатами по иностранным источникам; *Его же.* Состояние военного права в России в XVII столетии. М., 1882; *Его же.* Зачатки реформ в военно-уголовном законодательстве в России. СПб., 1882; *Его же.* Характеристика военного процесса и главнейшие системы военного права в Западной Европе в XVII в. СПб., 1882; *Его же.* Беседы о военных законах Петра Великого. СПб., 1890.

Замечательный русский военный историк, генерал-лейтенант, экстраординарный академик Н.Ф. Дубровин в рецензии на книгу П.О. Бобровского[44] в феврале 1887 г. отмечал: «Петр I и его сотрудники положили начало науке военного права, дотоле неизвестной в России. Военно-уголовного кодекса, подобного Артикулу по полноте и даже гуманности, не встречается ни в одном из современных Петру государств».

Военное право как отрасль юридической науки изучается со второй половины XIX в. На Западе одна из первых попыток разработки теории военного права была предпринята немецким профессором Л. фон Штейном[45].

Профессор Александровской военно-юридической академии А.М. Добровольский, определяя сущность и содержание науки военного права, отмечал, что нормы, которые регулируют жизнь армии, в своей совокупности конструируются в особую отрасль права – военное право, которое включает в себя военно-административное, военно-уголовное и военно-судебное право[46]. Особенности военного права он связывал с тем, что эти нормы права, хотя и являются тесно связанными с нормами общегосударственными, как часть с целым, и подчиняются одной и той же идее государственного правопорядка, но организуются в особую систему соответственно назначению армии и особенностям ее внутреннего быта и деятельности[47]. По А.М. Добровольскому, военно-административное право – это наука о правовых нормах, определяющих устройство, организацию, комплектование армии и снабжение ее всем необходимым, а также устройство, компетенцию и деятельность органов военной власти.

Развитию теоретических основ военно-правовой науки в XIX в. способствовало появление учебных изданий по военной администрации[48] и военному законодательству[49], систематизированных сборников военно-правовых актов с комментариями[50]. В начале XX в. развитие теории военного права связано с именами А.П. Грекова[51], А.М. Добровольского[52], П.Ф. Заусцинского[53], П.Л. Лобко[54], А.С. Лыкошина[55], В.А. Томашевича[56], М.М. Шуцкого[57] и др.

На основании всестороннего анализа роли и места военного законодательства в правовой системе Российского государства в научных работах указанных авторов сделан вывод о том, что для современного государства необходимы специальные военные законы, «имеющие всегда стремление определить выгоднейшие способы устройства и поддержания единства и силы армии, а также выгоднейшие способы ее действий»[58], образующие военное право как «совокупность юридических норм, регулирующих жизнь и деятельность войска»[59]. Разрешен и вопрос о соотношении военного права с другими отраслями российского права. Так, российский генерал немецкого происхождения Н.К. Ренненкампф относит военное право, под которым он подразумевает собственно военную администрацию, к числу составных частей государственного права[60]. Той же точки зрения придерживается Л. фон Штейн[61].

Советский период (1917–1991 гг.) отечественной истории ознаменован дальнейшим развитием как теории военного права, так и практики его реализации применительно к кардинально

---

[44] См.: *Бобровский П.О.* Состояние военного права в Западной Европе в эпоху учреждения постоянных войск (XVI, XVII и начало XVIII века): историческое исследование. СПб., 1881.

[45] См.: *Штейн фон Л.* Указ. соч.

[46] См.: *Добровольский А.М.* Военное право // Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. В.Ф. Новицкого, А.В. фон Шварца [и др.]. СПб., 1911. Т. 1. С. 150–153.

[47] Весьма показательно особенности воинской деятельности представлены в издании: *Баиов А.К.* История русского военного искусства. М., 2020 (Полное издание в одном томе).

[48] См.: *Зайцев И.М.* Курс военной администрации. М., 1867. Вып. 1; *Лацинский А.* Очерки военной администрации. СПб., 1881; *Лузанов П.* Конспект лекций по военно-административным законам. СПб., 1887.

[49] См.: *Михайлов М.М.* Военные законы. СПб., 1861; *Рождественский Н.Ф.* Руководство к военным законам. СПб., 1853.

[50] См.: Сборник постановлений о пенсиях и единовременных пособиях за службу по военно-сухопутному и гражданскому ведомствам всех министерств с изменениями и дополнениями, обнародованными по 1 июля 1873 года. С прил. особо сост. табл., определяющей оклады и количества пенсий / сост. и изд. А. Веденеевым. М., 1874; Справочная книга для офицеров и чинов военного ведомства (Загл. обл. 1-го и во 2-м изд.) / сост. Г.Х. Дмитриев. СПб., 1885; Права военнослужащего как воина и как гражданина (По 1-е окт. 1887 г.) / сост. А.А. Наумов. СПб., 1888.

[51] См.: *Греков А.П.* Правовое положение армии в государстве. СПб., 1908.

[52] См.: *Добровольский А.М.* Военно-административное право. СПб., 1909; *Его же.* Особенности правового положения военнослужащих в области публичного права. СПб., 1913.

[53] См.: *Заусцинский П.Ф.* Указ соч.

[54] См.: *Лобко П.Л.* Записки военной администрации. СПб., 1908.

[55] См.: *Лыкошин А.С.* Учебник законоведения для военных и юнкерских училищ. СПб., 1902.

[56] См.: *Томашевич В.А.* Учебник законоведения для военных училищ. СПб., 1911.

[57] См.: *Шуцкий М.М.* Учебник законоведения для кадетских корпусов. СПб., 1911.

[58] *Зайцев И.М.* Указ. соч. С. 268.

[59] *Заусцинский П.Ф.* Указ. соч. С. 359.

[60] См.: *Ренненкампф Н.К.* Очерки юридической энциклопедии. 2-е изд., испр. и доп. Киев, 1880. С. 185.

[61] См.: *Штейн фон Л.* Указ. соч. С. 6, 7.

изменившимся политическим условиям. Поскольку все законодательство царской России было признано недействующим, с первых лет советской власти была организована работа по созданию нового, советского, законодательства. Его характерная особенность – повышенная идеологизированность, официальное законодательное закрепление принципа руководящей роли Коммунистической партии в военном строительстве.

Изменения в государственном строе социалистической России явились причиной отказа от системы буржуазного права, результатом чего стало создание системы советского социалистического права, основанного на отраслевом делении. Военные научные исследования советского периода находились в общей парадигме развития юридической мысли о системе права своего времени.

Поиск концепций военно-правовых исследований активизировался с изданием Приказа НКО от 11 мая 1936 г. № 80, на основании которого при Всесоюзной правовой академии был создан военно-юридический факультет РККА. С 1 июня 1938 г. действовал на правах академии. Приказом НКО от 5 марта 1940 г. № 47 факультет был реорганизован в Военно-юридическую академию Красной Армии. Готовила специалистов-правоведов для Вооруженных Сил[62].

Споры о самостоятельности отрасли военного права и его признаках ведутся с 40-х годов прошлого века в рамках первой (1938–1940 гг.)[63] и второй (1955–1958 гг.)[64] научных дискуссий о системе права, в ходе которых ученые пришли к понимаю, что предмет и метод правового регулирования есть основные отраслеобразующие признаки отрасли права[65].

Попытки обосновать военное право как отрасль права предпринимались не раз. В их разработке принимали участие такие видные ученые, как С.Н. Братусь, А.А. Герцензон, В.Н. Кудрявцев, А.Е. Лунев, В.Г. Стрекозов, С.С. Студеникин, В.М. Чхиквадзе и др. Методологические и общетеоретические проблемы военного права неоднократно рассматривались на научных конференциях и сессиях совета Военно-юридической академии (1940, 1954 и 1956 гг.), обсуждались на страницах журнала «Государство и право»[66] и других изданий[67].

По мнению В.М. Чхиквадзе, военное право – это совокупность норм, регулирующих отношения в области устройства, комплектования, жизни, быта и деятельности армии[68].

В ходе дискуссии В.Н. Кудрявцев обратил внимание на объективность исторических условий, в которых создаются отрасли права и соответствующие дисциплины, указав, что «не случайно, что военно-правовые вопросы стали получать развитие именно в 40-х годах и в период Отечественной войны»[69].

Известный теоретик права М.А. Аржанов, участвовавший в Первой научной конференции Военно-юридической Академии Красной Армии (9–11 мая 1940 г.), отмечал, что «не согласен с тем, что могут быть какие-то принципиальные возражения против военного права, как отдельной области права. Мы не можем категорически возражать против выделения такой области, а будем рассматривать ее в системе всех других отраслей права. Можно и должно создавать, если это практически необходимо и целесообразно, новые отдельные отрасли... права»[70].

В ходе первой дискуссии (1940 г.) по проблеме отрасли военного права был сделан вывод о том, что по состоянию на 1939–1940 гг. имелось довольно развитое специфичное законодательство, регулирующее военные отношения (военное законодательство), существовали многочисленные военно-правовые нормы и военно-правовые институты, в государстве присутствует специфическая область

---

[62] См.: Российский государственный военный архив. Ф. 34735. 24 ед. хр., крайние даты: 1936–1940.

[63] См.: Первая научная конференция Военно-юридической академии Красной Армии. 9–11 мая 1940 г. // Труды Военно-юридической Академии Красной Армии / отв. ред. С.А. Голунский. М., 1940. Вып. 1.

[64] См.: Материалы сессии Совета Военно-юридической академии, посвященной теоретическим вопросам советского военного законодательства, 14–15 апреля 1954 г. / отв. ред. А.И. Лепешкин. М., 1954; Труды Военно-юридической Академии. М., 1956. Т. XXIII.

[65] См.: Система права: история, современность, перспективы / под ред. Т.Н. Радько. М., 2020. С. 25–65.

[66] Материалы «круглого стола» «Военное право: состояние и перспективы развития» // Государство и право. 1994. № 8–9; *Кудашкин А.В., Серегин Н.С.* Материалы научно-практической конференции, проведенной 21 апреля 2004 г. в Военном университете, на тему «Современное состояние военного права и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации» // Государство и право. 2005. № 1.

[67] См., напр.: *Кудашкин А.В., Кроткова Н.В.* Современное состояние военного права и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации (Материалы научно-практической конференции) // Право и государство: теория и практика. 2004. № 1.

[68] См.: *Чхиквадзе В.М.* Военно-уголовное право: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1946. Диссертация защищена на основании учебника: *Чхиквадзе В.М.* Военно-уголовное право. М., 1946. Основные результаты исследования приведены по стенограмме заседания Ученого совета Всесоюзного института юридических наук Минюста СССР от 25 ноября 1946 г. по защите диссертации В.М. Чхиквадзе (см.: Труды Военно-юридической академии Красной Армии. М., 1947. Вып. VI. С. 173–182); см. также: *Герцензон А.* Рец. на учебник В.М. Чхиквадзе (см.: там же. С. 149–161).

[69] Труды Военно-юридической Академии Красной Армии / отв. ред. С.А. Голунский. Вып. 1. С. 120–125.

[70] Там же. С. 49.

отношений, связанных с его военной деятельностью (военные отношения), которые после регулирующего воздействия на них приобретают качество правоотношений, в совокупности образующих самостоятельную отрасль в системе советского права – военное право; структуру советского военного права составляют военно-административное, военно-уголовное и военно-судебное право, являющиеся его подотраслями; была поставлена задача научного поиска таких доказательств и разработки общей теории военного права.

В 50–60-х годах XX в. дискуссия о системе советского права была продолжена, но сосредоточилась только на прикладных проблемах военного права и исследовании его отдельных институтов. В то же время был сделан вывод о существовании самостоятельной отрасли военного права и наличии как специфического особого предмета, так и особого метода регулирования военных отношений.

Постсоветский период (1992 – по н.в.) характеризуется следующим.

Большинство современных ученых и авторов отмечают, что понятие «военное право» является полисемичным (от греч. *polysemos* – многозначность), т.е. может трактоваться в разных смыслах: как отрасль права, как правовая наука и как учебная дисциплина (учебный курс).

Как наука, проведение исследований военно-правовых проблем продолжалось в рамках различных научных отраслей права, так и специальной – «Военное право, военные проблемы международного права»; были защищены десятки докторских и сотни кандидатских диссертаций[71].

Несмотря на отсутствие официального признания, издавалось немало учебников и учебных пособий по военному праву[72].

Однако вполне очевидно, что проблема легализации военного права лежит в сфере признания его самостоятельной отраслью права.

Ситуация с развитием военного права по современному состоянию следующая:

теория военного права не разрабатывается, в т.ч. не идентифицированы предмет и метод правового регулирования, однозначно показывающие его специфику, принципы и функции, не определено место военного права в системе российского права;

развитие военного законодательства, а также складывающаяся на его основе правоприменительная практика значительно опережают теоретические военно-правовые исследования. Теория российского военного права явно отстает от реальных запросов государственно-правового и военного строительства и одновременно не соответствует требованиям текущей геополитической ситуации и запросам правового обеспечения деятельности военной организации как в России, так и в странах НАТО и их союзников. Таким образом, текущая ситуация выдвигает требование к корректировке парадигмы военного права – интенсификация правовых исследований по новым направлениям[73].

Актуальными задачами, имеющими как теоретическое, так и современное прикладное значение, являются:

системное исследование военного права как отрасли военного права с позиций выработанных современной правовой наукой критериев, опосредующих отдельные отрасли права;

исследование элементов структуры военного права (предмет, методы, принципы, функции) и отдельных институтов (военная организация государства и его правовое положение, правовое обеспечение боевых действий, военная служба, военнослужащий и др.);

определение направлений развития правового регулирования в сфере военной деятельности государства, в новых сферах и областях (в космическом пространстве, киберсфере, системе вооружения с искусственным интеллектом и др.).

Предмет и метод правового регулирования военного права

Наиболее часто в юридической литературе встречается определение военного права как системы установленных государством военно-правовых норм, закрепляющих формы устройства и принципы функционирования военной организации государства и обеспечения его военной безопасности, регулирующих отношения в области строительства и комплектования Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, их материально-технического обеспечения, жизни, быта, деятельности и определяющих порядок прохождения военной службы, а также статус (права, обязанности и ответственность) военнослужащих и других участников воинских правоотношений.

---

[71] На текущий момент по научной специальности «20.02.03: Военное право, военные проблемы международного права» защищено 624 диссертации, из которых 48 докторских (см.: *Корякин В.М.* Военное право: антология диссертаций: в 2 т. М., 2011).

[72] См., напр.: Военное право: учеб. / под ред. Н.И. Кузнецова. М., 1996; *Котляров И.Г.* Военное право: учеб. / под ред. Г.А. Золотухина. М., 1997; *Мигачев Ю.И.* Военное право: учеб. / Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров. М., 2005; Военное право: учеб. / под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина. М., 2004; и др.

[73] См.: *Кудашкин А.В.* Есть ли место новой парадигме военного права? // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2020. № 12. С. 87.

Несколько более широкий круг отношений Большая Российская энциклопедия включает в понятие «военное право», согласно которому военные правоотношения делятся на несколько групп: отношения в сфере военного строительства; в сфере управления военной организацией государства и её всестороннего обеспечения; отношения, связанные с исполнением воинской обязанности, поступлением на военную службу по контракту, прохождением военной службы, а также статусом военнослужащих; отношения, связанные с поддержанием воинской дисциплины, законности и правопорядка, деятельностью органов военной юстиции; отношения, регулируемые нормами международного права, связанные с вопросами военного сотрудничества, а также ответственности за нарушение норм международного гуманитарного права[74].

Данные определения, претендуя на универсальное, тем не менее не дают ответа на самый сущностный вопрос: что же такое военное право, какова специфика предмета и метода правового регулирования, которые позволяют идентифицировать военное право как самостоятельную отрасль системы российского права? Такое положение дел обусловлено предшествующими этапами развития военного права, которые характеризовались отсутствием системных исследований теории военного права, что не может удовлетворять современным потребностям развития военной организации и военной деятельности Российского государства.

К поиску ответа на вопрос, что входит в *предмет правового регулирования военного права*, юристы обращались неоднократно, отмечая при этом, что общим предметом военного права являются относительно однородные общественные отношения, складывающиеся в области военной деятельности государства, сгруппированные следующим образом:

I. Общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения обороны страны и безопасности государства военными методами, подготовки и применения в этих целях всех элементов военной организации государства; военного строительства; управления военной организацией государства и ее всестороннего обеспечения.

II. Отношения, связанные с исполнением воинской обязанности, поступлением на военную службу по контракту, прохождением военной службы, а также статусом военнослужащих.

III. Отношения, связанные с поддержанием воинской дисциплины, законности и правопорядка, деятельностью органов военной юстиции.

IV. Отношения, регулируемые нормами международного права, связанные с вопросами военного сотрудничества, а также ответственности за нарушение норм международного гуманитарного права.

Все перечисленные отношения охватываются понятием «воинские отношения», или «военные отношения»[75], которые преимущественно складываются в сфере исполнительной власти. Преобладание административно-правовых моментов в регулировании наиболее характерно для второй и третьей групп воинских отношений, но также имеет место и в других группах, что является особенностью правового регулирования военной деятельности в государстве. В то же время военные отношения, относящиеся к первой группе, регулируются также нормами конституционного (государственного) права, а к четвертой – нормами международного права. Однако такого алгоритма рассуждений явно недостаточно, чтобы делать вывод о самостоятельности отрасли военного права.

Исследуя военное право, начинать нужно с актуального анализа правовых понятий «война» и «вооруженный конфликт», правовых механизмов ограничения применения новых средств вооруженной борьбы, современного понятия «комбатант» и иных участников вооруженного конфликта и др.

Традиционно главной чертой войны является вооруженная борьба, осуществляемая специально создаваемым и развиваемым особым институтом – вооруженными силами. Современные войны тесно переплетаются с невоенными средствами и формами противоборства, что, безусловно, сказывается на способах ведения вооруженной борьбы. Среди видов отношений между государствами (и негосударственными субъектами мировой политики) значительное место занимает принуждение, самая радикальная форма которого – военное насилие[76].

Реалии таковы, что понимание вооруженного противоборства в современных условиях вышло за традиционные рамки, для современного миропорядка не характерно ведение классических войн. Современное понятие «вооруженный конфликт» отличается от традиционного понятия «война». Сегодня мир оперирует понятиями «непреднамеренная ядерная война», «гибридная война», «мятежевойна», в соответствии с которой традиционное военное противостояние дополняется гражданской войной и деятельностью преступных организаций.

[74] См.: URL: https://bigenc.ru/law/text/1923356

[75] Термины «воинские отношения» и «военные отношения» обычно употребляются в качестве синонимов, однако все-таки они дифференцированы. Военные отношения – это вся совокупность отношений, связанных с военной деятельностью государства, в то время как воинские отношения связаны прежде всего с исполнением военной службы, т.е. они соотносятся как общее и частное.

[76] См.: *Кокошин А.А.* Указ. соч. С. 7, 8.

Министр обороны США заявляет о планах подготовки к ведению «опосредованной и гибридной» войны с Россией, в т.ч. гибридных боевых действий и боевых действий в «серой зоне», которые смещают центр стратегического соперничества на уровень ниже, чем прямой вооруженный конфликт. Указанные термины не имеют на текущий момент официального определения, как, впрочем, и не исследовано их правовое содержание, что допускает их свободную в политических целях трактовку. Появление новой терминологии, претендующей на доктринальный характер использования, требует тщательного правового изучения[77].

Правовое оформление начала и окончания войны (вооруженного конфликта) имеет принципиальное значение, поскольку война есть не только сражение или военное действие, а промежуток времени, в течение которого явно складывается воля к борьбе путем сражения[78]. В современной интерпретации следует отметить, что именно период войны дает возможность задействовать правовые механизмы сдерживания агрессии, а в случае ее начала – применять правила ведения боевых действий и способы защиты ее участников и жертв посредством реализации комплекса мер, предусмотренных международным гуманитарным правом. Однако не очевидной является именно правовая квалификация начала и окончания современных вооруженных конфликтов.

Изменяются также классические театры военных действий. Растущее значение средств космического базирования и внедрения кибероружия вносит нормативную неопределенность в современные конфликты. Вооруженное противостояние на наземных театрах военных действий, в воздушном и морском пространствах в обозримом будущем может переместиться в околоземное космическое пространство, которое уже сейчас весьма милитаризовано за счет военных спутников разведки, целеуказания, связи и т.д.

Академик А.Г. Арбатов считает, что вероятная гонка космических вооружений угрожает серьезной дестабилизацией стратегической обстановки, ростом угрозы вооруженного конфликта и его быстрой эскалации к ядерной войне[79].

Государства вооружаются и перевооружаются, как будто на пороге больших событий. Космос уже стал ареной гонки вооружений и будущей «областью военных действий»[80]. Ведущими государствами мира уже созданы в составе вооруженных сил космические подразделения. 29 августа 2019 г. создано Космическое командование в составе Министерства обороны США (SPACECOM) и планируется создание нового вида Вооруженных сил – космические войска. 7 сентября 2019 г. Космическое командование (CDE) в составе Военно-воздушных сил создано во Франции.

Как справедливо отмечает А.А. Кокошин, международно-правовые договорные ограничения в этой области практически отсутствуют[81].

Большую роль начинает играть информационное противоборство. Уже в ближайшей перспективе борьба в этой сфере по своей значимости и степени влияния на ход и исход военного конфликта существенно потеснит, а в последующем и отодвинет на задний план традиционное «физическое противоборство». Для российского военного командования уже сейчас очевидно, что информационная сфера становится доминирующей в войне; главной целью войны станет установление контроля над сознанием людей; возрастет роль и значение несмертельного оружия; ассиметричный характер вооруженного конфликта; для России останутся актуальными три типа противника (высокоразвитые вооруженные силы, традиционные вооруженные силы и иррегулярные формирования)[82].

Новым театром военных действий как на национальном уровне, так и на уровне международных организаций, в частности НАТО, признано киберпространство. Киберпространство напрямую связано с военной стратегией, оперативным искусством, тактикой. Боевые кибероперации могут быть сопряжены с другими видами ведения боевых действий, кибероружие может быть использовано для поражения личного состава и уничтожения людей. Борьба в киберпространстве идет и в мирное, и в военное время, что вносит существенный вклад в смешение традиционных представлений о состоянии войны и мира[83]. Проблемы кибервойны действительно могут оказать воздействие на стратегические отношения держав[84].

Проблема агрессивного использования киберпространства в политических и военных целях начинает ощущаться особенно остро в условиях

---

[77] См.: *Савенков А.Н.* Указ. соч. С. 162–164.

[78] См.: *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избр. произв.: в 2 т. М., 1965. Т. 2.

[79] См.: *Арбатов А.Г.* Ускользающая материя (предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 10.

[80] *Савенков А.Н.* Указ. соч. С. 263, 264, 274, 275.

[81] См.: *Кокошин А.А.* Указ. соч. С. 82.

[82] См.: Вооруженные силы ведущих государств НАТО на рубеже 2020–2025 гг. / В.Н. Богданов и др. М., 2016. С. 241, 350.

[83] См.: *Кокошин А.А.* Указ. соч. С. 92–94.

[84] См.: *Арбатов А.Г.* Вооружения и дипломатия (Новые технологические факторы и будущее системы контроля над вооружениями) // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 16.

значительной напряженности международной обстановки и отсутствия прочного международно-правового фундамента, который мог бы способствовать разрядке ситуации, а механизмы, существующие в рамках двусторонних соглашений, не используются. При таких условиях в случае значительной кибератаки решение об ответных действиях – соразмерной кибератаке или использовании других видов вооружений – может быть принято незамедлительно[85].

Новые риски появляются с принятием на вооружение *новых видов оружия и систем вооружения*. Прежде всего речь идет об использовании преимуществ новых систем вооружения на основе искусственного интеллекта. Влияние на стратегическую стабильность со стороны искусственного интеллекта не предсказуемо[86].

В США принята Интегрированная «дорожная карта» развития безэкипажных систем на период 2009–2034 гг., которая предусматривает разработку и внедрение в войска к концу этого срока более 170 типов боевых и обеспечивающих наземных роботов.

В связи с постепенным увеличением с течением времени автономии систем вооружений, особенно в таких «критически важных функциях», как выбор и поражение цели, Международный Комитет Красного Креста (МККК) предложил в отношении их в качестве обобщающего понятия использовать термин «автономные системы вооружения», который охватывал бы любые виды систем оружия, автономно действующие в воздухе, на суше или на море и самостоятельно выполняющие «критически важные функции» – выбирать (т.е. осуществлять поиск или обнаруживать, выявлять, отслеживать и выбирать) и поражать (т.е. использовать силу, нейтрализовать, наносить ущерб или уничтожать) цели без участия человека[87].

Тема автономных систем вооружения или боевых автономных роботизированных систем (БАРС, англ.: LARS или LAWS, Lethal Autonomous Weapon Systems), также известных как смертоносные автономные системы (SAS), рассматривается международными межправительственными организациями с апреля 2013 г., когда на площадке Совета по правам человека ООН был публично на международном уровне поставлен вопрос о потенциальных угрозах БАРС для жизни и здоровья людей в условиях войны, международной безопасности, а также перспективах распространения на БАРС международно-правовых норм, регулирующих применение различных вооружений. Доклад стал отправной точкой для дальнейшего развития дискуссии об автономных боевых роботах, соотношении БАРС и систем с искусственным интеллектом (ИИ), а также перспективах интеграции сервисов и платформ с ИИ в системы вооружений на площадках МККК, Института по исследованию проблем разоружения ООН (ЮНИДИР), других международных организаций, а тема ограничения БАРС была перенесена из формата Совета по правам человека ООН в рамки работы над механизмом Конвенции о конкретных видах обычного оружия, в результате чего на 5-й Обзорной конференции Конвенции 12–16 декабря 2016 г. участники приняли решение учредить Группу правительственных экспертов ООН по БАРС[88].

В числе правовых проблем применения автономных систем вооружения, построенного на принципах ИИ, следует отметить отсутствие механизма юридической ответственности за вред, причиненный в результате их использования, в т.ч. проблемы с определением ответственных лиц в случае *неправомерных* действий автономных аппаратов (насколько юридически состоятелен такой термин, предстоит исследовать); международно-правовая регламентация боевого применения автономных систем вооружения.

Известный теоретик военной науки А.К. Баиов в 1933 г. указывал, что поведение армии на войне должно отвечать правовым нормам[89]. Следующая группа проблем сопряжена с «проникновением» права в область военной деятельности, связанную с ведением вооруженными силами боевых действий. Необходимо обратить внимание, что по данным вопросам практически не проводились правовые исследования российской правовой наукой, что делает данную область наиболее приоритетной для науки военного права.

Почему эти вопросы предметно не исследовались ранее? Как справедливо замечает А.А. Кокошин, глубинные причины изолированности в нашей стране военной науки от общественных наук в целом в определенной мере следует искать в исключительно высоком уровне секретности, которым характеризовалась весьма значительная часть направлений деятельности в военной сфере[90].

---

[85] См.: *Савенков А.Н.* Указ. соч. С. 272–275.

[86] См.: *Арбатов А.Г.* Ускользающая материя (предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве). С. 20.

[87] См.: Доклад «Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов» на XXXII Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца в Женеве 6–10 декабря 2015 г. Женева, 2015. С. 79–81.

[88] См.: Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях Кристофа Хейнса. URL: http://undocs.org/ru/A/HRC/23/47

[89] Цит. по: Российский военный сб. Вып. 10. Военное законодательство Российской империи (Кодекс Русского Военного Права) / сост. В.Ю. Кудейкин, А.Е. Савинкин. С. 419.

[90] См.: *Кокошин А.А.* Указ. соч. С. 30.

По-видимому, также действовала негласная установка, согласно которой право не должно вторгаться в сугубо военную сферу – военное планирование, военную стратегию, порядок ведения боевых действий и т.д. Но времена меняются, и именно сейчас правовые исследования в сугубо военной (боевой) области военных отношений особенно актуальны.

К этой области относятся отношения по оперативно-тактическому управлению войсками. Данная область отношений традиционно выходила за пределы компетенции правовой науки и относилась к военным наукам (тактика, оперативное искусство, стратегия). Однако командная деятельность построена на праве, она протекает на основе и во исполнение законов и других правовых актов. Задача правовой науки, не вторгаясь в компетенцию командира на поле боя в принятии им конкретного решения о боевом применении подчиненных войск, не нарушая его самостоятельности как единоначальника, установить границы, за пределами которых для него может наступить ответственность.

По распространенному мнению ученых-юристов, такую задачу решают нормы международного гуманитарного права[91]. Однако *только имплементация последнего в национальное законодательство позволяет говорить о наличии действенного правового регулирования боевой деятельности вооруженных сил и любых воинских подразделений*. Запрет использования средств и методов ведения военных действий, способных причинить излишние страдания или повреждения, должен быть закреплен в военных руководствах, а его нарушение криминализовано национальным законодательством.

Нормы международного гуманитарного права, имплементированные в российское военное законодательство, уже стали частью российской правовой системы, а нормы, разработанные на их основе, регулирующие конкретные правила планирования и ведения боевых действий, в совокупности образуют подотрасль военного права России – *право вооруженных конфликтов*, содержание которого составляют отношения, направленные на решение боевых задач средствами и методами вооруженной борьбы, связанные с исключительной опасностью как для личности военнослужащего (жизнь и здоровье индивидуального субъекта), так и для коллективных субъектов (воинских подразделений и военных организаций), а также государства.

Право вооруженных конфликтов включает следующие отношения:

1) применение Вооруженных Сил, войск (сил), соединений и частей Вооруженных Сил в боевых действиях;

2) средства и методы ведения вооруженных конфликтов (боевых действий);

3) управление Вооруженными Силами, войсками (силами), частями (подразделениями) при подготовке их к боевым действиям (бою) и руководство ими при выполнении боевых задач;

4) применение соединений и частей Вооруженных Сил в бою и правила огневого поражения противника.

Право вооруженных конфликтов образуют нормы, регулирующие следующие вопросы (стадии боевой деятельности):

по обороне и отходу войск (соединений и частей);

по наступлению и преследованию противника;

по встречному бою, бою в окружении и выходу из окружения;

по режиму военного плена;

по десантированию и ведению боевых действий;

по комендантской службе и правовому режиму комендантского часа в период военного положения;

по ведению боя в населенном пункте;

по режиму передвижения войск;

по режиму расположения войск и др.

Все перечисленные военные отношения входят в «ядро» военного права и составляют его специфический автономный предмет. Специфичными и не имеющими отношения к другим отраслям права являются отношения по обеспечению действий соединений и частей в вооруженном конфликте, а также видам боевого обеспечения (разведка, морально-психологическое обеспечение и др.).

Наступление фактических обстоятельств, порождающих соответствующие отношения, в случае их неурегулированности несет в себе риск безответственного применения боевых сил и средств, что может стать причиной совершения военных преступлений в ходе ведения боевых действий.

Современные вооруженные конфликты отличает неопределенность правового статуса отдельных его *участников*. В вооруженных конфликтах участвуют не только регулярные вооруженные силы, личный состав которых, участвующий в боевых действиях, приобретает статус комбатантов, урегулированный как международным гуманитарным правом, так и национальным законодательством.

[91] См.: *Тиунов О.И.* Международное гуманитарное право. М., 1999. С. 148, 149, 274.

В современных вооруженных конфликтах нередко принимают участие частные военные компании (ЧВК) – коммерческие организации, создаваемые для обеспечения или непосредственно для ведения боевых действий. ЧВК привлекаются к участию в вооруженных конфликтах для выполнения как невоенных функций (полицейские функции в зоне боевых действий, охрана военнопленных), отчасти военных (например, функции по материально-техническому обеспечению), а также могут привлекаться к ведению боевых действий. Для некоторых государств (США, Великобритания) монополия на использование вооруженной силы перестала существовать в абсолютной форме. Современные ЧВК действуют в сложной системе международных и внутренних правовых норм, договорных обязательств и мер саморегулирования. Однако общепризнанных международно-правовых основ регулирования в сфере деятельности ЧВК ныне не существует.

Следует отметить, что появление ЧВК не является чем-то новым. Наемнические профессиональные армии привлекались правителями государств к выполнению боевых задач с древних времен. Стоит вспомнить военные походы крестоносцев. Российская военная история также содержит упоминания о привлечении наемных боевых дружин в походы против Византии и не только[92].

Международное гуманитарное право оперирует понятиями «комбатант» и «некомбатант». Комбатант имеет «привилегию» или право применять вооруженную силу в отношении комбатантов противника в международных вооруженных конфликтах; кроме этого в отношении комбатантов действует запрет на нападение на гражданских лиц, которые не принимают участия в военных действиях. Однако следует констатировать, что нет однозначности в статусе комбатантов и некомбатантов в современных вооруженных конфликтах. Особенно актуален данный тезис в отношении немеждународных вооруженных конфликтов, поскольку договорные источники международного гуманитарного права, применимые в немеждународных вооруженных конфликтах, не просто не вводят статус комбатантов, они не содержат положений о том, кого считать сражающимися, и не раскрывают понятие «гражданские лица»[93].

Понятие, состав и правовое положение *военной организации государства* требуют дополнительных исследований, в т.ч. правовых, поскольку прослеживаются глубинные сущностные изменения. Военная организация государства – это совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов, создаваемых на военное время специальных формирований (далее – Вооруженные Силы, другие войска и органы), составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, и оборонно-промышленный комплекс страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации[94].

Насколько соответствует современным реалиям легальное определение военной организации государства? Как уже было отмечено ранее, изменился характер вооруженных конфликтов; в них участвуют не только регулярные вооруженные силы, но и иные участники (иррегулярные вооруженные формирования, организованные вооруженные группы и др.). С одной стороны, вооруженные силы привлекаются для решения задач, выходящих за пределы их прямого функционального предназначения, например, для противодействия террористической угрозе (теракт в Париже в ноябре 2015 г. и в Брюсселе в марте 2016 г. и др., являющиеся элементом вооруженной борьбы экстремистов Исламского государства). С другой – следует отметить возможность привлечения для решения задач военной безопасности совместно с Вооруженными Силами РФ других государственных органов (полиции, Федеральной службы исполнения наказаний). В данном случае формальный состав военной организации государства расширяется за счет включения в нее (пусть и на временной основе) «невоенных» федеральных органов исполнительной власти в целях эффективного противодействия изменившим свой характер военным угрозам, т.е. военная организация в современных условиях характеризуется не статичной, а динамичной формой своего существования, однако правовое регулирование данной сферы отношений пока еще пробельно.

На повестке дня стоит актуальная задача по совершенствованию правового базиса деятельности Вооруженных Сил РФ и других составных частей военной организации государства, чтобы они отвечали современным потребностям страны и были способны решать задачи по локализации и нейтрализации как внешних, так и внутренних военных угроз. Становление оптимальной системы правового регулирования организации и функционирования государственных военных организаций, обеспечивающей баланс интересов государства и его

[92] См.: *Волков А.А.* Ратные силы Древней Руси. М., 2017. С. 29.

[93] *Русинова В.Н.* Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 176–202.

[94] См.: Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 г. № Пр-2976) (п. 8) // Росс. газ. 2014. 30 дек.

граждан, по-прежнему остается одной из самых сложных задач в процессе формирования в России правового государства, взаимодействующего с гражданским обществом.

Одна из важнейших задач непрерывного процесса развития – приведение структуры, состава и численности компонентов военной организации в соответствие с задачами мирного времени, периода непосредственной угрозы агрессии и военного времени.

С учетом изложенных тезисов предмет военного права составляют следующие группы отношений:

понятие войны (вооруженного конфликта), порядок и поводы для ее объявления или отражения агрессии;

правовые основы ведения войны (вооруженных конфликтов);

формирование и реализация государственной политики в целях обеспечения военной безопасности государства;

мобилизационная готовность Вооруженных Сил, других государственных военных организаций, воинских формирований и органов, экономики и граждан к отражению агрессии или иного вооруженного нападения;

правовое положение (статус) и ответственность участников военной деятельности, правомерность применения ими вооружений и иных средств для достижения целей войны, а также отношение к военнопленным и гражданскому населению на оккупированных территориях как в период боевых действий, так и после их завершения.

Другим основным отраслеобразующим критерием является *метод правового регулирования*, т.е. совокупность приемов и способов правового регулирования отношений. Специфика и метода правового регулирования, и соответствующей отрасли права берет начало в объективных различиях самих общественных отношений.

Своеобразие метода правового регулирования конкретной отрасли права определяется тем или иным взаимным сочетанием известных способов воздействия права на поведение субъектов (императивный, диспозитивный, поощрительный, рекомендательный) – одни из них основные, другие второстепенные, третьи играют вспомогательную роль, значение некоторых из них может быть вообще едва заметным и т.п. Различное взаимосочетание методов правового воздействия определяет своеобразный, оригинальный метод правового регулирования конкретной отрасли права.

Следует обратить внимание на то, что если аналогичные правовые факты в различных случаях влекут за собой разные последствия, то это значит, что, несмотря на внешнее сходство этих фактов, юридическое существо их различно; следовательно, те нормы, на которых основано действие этих правовых фактов, относятся к различным областям права.

Применение такого института административного права, как приказ, вызывает различные правовые последствия в зависимости от того, кем он отдается. Неисполнение отданного в порядке военной службы приказа влечет за собой для лица, не выполнившего приказ, либо дисциплинарную, либо уголовную ответственность. Такое же нарушение вне вооруженных сил само по себе может влечь за собой только дисциплинарное взыскание. Различные правовые последствия от неисполнения приказа объясняются различиями в возможных последствиях его неисполнения, поскольку неисполнение законного приказа, отданного воинским должностным лицом, имеет следствием не просто посягательство на установленный порядок несения военной службы, а риск причинения неприемлемого ущерба не только отдельным лицам или коллективным субъектам, но и самому государству, а также может повлечь необратимые геополитические последствия. Именно поэтому в случае, если в боевой обстановке военнослужащий отказывается выполнить приказ (боевое задание) или проявляет трусость, командир обязан силой понудить его к выполнению задания; при необходимости командир не только имеет право, но и обязан применить оружие. Обсуждение (критика) приказа недопустимо, а неисполнение приказа командира (начальника), отданного в установленном порядке, есть преступление против военной службы[95]. Такой метод управления и решения поставленных задач не имеет аналогов ни в одной из других сфер человеческой деятельности, а следовательно, и не характерен как метод правового регулирования любой иной отрасли права, что явным образом свидетельствует о наличии специфического метода правового регулирования военного права.

Профессор А.А. Герцензон отмечал, что военные отношения строятся на основе строгой подчиненности, беспрекословного повиновения, строгого соблюдения единоначалия, требований воинской дисциплины и т.д.[96]

Как справедливо подметил В.М. Чхиквадзе, особенности военного быта вызваны основной задачей вооруженной защиты государства,

[95] См.: Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 10.11.2007 г. № 1495) (ст. 39) // СЗ РФ. 2007. № 47 (ч. I), ст. 5749.

[96] См.: Труды Военно-юридической академии. Т. XXIII. С. 82.

обеспечения неприкосновенности границ и его независимости[97].

Безусловно, метод правового регулирования военного права преимущественно императивный. Однако необходимо однозначно и явно сформулировать *особенности* метода регулирования для идентификации отрасли военного права. Констатация специфики метода военного права с выводом о преобладании в нем императивных начал над диспозитивными не решает проблемы идентификации отрасли права военного права по указанному признаку, поскольку в той или иной степени они присущи, например, методу административного права.

Какое соотношение первичных методов регулирования воинских отношений является настолько специфичным, что позволяет говорить об особом методе военного права? Это соотношение должно постоянно обеспечивать должную эффективность правового воздействия на всю совокупность военных отношений.

Особенность метода правового регулирования военного права применительно к праву вооруженных конфликтов проявляется, во-первых, в исключительной императивности правовых норм, одновременно допускающих возможность диспозитивного регулирования в строго ограниченных исключительных случаях; во-вторых, только такой метод допускает легитимную возможность причинения ущерба противоборствующей стороне и «покушения» на самую главную ценность человека – его жизнь и здоровье в результате ведения боевых действий. То есть является правомерным лишение жизни в ходе вооруженного конфликта комбатанта, члена организованной вооруженной группы, а также лица, непосредственно принимающего участие в военных действиях, во время совершения этих действий, но при условии, если при этом не используются запрещенные средства и методы ведения войны.

Боевые действия ведутся военными методами[98] и с применением вооружения и военной техники. Основная цель ведения боевых действий – причинение урона, в т.ч. в живой силе, противнику. Данный тезис актуален и сейчас с той лишь поправкой, что физическое истребление живой силы противника не есть самоцель в современных вооруженных конфликтах. Важнейшей задачей ведения боевых действий является не столько физическое уничтожение сил противника, сколько слом его воли к сопротивлению – как государственного руководства, так и военного командования, вооруженных сил в целом (или их основных группировок), а также основной массы населения страны[99].

Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил РФ В.В. Герасимов отмечает, что в современных условиях получил развитие принцип ведения войны на основе скоординированного применения военных и невоенных мер при решающей роли Вооруженных Сил – «мы должны упреждать противника своими превентивными мерами, своевременно выявлять его уязвимые места и создавать угрозы нанесения ему неприемлемого ущерба»[100]. В то же время основное содержание войн в современности и обозримой перспективе останется прежним; их главный признак – наличие вооруженной борьбы[101].

Обратим внимание на термин «неприемлемый ущерб», который означает такое причинение негативных последствий противной стороне, которые для нее настолько существенны, что они предопределяют последующий ход (а возможно, и исход) вооруженного конфликта. Такие последствия не могут наступить от воздействия иных субъектов отношений, применяющих иные средства и методы решения поставленных задач. Именно особый метод правового регулирования военного права порождает широко отмечаемую и не оспариваемую специфику воинских правоотношений, основанных на полном единоначалии, строгой воинской дисциплине, исключительной централизации и субординации субъектов военных отношений. Категоричность военно-правовой нормы обусловливает подчинение воли всех военнослужащих воле командира, что является гарантией успешности боевой деятельности. Исключения из общей исключительной императивности правовых норм, практически допускающих возможность диспозитивного регулирования в строго ограниченных случаях, проявляется в возможности командира гибко подходить при планировании боевых действий и выбирать конкретный вариант и средства боевого воздействия на противника.

Как было отмечено выше, боевые действия ведутся военными методами. Проблема определения военных методов решения задач военной

---

[97] См.: Труды Военно-юридической Академии Красной Армии / отв. ред. С.А. Голунский. Вып. 1. С. 28.

[98] Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил РФ (утв. приказом Министра обороны РФ 08.08.2001 г.) содержит указание на запрещенные способы (методы) ведения боевых действий (ст. 7). При этом под военными методами следует понимать прежде всего методы управления при ведении боевых действий, которые применительно к вооруженным конфликтам закреплены и исследованы в рамках международного гуманитарного права. Но не только. Вне рамок отношений в период вооруженных конфликтов, как уже было отмечено ранее, существуют иные обширные отношения, которые также регулируются специфичными методами военного права.

[99] См.: *Кокошин А.А.* Указ. соч. С. 182.

[100] *Герасимов В.* Векторы развития военной стратегии // Красная звезда. 2019. 4 марта.

[101] См.: *Герасимов В.* Мир на гранях войны // Военно-промышленный курьер. 2017. 15 марта.

безопасности заключается также в том, что если при ведении боевых действий (при нахождении в состоянии войны или при вооруженных конфликтах) они очевидны, то в условиях мирного времени необходимо четко определить, какие конкретно методы являются военными, т.е. могут быть использованы только входящими в военную организацию государства структурами и не могут использоваться иными государственными органами и организациями, не говоря уже об организациях, не относящихся к государственным. Без нормативного определения военных методов, используемых для решения задач военной безопасности, практически сложно определить критерии включения тех или иных органов в военную организацию государства.

Можно предположить, что военные методы не подлежат правовому регулированию, а относятся исключительно к области военной науки, т.е. право не должно и не может вторгаться в сферу исключительной компетенции войск. Такого подхода придерживался Л. фон Штейн, который писал: «Государственное устройство может создать войско и управлять им, но одного только не может оно: это повелевать войску. Закон находит по отношению к войску границу, которой он не имеет ни в какой другой области государственной жизни: когда закон по отношению к войску определяет слишком много, он подвергает опасности силу, а когда определяет слишком мало, то подвергает опасности свободу»[102]. Однако такой подход вряд ли оправдан в современных условиях, поскольку приведет к бесконтрольному использованию самых бесчеловечных методов ведения боевых действий для достижения стоящих перед вооруженной силой задач.

Военные методы в конечном счете определяют специфическое содержание деятельности войск, которое, в свою очередь, находит отражение в конкретных формах этой деятельности (операции, боевые действия и т.д.). Военные методы решения задач военной безопасности также подлежат правовому регулированию, причем практически исключительно в императивной форме[103].

Применяемые при регулировании воинских правоотношений методы, характеризующиеся повышенной императивностью и категоричностью, основаны на неравенстве субъектов. Однако в сфере воинских отношений важное значение имеет и договорно-правовое регулирование (например, такие отношения имеют место при заключении контракта о прохождении военной службы), основанное на диспозитивности и свободе выбора варианта поведения. В связи с этим необходимо констатировать, что поскольку предмет военного права отличается значительным разнообразием, то законодатель имеет возможность использовать разнообразные методы из многих «материнских» отраслей права. И только комплексное применение данных первичных методов позволяет добиться основной цели – обеспечения обороноспособности и военной безопасности государства.

Военное право характеризуется большей по сравнению с другими отраслями права детализацией регулирования общественных отношений, связанных с функционированием военной организации государства. Нормы военного права отличаются повышенной категоричностью требований, военнослужащие по сравнению с другими лицами несут более строгую юридическую ответственность.

Таким образом, сущностными признаками метода правового регулирования военного права, отличающими его от других публично-правовых отраслей, являются:

а) целевая направленность на поддержание стабильных общественных отношений в сфере обороны и безопасности государства;

б) императивность и авторитарность, позволяющая осуществлять правовое регулирование военной деятельности государства, обеспечивая реализацию интересов военной безопасности общества в целом и отдельных лиц, в частности;

в) наличие жестких властно-подчиненных связей между субъектами военно-правовых отношений;

г) допустимость определенной самостоятельности властвующих субъектов в выборе форм и вариантов исполнения возложенных на них функций в сфере обороны и военной безопасности государства в сочетании с запретом на передачу полномочий в данной сфере из ведения Российской Федерации в ведение субъектов Российской Федерации и негосударственных структур.

Перечисленные особенности характеризуют специфичный *метод правового регулирования военного права как совокупность правовых приемов и средств воздействия на отношения, сопровождающие военную деятельность государства, имеющих исключительно императивный характер, направленных на достижение целей и поставленных задач в условиях боевого воздействия на противника (вооруженных конфликтов, ведения боевых действий), в т.ч. допускающие возможность причинения ущерба инфраструктуре противника, жизни и здоровью его личного состава, а также регулирование иных военных*

---

[102] *Штейн фон Л.* Указ. соч. С. 19.

[103] Указания на методы ведения боевых действий обычно содержатся в распорядительных документах (приказах) органов военного управления, поэтому именно в них и должны предусматриваться все меры предосторожности, которые необходимы при проведении операции.

отношений по подготовке к вооруженной борьбе (боевому или военному противодействию).

Нормативность и свойство официально-властного регулятора общественных отношений есть одно из функциональных качеств отрасли права. Дифференциация предмета правового регулирования в военной сфере порождает специализацию законодательства и образование *военного законодательства*, функционирующего в сфере военной деятельности государства и являющегося внешним проявлением (выражением) отрасли военного права. Военное законодательство носит комплексный характер, поскольку кроме военного оно содержит нормы и иных отраслей права (конституционного, административного, гражданского, земельного и др.).

Военная деятельность в России регламентируется развернутой системой нормативных правовых актов в военной области, состоящей из Конституции РФ, международных договоров, федеральных конституционных законов и федеральных законов. Во исполнение федерального законодательства принимаются подзаконные нормативные правовые акты.

Российское военное законодательство представляет собой выстроенную систему военно-правовых норм, регулирующих весь спектр военных отношений, в которых участвуют все органы государственной власти, местного самоуправления, организации и их должностные лица (от Президента РФ, являющегося Верховным Главнокомандующим ВС России, до рядового), а также граждане Российской Федерации.

Рассмотрим особенности системы военного законодательства.

Конституция Российской Федерации есть важнейший источник военного права; она содержит следующие нормы военного права прямого действия:

статья 59 посвящена защите Отечества и институту военной службы, тем самым имеющим конституционное происхождение[104];

статья 67.1 закрепляет конституционную обязанность по защите исторической правды, в т.ч. о защитниках Отечества;

статья 71 посвящена предмету ведения Российской Федерации, к которому отнесены оборона и безопасность, защита границ;

статья 83 определяет полномочия Президента РФ, в т.ч. в военной сфере; он назначает министра обороны и других «силовых» руководителей федеральных органов исполнительной власти, утверждает Военную доктрину, назначает военное командование.

Президент РФ является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами РФ. В случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии Президент РФ вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе (ст. 87).

В Конституции РФ также определены предметы ведения Федерального Собрания РФ и его палат. Так, Совет Федерации утверждает указ Президента РФ о введении военного положения, проводит консультации по кандидатуре министра обороны (ст. 102); рассматривает вопросы войны и мира (ст. 106).

Военное законодательство также включает *международные договоры*. Правовое положение российских военнослужащих и отдельные вопросы прохождения ими военной службы на территориях других государств определяются многосторонними международными договорами, в т.ч. между государствами – участниками Содружества Независимых Государств, подписанными Российской Федерацией, и двусторонними международными договорами между Россией и государствами – участниками СНГ о статусе группировок российских Вооруженных Сил и пограничных войск на их территории.

Статус названных военнослужащих определяется прежде всего тем, что они остаются военнослужащими своего государства со всеми правами и обязанностями, связанными с этим положением, иными словами, сохраняют все права и льготы, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Вместе с тем, пребывая за пределами своего государства в составе военного персонала национального контингента при проведении операции по поддержанию мира, военнослужащие выполняют задачи на территории, где осуществляют свою юрисдикцию другие государства. Законность действий военнослужащих, юридическое закрепление их прав и обязанностей, привилегий и иммунитетов находит отражение в международных договорах.

К международным договорам между государствами – участниками СНГ, закрепляющим правовое положение российских военнослужащих на территориях других государств, относятся также двусторонние международные договоры между Россией и странами – участницами СНГ о статусе и условиях пребывания воинских формирований Российской Федерации на их территории. Такие договоры заключены с Республикой Таджикистан, Республикой Казахстан, Республикой Армения,

[104] См. подр.: *Кудашкин А.В.* Военная служба в Российской Федерации. Теория и практика правового регулирования. СПб., 2003.

Республикой Беларусь, Кыргызской Республикой, Туркменистаном и другими странами[105].

Однако следует отметить, что США идут другим путем. Не заключая каких-либо договоров, они продвигают экстерриториальность национального законодательства, в т.ч. в военной сфере, что означает применение нормативного правового акта за пределами США в интересах их национальной безопасности. На активизацию экстерриториальных усилий по навязыванию американских регуляторных принципов и технологических стандартов под предлогом «национальной безопасности» обращает внимание акад. РАН А.А. Дынкин[106].

Практика экстерриториальных действий национальных законов отдельных государств вызывает обоснованное осуждение внутри мирового сообщества, приводит к дезинтеграции целых регионов и возникновению все новых и новых локальных конфликтов. Экстерриториальность деформирует международный правопорядок и выступает формой вмешательства во внутренние дела государств. Законодательная экспансия и правовая интервенция, основанные на агрессивном использовании экстерриториального, поддерживаемые политическими и военными средствами, внутреннего законодательства США и их союзников, представляют реальную угрозу современной цивилизации[107].

Однако осуждению подлежит именно агрессивная экстерриториальность, под которой понимается прямое вторжение иностранного законодательства в компетенцию национального под предлогом защиты национальных интересов, что имеет систематический характер со стороны США как в экономической, так и в военной сфере.

Актуальный характер носит проблема применения военной силы под предлогом борьбы с терроризмом против негосударственных акторов. Практически уже на системной основе многие государства стали использовать военную силу против негосударственных акторов, виновных в террористических актах; в ряде случаев под таким предлогом происходит оккупация части территории соседних государств.

Экстерриториальный характер имеют военные доктрины США, принятые по различным видам операций, которые представляют собой детальные руководства по разработке планов операций, действий командования по их выполнению в зоне проведения операций, методам взаимодействия для участия вооруженных сил в региональных конфликтах за пределами территории США. Принятие доктрин обусловлено использованием боевых соединений за пределами США и часто в отрыве от главных сил, когда от командования требуется принятие решения на месте.

Такой подход к экстерриториальному применению правовых актов в военной сфере представляет практический интерес для возможного использования как модели управления российскими воинскими контингентами, выполняющими боевые и иные военные задачи на иностранной территории, что требует дополнительного комплексного научного исследования.

Как Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Президент РФ издает *указы и приказы*. Так, Указом Президента РФ от 13 ноября 2020 г. № 704 введен в действие План обороны Российской Федерации на 2021–2025 годы. Данный План обороны разрабатывается в целях планирования и осуществления мероприятий в области обороны и включает в себя комплекс взаимоувязанных документов, имеющих правовой характер. Президент РФ отдает приказ Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами РФ о ведении военных действий (п. 2 ст. 4 Федерального закона «Об обороне»). Указанные акты, будучи нормативными по своему содержанию, являются источниками военного права, содержащими нормы прямого действия.

Президент РФ также утверждает и принимает акты стратегического характера в военной сфере. К ним относятся: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации[108], Военная доктрина Российской Федерации[109], Морская

---

[105] См., напр.: Федеральный закон от 30.01.2002 г. № 15-ФЗ «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Казахстан» // СЗ РФ. 2002. № 5, ст. 381; Федеральный закон от 30.01.2002 г. № 14-ФЗ «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с пребыванием воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Республики Таджикистан» // СЗ РФ. 2002. № 5, ст. 380; Федеральный закон от 07.05.2013 г. № 74-ФЗ «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики и Протокола между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о сотрудничестве в военной области в период, предшествующий вступлению в силу Соглашения между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики» // СЗ РФ. 2013. № 19, ст. 2301.

[106] См.: *Дынкин А.А.* Международная турбулентность и Россия // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 3. С. 210.

[107] См.: *Савенков А.Н.* Указ. соч. С. 336, 337, 413.

[108] См.: Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II), ст. 212.

[109] Утверждена Президентом РФ 25.12.2014 г. № Пр-2976 (см.: Росс. газ. 2014. 30 дек.).

доктрина Российской Федерации[110], Доктрина информационной безопасности Российской Федерации[111] и др. Указы Президента РФ в этой области государственной деятельности, не имея юридическую силу федеральных законов, тем не менее превосходят их в практическом значении, поскольку содержат нормы прямого действия, имеющие исключительно важное значение для сферы регулирования с точки зрения обязательности беспрекословного исполнения и повышенной ответственности за это. При этом контролю и оценке подлежат не только сами факты выполнения требований, но и специальные условия – место, время и др., которые не могут быть изменены или оспорены в рамках существующих в государстве процедур.

К источникам военного права относятся *подзаконные нормативные правовые и иные акты*, издаваемые в развитие законодательства об обороне и безопасности. К ним кроме актов, принимаемых Президентом РФ, относятся акты Правительства РФ по военным вопросам, а также ведомственные нормативные правовые акты, издаваемые в пределах своих полномочий Министром обороны РФ и иными руководителями других федеральных органов исполнительной власти.

Конституцией РФ вопросы обеспечения обороны возложены на Правительство РФ (ст. 114). Реализуя полномочия, Правительством РФ приняты более 800 постановлений и распоряжений.

Особое место в правовом регулировании военных отношений отводится уставам. С точки зрения их юридической силы всю совокупность нормативных правовых актов, именуемых воинскими уставами, можно классифицировать по следующим группам:

1) уставы, утверждаемые Президентом РФ. К ним относятся общевоинские уставы – Устав внутренней службы, Дисциплинарный устав, Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил РФ, действие которых распространяется на военнослужащих не только Вооруженных Сил, но и других войск и органов, а также лиц гражданского персонала, замещающих воинские должности[112]. Организация внутренней службы и обязанности должностных лиц военной полиции Вооруженных Сил РФ дополнительно определяются Уставом военной полиции Вооруженных Сил РФ[113];

2) уставы, утверждаемые Правительством РФ[114];

3) уставы, утверждаемые руководителями федеральных органов исполнительной власти[115];

4) уставы, утверждаемые главнокомандующими видами Вооруженных Сил и командующими родами войск Вооруженных Сил РФ[116].

Разновидность воинского устава – *боевой устав*, под которым понимается официальный руководящий документ, определяющий основы боевых действий соединений, частей и подразделений вида Вооруженных Сил, рода войск, цели, задачи, принципы их боевого применения и основные положения по подготовке и ведению боя, а также по его всестороннему обеспечению и управлению войсками (силами). Боевые уставы разрабатываются на основе положений военной доктрины государства, военной науки, боевого опыта, опыта боевой подготовки соединений и воинских частей, их организационно-штатной структуры, уровня и перспектив оснащения оружием и военной техникой[117]. Все перечисленные правовые акты являются источниками военного права и, более того, той ее части, которая относится к праву вооруженных конфликтов.

Специфический источник военного права – правовые акты органов военного управления (*акты военного управления*), которые принимаются по вопросам управления боевыми действиями

---

[110] Утверждена Президентом РФ 26.07.2015 г. (см.: URL: https://legalacts.ru/doc/morskaja-doktrina-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom-rf-26072015/).

[111] Утверждена Указом Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646 (см.: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/).

[112] См.: Указ Президента РФ от 10.11.2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 47 (ч. I), ст. 5749.

[113] См.: Указ Президента РФ от 25.03.2015 г. № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 13, ст. 1909.

[114] См, напр.: Устав воинских железнодорожных перевозок (утв. постановлением Правительства РФ от 14.07.2005 г. № 429-30); Устав воинских воздушных перевозок (утв. постановлением Правительства РФ от 30.08.2005 г. № 543-35); Устав воинских морских и речных перевозок (утв. постановлением Правительства РФ от 30.08.2005 г. № 544-36).

[115] См., напр.: Строевой устав Вооруженных Сил Российской Федерации (утв. приказом Министра обороны РФ от 11.03. 2006 г. № 111); Устав службы на судах Военно-Морского Флота (утв. приказом Министра обороны РФ от 22.07.2010 г. № 999); Единый типовой устав управлений объединений, управлений соединений, воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации (утв. приказом Министра обороны РФ от 13.09.2016 г. № 560).

[116] См., напр.: Корабельный устав Военно-Морского Флота, введенный в действие приказом главнокомандующего Военно-Морским Флотом от 01.09.2001 г. № 350.

[117] В качестве примеров можно привести: Боевой устав по подготовке и ведению общевойскового боя, введенный в действие приказом главнокомандующего Сухопутными войсками от 24.02.2005 г. № 19; Боевой устав артиллерии, введенный в действие приказом главнокомандующего Сухопутными войсками от 01.12.2005 г. № 168.

войск, боевой подготовкой личного состава; строевого управления и организации служб войск; по материально-техническому обеспечению войск. Они содержат государственно-властное предписание (распоряжение, повеление, установление), направленное на регулирование отношений в процессе деятельности государственных военных организаций и их структурных подразделений. К основным видам актов военного управления относятся: приказы, директивы, положения, наставления, инструкции, регламенты, предписания, указания, приказания и др.

Нормативные правовые акты по военным вопросам принимаются также субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления. В соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе»[118] исполнение гражданами воинской обязанности обеспечивают в пределах своей компетенции органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления и организации независимо от организационно-правовых форм и форм собственности и их должностные лица (п. 6 ст. 1). Это касается прежде всего вопросов воинского учета, военно-патриотического воспитания граждан, организации работы призывных комиссий, мобилизационной подготовки и мобилизации, исполнения военно-транспортной обязанности и ряда других вопросов.

Выводы и предложения

1. Военное право – это исторически сложившаяся отрасль российского права, регулирующая отношения в области военной деятельности государства, имеющая специфический обособленный предмет и метод правового регулирования в целях достижения победы в вооруженной борьбе, а в условиях мирного времени – военной безопасности Российской Федерации. В таком качестве она представляет собой *систему установленных государством военно-правовых норм, закрепляющих правила подготовки и урегулирования войны (вооруженных конфликтов), правила ведения боевых действий, правовое положение (статус) участников военной деятельности, а также правовые основы военной деятельности государства в целях обеспечения его военной безопасности.*

2. В современных геополитических условиях актуальность военно-правовых исследований неизмеримо возрастает в интересах как боевой составляющей военной организации государства (Вооруженных Сил РФ), так и всех других ее компонентов (включая оборонно-промышленный комплекс).

Для достижения целевого понимания, данного в определении дефиниции военного права в начале статьи, необходимо оперативно организовать масштабные исследования комплекса вопросов, регулирующих отношения, относящиеся как к национальному праву вооруженных конфликтов, так и к современным иным связанным с ним отношениям, в т.ч. в сфере взаимоотношений с оборонно-промышленным комплексом.

Краткий перечень современных проблем военного права может выглядеть следующим образом:

правовая характеристика новых видов вооруженных конфликтов;

правила проведения новых видов военных операций;

правовые режимы применения новых видов оружия и систем вооружения;

экстерриториальность военного законодательства;

правовое положение военной организации государства в связи с ее трансформацией в современных условиях;

военно-гражданские отношения, в т.ч. формирование самостоятельного законодательства о «военных закупках» в интересах исполнения государственного оборонного заказа.

3. Исследование современной проблематики должно носить вневедомственный и надведомственный характер. Такая задача уже реализуется в Институте государства и права Российской академии наук, в котором созданы и работают междисциплинарный Центр исследований правовых основ обороны и оборонно-промышленного комплекса и Национальный исследовательский центр правового наследия Нюрнбергского процесса (Академия Нюрнбергских принципов). По инициативе Института государства и права РАН и Ассоциации юристов России в Академии военных наук создано и функционирует отделение военного права, специализирующееся на современной военно-правовой тематике, одной из целевых задач которого является усиление поисковых исследовательских работ по данному направлению[119].

На регулярной основе, начиная с 2018 г., проводятся научные мероприятия на ежегодных форумах «Армия», где организованы дискуссии по широкому спектру военно-правовых проблем с участием представителей всех государственных военных организаций, воинских формирований и органов, представителей Российской академии наук, ведомственной науки и гражданского общества, а также

[118] См.: Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // СЗ РФ. 1998. № 13, ст. 1475.

[119] См.: *Герасимов В.В.* Мобилизация военной науки // Военно-промышленный курьер. 2021. 19–25 янв.

оборонно-промышленного комплекса, у которого такая проблематика нашла поддержку[120].

Таким образом, вся необходимая инфраструктура для проведения системных исследований по военно-правовой проблематике создана.

В то же время наиболее эффективной и результативной станет работа, которая будет носить не только инициативный, но и профессиональный характер, т.е. необходимо создание штатной исследовательской структуры, которая занималась бы планированием, координацией и осуществлением исследований по актуальным военно-правовым проблемам, некоторые из которых упомянуты в настоящей статье. Для этого целесообразно разработать и утвердить на федеральном уровне план, который включал бы весь комплекс исследований по актуальным направлениям военного права в краткосрочной перспективе (1–5 лет) и до 2050 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С.С.* Избранное. М., 2003. С. 93.
2. *Арбатов А.Г.* Вооружения и дипломатия (Новые технологические факторы и будущее системы контроля над вооружениями) // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 16.
3. *Арбатов А.Г.* Трансформация ядерного сдерживания. Безопасность и контроль над вооружениями 2017–2018: преодоление разбалансировки международной стабильности / отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнов. М., 2018. С. 17, 18.
4. *Арбатов А.Г.* Ускользающая материя (предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 10, 20.
5. *Баиов А.К.* История русского военного искусства. М., 2020 (Полное издание в одном томе).
6. *Беляев И.Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украйне Московского государства, до царя Алексея Михайловича. М., 1846.
7. *Бобровский П.О.* Беседы о военных законах Петра Великого. СПб., 1890.
8. *Бобровский П.О.* Зачатки реформ в военно-уголовном законодательстве в России. СПб., 1882.
9. *Бобровский П.О.* Переход России к регулярной армии: исследование. СПб., 1885 (Правовые памятники).
10. *Бобровский П.О.* Происхождение артикула воинского и изображения процессов Петра Великого по Уставу воинскому 1716 г.: историческое исследование. 2-е изд., с доп. пояснениями. СПб., 1881.
11. *Бобровский П.О.* Развитие способов и средств для образования юристов военного и морского ведомств в России: историческое исследование: в 2 т. СПб., 1882–1898. Т. 2. Военное право в России при Петре Великом: Артикул Воинский с объяснениями, заметками и цитатами по иностранным источникам.
12. *Бобровский П.О.* Состояние военного права в Западной Европе в эпоху учреждения постоянных войск (XVI, XVII и начало XVIII века): историческое исследование. СПб., 1881.
13. *Бобровский П.О.* Состояние военного права в России в XVII столетии. М., 1882.
14. *Бобровский П.О.* Характеристика военного процесса и главнейшие системы военного права в Западной Европе в XVII в. СПб., 1882.
15. *Волков А.А.* Ратные силы Древней Руси. М., 2017. С. 29.
16. Военное право: учеб. / под ред. Н.И. Кузнецова. М., 1996.
17. Военное право: учеб. / под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина. М., 2004.
18. Вооруженные силы ведущих государств НАТО на рубеже 2020–2025 гг. / В.Н. Богданов и др. М., 2016. С. 241, 350.
19. *Герасимов В.* Векторы развития военной стратегии // Красная звезда. 2019. 4 марта.
20. *Герасимов В.* Мир на гранях войны // Военно-промышленный курьер. 2017. 15 марта.
21. *Герасимов В.В.* Мобилизация военной науки // Военно-промышленный курьер. 2021. 19–25 янв.
22. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избр. произв.: в 2 т. М., 1965. Т. 2.
23. *Греков А.П.* Правовое положение армии в государстве. СПб., 1908.
24. *Добровольский А.М.* Военно-административное право. СПб., 1909.
25. *Добровольский А.М.* Военное право // Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. В.Ф. Новицкого, А.В. фон Шварца [и др.]. СПб., 1911. Т. 1. С. 150–153.
26. *Добровольский А.М.* Особенности правового положения военнослужащих в области публичного права. СПб., 1913.
27. Доклад «Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов» на XXXII Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца в Женеве 6–10 декабря 2015 г. Женева, 2015. С. 79–81.

[120] 25 августа 2020 г. в рамках форума «Армия 2020» проведена научно-практическая конференция на тему «Военное право и современные информационные технологии правового обеспечения в сфере национальной безопасности и военно-технического сотрудничества».

28. Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях Кристофа Хейнса. URL: http://undocs.org/ru/A/HRC/23/47

29. *Дынкин А.А.* Международная турбулентность и Россия // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 3. С. 210.

30. *Дынкин А.А.* Стратегическая стабильность и архитектура безопасности // Вестник РФФИ. 2018. № 2. С. 43.

31. *Зайцев И.М.* Курс военной администрации. М., 1867. Вып. 1. С. 268.

32. *Заусцинский П.Ф.* История кодификации русского военного законодательства. СПб., 1908. С. 4, 359.

33. *Иеринг Р.* Борьба за право. М., 1991. С. 9.

34. *Караганов С.А., Суслов Д.В.* Доклад «Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности». М., 2019. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2019/09/REPORT_Rus_1.pdf

35. *Кокошин А.А.* Вопросы прикладной теории войны. 2-е изд. М., 2019. С. 7, 8, 30, 33, 82, 92–94, 182.

36. *Корякин В.М.* Военное право: антология диссертаций: в 2 т. М., 2011.

37. *Котляров И.Г.* Военное право: учеб. / под ред. Г.А. Золотухина. М., 1997.

38. *Кудашкин А.В.* Военная служба в Российской Федерации. Теория и практика правового регулирования. СПб., 2003.

39. *Кудашкин А.В.* Есть ли место новой парадигме военного права? // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2020. № 12. С. 87.

40. *Кудашкин А.В., Кроткова Н.В.* Современное состояние военного права и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации (Материалы научно-практической конференции) // Право и государство: теория и практика. 2004. № 1.

41. *Кудашкин А.В., Серегин Н.С.* Материалы научно-практической конференции, проведенной 21 апреля 2004 г. в Военном университете, на тему «Современное состояние военного права и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации» // Государство и право. 2005. № 1.

42. *Лавров С.В.* Мир на перепутье и система международных отношений будущего // Россия в глобальной политике. 2019. 20 сент.

43. *Лацинский А.* Очерки военной администрации. СПб., 1881.

44. *Лобко П.Л.* Записки военной администрации. СПб., 1908.

45. *Лузанов П.* Конспект лекций по военно-административным законам. СПб., 1887.

46. *Лыкошин А.С.* Учебник законоведения для военных и юнкерских училищ. СПб., 1902.

47. *Мальцев Г.В.* О происхождении и ранних формах права и государства. М., 2000.

48. Материалы «круглого стола» «Военное право: состояние и перспективы развития» // Государство и право. 1994. № 8–9.

49. Материалы сессии Совета Военно-юридической академии, посвященной теоретическим вопросам советского военного законодательства, 14–15 апреля 1954 г. / отв. ред. А.И. Лепешкин. М., 1954.

50. *Мигачев Ю.И.* Военное право: учеб. / Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров. М., 2005.

51. *Михайлов М.М.* Военные законы. СПб., 1861.

52. Палийский Канон. СН 42: Гамани Саньютта – Начальник. СН 42.3. Йодхаджива сутта: Йодхаджива. СН 42.4–5 / пер. с англ. Samyutta Nikaya by Bodhi. P. 1334, 1336.

53. Первая научная конференция Военно-юридической академии Красной Армии. 9–11 мая 1940 г. // Труды Военно-юридической Академии Красной Армии / отв. ред. С.А. Голунский. М., 1940. Вып. 1.

54. Повесть временных лет / подгот. текста Д.С. Лихачева; пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950 (Литературные памятники).

55. *Ренненкампф Н.К.* Очерки юридической энциклопедии. 2-е изд., испр. и доп. Киев, 1880. С. 185.

56. *Рождественский Н.Ф.* Руководство к военным законам. СПб., 1853.

57. *Розин В.М.* Генезис права. М., 2001.

58. Российский военный сб. Вып. 10. Военное законодательство Российской империи (Кодекс Русского Военного Права) / сост. В.Ю. Кудейкин, А.Е. Савинкин. М., 1996. С. 9, 24, 25, 39, 387, 419.

59. *Русинова В.Н.* Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 176–202.

60. *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 155, 162–164, 224–229, 263, 264, 272–275, 336, 337, 413.

61. Система права: история, современность, перспективы / под ред. Т.Н. Радько. М., 2020. С. 25–65.

62. *Сунь-Цзы.* Трактаты о военном искусстве / Сунь-Цзы, У-Цзы; пер. с кит., предисл. и коммент. Н.И. Конрада. М.; СПб., 2003.

63. *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права: в 2 т. М., 2004. Т. 1: Элементный состав. С. 87.

64. *Тиунов О.И.* Международное гуманитарное право. М., 1999. С. 148, 149, 274.

65. *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года. М., 1961.

66. *Томашевич В.А.* Учебник законоведения для военных училищ. СПб., 1911.

67. Труды Военно-юридической академии. М., 1956. Т. XXIII. С. 82.

68. Труды Военно-юридической Академии Красной Армии / отв. ред. С.А. Голунский. М., 1940. Вып. 1. С. 28, 49, 120–125; М., 1947. Вып. VI. С. 173–182.

69. *Тюшкевич С.А.* Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования. М., 2002. С. 15, 16.

70. *Чхиквадзе В.М.* Военно-уголовное право: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1946.

71. *Чхиквадзе В.М.* Военно-уголовное право: учеб. М., 1946.

72. *Штейн фон Л.* Учение о военном быте, как часть науки о государстве / пер. А. Эртеля. СПб., 1875. С. 6, 7, 19, 57.

73. *Шуцкий М.М.* Учебник законоведения для кадетских корпусов. СПб., 1911.

74. *Nys Ernest.* Le Droit de la guerre et les précurseurs de Grotius. Introduction. Bruxelles et Leipzig, 1882.

75. The Laws of Manu. George Bühler, translator (Sacred Books of the East, Volume 25). Ch. VII. URL: https://www.sacred-texts.com/hin/manu/manu07.htm

76. *Theodor Mommsen; Paul Krueger; Alan Watson.* The Digest of Justinian. Latin text ed. by Theodor Mommsen with the aid of Paul Krueger; English translation ed. by Alan Watson: in 4 vols. Philadelphia, 1985. Vol. 4. Book forty-nine. § 15. Prisoners of War, Postliminium, and Persons Ransomed from the Enemy. P. 406; § 16. Military Law. P. 407, 410, 411.

REFERENCES

1. *Alekseev S.S.* Selected works. M., 2003. P. 93 (in Russ.).

2. *Arbatov A.G.* Armaments and diplomacy (New technological factors and the future of the arms control system) // World Economy and International Relations. 2020. Vol. 64. No. 6. P. 16 (in Russ.).

3. *Arbatov A.G.* Transformation of nuclear deterrence. Security and Arms control 2017–2018: overcoming the Imbalance of International Stability / ed. by A.G. Arbatov, N.I. Bubnov. M., 2018. P. 17, 18 (in Russ.).

4. *Arbatov A.G.* Elusive matter (prevention of an arms race in outer space) // World Economy and International Relations. 2019. Vol. 63. No. 1. P. 10, 20 (in Russ.).

5. *Baiov A.K.* History of Russian military art. M., 2020 (Full edition in one volume) (in Russ.).

6. *Belyaev I.D.* Guard, stanitsa and field service in the Polish Ukraine of the Moscow state, to the Tsar Alexei Mikhailovich. M., 1846 (in Russ.).

7. *Bobrovsky P.O.* Conversations about military law of Peter the Great. SPb., 1890 (in Russ.).

8. *Bobrovsky P.O.* Beginnings of the reform of the military criminal law in Russia. SPb., 1882 (in Russ.).

9. *Bobrovsky P.O.* Transition of Russia to the regular army: a study. SPb., 1885 (Legal Monuments) (in Russ.).

10. *Bobrovsky P.O.* The origin of the military article and the image of the processes of Peter the Great according to the Military Charter of 1716: a historical study. 2nd ed., c add. with explanations (in Russ.).

11. *Bobrovsky P.O.* Development of methods and means for the education of lawyers of the military and naval departments in Russia: historical research: in 2 vols. SPb., 1882–1898. Vol. 2. Military law in Russia under Peter the Great: Military article with explanations, notes and quotations from foreign sources (in Russ.).

12. *Bobrovsky P.O.* The state of military law in Western Europe in the era of the establishment of permanent troops (XVI, XVII and the beginning of the XVIII century): a historical study. SPb., 1881 (in Russ.).

13. *Bobrovsky P.O.* Status of military law in Russia in the XVII century. M., 1882 (in Russ.).

14. *Bobrovsky P.O.* Characteristics of the military and the main process of the system of military law in Western Europe in the seventeenth century. SPb., 1882 (in Russ.).

15. *Volkov A.A.* Military forces of Ancient Rus. M., 2017. P. 29 (in Russ.).

16. Military Law: textbook / ed. by N.I. Kuznetsov. M., 1996 (in Russ.).

17. Military Law: textbook / ed. by V.G. Strekozov, A.V. Kudashkin. M., 2004 (in Russ.).

18. The armed forces of the leading NATO states at the turn of 2020–2025 / V.N. Bogdanov et al. M., 2016. P. 241, 350 (in Russ.).

19. *Gerasimov V.V.* Vectors of military strategy development // Krasnaya Zvezda. 2019. March 4 (in Russ.).

20. *Gerasimov V.V.* The World on the edges of war // Military-industrial courier. 2017. 15 March (in Russ.).

21. *Gerasimov V.V.* Mobilization of military science // Military-industrial courier. 2021. 19–25 Jan. (in Russ.).

22. *Hobbes T.* Lefiafan, or Matter, form and power of the state of the church and civil // Hobbes T. Selected works: in 2 vols. M., 1965. Vol. 2 (in Russ.).

23. *Grekov A.P.* The legal position of the army in the state. SPb., 1908 (in Russ.).

24. *Dobrovolsky A.M.* Military-administrative law. SPb., 1909 (in Russ.).

25. *Dobrovolsky A.M.* Military Law // Military encyclopedia: in 18 vols. / ed. by V.F. Novitsky, A.V. von Schwartz [and others]. SPb., 1911. Vol. 1. P. 150–153 (in Russ.).

26. *Dobrovolsky A.M.* Legal status of servicemen in the field of public law. SPb., 1913 (in Russ.).

27. Report "International humanitarian law and the challenges of contemporary armed conflicts" at the XXXII International conference of the red cross and red Crescent, Geneva, 6–10 December 2015 Geneva, 2015. P. 79–81 (in Russ.).

28. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions, Christoph Haynes. URL: http://undocs.org/ru/A/HRC/23/47 (in Russ.).

29. *Dynkin A.A.* International turbulence and Russia // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2020. Vol. 90. No. 3. P. 210 (in Russ.).

30. *Dynkin A.A.* Strategic stability and security architecture // Herald of the RFBR. 2018. No. 2. P. 43 (in Russ.).

31. *Zaytsev I.M.* Course of military administration. M., 1867. Issue 1. P. 268 (in Russ.).

32. *Zaustsinsky P.F.* History of codification of Russian military legislation. SPb., 1908. P. 4, 359 (in Russ.).

33. *Iering R.* Struggle for law. M., 1991. P. 9 (in Russ.).

34. *Karaganov S.A., Suslov D.V.* Report "New understanding and ways to strengthen multilateral strategic stability". M., 2019. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2019/09/REPORT_Rus_1.pdf (in Russ.).

35. *Kokoshin A.A.* Questions of the applied theory of War. 2nd ed. M., 2019. P. 7, 8, 30, 33, 82, 92–94, 182 (in Russ.).

36. *Koryakin V.M.* Military Law: anthology of dissertations: in 2 vols. M., 2011 (in Russ.).

37. *Kotlyarov I.G.* Military Law: textbook / ed. by G.A. Zolotukhina. M., 1997 (in Russ.).

38. *Kudashkin A.V.* Military service in the Russian Federation. Theory and practice of legal regulation. SPb., 2003 (in Russ.).

39. *Kudashkin A.V.* Is there a place for a new paradigm of Military Law? // Law in the Armed Forces-Military Law Review. 2020. No. 12. P. 87 (in Russ.).

40. *Kudashkin A.V., Krotkova N.V.* The current state of military law and its influence on the national security of the Russian Federation (Materials of the scientific and practical conference) // Law and the State: theory and practice. 2004. No. 1 (in Russ.).

41. *Kudashkin A.V., Seregin N.S.* Materials of the scientific and practical conference held on April 21, 2004 at the Military University, on the topic "The current state of military law and its impact on the national security of the Russian Federation" // State and Law. 2005. No. 1 (in Russ.).

42. *Lavrov S.V.* The World at the Crossroads and the System of international relations of the future // Russia in global politics. 2019. 20 Sept. (in Russ.).

43. *Latsinsky A.* Essays on military administration. SPb., 1881 (in Russ.).

44. *Lobko P.L.* Notes of the military administration. SPb., 1908 (in Russ.).

45. *Luzanov P.* Lecture notes on military and administrative laws. SPb., 1887 (in Russ.).

46. *Lukashin A.C.* Textbook of jurisprudence for military and cadet schools. SPb., 1902 (in Russ.).

47. *Maltsev G.V.* On the origin and early forms of law and state. M., 2000 (in Russ.).

48. Materials of the "Round Table" "Military Law: the state and prospects of development" // State and Law. 1994. No. 8–9 (in Russ.).

49. Proceedings of the session of the Council of the Military Law Academy devoted to the theoretical issues of Soviet military legislation, April 14–15, 1954 / ed. by A.I. Lepeshkin. M., 1954 (in Russ.).

50. *Migachev Yu.I.* Military Law: textbook / Yu. I. Migachev, S.V. Tikhomirov. M., 2005 (in Russ.).

51. *Mikhailov M.M.* Military laws. SPb., 1861 (in Russ.).

52. The Pali Canon. CH 42: Gamani Sanyutta – Chief. CH 42.3. Yodhajiva sutta: Yodhajiva. CH 42.4–5 / transl. from English Samyutta Nikaya by Bodhi. P. 1334, 1336 (in Russ.).

53. The first scientific conference of the Military Law Academy of the Red Army. May 9–11, 1940 // Proceedings of the Military-Legal Academy of the Red Army / ex. ed. S.A. Golunsky. M., 1940. Issue 1 (in Russ.).

54. The tale of bygone years / preparation of Likhachev's text; transl. by D.S. Likhachev and B.A. Romanov; ed. by V.P. Adrianova-Peretz. M.; L., 1950 (Literary monuments) (in Russ.).

55. *Rennenkampf N.K.* Essays of the Legal Encyclopedia. 2nd ed., rev. and add. Kiev, 1880. P. 185 (in Russ.).

56. *Christmas N.F.* A guide to military laws. SPb., 1853 (in Russ.).

57. *Rozin V.M.* The genesis of the law. M., 2001 (in Russ.).

58. Russian military collection Vol. 10. Military laws of the Russian Empire (the Russian Military Code of Law) / composers V. Yu. Kadakin, A.E. Savinkin. M., 1996. P. 9, 24, 25, 39, 387, 419 (in Russ.).

59. *Rusinova V.N.* Human rights in armed conflicts: problems of correlation between the norms of International humanitarian Law and international

human rights law. 2nd ed., reprint. and add. M., 2017. P. 176–202 (in Russ.).

60. *Savenkov A.N.* State and law in the period of the crisis of modern civilization. M., 2020. P. 155, 162–164, 224–229, 263, 264, 272–275, 336, 337, 413 (in Russ.).
61. The system of law: history, modernity, prospects / ed. by T.N. Rad'ko. M., 2020. P. 25–65 (in Russ.).
62. *Sun Tzu.* Treatises on the military art / Sun-Tzu, Wu-Tzu; transl. from the Chinese, preface. and comment. N.I. Konrad. M.; SPb., 2003 (in Russ.).
63. *Raw V.M.* The Logical Foundation of the General theory of law: in 2 vols. M., 2004. Vol. 1: Elemental composition. P. 87 (in Russ.).
64. *Tiunov O.I.* International humanitarian Law. M., 1999. P. 148, 149, 274 (in Russ.).
65. *Tikhomirov M.N., Epifanov P.P.* The Cathedral Code of 1649. M., 1961 (in Russ.).
66. *Tomashevich V.A.* Textbook of jurisprudence for military schools. SPb., 1911 (in Russ.).
67. Proceedings of the Military Law Academy. M., 1956. Vol. XXIII. P. 82 (in Russ.).
68. The works of Military Law Academy of the Red Army / ex. ed. S.A. Golunsky. M., 1940. Issue 1. P. 28, 49, 120–125; M., 1947. Vol. VI. P. 173–182 (in Russ.).
69. *Tyushkevich S.A.* Laws of war: essence, mechanism of action, factors of use. M., 2002. P. 15, 16 (in Russ.).
70. *Chkhikvadze V.M.* Military Criminal Law: dis. ... Doctor of Law. M., 1946 (in Russ.).
71. *Chkhikvadze V.M.* Military Criminal Law: textbook. M., 1946 (in Russ.).
72. *Stein von L.* Doctrine of military life, as part of the science of government / transl. by Alexander II. SPb., 1875. P. 6, 7, 19, 57 (in Russ.).
73. *Shucky M.M.* Textbook of jurisprudence for the cadet corps. SPb., 1911 (in Russ.).
74. *Nys Ernest.* Le Droit de la guerre et les précurseurs de Grotius. Introduction. Bruxelles et Leipzig, 1882.
75. The Laws of Manu. George Bühler, translator (Sacred Books of the East, Volume 25). Ch. VII. URL: https://www.sacred-texts.com/hin/manu/manu07.htm
76. *Theodor Mommsen; Paul Krueger; Alan Watson.* The Digest of Justinian. Latin text ed. by Theodor Mommsen with the aid of Paul Krueger; English translation ed. by Alan Watson: in 4 vols. Philadelphia, 1985. Vol. 4. Book forty-nine. § 15. Prisoners of War, Postliminium, and Persons Ransomed from the Enemy. P. 406; § 16. Military Law. P. 407, 410, 411.

Сведения об авторах

САВЕНКОВ Александр Николаевич –
член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, директор Института государства и права РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

КУДАШКИН Александр Васильевич –
доктор юридических наук, профессор, руководитель отделения военного права Академии военных наук; 119330 г. Москва, Университетский проспект, д. 14

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. –
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

KUDASHKIN Alexander V. –
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Military Law of the Academy of Military Sciences; 14 Universitetskiy ave., 119330 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 4, с. 35–49
STATE AND LAW, 2021, № 4, pp. 35–49

УДК 34; 378.245

ДИСТАНЦИОННОЕ (УДАЛЕННОЕ) УЧАСТИЕ В ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИЙ

© 2021 г. А. В. Габов*, Н. В. Колотова**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: gabov@igpran.ru, gabov@bsu.edu.ru*

***E-mail: kolotova.n@gmail.com*

Поступила в редакцию 12.02.2021 г.

Аннотация. Авторами статьи проведено исследование вопроса о дистанционном (удаленном) участии членов диссертационного совета и иных участников защиты диссертации на соискание ученой степени. Показана эволюция правового регулирования (с 2014 г.), проанализированы многочисленные локальные нормативные акты организаций, получивших с 2016 г. право самостоятельного присуждения ученых степеней по применению дистанционного взаимодействия с использованием электронных технологий. Особое внимание уделено анализу «чрезвычайного» правового регулирования в части проведения защит диссертаций, возникшего в связи с пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19) и введением ограничений, направленных на предотвращение ее распространения. Авторы отмечают необходимость нормативного закрепления порядка дистанционного (удаленного) участия части членов диссертационного совета и иных лиц с учетом накопленного опыта использования электронных технологий для проведения защит диссертаций. Предлагается продолжать детальную разработку процедуры защиты диссертаций с применением дистанционного (удаленного) режима, позволяющую обеспечить публичность, гласность, коллегиальность защиты.

Ключевые слова: государственная система научной аттестации, ученая степень, диссертация, диссертационный совет, защита диссертации, дистанционное участие, видео-конференц-связь, цифровая экономика, пандемия, COVID-19.

Цитирование: *Габов А.В., Колотова Н.В.* Дистанционное (удаленное) участие в защите диссертаций // Государство и право. 2021. № 4. С. 35–49.

DOI: 10.31857/S102694520014348-3

REMOTE PARTICIPATION IN THE DEFENSE OF DISSERTATIONS

© 2021 A. V. Gabov*, N. V. Kolotova**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**E-mail: gabov@igpran.ru, gabov@bsu.edu.ru*
***E-mail: kolotova.n@gmail.com*

Received 12.02.2021

Abstract. The authors of the article conducted a study of the issue of remote participation of members of the dissertation council and other participants in the defense of the dissertation for the degree. The article shows the evolution of legal regulation (since 2014), analyzes numerous local regulations of organizations that have received the right to independently award academic degrees on the use of remote interaction using electronic technologies since 2016. Special attention is paid to the analysis of the "emergency" legal regulation in terms of dissertation defense, which arose in connection with the spread of coronavirus infection (COVID-19) and the introduction of restrictions aimed at preventing its spread. The authors note the need to continue the regulatory consolidation of the procedure for remote (remote) participation of some members of the dissertation council and other persons,

taking into account of the accumulated experience of using electronic technologies for conducting dissertation defenses. It is proposed to continue the detailed development of the dissertation defense procedure with the use of a remote mode is proposed, which allows to ensure the publicity, publicity, and collegiality of the defense.

Key words: state system of scientific attestation, academic degree, dissertation, dissertation council, dissertation defense, remote participation, video-conference-call, digital economy, pandemic, COVID-19.

For citation: *Gabov, A.V., Kolotova, N.V. (2021).* Remote participation in the defense of dissertations // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 35–49.

Введение

Развитие информационных и цифровых технологий предоставило физическим лицам возможность дистанционного (удаленного) участия в различных общественных, в т.ч. массовых, мероприятиях.

Такая практика в еще «доковидную» эпоху (до 2020 г.) стала широко распространенной, по сути, обыденной для многих сфер общественной жизни. В условиях же введения ограничительных мер, направленных на предотвращение распространения коронавирусной инфекции (COVID-19), новые технические возможности (общедоступность сети Интернет, наличие для этого соответствующих технических устройств, специального программного обеспечения или «сервисов») стали не просто альтернативой для решения множества задач в части взаимодействия лиц, не находящихся в одном месте физически, а едва ли не единственной возможностью для такого взаимодействия, причем в сферах, критически важных для современного общества, – государственного управления и управления в частных корпорациях, образования и науки, медицины.

Одной из таких сфер, где новые технологии позволили обеспечить эффективное дистанционное взаимодействие для решения неотложных задач, стала государственная система научной аттестации.

В Российской Федерации (а до того и в СССР) ученые степени доктора и кандидата наук всегда присуждались советами по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук *по результатам публичной защиты диссертации*. Проведение публичной защиты, в свою очередь, основывается на определенных принципах и правилах деятельности диссертационного совета, которую эту публичность гарантируют, прежде всего коллегиальности, открытости и гласности (если речь не идет о деятельности советов по отдельным «закрытым» специальностям). Эти принципы традиционно обеспечивались тем, что члены диссертационного совета, соискатель ученой степени, официальные оппоненты для проведения защиты *принимали участие в заседании, проводимом путем их присутствия* в определенном месте и в определенное время. Именно такой формат – заседание в форме совместного присутствия долгое время был единственным принятым способом проведения защиты диссертации.

Однако, начиная с 2014 г., в нормативных актах, а затем с 2016 г. в локальных нормативных актах организаций, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней, стала появляться возможность участия отдельных лиц (в качестве ординарной практики) в защитах диссертаций в дистанционном (удаленном) режиме с использованием различных информационных технологий. Сложная ситуация 2020 г. привела к появлению целого ряда документов, направленных на развитие такого порядка участия, вызванных пандемией коронавирусной инфекции. Многие защиты диссертаций прошли с использованием указанной возможности, что дает почву для анализа и формулирования предложений по дальнейшему развитию складывающегося правового регулирования.

Регулирование удаленного (дистанционного) участия в защите диссертации в «доковидную» эпоху в диссертационных советах, создаваемых приказом Минобрнауки России

Впервые о возможности иной формы участия отдельных лиц при проведении защиты диссертации было указано в п. 30 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденном постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842[1] (далее – Положение о присуждении ученых степеней).

В соответствии с данной нормой по решению диссертационного совета на защите диссертации допускалось участие в «*удаленном интерактивном режиме*... при условии аудиовизуального контакта с участниками заседания» по причинам, признанным уважительными[2]: двух оппонентов по диссертации на соискание ученой степени доктора наук; одного оппонента по диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

Говоря об участии таких лиц в «удаленном интерактивном режиме», п. 30 Положения

[1] См.: СЗ РФ. 2013. № 40, ст. 5074; 2018. № 41, ст. 6020.

[2] Как указано в документе, «из-за состояния здоровья, в случае отпуска, командировки и наличия других причин, признанных диссертационным советом уважительными».

о присуждении ученых степеней также использовал слово «присутствие», т.е. по логике данного положения (действующего и в настоящее время) удаленное участие приравнивалось к присутствию: *участвовал удаленно – значит присутствовал*.

Интересно отметить, что нормативные документы никак не детализировали и не разъясняли такое важное условие применения этого правила, как «аудиовизуальный контакт с участниками заседания». В частности, не в полной мере понятно, как должен осуществляться данный контакт, какие технические средства при этом могут быть задействованы, должно ли удаленно участвующее лицо постоянно быть на экране или достаточно наличия факта соединения, голосового участия с помещением на экран фотографии и / или идентификационных данных участника.

Возможность удаленного интерактивного участия не распространялась на иных (кроме официальных оппонентов) лиц: и соискатель ученой степени, и члены диссертационного совета должны присутствовать на самом заседании (п. 30 Положения о присуждении ученых степеней).

Документ не отличался терминологическим единообразием – п. 29 Положения о присуждении ученых степеней указывал, что заседание диссертационного совета считается правомочным, если в его работе *принимают участие* не менее двух третей членов диссертационного совета. Как видно, слово «присутствие» в этой норме не использовалось; тем не менее по сложившейся традиции «участие в работе», «участие в заседании» предполагало обязательное присутствие члена диссертационного совета.

Такие выводы подкрепляет и анализ нормативных актов, регулировавших организацию деятельности диссертационного совета. В соответствии с п. 18 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 2011 г.[3] заседание признавалось *основной формой деятельности диссертационного совета*; правомочность проведения заседания определялась на основании явочного листа; *присутствие* членов диссертационного совета на заседании фиксировалось в стенограмме и аудиовидеозаписи.

Аналогичные нормы были закреплены в п. 19 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 2014 г.[4]

В 2016 году п. 29 Положения о присуждении ученых степеней[5] был дополнен нормой, в соответствии с которой аудиовидеозапись должна в течение всего заседания фиксировать ход заседания диссертационного совета, в т.ч. присутствие членов совета и оппонентов, участвующих в заседании, выступления на данном заседании соискателя ученой степени, оппонентов (включая оппонентов, участвующих в заседании диссертационного совета в удаленном интерактивном режиме), членов диссертационного совета и других лиц, присутствующих на этом заседании.

В 2017 г. данная норма была продублирована в п. 22 и 36 ныне действующего Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук[6] (далее – Положение о диссертационном совете).

Таким образом, требование нормативных актов об обязательности присутствия на заседании диссертационного совета его членов, официальных оппонентов, соискателя было усилено за счет требований к аудиозаписи заседания.

Норма о возможности удаленного интерактивного участия применялась только в том случае, когда диссертационный совет проводил на своем заседании защиту диссертации (п. 36 Положения о диссертационном совете). Во всех иных случаях, когда диссертационный совет осуществляет свою деятельность, проводя заседания по следующим вопросам:

принятия диссертации к предварительному рассмотрению (п. 18 Положения о присуждении ученых степеней, п. 29, 31 Положения о диссертационном совете);

принятия диссертации к защите (п. 19 Положения о присуждении ученых степеней, п. 32, 33 Положения о диссертационном совете);

рассмотрения диссертации, направленной Минобрнауки России на дополнительное заключение (п. 57–63 Положения о диссертационном совете);

рассмотрения апелляции (п. 64–67 Положения о диссертационном совете);

рассмотрения заявления о лишении ученой степени (п. 68–71 Положения о диссертационном совете),

возможность удаленного интерактивного участия в заседании для кого-либо исключена.

---

[3] Утверждено приказом Минобрнауки России от 12.12.2011 г. № 2817 (см.: СПС «КонсультантПлюс»).

[4] Утверждено приказом Минобрнауки России от 13.01.2014 г. № 7 (см.: там же).

[5] См.: постановление Правительства РФ от 21.04.2016 г. № 335 «О внесении изменений в Положение о присуждении ученых степеней» // СЗ РФ. 2016. № 18, ст. 2629.

[6] Утверждено приказом Минобрнауки России от 10.11.2017 г. № 1093 (см.: СПС «КонсультантПлюс»).

Регулирование удаленного (дистанционного) участия в защите диссертации в «доковидную» эпоху в локальных актах организаций, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней

Принятие в 2016 г. изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»[7] сделало возможным самостоятельное регулирование рядом научных и образовательных организаций[8] порядка присуждения ученых степеней и регулирования деятельности диссертационных советов[9]. Соответственно, нормы Положения о присуждении ученых степеней, а также Положения о диссертационном совете на них не распространяются.

Возможность такого локального нормотворчества привела в числе прочего и к тому, что в документах, принимаемых некоторыми научными и образовательными организациями[10], которым было предоставлено право самостоятельного присуждения ученых степеней, наметился отказ от жесткого подхода, основанного на обязательном личном присутствии на заседании всех его участников. Абсолютное большинство организаций допускают саму возможность участия в заседании диссертационного совета его члена, физически не присутствующего в месте его проведения, т.е. *удаленно (дистанционно)*. При этом обязательным условием такого участия является *аудиовизуальный контакт с участниками заседания*.

Например, об этом указывается в локальных нормативных актах таких ведущих высших учебных заведений, как:

Санкт-Петербургский государственный университет[11], в правилах которого присутствие членов диссертационного совета в удаленном интерактивном режиме связано с решением ученого секретаря СПбГУ;

МГИМО (У) МИД России[12], где в действующих документах предусмотрено, что решение о присутствии членов диссертационного совета в удаленном интерактивном режиме принимает председатель диссертационного совета;

Финансовый университет при Правительстве РФ (Финансовый университет)[13], по принятым нормам которого член диссертационного совета вправе принять участие в заседании в удаленном интерактивном режиме при наличии соответствующих технических возможностей;

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, где действует аналогичное положение, присутствие членов диссертационного совета в удаленном интерактивном режиме возможно по решению председателя диссертационного совета[14].

Как видно, в данных примерах применяется весьма гибкий подход, когда количество членов диссертационного совета, которые могут принять участие в заседании удаленно, не регламентируется. Но тем не менее признать эту практику удачной пока нельзя: анализ документов показывает, что специфика проведения заседания с интерактивным участием детально не урегулирована.

---

[7] На основании п. 3а ст. 4 Федерального закона от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (см.: СЗ РФ. 1996. № 35, ст. 4137) в ред. Федерального закона от 23.05.2016 г. № 148-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона “О науке и государственной научно-технической политике”» (см.: СЗ РФ. 2016. № 22, ст. 3096) распоряжением Правительства РФ от 23.08.2017 г. № 1792-р (см.: СЗ РФ. 2017. № 35, ст. 5392) в этот перечень включены четыре научные организации и 19 вузов.

[8] Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, а также научные организации и образовательные организации высшего образования, включенные в Перечень научных организаций и образовательных организаций высшего образования, которым предоставляются права, предусмотренные абз. 2–4 п. 3.1 ст. 4 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ (утв. распоряжением Правительства РФ от 23.08.2017 г. № 1792-р) (см.: СЗ РФ. 2017. № 35, ст. 5392).

[9] Подробнее см.: *Габов А.В.* О новизне результатов диссертационных исследований по праву // Юридическое образование и наука. 2019. № 7. С. 36–38; *Его же.* О критериях диссертационных исследований в организациях, получивших право самостоятельно присуждать ученые степени // Юридическое образование и наука. 2019. № 11. С. 3–15; *Его же.* Государственная система научной аттестации как предмет правового регулирования в постсоветское время // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Вып. 2. С. 55, 77–81.

[10] Отметим при этом, что часть организаций воспроизвела в своих документах прежний подход – возможность удаленного интерактивного участия в заседании только для части официальных оппонентов.

[11] См.: п. 25 Порядка присуждения в Санкт-Петербургском государственном университете ученой степени кандидата юридических наук, ученой степени доктора юридических наук (утв. приказом от 01.09.2016 г. № 6821/1; в ред. от 26.03.2019 г. № 26 47/1). URL: https://spbu.ru/sites/default/files/20160901_6821_1.pdf (дата обращения: 23.01.2021).

[12] См.: п. 3.3 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук в Московском государственном институте (Университете) международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (утв. приказом от 25.04.2019 г.; № 414 в ред. от 02.09.2020 г. № 583). URL: https://mgimo.ru/upload/2020/07/polozenie-zashita.pdf (дата обращения: 23.01.2021).

[13] См.: п. 7.3 Положения о присуждении ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (утв. приказом от 30.08.2019 г. № 1713/о). URL: http://www.fa.ru/org/div/uank/Documents/2019.pdf (дата обращения: 23.01.2021).

[14] См.: п. 22 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в Национальном исследовательском Томском политехническом университете (утв. 06.12.2018 г.). URL: https://portal.tpu.ru/council/docs/Tab/dis_pologenie.pdf (дата обращения: 23.01.2021).

В следующей группе высших учебных заведений в локальных нормативных документах установлены ограничения количества членов диссертационных советов, удаленно присутствующих на заседании при условии установленного аудиовизуального контакта с участниками заседания:

в НИУ ИТМО[15] на заседаниях диссертационных советов два его члена могут присутствовать в удаленном интерактивном режиме;

в РАНХиГС при Президенте РФ[16] в удаленном интерактивном режиме допускается присутствие не более чем одного члена диссертационного совета;

в НИТУ МИСиС[17] на защите диссертации возможно присутствие одной трети от утвержденного состава экспертной комиссии в удаленном интерактивном режиме.

Часто в положениях, регламентирующих проведение защит диссертаций в организациях, которым предоставлено право самостоятельного присуждения ученых степеней, устанавливаются правила голосования, применяемые при дистанционном участии членов диссертационных советов:

Положение о диссертационном совете НИУ «Высшая школа экономики»[18] указывает на то, что члены диссертационного совета могут участвовать в заседаниях с помощью электронных средств коммуникации (видеоконференции, сервисов электронного голосования);

Положение о диссертационном совете НИЯУ МИФИ[19] устанавливает, что в случае невозможности личного присутствия члена диссертационного совета на заседании допускается его участие в работе совета с использованием системы видео-конференц-связи; количество таких членов не может превышать одной трети списочного состава совета, но при этом такие члены не учитываются при подсчете кворума заседания и не участвуют в голосовании; данный документ также допускает участие с использованием видеоконференц-связи официальных оппонентов, представивших положительные заключения;

при определении кворума и голосовании на заседаниях диссертационных советов в Национальном исследовательском Томском государственном университете[20] не учитывается присутствие члена диссертационного совета, участвующего в работе с использованием системы видео-конференц-связи, допускаемого в случае невозможности личного присутствия. Кроме того, правилами данного университета установлено, что заседание диссертационного совета по анализу результативности своей деятельности может проходить в дистанционной форме;

в Новосибирском национальном исследовательском государственном университете действующее Положение о присуждении ученой степени кандидата наук (Doctor of Philosophy)[21] предусматривает дистанционное участие по удаленной видеосвязи не более чем одного члена экспертной комиссии, созданной для проведения защиты диссертации в заседании; такой член экспертной комиссии может голосовать открыто после заполнения другими членами комиссии бюллетеней для тайного голосования;

Правила, установленные в РХТУ им. Д.И. Менделеева[22], допускают участие члена диссертационного совета в работе с использованием системы видео-конференц-связи в случае невозможности его личного присутствия (с отражением данной формы участия в явочном листе). Количество дистанционных членов диссертационного совета не может превышать одну треть списочного состава, они выражают

---

[15] См.: п. 34 Положения о диссертационном совете ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет ИТМО» от 02.09.2019 г. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/Положение%20о%20ДС%20ИТМО.pdf (дата обращения: 23.01.2021).

[16] См.: п. 3.3 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (утв. приказом от 30.01.2018 г. № 02 64). URL: https://iim.ranepa.ru/upload/iblock/720/Polozhenie-o-sovete-po-zashchite-dissertatsiy-na-soiskanie-uchenoy-stepeni-kandidata-nauk_-doktora-nauk-v-RANKHiGS.pdf (дата обращения: 23.01.2021).

[17] См.: п. 3.16 Положения о порядке присуждения ученых степеней в ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский технологический университет “МИСиС”» (утв. 19.09.2019 г.). URL: https://misis.ru/files/-/60c680f5181e529a8c9186001ecf8f3e/p_710_05_19_polozhenie_o_poryadke_prisuzhdeniya_uchenyh_step.pdf (дата обращения: 23.01.2021).

[18] См.: п. 6.10 Положения о диссертационном совете Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (утв. приказом от 28.12.2017 г. № 6.18.1-01/28/2-17; в ред. от 21.01.2020 г. № 6.18.1-01/2101-08). URL: https://www.hse.ru/docs/214078581.html (дата обращения: 23.01.2021).

[19] См.: п. 3.2, 6.3 Положения о диссертационном совете ФГАУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет “МИФИ”» (утв. приказом от 17.01.2018 г.). URL: https://ds.mephi.ru/shared/acts (дата обращения: 23.01.2021).

[20] См.: п. 3.2, 3.10 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Национального исследовательского Томского государственного университета (утв. приказом от 27.06.2019 г. № 730/I). URL: http://www.tsu.ru/upload/medialibrary/096/stepen_tsu_ prilozhenie_3.pdf (дата обращения: 23.01.2021 г.).

[21] См.: п. 6.12 Положения о присуждении ученой степени кандидата наук (Doctor of Philosophy) в ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (утв. приказом от 29.05.2019 г. № 1236-3). URL: https://www.nsu.ru/upload/iblock/444/polojenie_kandidat_Philosophy.pdf (дата обращения: 23.01.2021).

[22] См.: п. 4.2, 8.6, 9.4, 10.3 Положения о диссертационном совете ФГБОУ ВО «Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева» (утв. приказом от 14.11.2019 г. № 82 ОД). URL: https://muctr.ru/upload/iblock/e7c/e7ce565a79d3d4696524f33db56ec81d.pdf (дата обращения: 23.01.2021).

свое мнение открыто только после того, как опущены в урну бюллетени присутствующих. По решению диссертационного совета с использованием системы видео-конференц-связи возможно участие в защите двух оппонентов по диссертации на соискание ученой степени доктора наук, одного оппонента по диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, а также представителей ведущей организации.

В некоторых случаях в локальных нормативных актах организаций, проводящих самостоятельные защиты, оговаривается дистанционное участие официальных оппонентов и иных участников заседания:

в Пермском национальном исследовательском политехническом университете[23] допускается присутствие в удаленном интерактивном режиме всех оппонентов по диссертации из-за состояния здоровья, в случае отпуска, командировки и наличия других причин, признанных диссертационным советом уважительными;

в Южном федеральном университете как по ранее действовавшим[24], так и недавно вступившим в силу нормативным актам[25] признается возможность участия в удаленном интерактивном режиме одного из оппонентов. В удаленном интерактивном режиме также может участвовать один член диссертационного совета;

Положение о присуждении ученых степеней в НИУ МЭИ[26] устанавливает, что на защите диссертации по решению диссертационного совета возможно в удаленном интерактивном режиме присутствие одного официального оппонента. При этом причинами, признаваемыми диссертационным советом уважительными для такой формы участия, могут быть состояние здоровья, отпуск, командировка и др.;

согласно нормам защиты диссертаций в РУДН[27] официальные оппоненты (не более двух по докторской и одного по кандидатской диссертации) вправе участвовать в заседании удаленно при условии обеспечения качественного аудиовизуального контакта с участниками заседания, а всего от численного состава совета могут присутствовать на заседании в режиме видеоконференции не более 20%.

Как можно увидеть из приведенных примеров, в научных и образовательных организациях, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней, имеются общие подходы к установлению ординарного (т.е. не вызванного какими-то чрезвычайными обстоятельствами, действующего в обычных условиях) порядка дистанционного участия в заседаниях диссертационных советов (в частности, наличие прочного аудиовизуального контакта). Однако конкретные правила, регламентирующие проведение защит с дистанционной формой участия, могут существенно различаться.

Во-первых, как показывает практика, допускается возможность участия в заседании диссертационного совета его члена, физически не присутствующего в месте его проведения, т.е. дистанционно (удаленно); для соответствующих форм участия документы организаций используют различные конструкции, которые в данном контексте следует признать синонимичными: «удаленное интерактивное участие»; участие «в режиме видео-конференц-связи» или «с использованием системы видео-конференц-связи»; участие «с помощью электронных средств коммуникации (видеоконференции, сервисов электронного голосования)»; участие «по удаленной видеосвязи»; участие «в дистанционной форме». При этом ни один из документов не дает детализации того, что под такой формой участия понимается.

Во-вторых, применяемое в абсолютном большинстве документов одинаковое требование к участию «*при условии аудиовизуального контакта с участниками заседания*» не поясняется ни в одном из проанализированных документов. Лишь в трех случаях сделаны попытки описать какие-то дополнительные условия, а именно:

«обеспечение (качественного) аудиовизуального контакта с участниками заседания» (РУДН); при этом не уточнено, что понимается под словом «качественного», что не позволяет в полной мере положительно оценить данный подход;

«*постоянный* аудиовизуальный контакт с участниками заседания» (МГИМО (У) МИД России), но без конкретизации, в чем такое постоянство должно

[23] См.: п. 26 Порядка присуждения ученых степеней в Пермском национальном исследовательском политехническом университете (утв. 09.01.2018 г.). URL: https://pstu.ru/files/2/file/adm/aspirantu/doc/Poryadok_prisujdeniya_uchenih_stepeneyi_09_01_2018.pdf (дата обращения: 23.01.2021).

[24] См.: п. 5.1, 5.2 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (утв. приказом от 19.12.2018 г. № 2348). URL: https://sfedu.ru/files/upload/sts/57801/prikaz2348.pdf (дата обращения: 23.01.2021).

[25] См.: п. 5.1, 5.2 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (новая ред.; утв. приказом от 25.12.2020 г. № 240-ОД). URL: https://sfedu.ru/files/upload/sts/57801/П173-ОД.pdf (дата обращения: 23.01.2021).

[26] См.: п. 3.16 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет “МЭИ”» (принято Ученым советом 30.03.2018 г., протокол № 03/18). URL: https://mpei.ru/diss/DCDocs/0–20122019.pdf (дата обращения: 23.01.2021).

[27] См.: п. 5.3, 6.6 Положения о присуждении ученых степеней в ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (утв. приказом от 30.12.2019 г. № 792). URL: file:///C:/Users/User/Downloads/Положение_о_совете.pdf (дата обращения: 23.01.2021).

заключаться, хотя можно предположить, что таким образом фиксируется отсутствие разрывов связи;

«наличие *соответствующих* технических возможностей» (Финансовый университет). Такой подход тоже нельзя признать оптимальным, поскольку никаких критериев соответствия возможностей в документе не приводится.

В-третьих, существенно разнится количество членов диссертационного совета, которым предоставлена возможность дистанционного (удаленного) участия в заседании; в одних случаях эта возможность распространяется на всех членов, в других – на определенное ограниченное количество; при этом какого-то рационального объяснения такая дифференциация не имеет.

В-четвертых, отличаются подходы к определению возможностей дистанционно (удаленно) участвующих членов диссертационного совета: в одних случаях они «присутствуют» с полным набором возможностей (учитываются в кворуме; голосуют), в других – не участвуют в подсчете кворума, не голосуют. Такую дифференциацию также сложно объяснить рациональным образом.

В-пятых, различны подходы к порядку принятия решения о дистанционном (удаленном) участии: в одних случаях, это делается по решению диссертационного совета, в других – его председателя или ученого секретаря организации; есть примеры наличия общего разрешения, установленного локальным актом.

В тех случаях, когда документы регулируют возможности дистанционного (удаленного) участия официальных оппонентов, также имеется не объяснимая рационально дифференциация регулирования: в одних случаях допускается удаленное участие всех, в других – только давших положительное заключение, в иных – части оппонентов при обязательном участии иных оппонентов.

Эпидемия коронавирусной инфекции (COVID-19) и принятие ограничительных мер по ее распространению как основание для перехода к удаленному (дистанционному) участию в защите диссертаций

Быстрое и повсеместное распространение коронавирусной инфекции COVID-19 как в России, так и по всему миру в начале 2020 г., которую Всемирная организация здравоохранения объявила чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение (пандемией)[28], привела к принятию государствами ограничительных мер, которые коснулись и возможности проведения заседаний диссертационных советов в прежнем (в виде совместного общего присутствия членов) режиме.

Большинство государств в попытке сдержать распространение эпидемии временно закрыли учебные заведения и перевели учебные программы в удаленный режим, что затронуло 67.7% обучающихся во всем мире[29]. На удаленный режим работы были переведены большинство предприятий и организаций.

Этот процесс негативно сказался на непрерывности функционирования процедур аттестации научных и педагогических кадров, включая организацию и проведение диссертационных советов по защите научных степеней, действующих в высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях. Проведение публичных защит кандидатских и докторских диссертаций, базирующихся на принципах коллегиальности, открытости, гласности работы диссертационного совета, стало сложной (если не сказать, нереализуемой) задачей, поскольку традиционные правила организации защиты диссертаций вступили в противоречие с необходимостью обеспечить санитарно-эпидемическую безопасность присутствующих лиц.

С проблемой поиска новых форматов для проведения публичных защит столкнулись все научные и учебные центры мира, многие из которых вынуждены были изменить правила и допустить дистанционное (удаленное) участие в диссертационных заседаниях всех заинтересованных лиц с помощью интерактивных технологий.

Социологи Высшей школы экономики проанализировали открытые данные университетов различных стран мира о применяемых по этому поводу стратегиях и выделили несколько вариантов таких действий в условиях карантинных мер[30].

Наиболее распространенным вариантом защиты диссертаций в период введения ограничительных мер в пандемию был признан полный перевод этой процедуры в онлайн-режим, который применялся в крупнейших университетах США, Великобритании, Германии и других стран[31]. В этом случае не предполагалось никаких содержательных изменений в процедуре рассмотрения работы, за

[28] См.: URL: https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19-11-march-2020 (дата обращения: 23.01.2021).

[29] Данные Института статистических данных ЮНЕСКО // http://data.uis.unesco.org/# (дата обращения: 23.01.2021).

[30] См.: *Жучкова С.В., Кисленко И.Ю., Бекова С.К., Терентьев Е.А.* Что происходит с защитами диссертаций в условиях пандемии? Опыт зарубежных и российских университетов. URL: https://ioe.hse.ru/mirror/pubs/share/366230719.pdf (дата обращения: 23.01.2021).

[31] Авторы исследования ссылаются на практику Калифорнийского университета Беркли, университетов Оксфорда, Кембриджа, Левена, Амстердама, Лундского, Гарвардского и Гейдельбергского университетов, Национального университета Сингапура, Австралийского национального университета.

исключением формальных моментов: применения электронных форм для подачи документов и режима видеосвязи в процессе защиты диссертации (в формате видеоконференции или иных способов, позволяющих установить аудиовизуальный интерактивный контакт участников заседания).

Во вторую группу исследователями были включены университеты, в которых дистанционный формат защиты допускался по индивидуальному запросу соискателя (Стэндфордский университет, университеты Барселоны, Цинхуа, Карлов университет). По этому критерию данная группа близка к нормативному порядку, складывающемуся в настоящее время в России.

И третья, самая малочисленная группа – это университеты, допускающие проведение защит диссертаций при условии соблюдения мер безопасности, предполагающих введение ограничений по количеству участников и допуску иностранных гостей (Университет Тарту).

Практически все вузы мира предлагали своим соискателям возможность переноса процедуры защиты, а некоторые принимали такое решение централизованно. И лишь один университет из числа попавших в исследовательскую выборку – Мюнхенский университет им. Людвига и Максимилиана – полностью отменил в этот период все публичные мероприятия, включая защиты диссертаций.

Каждый из представленных вариантов решения проблемы защиты диссертаций в условиях принятия государствами ограничительных мер, связанных со сложной санитарно-эпидемиологической обстановкой, был сопряжен с определенными трудностями и требовал существенных ресурсов от всех участников.

Но в любом случае можно сказать, что чрезвычайная ситуация мирового масштаба ускорила внедрение дистанционных технологий в процесс аттестации научных и педагогических кадров, о необходимости которых говорилось уже давно[32]. И организацию защит диссертаций на условиях дистанционного (удаленного) доступа следует считать актуальным во всем мире объективным процессом, связанным как с современными тенденциями к минимизации «издержек перемещения»[33] (особенно востребованными, когда речь идет об участии в заседании узких экспертов-специалистов в конкретной проблематике защищаемых диссертационных работ), так и общими процессами развития компьютерных форматов образования и обмена информацией, изменениями представлений о месте и роли технологий в социальной и культурной жизни общества. В этом смысле применение дистанционного (удаленного) формата участия в защите диссертаций отвечает потребностям научного сообщества, заинтересованного в сохранении и повышении качества защищаемых диссертаций.

Теперь подробно рассмотрим российский опыт.

Изначально в России проведение защит диссертаций в организациях, подотчетных Министерству науки и высшего образования РФ и переведенных на дистанционный режим работы[34], регулировалось рядом документов, *которые по своему смыслу не накладывали полного запрета на их проведение наравне с другими публичными мероприятиями[35], но предполагали возможность их переноса[36] или перенесения в дистанционный формат[37]*.

По социологическим данным, в период действия ограничительных мер с марта по май 2020 г. было перенесено 69% защит, среди которых в 79% случаев в качестве оснований их переноса были названы меры, направленные на ограничение распространения коронавирусной инфекции[38].

В этот же период был принят нормативный акт, регулировавший специальный (временный) порядок проведения защит диссертаций в период эпидемии и действия ограничительных мер – постановление Правительства РФ от 26 мая 2020 г. № 751 «Об

[32] См.: *Садков В.Г., Аронов Д.В., Машегов П.Н.* О перспективах перехода к дистанционному регламенту защиты диссертаций (актуальность, необходимость и возможности) // Образование и общество. 2008. № 2 (49). С. 9–22.

[33] Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России: экспертно-аналитический доклад / под ред. В.Н. Княгинина. М., 2017. С. 35.

[34] См.: приказы Минобрнауки России: от 14.03.2020 г. № 398 «О деятельности организаций, находящихся в ведении Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации»; от 28.05.2020 г. № 692 «О деятельности подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации организаций в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[35] См.: письмо Минобрнауки России от 27.03.2020 г. № МН-6/2504 «Об организации работы диссертационных советов» // СПС «КонсультантПлюс».

[36] См.: письмо Минобрнауки России от 18.03.2020 г. № МН-6/2167 «О переносе заседаний диссертационных советов» // Там же.

[37] См.: постановление Правительства РФ от 26.05.2020 г. № 751 «Об особенностях проведения заседаний советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в период проведения мероприятий, направленных на предотвращение распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 22, ст. 3517; приказ Минобрнауки России от 22.06.2020 г. № 734 «Об особенностях порядка организации работы советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» // СПС «КонсультантПлюс».

[38] См.: *Жучкова С.В., Кисленко И.Ю., Бекова С.К., Терентьев Е.А.* Указ. соч.

особенностях проведения заседаний советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в период проведения мероприятий, направленных на предотвращение распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации»[39]. Утвержденный этим нормативным актом порядок действует до 1 августа 2021 г.[40]

Данным документом было установлено, что в период борьбы с пандемией COVID-19 заседания советов по защите диссертаций могут проводиться в удаленном интерактивном режиме при соблюдении следующих условий: 1) обеспечения аудиовизуального контакта с участниками заседания; 2) участия в удаленном интерактивном режиме не более двух третей членов диссертационного совета от числа лиц, участвующих в заседании. При этом все решения диссертационного совета, включая собственно присуждение ученой степени, принимаются открытым голосованием большинством голосов.

Организациям, которым предоставлено право самостоятельно присуждать ученые степени, также было рекомендовано руководствоваться этим временным порядком.

Указанным постановлением Правительства РФ (при всей положительной оценке этого документа в целом) не были решены многие важнейшие вопросы, которые затрудняли его немедленное использование.

Оставались неясными: 1) правила получения официального согласия лиц, участвующих в заседании в дистанционном формате, и оформления явочных листов присутствующих; 2) обеспечение баланса между необходимой публичностью проведения заседания диссертационного совета при его трансляции в системе Интернет и соблюдения права участия в свободной дискуссии лиц, получивших доступ к просмотру заседания и не являющихся его обязательными участниками; 3) правила ведения стенограммы и аудиовидеозаписи такого заседания и т.д. Данные обстоятельства фактически заблокировали применение установленного порядка в отсутствие других разъясняющих документов.

Самым спорным моментом, по нашим оценкам, стало предусмотренное данным документом временное приостановление действия п. 31 Положения о порядке присуждения ученых степеней о тайном голосовании и применение в этот период открытого голосования[41]. Значение процедуры тайного голосования, традиционно применяемой в научной сфере для решения всех персональных вопросов коллегиальными органами[42], состоит в установлении гарантий, с одной стороны, демократичности, а с другой – конфиденциальности и отсутствия контроля за волеизъявлением членов диссертационных советов. Такая форма в большей мере способствует контролю за качеством защищаемых работ. Поэтому и в условиях дистанционного проведения заседаний диссертационных советов в ряде организаций, которым предоставлено право самостоятельных защит, предусматривается тайное голосование посредством электронных сервисов[43].

Ряд вопросов отчасти был снят приказом Минобрнауки России от 22 июня 2020 г. № 734[44] (далее – Приказ).

В приказе сформулированы существенные положения, определяющие порядок проведения защит диссертаций в таких экстраординарных условиях. В частности, устанавливалось, что удаленный интерактивный режим проведения заседания предполагает: 1) визуальную идентификацию участников; 2) их возможность видеть и слышать друг

[39] См.: СЗ РФ. 2020. № 22. ст. 3517.

[40] См.: постановление Правительства РФ от 20.03.2021 г. № 426 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 26 мая 2020 г. № 751» // Официальный интернет-портал правовой информации // http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202103240006 (дата обращения: 24.03.2021).

[41] См.: *Скобликов П.* Открытое голосование при защитах научных диссертаций. Кто за? Единогласно! URL: https://zakon.ru/discussion/2020/5/28/ (дата обращения: 23.01.2021).

[42] В старой редакции Устава Российской академии наук (утв. постановлением Правительства РФ от 19.11.2007 г. № 785) п. 28 прямо устанавливал, что все кадровые вопросы решаются общим собранием РАН тайным голосованием (см.: СЗ РФ. 2007. № 48, ст. 6005), в действующем Уставе процедуры тайного голосования прописаны каждый раз, когда речь заходит о принятии решений по персональным вопросам (см.: Устав ФГБУ «Российская академия наук» (утв. постановлением Правительства РФ от 27.06.2014 г. № 589) – п. 27, 36, 38, 40, 44, 49, 50, 56, 58, 66, 69 // СЗ РФ. 2014. № 27. ст. 3771).

[43] Например, п. 8.11 Регламента проведения защит диссертаций в НИУ ВШЭ позволяет пользоваться электронными системами для голосования, обеспечивающими тайное волеизъявление участников заседания: «После окончания защиты диссертации Комитет проводит тайное голосование по присуждению ученой степени. Тайное голосование проводится с использованием онлайн-системы Mentimeter.com или аналогичных систем. Технический секретарь диссертационного совета раздает всем членам Комитета, участвующим в заседании, электронный адрес и код для голосования. Допускается только личное голосование члена Комитета. По завершении голосования технический секретарь выводит полученный результат на экран. Если член Комитета, участвующий в заседании, не проголосовал, его / ее голос считается недействительным» (см.: URL: https://www.hse.ru/data/2019/11/28/1519325975/Этап%203.%20Защита%20диссертации.pdf (дата обращения: 23.01.2021).)

[44] См.: приказ Минобрнауки России от 22.06.2020 г. № 734 «Об особенностях порядка организации работы советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступил в действие 27.07.2020 г. (зарегистрирован в Минюсте России 16.07.2020 г. № 58971). URL: http:// www/ pravo.gov.ru/ 16 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

друга; 3) непрерывность трансляции; 4) возможность обмена документами между участниками заседания, демонстрации сопутствующих материалов.

Тем самым были определены довольно высокие требования к качеству видео-конференц-связи, посредством которой должна осуществляться такая интерактивная коммуникация. При этом согласно п. 9 Приказа практически любые технические неполадки со связью хотя бы у одного члена диссертационного совета при его удаленном участии влекут за собой объявление перерыва в заседании, а в случае невозможности их быстрого устранения – исключают возможность учета данного члена при определении кворума и результатов голосования.

Были конкретизированы причины, считающиеся существенными для решения вопроса об участии того или иного лица в проведении заседания в дистанционном формате. Дистанционно в заседании могут участвовать члены диссертационного совета, не являющиеся работниками организации, на базе которой создан диссертационный совет, или организации, в которой проводится заседание (в случае функционирования совета на базе нескольких организаций). Кроме того, уважительными причинами признаются: состояние здоровья, отпуск, командировка, нахождение на изоляции (самоизоляции) или перевод на дистанционный режим исполнения должностных обязанностей. По общему правилу не допускается дистанционное участие председательствующего, ученого секретаря и соискателя ученой степени.

Приказом решен вопрос о способе волеизъявления членов диссертационного совета, которым они должны известить диссертационный совет о планируемой форме их участия – им является заявление, подаваемое по электронной почте за пять дней до даты проведения заседания. Эти заявления фактически играют роль заполненной графы в явочном листе.

Существенно, что для проведения заседания диссертационного совета в удаленном режиме необходимо наличие следующих документов: согласия соискателя на такую форму проведения заседания, ходатайства председателя диссертационного совета, а также распорядительного акта организации, на базе которой создан совет, и именно руководитель организации в конечном счете принимает решение о проведении конкретного заседания в удаленном интерактивном режиме.

Организация, на базе которой создан диссертационный совет, полностью отвечает за создание условий для качественной коммуникации, наличия соответствующих программных и технических средств, а также несет все расходы по проведению таких заседаний. Этот пункт Приказа возлагает на организацию, где функционирует диссертационный совет, финансовые обязательства, которые могут быть довольно обременительными, особенно для бюджетных научных организаций, имеющих сложности с формированием внебюджетных фондов. Технические возможности организаций, на базе которых созданы диссертационные советы, весьма отличаются друг от друга, не во всех из них есть широкополосный Интернет, обеспечивающий бесперебойную дистанционную работу и непрерывность аудиовизуального контакта. Это обстоятельство может играть существенную роль в выборе диссертационным советом формата своей работы из-за опасения, что использование доступных информационных и телекоммуникационных технологий, программных и технических средств не будет способствовать эффективному выполнению обязанностей участников заседания.

Приказ не разрешил все процедурные вопросы, которые неизбежно встанут перед диссертационными советами при проведении заседаний в онлайн-формате. Основная их часть связана с обеспечением публичности и гласности, которые в этом случае должны обеспечиваться при помощи технических средств, дающих возможность дистанционного подключения. Необходимо обратить внимание на то, что процедурно степень дистанционного участия заинтересованных лиц может существенно варьироваться в зависимости от решения диссертационного совета, оглашаемого заблаговременно. По смыслу Приказа допустимы разные формы участия заинтересованных лиц, одна из которых (в формате видео-конференц-связи) дает техническую возможность участия с правом голоса (задать вопрос, выступить в свободной дискуссии и т.д.), а другая (подключение к трансляции заседания) – предоставляет право быть только зрителем, и если задавать вопросы, то присланные на адрес совета заранее.

Представляется, что в данном случае это – избыточная диспозитивность, и правила, касающиеся таких важных принципов, как обеспечение публичности и гласности, должны быть сформулированы яснее. Иначе это положение требует конкретизации в регламентах проведения защит, принимаемых в организациях, где эти советы были сформированы, поскольку нельзя допустить, чтобы значимое процедурное решение каждый раз принимается самим диссертационным советом, исходя из непонятных критериев. Следовало бы также уточнить круг «иных лиц», которые могут принимать участие в работе диссертационного совета, а также полномочия председательствующего прервать не относящиеся к делу или неэтичные выступления лиц, подключившихся

к заседанию в интерактивном режиме и не являющихся членами совета или необходимыми участниками заседания.

Кроме того, в Приказе нет указания на то, что трансляция должна быть прекращена при обсуждении вынесенной на защиту работы перед голосованием и непосредственно при голосовании, не оговорен порядок предоставления права задать вопросы и участвовать в обсуждении присутствующим лицам, не являющимся членами диссертационного совета.

Между тем в организациях, в которых диссертационные советы уже работают с онлайн-трансляцией своих заседаний (некоторые организации из числа получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней), предпринята попытка урегулировать эти моменты в своих локальных документах. Так, в Положении о совете по защите диссертаций в Санкт-Петербургском государственном университете[45] установлено, что онлайн-трансляция заседания диссертационного совета ведется на сайте СПбГУ, обсуждение членами диссертационного совета результатов защиты перед голосованием не транслируется; присутствующие на защите диссертации лица, не входящие в состав диссертационного совета, имеют право задать вопрос соискателю и участвовать в открытой дискуссии в порядке, установленном председателем диссертационного совета.

Однако главная проблема, возникающая в связи с реализацией рассматриваемых положений о дистанционном участии в защитах диссертаций членов диссертационных советов и иных лиц, была связана с неопределенным периодом их действия. Удаленный режим проведения публичной защиты устанавливался как мера временного регулирования на «период проведения мероприятий, направленных на предотвращение распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». Окончание действия временного порядка было определено постановлением Правительства РФ от 20 марта 2021 г. № 426 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 26 мая 2020 г. № 751».

Тем не менее следует иметь в виду, что временное правовое регулирование, согласно позиции Конституционного Суда РФ, может заключаться в установлении, изменении и отмене действующих норм, но при соблюдении требований правовой определенности, разумной стабильности правового регулирования и недопустимости внесения произвольных изменений в действующую систему норм[46], входящих в содержание принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства.

Неопределенность правового регулирования, разновидностью которой является неопределенность временных границ действия нормативно-правовых актов, считается Конституционным Судом РФ одним из существенных недостатков нормотворчества[47], поскольку допускает неоднозначное истолкование и, следовательно, может повлечь за собой произвольное применение соответствующих норм. Неопределенность границ действия рассматриваемых нормативно-правовых актов во времени в данном случае противоречила срочному характеру их действия, что повлекло за собой необходимость принятия новых нормативных документов.

Однако постановление Правительства РФ от 26 мая 2020 г. № 751 и Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 22 июня 2020 г. № 734 положили начало расширению возможностей диссертационных советов использовать интерактивный формат на постоянной основе, что влечет необходимость внесения изменений в действующие нормативные документы, определяющие порядок организации и проведения защит диссертаций.

Уже упоминавшимся Постановлением Правительства от 20 марта 2021 г. № 426 была установлена возможность проведения процедуры присвоения ученых степеней в случае необходимости проведения защит диссертаций в удаленном интерактивном режиме. Соответствующие изменения были внесены в Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, в новой редакции п. 30 которого теперь установлено, что по решению диссертационного совета и при наличии причин, признаваемых уважительными, оппоненты по диссертации могут присутствовать на защите в удаленном

[45] См.: п. 18, 21 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук (Кандидата наук СПбГУ), на соискание ученой степени доктора наук (Доктора наук СПбГУ) (утв. 20.07.2016 г.). URL: https://spbu.ru/sites/default/files/2016–07–20_pologhenie_sovet_zaschity.pdf (дата обращения: 03.02.2021).

[46] См., напр.: постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов “О федеральном бюджете на 2002 год”, “О федеральном бюджете на 2003 год”, “О федеральном бюджете на 2004 год” и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А.В. Жмаковского» // СЗ РФ. 2004. № 9, ст. 1923.

[47] «Одной из причин неопределенности регулирования являются дефекты темпоральности, нарушающие принципы действия правовых норм во времени (например, введение правоограничительных мер без установления срока их действия либо бессрочно)» (см.: Информация «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс»).

интерактивном режиме, о чем диссертационный совет должен быть заблаговременно уведомлен в письменной форме.

Что касается присутствия в заседании в онлайн-формате постоянных членов диссертационного совета, то данный документ предусматривает такую возможность, не конкретизируя важные аспекты такого участия, включая условия и способы применения такого режима, количество человек, которые могут воспользоваться этим правом одновременно, и т.д. Очевидно, что подобные вопросы должны будут решаться в разъясняющих документах Министерства науки и высшего образования РФ.

Принципиальным моментом, включенным в качестве новеллы в п. 31 Положения о присуждении ученых степеней, в отличие от временного порядка защиты диссертаций, действовавшего в период пандемии, стало подтверждение обязательности процедуры тайного голосования, которая в случае проведения заседания в удаленном интерактивном режиме осуществляется с использованием информационно-коммуникационных технологий.

В период действия ограничительных мер существенные изменения порядка дистанционного (удаленного) доступа участников защит диссертаций произошли и в научных и образовательных организациях, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней.

Те из них, где по действующим регламентам уже допускалось дистанционное участие членов диссертационных советов в процедуре защиты, оказались более подготовленными к удаленному режиму и могли не прекращать своей обычной работы. Организации, в которых такой порядок не был предусмотрен ранее, должны были быстро принять документы, допускающие порядок защиты диссертаций в онлайн-формате как временную меру, действующую на период ограничений.

Так, принятый в МГУ им. Ломоносова порядок проведения диссертационных советов в удаленном интерактивном режиме[48] прямо устанавливает, что его действие заканчивается после вступления в силу правовых актов Российской Федерации и (или) г. Москвы о прекращении ограничительных мер.

В Регламенте организации работы диссертационных советов Белгородского государственного НИУ записано, что данный документ действует до его отмены в установленном порядке[49].

Локальный нормативный акт РУДН так и называется «Временный регламент организации и проведения заседания по защите диссертации на соискание ученой степени в постоянно действующем диссертационном совете по защите диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Российского университета дружбы народов с использованием аудиовизуальных средств связи в условиях действия ограничительных мер»[50].

Приказы ректора НИУ ИТМО от 29 мая 2020 г. № 450-0Д и от 28 октября 2020 г. № 1113-0Д «О работе диссертационных советов»[51] определяют особенности порядка защит диссертаций с использованием удаленного интерактивного режима в период действия ограничений в условиях сохранения рисков, связанных с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции.

В Московском государственном медицинском университете им. И.М. Сеченова соответствующие правила организации диссертационных и проведения защит диссертаций рассчитаны на период чрезвычайных ситуаций, действия ограничительных мер, направленных на предотвращение распространения новой коронавирусной инфекции[52].

Как видим, в перечисленных нормативных актах была сохранена общая тенденция к темпоральной неопределенности, свойственная практически всем документам, которые принимались

[48] См.: п. 2 Порядка проведения заседаний диссертационного совета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова с участием членов диссертационного совета и (или) оппонентов в удаленном интерактивном режиме (утв. приказом от 04.09.2020 г. № 847). URL: https://www.msu.ru/science/dissert/pr2020_847.pdf (дата обращения: 03.02.2021); см. также: Порядок проведения заседаний диссертационного совета МГУ им. М.В. Ломоносова по защитам диссертаций в удаленном интерактивном режиме (утв. приказом от 19.05.2020 г. № 504). URL: https://istina.msu.ru/dissertation_councils/by_organization/214524/documents/ (дата обращения: 03.02.2021).

[49] См.: п. 1.4 Регламента организации работы диссертационных советов и Аттестационной комиссии ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» с использованием удаленного интерактивного режима. URL: https://www.bsu.edu.ru/upload/iblock/d40/Регламент%20работы%20в%20интерактивном%20удаленном%20режиме.PDF (дата обращения: 03.02.2021).

[50] Введен в действие приказом от 04.06.2020 г. № 326 (см.: URL: http://dissovet.rudn.ru/index.php (дата обращения: 03.02.2021)).

[51] См.: URL: http://dissovet.itmo.ru/index.php?main=112 (дата обращения: 03.02.2021).

[52] См.: Порядок проведения заседаний диссертационных советов по принятию диссертаций к предварительному рассмотрению и к ее защите с использованием удаленного интерактивного режима в связи с периодом действия ограничительных мер, направленных на предотвращение распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), а также в период иных чрезвычайных ситуаций, ограничительных мероприятий, карантина, режима самоизоляции; Порядок и особенности проведения заседаний диссертационных советов по защите диссертаций с использованием удаленного интерактивного режима, утвержденные приказом от 13.10.2020 г. № 0899/Р. URL: https://www.sechenov.ru/upload/iblock/e99/Prikaz-_-0899-ot-13.10.2020-O-poryadke-i-osobennostyakh-organizatsii-raboty-sovetov-v-period-chrezvychaynykh-situatsiy.pdf (дата обращения: 23.01.2021).

на различных уровнях государственной власти по поводу ограничительных мер, поэтому данные организации вынуждены будут вернуться к решению вопроса об ординарном применении удаленного интерактивного режима в работе своих диссертационных советов. В более выигрышной ситуации оказались те организации, которые приняли новые положения о своих диссертационных советах для защиты с учетом постоянной возможности проведения дистанционных заседаний.

Например, по правилам, с недавнего времени действующим в МФТИ, признается право удаленного участия в заседании не только для членов диссертационного совета, но и для заинтересованных лиц. На защите, в т.ч. и в интерактивном режиме, могут присутствовать до четырех слушателей, которым будет предоставлено слово в поддержку диссертанта[53]. Для удаленного участия членов диссертационного совета предусмотрена сложная процедура голосования, согласно которой дистанционные участники оглашают свое решение ученому секретарю устно, но только после того, как закончится процедура тайного голосования для очных участников диссертационного совета, и они покинут зал заседаний[54].

В соответствии с принятым недавно Положением о диссертационном совете СПбПУ Петра Великого заседания диссертационного совета могут быть проведены в режиме удаленного доступа с использованием электронных средств коммуникации, включая участие самого соискателя по специальному решению научно-аттестационной комиссией университета. Голосование членов диссертационного совета тайное, с использованием сервисов электронного голосования[55]. В дополнение к этому Положению в университете был принят и отдельный документ, регламентирующий порядок проведения собственных советов по защитам диссертаций в удаленном интерактивном режиме, который допустил принятие решений по вопросу о присуждении искомой степени открытым голосованием[56].

Выводы

Подводя итоги проведенного исследования, отметим следующее.

Распространение цифровых технологий на сферу образования и науки, как отмечается в исследованиях, – перспективная цель современного общества, ориентированного на развитие человеческого капитала[57]. Использование таких технологий в целом во всех сферах общественной жизни – это важная в настоящее время стратегическая задача, поставленная государством[58]; ее решение должно обеспечить трансформацию не только сфер производства и государственного управления, но и стать повсеместной практикой во всех отраслях экономики и социальной сфере.

Дистанционное (удаленное) участие различных лиц в процессе защиты диссертаций в полной мере находится «в русле» общего развития. Следует отметить и то, что такая форма участия в защите диссертаций была реализована в «доковидную» эпоху в нормативных документах и локальных документах организаций, получивших после 2016 г. право самостоятельного присуждения ученых степеней. Практика реализации соответствующих нормативных положений доказала свою целесообразность и эффективность.

В свою очередь, эпидемия коронавирусной инфекции в 2020 г. лишь ускорила вполне закономерное развитие соответствующих положений в деятельности как диссертационных советов, создаваемых приказами Минобрнауки России, так и диссертационных советов, создаваемых организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней.

---

[53] См.: п. 4.19 Положения о присуждении ученых степеней кандидата наук, доктора наук в ФГАОУ ВО «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)» (МФТИ) (утв. приказом от 27.03.2020 г. № 600-1). URL: https://mipt.ru/education/post-graduate/polozhenie-PhD.php (дата обращения: 03.02.2021).

[54] См.: п. 8.5 Положения о советах по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, действующих в ФГАОУ ВО «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)» на основании п. 3 ст. 4 Федерального закона «О науке и научно-технической политике (утв. приказом от 27.03.2020 г. № 601-1). URL: https://mipt.ru/education/post-graduate/polozhenie-o-sovetakh-po-zashchite-dissertatsiy-na-soiskanie-uchenoy-stepeni-kandidata-nauk-na-soisk.php (дата обращения: 03.02.2021).

[55] См.: п. 4.2–4.4, 10.1, 11.3 Положения о диссертационном совете ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого» (утв. приказом от 28.05.2020 г. № 797). URL: https://www.spbstu.ru/upload/postgraduate/reg-dissertation-council-spbpu-06-20.pdf (дата обращения: 23.01.2021).

[56] См.: п. 2 Порядка проведения заседаний собственных диссертационных советов ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого» по защитам диссертаций в удаленном интерактивном режиме (утв. приказом от 30.06.2020 г. № 1135). URL: https://www.spbstu.ru/upload/postgraduate/order-1135-31-07-20.pdf (дата обращения: 03.02.2021).

[57] См.: Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. М., 2019.

[58] См.: Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 (в ред. от 19.07.2018 г. № 444; от 21.07.2020 г. № 474) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20, ст. 2817; Паспорт национального проекта «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 г. № 7) // СПС «КонсультантПлюс».

Реализация таких положений при осуществлении защит в 2020 г. показала, что практика дистанционного (удаленного) участия в защитах диссертации *не должна быть связана с экстраординарными обстоятельствами, в частности, с заботой о здоровье людей в период пандемии*, и перейти в разряд ординарных возможностей, предоставляемых диссертационному совету по ходатайству его председателя согласно регламентирующим документам. Начало этому процессу было положено нормативными документами Правительства РФ и Министерства науки и высшего образования РФ. Однако потребуется еще целый ряд правовых решений, при создании которых:

целесообразно установить возможность проведения как исключительно виртуальных заседаний диссертационного совета (все участвуют интерактивно – например, при принятии технических решений, таких как прием диссертации к защите), так и «смешанных» заседаний (когда часть его членов, максимальное количество которых должно быть определено в процентном соотношении с общим количеством присутствующих, например, одна треть, может находиться в удаленной точке доступа);

решение о проведении конкретного заседания диссертационного совета в удаленном интерактивном режиме или «смешанном режиме» принимается распорядительным актом организации, на базе которой создан диссертационный совет по ходатайству его председателя на основании согласия соискателя на такую форму рассмотрения его работы;

публичность и гласность защиты обеспечиваются при помощи доступа к трансляции, участия в видео-конференц-связи с возможностью ведения многосторонней дискуссии и демонстрации текстовых документов;

обязанность обеспечить технические средства для качественной цифровой коммуникации в месте проведения диссертационного совета, вести аудиовидеозапись и стенограмму заседания, предоставить ссылку для подключения к трансляции / участию в заседании диссертационного совета, а также обеспечить доступ к информационно-коммуникационным технологиям тайного голосования лежит на организации, на базе которой создан диссертационный совет;

лицо, изъявившее желание присутствовать на заседании диссертационного совета в режиме интерактивного доступа, должно своевременно подать заявление путем направления на электронный адрес диссертационного совета его сканированной копии. Для членов диссертационного совета такое заявление является заменой личной подписи в явочном листе и листе выдаче бюллетеней для голосования;

при подготовке изменений в документы Министерства науки и высшего образования РФ, регламентирующих общий порядок подготовки и проведения защит диссертаций на соискание ученых степеней, следует учитывать опыт и сложившуюся практику проведения заседаний диссертационных советов с дистанционным участием в организациях, имеющих самостоятельное право присвоения ученых степеней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Габов А.В.* Государственная система научной аттестации как предмет правового регулирования в постсоветское время // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Вып. 2. С. 55, 77–81.
2. *Габов А.В.* О критериях диссертационных исследований в организациях, получивших право самостоятельно присуждать ученые степени // Юридическое образование и наука. 2019. № 11. С. 3–15.
3. *Габов А.В.* О новизне результатов диссертационных исследований по праву // Юридическое образование и наука. 2019. № 7. С. 36–38.
4. *Жучкова С.В., Кисленко И.Ю., Бекова С.К., Терентьев Е.А.* Что происходит с защитами диссертаций в условиях пандемии? Опыт зарубежных и российских университетов. URL: https://ioe.hse.ru/mirror/pubs/share/366230719.pdf (дата обращения: 23.01.2021).
5. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России: экспертно-аналитический доклад / под ред. В.Н. Княгинина. М., 2017. С. 35.
6. *Садков В.Г., Аронов Д.В., Машегов П.Н.* О перспективах перехода к дистанционному регламенту защиты диссертаций (актуальность, необходимость и возможности) // Образование и общество. 2008. № 2 (49). С. 9–22.
7. *Скобликов П.* Открытое голосование при защитах научных диссертаций. Кто за? Единогласно! URL: https://zakon.ru/discussion/2020/5/28/ (дата обращения: 23.01.2021).
8. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. М., 2019.

REFERENCES

1. *Gabov A.V.* The state system of scientific attestation as a subject of legal regulation in the post-Soviet period // Methodological problems of civil studies. 2020. Issue. 2. P. 55, 77–81 (in Russ.).
2. *Gabov A.V.* On the criteria of dissertation research in organizations that have received the right to independently award academic degrees // Legal

education and Science. 2019. No. 11. P. 3–15 (in Russ.).

3. *Gabov A.V.* On the novelty of the results of dissertation research on law // Legal education and Science. 2019. No. 7. P. 36–38 (in Russ.).
4. *Zhuchkova S.V., Kislenko I. Yu., Bekova S.K., Terentyev E.A.* What happens to dissertation defenses in the context of a pandemic? Experience of foreign and Russian universities. URL: https://ioe.hse.ru/mirror/pubs/share/366230719.pdf (accessed: 23.01.2021) (in Russ.).
5. The New Technological Revolution: Challenges and Opportunities for Russia: expert-analytical report / ed. by V.N. Knyaginin. M., 2017. P. 35 (in Russ.).
6. *Sadkov V.G., Aronov D.V., Mashegov P.N.* On the prospects of transition to remote regulations for the defense of dissertations (relevance, necessity and opportunities) // Education and society. 2008. No. 2 (49). P. 9–22 (in Russ.).
7. *Skoblikov P.* Open voting for the defense of scientific dissertations. Who's in favor? Unanimously! URL: https://zakon.ru/discussion/2020/5/28 / (accessed: 23.01.2021) (in Russ.).
8. Difficulties and prospects of digital transformation of education / ed. by A. Yu. Uvarov, I.D. Frumin. M., 2019 (in Russ.).

Сведения об авторах

ГАБОВ Андрей Владимирович –
член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; научный руководитель Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета; 308015 г. Белгород, ул. Победы, д. 85

КОЛОТОВА Наталья Валерьевна –
кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, и.о. заведующей сектором прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

GABOV Andrey V. –
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; Scientific Director of the Law Institute of the Belgorod State National Research University; 85 Pobedy str., 308015 Belgorod, Russia

KOLOTOVA Natalia V. –
PhD in Law, associate Professor, Leading Research Fellow, Acting Head of the Human Rights Department, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 4, с. 50–58
STATE AND LAW, 2021, № 4, pp. 50–58

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

КОЛЛИЗИИ ЦЕННОСТЕЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

© 2021 г. О. В. Мартышин

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: martyshin.o@mail.ru

Поступила в редакцию 22.01.2021 г.

Аннотация. В основу Конституции РФ были положены два потенциально противоречивых принципа: демократические ценности и сильная президентская власть. В 1990-е годы было предложено убедительное истолкование этой коллизии. Сильная президентская власть, соответствующая историческим традициям России и сложным условиям постсоветского периода, рассматривалась как необходимая мера переходного характера, подготавливающая почву для дальнейшего развития демократических институтов. В последнее время в консервативных кругах возникла новая и опасная тенденция. Права человека, разделение властей, господство права и т.п. рассматриваются как импорт западных ценностей, чуждых национальной политической культуре.

Ключевые слова: Конституция РФ, коллизии ценностей, консерватизм, либерализм, либертаризм.

Цитирование: *Мартышин О.В.* Коллизии ценностей и перспективы развития российской государственности // Государство и право. 2021. № 4. С. 50–58.

DOI: 10.31857/S102694520014349-4

CONFLICTS OF VALUES AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN STATE

© 2021 O. V. Martyshin

Kutafin Moscow state Law University (MSAL)

E-mail: martyshin.o@mail.ru

Received 22.01.2021

Abstract. The Constitution of the Russian Federation was based on two potentially contradictory principles: democratic values and strong presidential power. In the 1990s, a convincing interpretation of this conflict was proposed. A strong presidential power, consistent with the historical traditions of Russia and the difficult conditions of the post-Soviet period, was seen as a necessary transitional measure, preparing the ground for the further development of democratic institutions. Recently, a new and dangerous trend has emerged in conservative circles. Human rights, separation of powers, Rule of Law, etc. They are considered as imports of Western values that are alien to the national political culture.

Key worlds: Constitution of the Russian Federation, collision of values, conservatism, liberalism, libertarianism.

For citation: *Martyshin, O.V. (2021).* Conflicts of values and prospects for the development of the Russian state // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 50–58.

Один из наиболее интересных и актуальных аспектов проблемы ценностей – их коллизии. Коллизии в праве – негативное явление. Они свидетельствуют о несовершенстве правовой системы, о невысоком уровне культуры нормотворчества. Коллизий правовых норм следует избегать. В отличие от них коллизии ценностей в жизни человека и общества неизбежны, а значит, и нормальны. Любому выбору поведения предшествуют коллизии ценностей. Так всегда было, есть и будет. «Мы не в праве ожидать, что когда-нибудь на земле настанет такая гармония, которая преодолела бы все жизненные противоречия в совершенной общественной форме, – писал П.И. Новгородцев. – Для человеческих сил эти противоречия непримиримы и непреодолимы. Личность и общность, равенство и свобода, право и нравственность находятся в вечном антагонизме и не допускают окончательного примирения»[1]. Выдающемуся русскому юристу вторил известный английский философ И. Берлин: «Необходимость делать выбор, приносить одни высшие ценности в жертву другим оказывается постоянным уделом человеческого предназначения»[2].

Коллизии ценностей характерны для всех уровней жизни общества, от индивида до государства. Но на каждом уровне они решаются по-разному. Соотношение ценностей в действиях физического лица и актах, совершаемых от имени государства, неодинаково. Отсюда и различные требования к ним.

* * *

С частными лицами, теоретически, всё сравнительно просто. От них ожидают соблюдения нравственных норм. Разумеется, обращаясь к реальности, каждый может вспомнить немало случаев, когда люди руководствуются не моральными соображениями, а собственными интересами или низменными побуждениями. Но этика, как и право, – наука о должном. Она устанавливает твёрдые принципы. Нравственность предполагает, что действующий субъект не ставит свой интерес выше интересов других участников общественного отношения. Больше того, по словам видного представителя отечественной консервативной мысли XIX в. Н.Я. Данилевского, «требование нравственного образа действий есть не что иное, как требование самопожертвования», «самопожертвование есть высший нравственный закон, собственно говоря, это тождественные понятия»[3]. Моралисты согласны в том, что нравственные требования противостоят низшим или эгоистическим двигателям человеческого поведения, каковыми являются, как отмечает Р. Иеринг, вознаграждение и принуждение. Нравственность – это «отрицание эгоизма ввиду общественной пользы», его вытеснение чувством долга, который предписывает «гармонию личной воли с требованиями общества», а в исключительных ситуациях – «свободное самоотречение, простирающееся дальше требований общества». «Первое – проза, второе – поэзия нравственности»[4], – заключает Р. Иеринг.

Вступая в контакт с внешним миром, индивид имеет дело с двумя типами контрагентов – такими же частными лицами, как и он сам, и обществом или государством.

В отношении частных лиц индивиду предписывается принцип «возлюби ближнего своего, как самого себя», названный И. Кантом категорическим императивом и известный также как «золотое правило морали». Его применение гарантирует справедливое решение любых нравственных сомнений. Стоит человеку, обдумывающему тот или иной способ поведения, спросить себя: «а хотел бы я, чтобы со мной поступили так же, как я готов поступить с другим», как нравственная оценка предполагаемого действия становится ясной как божий день.

В отношении индивида к обществу и государству правила морали исходят из предпочтения общественных интересов личным. Именно эту норму Монтескьё назвал политической добродетелью: «Политическая добродетель есть самоотверженность – вещь всегда очень трудная. Эту добродетель можно определить как любовь к законам и обществу. Эта любовь, требующая постоянного предпочтения общественного блага личному, лежит в основании всех частных добродетелей: все они представляют собою ничто иное, как это предпочтение»[5].

Отметим в нравственных требованиях к индивидуальному поведению два характерных общих признака.

Во-первых, они предполагают безусловный приоритет нравственных ценностей над любыми другими. Это и ведёт к самоограничению, вплоть до самопожертвования.

Во-вторых, тот объект, во имя которого совершается самоограничение, находится вне человека. Индивид жертвуют своими интересами ради внешних по отношению к нему явлений, тем самым признавая их высшими ценностями.

[1] *Новгородцев П.И.* Соч. М., 1995. С. 374.

[2] *Berlin I.* Four Essays on Liberty. L., 1969. P. 11.

[3] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 2003. С. 41.

[4] *Иеринг Р.* Избр. труды: в 2 т. СПб., 2006. Т. I. С. 155.

[5] *Монтескьё Ш.* Избр. произв. М., 1955. С. 191.

* * *

Насколько упомянутые выше нравственные правила индивидуального поведения применимы к государству? Сама по себе возможность нравственной оценки актов государства представляется очевидной. Честь и хвала государству, заслужившему репутацию эталона нравственности, если таковые найдутся. Но критерии индивидуальной этики оказываются непригодными для государства.

Если от индивида ожидают признания нравственных ценностей высшими, то применительно к государству это не так. Такие, бесспорно, позитивные цели государства, как безопасность, стабильность, эффективность управления, общее благо, не назовешь нравственными или духовными ценностями. Они вполне реальны, осязаемы и являются скорее материальными, чем духовными, благами. Названные цели могут рассматриваться как нравственные категории только в контексте обязанностей государства. Хорошее государство должно служить общему благу, а не интересам властвующих. Это критерий нравственной оценки. Служение общему благу, обеспечение безопасности, эффективности управления и т.п. – это добродетели государства. Но само по себе общее благо предполагает мощный материальный компонент в виде благополучия населения, в т.ч. и имущественного. В отличие от частных лиц, от государства никто не требует и не ожидает приоритета нравственных ценностей над материальными.

Не менее существенные различия наблюдаются и по второму признаку этического поведения индивида, заключающемуся в признании морального долга частного лица жертвовать своим интересом ради общего блага, выступающего по отношению к нему как нечто внешнее. В основе этого постулата лежит противоречие между частным и общественным интересом. Но государство как действующий субъект снимает это противоречие. Теоретически (или в идеале) интерес государства – это не частный интерес. Он должен совпадать с общим благом. Над индивидом возвышается общество и государство, рассматриваемые как высшая ценность и ожидающие от него самоограничения и даже самопожертвования. Над государством нет высших ценностей. Общее благо, безопасность, свобода личности – все это должно пребывать и осуществляться в рамках государства, а не вовне.

В связи с этим вопрос о самопожертвовании, важный в индивидуальной этике, применительно к государству не возникает. Кому или чему должно было бы приносить себя в жертву государство? Мировому сообществу? Но это слишком абстрактная категория, лишенная четкого содержания и структуры. Отношения между государством и международным сообществом строятся на иных началах, чем между частным лицом и государством. Хотя и в том и в другом случае речь в каком-то смысле идет о соотношении части и целого, связь между ними принципиально различна, ибо для двух систем характерна разная степень единства.

Важнейший признак государства – суверенитет. В рамках государства приоритет целого над частью или общего над частным обеспечивается законами, реализуемыми политической властью с применением законного принуждения в случае необходимости. Не столь редки случаи, когда государство прибегает к мерам безнравственным и неправовым, но сами по себе полномочия государства принимать в рамках закона решения обязательного характера не ставятся под сомнение. В этом суть государственной системы.

Иная картина в международных отношениях. В них в качестве первичного элемента выступает не гражданин, обязанный соблюдать законы государства, а суверенное государство. Согласно ст. 2 Устава ООН эта организация «основана на принципе суверенного равенства всех её членов». Генеральная Ассамблея ООН уполномочена не принимать обязательные решения, а всего лишь давать рекомендации членам Организации и Совету Безопасности (ст. 11 Устава). Правда, согласно ст. 25 Устава, члены ООН обязуются выполнять решения Совета Безопасности, но последние предполагают единодушие постоянных членов Совета, наделенных правом вето по всем решениям кроме процедурных (ст. 27). Таким образом, и здесь суверенитет государств (правда всего пяти) ставится выше мнения большинства. В системе международных отношений консенсус преобладает над обязательностью. Эта система не дает юридических оснований для утверждения приоритета целого над частью. Защита национальных интересов – одна из важнейших функций государства на международной арене. Национальное самопожертвование представляется абсурдным.

Ближе к действительности аналогия отношений между государствами и между частными лицами. Недаром к ней прибегал Т. Гоббс. Он полагал, что государства в отношениях друг с другом пребывают в «естественном состоянии», в котором люди находились до учреждения государства. Это состояние представлялось Гоббсу как ничем не ограниченная свобода, когда право каждого определялось его силой, что вело к войне всех против всех. Этой суровой, но во многом реалистичной концепции противостоят попытки ввести действия государств в рамки международного права, начало которым в новое время положил Г. Гроций. Однако следует признать, что надежных гарантий соблюдения норм международного права человечество не обеспечило до сегодняшнего дня и, подобно

категорическому императиву в отношениях между частными лицами, они остаются в основном на уровне нравственных пожеланий, а не юридических требований, подкрепленных неминуемыми принудительными мерами.

* * *

Таковы соображения, приводящие к выводу, что в действиях государства и в содержании неразрывно связанного с ним права не только преобладают на практике, но в ряде случаев и должны преобладать не нравственные, а какие-то иные принципы. Их существо четко определил на материалах Древнего Рима, и в первую очередь римского права, Р. Иеринг.

«Основная черта римского духа», – полагал Иеринг, – эгоизм. Если эгоизм индивидуальный, с этической точки зрения, не поощряется, то эгоизм национальный, государственный – законное явление. «Есть мелочный эгоизм, мелочный в нравственном и умственном отношении.., находящий удовлетворение в минутных, мелочных выгодах. Но есть и величавый эгоизм, великий по цели, которую он себе поставил, достойной удивления в своих планах, в своей логике и дальновидности, внушающий уважение железной энергией, настойчивостью и самопожертвованием, с которым он преследует свои отдаленные цели, – рассуждает Р. Иеринг. <...>. Нет интереса следить за римским эгоизмом в его ближайших, мелочных проявлениях, в его качествах жадности, скупости, безжалостности и т.д. – здесь предстает он во всей своей неутешительной убогости и ограниченности». Но «на высшей точке римского величия – преданности римскому государству – индивидуальный эгоизм преодолевает даже самого себя, чтобы себя самого и всё, к чему он стремится для себя, принести в жертву эгоизму государства...

В этом процессе объективации национального эгоизма играет, конечно, свою роль и размышление, сознательный расчет»[6].

Римский мир, по Р. Иерингу, – это «организм национального эгоизма», «римский характер с его добродетелями и недостатками может быть назван системой дисциплинированного эгоизма», а «право есть религия эгоизма»[7]. Но, как и применительно к римскому характеру, речь идет о дисциплинированном эгоизме. Его «дисциплинирование» является «следствием идеи целесообразности», запечатленной в национальном сознании «как этическая необходимость, нравственность, долг», продиктованные «простой идеей полезности»[8]. В праве, продолжает, выходя за рамки Рима, Р. Иеринг, «должна осуществляться... идея обыкновенной целесообразности». «Римлянам, – пишет он, – ещё в древности удалось перенести право из области души и чувства в область рассчитывающего разума, сделать из права независимый от влияния мимолетного субъективно-нравственного чувства внешний механизм». Право «обозначает победу идеи целесообразности над субъективным чувством нравственности». Право требует «не нравственного чувства, не справедливости, но только целесообразности»[9]. Итак, в качестве высшего критерия качества права выступает целесообразность, а меру нравственности и справедливости в нем определяет рассчитывающий разум.

«Римский дух», «дух римского права» представлялся Р. Иерингу образцом для подражания. Его соображения о соотношении справедливости и целесообразности в действиях государственной власти носит всеобщий характер. Их главное достоинство не в новизне, а в тщательно взвешенном и умеренном решении острой проблемы. По существу, Р. Иеринг не сделал никакого открытия. Изложенные им принципы бытовали в той или иной форме, а иногда и осмысливались теоретически во всех странах с древности до наших дней. В древней Индии существовало понятие раджадхармы или дхармы (круга обязанностей) царей, допускавшей отступления от обычных норм поведения. Их характер описан в одном из самых значительных памятников индийской политической мысли – «Артхашастре», приписываемой Каутилье (Чанакье) министру основателя Империи Маурьев Чандрагупты в IV в. до н.э. По мнению Каутильи, снискавшего после обнаружения и публикации трактата в 1909 г. славу индийского Макиавелли, дхарма правителя предписывает применение насилия, наказания, принуждения. В идеях Каутильи не было ничего необычного. В сборнике басен и поучений «Панчатантра» (I–III вв.н.э.) также говорится, что царством нельзя управлять в соответствии с обычными для людей нормами поведения, ибо то, что для обычного человека является грехом, в руках царя превращается в добродетель. Более того, от милосердного царя рекомендуется бежать, его уподобляют дырявой лодке[10].

Признание специфики долга правителя не равнозначно проповеди вульгарного и циничного макиавеллизма. Хотя очевидно, что не было в истории такой жестокости, подлости и коварства,

[6] *Иеринг Р.* Указ. соч. Т. II. С. 282, 283.

[7] Там же. С. 286, 288, 289.

[8] Там же. С. 288.

[9] Там же. С. 289, 290.

[10] См.: История политических и правовых учений. Древний мир. М., 1985. С. 130, 153 и др.

которые совершившие их государственные деятели не пытались бы оправдать государственными или национальными интересами. Известны и другие подходы. В той же Индии в XX в. М.К. Ганди, впрочем никогда не занимавший правительственных должностей, называл себя политиком, пытающимся быть святым.

Парадоксальная самооценка Махатмы предполагает неизбежность компромиссов и отступлений от требований индивидуальной морали в политике. Большинство государственных и политических деятелей прошлого и настоящего пребывают в промежуточной зоне между не знающей угрызений совести безнравственностью и стремлением руководствоваться справедливостью. Но представляется непреложной истиной, что этические требования, предъявляемые к частным лицам и носителям власти, не могут быть одинаковыми.

* * *

От абстрактных рассуждений обратимся к современной российской государственности.

В Конституции РФ 1993 г. заложены два принципа, не лишенных противоречивости. С одной стороны, полный набор демократических ценностей и институтов, соответствующих, как тогда принято было говорить, мировым стандартам, а с другой – весьма широкие полномочия главы государства. Недаром их характеризовали как «ремейк царской власти», как установление «суперпрезидентской республики», а первого Президента России назвали полушутя-полусерьезно «царем Борисом». Эти принципы разделялись даже композиционно. Гарантиям демократии и свободы личности посвящены первые две главы Конституции РФ. Система органов власти, центральной фигурой которой является Президент РФ, составляет содержание последующих глав. При этом для первых двух глав была установлена более высокая степень правовой защиты в форме особых условий их изменения. В соответствии с законом диалектики два названных принципа пребывают в состоянии единства и борьбы противоположностей и создают возможности как для коллизий, так и для осознанного выбора направления развития.

Было предложено достаточно убедительное объяснение их соотношения. Несмотря на то что согласно тексту Конституции РФ она представляет собой законодательный акт прямого действия, кажется, никто не утверждал, что положения первых двух глав полностью реализованы. Они воспринимались в немалой мере как идеал и программа действий. Содержание остальных глав, в соответствии с такой интерпретацией, представляло собой методы оперативного управления, возможно, несовершенные и временные.

Соединяя оба принципа в рамках единого документа, законодатель вполне мог руководствоваться соображениями целесообразности, здравой оценкой реального потенциала. В самом деле, демократия, понимаемая как конституционный механизм, как правовое государство, а не как чрезвычайная власть революционного народа, жизнеспособна только если она превращается в эффективное средство управления. А это предполагает наличие демократических традиций. В Европе они складывались столетиями в напряженной борьбе, со многими поражениями и отступлениями. В России демократические начала были очень слабы. Вечевая вольница пала под натиском великокняжеской московской власти. Два века абсолютизма и семь десятилетий советского тоталитаризма ростки демократии целенаправленно вытаптывались. В таких условиях демократический строй не мог утвердиться в одночасье. О том же свидетельствовали размышления ряда мыслителей прошлого. П.И. Пестель, представивший в «Русской правде» последовательно демократическую конституцию, не считал, что она может быть введена немедленно после свержения самодержавия. По его мнению (и трудно с ним спорить), в России не было основы для представительного правления, ибо народ, не получивший личной свободы, не готов к свободе гражданской. Отсюда необходимость Временного верховного правления, когда нормы конституции не вступали в силу. Сунь Ятсен (Китай начала XX в. в плане готовности к демократии в чем-то сродни России) предусматривал два переходных периода на путь к подлинному народовластию. На первом этапе устанавливается военная власть. Затем наступает этап политической опеки, когда создается местное самоуправление, призванное приучить народ к демократическим институтам. Идеи основоположников марксизма о диктатуре пролетариата, подготавливающей почву для высшей фазы коммунизма, где свободное развитие каждого становится условием свободного развития всех, широко известны.

Не случайно в «период перестройки» в связи с постановкой вопроса о демократизации советского строя получил распространение тезис (кажется, первым его сформировал известный политолог А. Мигранян) о том, что переход от тоталитаризма непосредственно к демократии как устойчивой форме правления нереален, что между ними лежит период авторитаризма.

В феврале 1917 г. Россия стала самым свободным государством. Однако планы установления конституционной демократии, которые связывались с всенародно избранным Учредительным собранием, провалились из-за неспособности Временного правительства обеспечить эффективное

управление страной. На смену двоевластию и анархии пришла диктатура пролетариата.

Атмосфера падения советской власти в начале 90-х годов чем-то напоминала февральскую революцию. Но стихийное развитие событий было приостановлено. Институт сильной президентской власти способствовал консолидации государства. Историческая заслуга Конституции РФ состоит в том, что она позволила обеспечить стабильность и тем самым создавала определенные предпосылки развития.

* * *

Вопрос о том, исчерпал ли себя положительный потенциал авторитарных методов управления, спорен. Но никакое его решение не упраздняет коллизии демократических и авторитарных ценностей, приобретающей особую актуальность при определении перспектив развития.

Именно в представлениях о путях развития, о будущем российской государственности наметились еще в первое десятилетие XXI в. и, судя по всему, набирают силу опасные тенденции. Происходит идеологическая переориентация. Усиливается крен к консерватизму. Раздаются призывы покончить с «либеральной эйфорией 90-х годов». Это публицистически яркое и во многом верное, по существу, выражение было введено в обиход известным деятелем Русской Православной Церкви Всеволодом Чаплиным. В самом деле, наивные демократические (и псевдодемократические) иллюзии получили в 90-х годах немалое распространение в постсоветском обществе. Они были сродни надеждам на Учредительное собрание в 1917 г. Казалось, что достаточно принять демократическую конституцию, соответствующую «мировым стандартам», чтобы в стране воцарился подлинно демократический строй.

В некоторых случаях творцы текста Конституции даже пытались превзойти «мировые стандарты». Такова неудачная, на мой взгляд, формулировка первой фразы ст. 2 Конституции РФ («Человек, его права и свободы являются высшей ценностью»), которой явно противоречит ч. 3 ст. 55, перечисляющая основания ограничения прав и свобод человека и гражданина федеральным законом. Положения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ соответствуют ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека и международным пактам прав человека. Между тем, в юридической литературе как правило предпочтение оказывается упомянутой формулировке ст. 2. Из неё делается вывод о «приоритете прав человека» над общественными и государственными интересами. Этот вывод явно противоречит классическим образцам как западного, так и российского либерализма, согласно которым призвание и гражданина, и государства состоит в служении общему благу. При этом либерализм не только предполагает соблюдение прав человека, но и признает необходимость борьбы за эти права.

Идея «приоритета прав человека», выдвигаемая как противоположность тоталитаризма, свидетельствует о незрелости либерального правосознания. Приоритет прав личности – не либеральная, а либертаристская позиция, хотя многие её сторонники не сознавали этого и руководствовались благими намерениями.

Характерна в этом отношении статья проф. А.П. Семитко «О приоритете прав и свобод человека как правовом принципе либерализма в российской и зарубежной литературе». А.П. Семитко пишет: «Принцип приоритетности прав и свобод человека в соотношении с деятельностью госаппарата является общепризнанным... и настолько общим местом в западной гуманитарной литературе, что отрицать его можно лишь при отсутствии каких-либо даже минимальных представлений об указанной литературе»[11]. Однако это смелое заявление заставляет усомниться в компетентности автора в области истории политической и правовой мысли. В качестве столпов либерализма А.П. Семитко цитирует Ф. Хайека, Л. Мизеса и Д. Боуза. Но они – не либералы, а либералисты, или либертарианцы. Автор заблуждается, утверждая, что либертарианство – это «современная версия классического либерализма»[12]. На самом деле, либертаристы, по удачному выражению П. Селфа, – это «экстремисты от либерализма»[13]. Либертаризм – возникшее в середине XX в. консервативное, правое политическое течение. Его сторонники считают, что главное средство обеспечения свободы – это экономический либерализм, т.е. сведение государственного регулирования к минимуму, полная неприкосновенность частной собственности и инициативы. Либертаристы – противники социального государства в любой форме. По Хайеку, социальное государство – это дорога к рабству и тоталитаризму. Таково последовательное выражение идеи приоритета частного права и интереса над общим благом, т.е. интересом общественным. Позиция подлинных классиков либерализма принципиально иная. Дж. Локк считает «первым и основным естественным законом, которому должна подчиняться законодательная власть, сохранение общества» и лишь «в той мере, в какой это будет совпадать с общественным благом» (!), сохранение

[11] Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2017. Т. 17. Вып. 1. С. 87.

[12] Там же. С. 88.

[13] Companion to contemporary political philosophy / ed. by R.E. Goodin and Ph. Pettit. L., 1993. P. 34.

каждого члена общества[14]. И этот принцип решения коллизии частных и общественных интересов сосуществует у него с признанием неотчуждаемых прав человека.

Та же логика у классиков либерализма XIX в., причем не только у считавшего себя социалистом Дж. Ст. Милля, но и у вполне буржуазного либерала Р. Иеринга. Он писал, что «основной идеей государства представляется обеспечение общих для всех интересов общества в противовес угрожающему им частному интересу»[15], и не находил в этом никакого противоречия с призывом к гражданам бороться за свои субъективные права, способствуя тем самым совершенствованию правовой системы.

Признание приоритета общего блага над частным интересом доминирует в истории политической мысли от древности до наших дней среди как консерваторов, так и либералов. Споры ведутся о том, в чем состоит общее благо, а также кто и каким способом вправе определять, что ему соответствует или не соответствует. Ссылки А.П. Семитко на классиков либерализма неубедительны. Его лингвистические опыты («приоритет одного перед другим означает сосуществование и сотрудничество»[16]) искусственны и наивны. Приоритет всегда означал первенство, первоочередность, предпочтительность чего-то одного в тех случаях, когда приходится делать выбор.

Но одно дело преодоление эксцессов либерализма, в какой-то мере извинительных в период крушения тоталитарного режима («приоритет прав личности» – образец такого рода эксцессов), и другое дело – отрицание основных принципов, провозглашённых в гл. 1 и 2 Конституции РФ, забвение ее программных установок, сводящее этот многоплановый акт исключительно к нормам, регулирующим структуру, компетенцию и основные правила деятельности органов государственной власти. В ходе явной экспансии консервативного сознания такие тенденции возникают и крепнут в сферах политики, публицистики, гуманитарной науки, в т.ч. и юриспруденции.

Вот что пишет, например, А.А. Васильев, известный представитель и пропагандист современной консервативной российской мысли, ведущими теоретиками которой он считает А.М. Величко и В.В. Сорокина: «Идеалы правовой республиканской государственности, свободы личности, превалирование права как социального регулятора являются духовно выхолощенными, в цивилизационном плане разрушительными и подходящими под духовные и культурные ценности исключительно Европы»[17]. В.В. Сорокин среди «мифов современности», которые следует разрушить, называет «демократию как цель»[18]. А.М. Величко, в работах которого, по мнению А.А. Васильева, «была в полной мере возрождена концепция государства правды и веры», пишет: «Порядок организации государства имеет свои образом Царствие Божие, в связи с чем единственно возможной формой правления является неограниченная монархия, а формой государства – православная самодержавная монархия»[19].

Атмосфера крепнущего консерватизма влияет и на сознание людей, далеких от этого строя мысли и побуждает их к каким-то встречным, компромиссным шагам. Признанный специалист конституционного права В.Е. Чиркин выступил в 2018 г. с идеей рассматривать президентскую власть в Российской Федерации как особую, четвертую ветвь власти[20], т.к. Президент РФ становится центром всей государственной жизни. Попытки расширить классический перечень ветвей власти предпринимались и прежде (называли власть СМИ, банковскую власть, избирательную власть), но классическая триада устояла. Инициатива проф. В.Е. Чиркина невольно вызывает ассоциацию с гегелевской системой разделения властей, в которой над законодательной и исполнительной властью ставилась высшая, королевская власть – воплощение и символ суверенитета.

* * *

Многообразны проявления консервативных тенденций в общественно-политической жизни. Продолжается начавшееся еще в 90-х годах прошлого века возрождение монархических настроений. Прибегая к догматическому анализу узаконений о престолонаследии, сторонники монархии отвергают легитимность Февральской революции и всего, что за ней последовало.

Распространяются суждения, что независимо от провозглашенной законом формы правления вся история российской государственности отмечена одной основополагающей чертой – ее главным институтом является личность правителя, что такое устройство государства предопределено

[14] См.: *Локк Дж.* Соч.: в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 339.

[15] *Иеринг Р.* Указ. соч. Т. I. С. 273.

[16] Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2017. Т. 17. Вып. 1. С. 95.

[17] *Васильев А.А.* История российской консервативной правовой мысли. Барнаул, 2011. С. 252.

[18] *Сорокин В.В.* Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007. С. 10.

[19] *Величко А.М.* Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб., 1999. С. 191.

[20] См.: *Чиркин В.Е.* Статьи 10 и 11 Конституции РФ: три или четыре ветви власти в России? // Государство и право. 2018. № 9. С. 127.

особенностями национальной политической культуры и что даже в наши дни различные ветви власти важны лишь в той мере, в какой они обеспечивают связь граждан с «верховным правителем».

Любая личная власть сродни монархии и обладает в некотором смысле антисистемным характером. Вернее, она стремится полностью подчинить себе систему, создать свою собственную систему. Система, основанная на разделении властей, строится на принципиально иной основе. Она связывает действия высших должностных лиц, лишает их возможности выходить за рамки системы и изменять её по собственному усмотрению. Здесь исключен монархический принцип «я так хочу». Дефекты единоличного (монархического) правления хорошо известны со времен Локка и Монтескьё: неразумно и опасно связывать судьбу всей страны с волей и судьбой одного человека. Как отмечал ранний И.А. Ильин, монархическое правосознание отличается иррационализмом и сакрализацией власти.

Даже умеренные представители современной отечественной консервативной мысли, вовсе не помышляющие о реставрации монархии, склонны скептически относиться к демократическим принципам и институтам, которыми проникнута Конституция РФ, считают их перенятыми у Запада и говорят об утрате интереса к рассуждениям о том, нужна ли России демократия и какой она должна быть. Аргументом в пользу этого пессимистического с точки зрения возможностей демократии в России вывода служит историческая традиция. Действительно, в отечественной истории доминировали самодержавие, тоталитаризм и авторитаризм. Реальный демократический опыт незначителен. Гораздо богаче история демократических движений, которые с начала XIX в. набирали силу и привели к Февралю 1917 г., а затем и к Конституции РФ 1993 г. Предрасположенность, терпимость народов России к авторитарным методам управления доказана историей. Она затрудняет, но не исключает движение к демократии. Фаталистический вывод о предопределенности этих методов призван дискредитировать перспективу демократического развития.

* * *

В стане современных российских консерваторов очевидно стремление отказаться от того понимания соотношения ценностей демократии и эффективности управления, которое сложилось в конце прошлого века и воплотилось в Конституции РФ. Тогда сильная президентская власть рассматривалась и оправдывалась как средство обеспечения демократии. Ныне необходимость возводится в добродетель, а меры, которые раньше рассматривались как временные, вынужденные, вспомогательные, выступают в качестве идеала. Система, стержнем которой является личность, объявляется самоценной, а применительно к демократии ставится вопрос «должна ли она в принципе быть».

Постановка вопроса о российской модели государственности, учитывающей своеобразие исторического развития и национальные традиции, не только оправдана, но и необходима. Но она причинит большой вред, если сведется к идеализации прошлого и попыткам в него вернуться. В истории каждого государства немало не только хороших, но и плохих традиций. Самодержавие, официальная церковь, выступающая как носитель государственной идеологии, советский тоталитаризм, неразвитость институтов гражданского общества, бюрократия, коррупция – увы, все это тоже наши традиции.

Да и сам по себе российский консерватизм (тоже своего рода традиция) очень неоднозначен. Н.С. Лесков говорил о «так называемом консерватизме, чаще всего у нас сходящемся с полною косностию»[21]. Есть консерватизм К. Леонтьева, К. Победоносцева, Л. Тихомирова. Последний, по словам Н.Н. Алексеева, «прямо переложил учение Ивана Грозного своими словами» и объявил его «идеалом, вытекающим из чисто православного понимания жизни»[22]. И есть консерватизм первого поколения славянофилов, не посягавших на самодержавие, но выступавших за созыв Земского Собора и наделение его «силой мнения» и за проведение целого ряда вполне либеральных реформ, в первую очередь за отмену крепостного права. Есть и «либеральный консерватизм» П.Б. Струве, или «охранительный (консервативный) либерализм» Б.Н. Чичерина с его принципом «либеральные меры и сильная власть». «Не в иностранных интригах надо искать причину нашей болезни»[23], – писал Б.Н. Чичерин. Отсюда его призыв: «мы должны не отрекаться от всемирной истории как от чего-то нам чуждого.., а напротив, устремить свои взоры на то, что добыто мировым развитием духа, а потому составляет достижение всего человечества»[24].

Российская модель государственности, опирающаяся на национальные традиции, не может строиться в отрыве от мировых процессов и отрицать столь модные в 90-е годы общечеловеческие ценности и мировые стандарты. Общечеловеческие ценности – это не «импортированные химеры»,

[21] *Лесков Н.С.* Собр. соч.: в 11 т. М., 1957. Т. 6. С. 667, 668.

[22] *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 1998. С. 64.

[23] *Чичерин Б.Н.* История политических учений. СПб., 2010. Т. 3. С. 739.

[24] *Чичерин Б.Н.* Собственность и государство. СПб., 2005. С. 792.

не «идеологические займы», как думают некоторые современные российские консерваторы, а закономерности мирового развития. Их надежное закрепление в качестве основ конституционного строя Российской Федерации создает правовую гарантию укрепления демократических начал. Избавление от эксцессов «консервативной эйфории» будет этому способствовать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 1998. С. 64.
2. *Васильев А.А.* История российской консервативной правовой мысли. Барнаул, 2011. С. 252.
3. *Величко А.М.* Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб., 1999. С. 191.
4. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 2003. С. 41.
5. *Иеринг Р.* Избр. труды: в 2 т. СПб., 2006. Т. I. С. 155, 273; т. II. С. 282, 283, 286, 288–290.
6. История политических и правовых учений. Древний мир. М., 1985. С. 130, 153.
7. *Лесков Н.С.* Собр. соч.: в 11 т. М., 1957. Т. 6. С. 667, 668.
8. *Локк Дж.* Соч.: в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 339.
9. *Монтескьё Ш.* Избр. произв. М., 1955. С. 191.
10. Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2017. Т. 17. Вып. 1. С. 87, 88, 95.
11. *Новгородцев П.И.* Соч. М., 1995. С. 374.
12. *Сорокин В.В.* Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007. С. 10.
13. *Чиркин В.Е.* Статьи 10 и 11 Конституции РФ: три или четыре ветви власти в России? // Государство и право. 2018. № 9. С. 127.
14. *Чичерин Б.Н.* История политических учений. СПб., 2010. Т. 3. С. 739.
15. *Чичерин Б.Н.* Собственность и государство. СПб., 2005. С. 792.
16. *Berlin I.* Four Essays on Liberty. L., 1969. P. 11.
17. Companion to contemporary political philosophy / ed. by R.E. Goodin and Ph. Pettit. L., 1993. P. 34.

REFERENCES

1. *Alekseev N.N.* Russian people and the state. M., 1998. P. 64 (in Russ.).
2. *Vasiliev A.A.* History of the Russian conservative legal thought. Barnaul, 2011. P. 252 (in Russ.).
3. *Velichko A.M.* State ideals of Russia and the West. Parallel legal cultures. SPb., 1999. P. 191 (in Russ.).
4. *Danilevsky N I.* Russia and Europe. M., 2003. P. 41 (in Russ.).
5. *Iering R.* Selected works: in 2 vols. SPb., 2006. Vol. I. P. 155, 273; vol. II. P. 282, 283, 286, 288–290 (in Russ.).
6. History of political and legal doctrines. Ancient World. M., 1985. P. 130, 153 (in Russ.).
7. *Leskov N.S.* Collected works: in 11 vols. M., 1957. Vol. 6. P. 667, 668 (in Russ.).
8. *Locke J.* Essays: in 3 vols. M., 1988. Vol. 3. P. 339 (in Russ.).
9. *Montesquieu Sh.* Selected works. M., 1955. P. 191 (in Russ.).
10. Scientific Yearbook of the Institute of philosophy and law, Ural branch of the Russian Academy of Sciences. 2017. Vol. 17. Issue 1. P. 87, 88, 95 (in Russ.).
11. *Novgorodtsev P.I.* Essays. M., 1995. P. 374 (in Russ.).
12. *Sorokin V.V.* The concept and essence of law in the spiritual culture of Russia. M., 2007. P. 10 (in Russ.).
13. *Chirkin V.E.* Articles 10 and 11 of the Constitution: three or four branches of government in Russia? // State and Law. 2018. No. 9. P. 127 (in Russ.).
14. *Chicherin B.N.* History of political teachings. SPb., 2010. Vol. 3. P. 739 (in Russ.).
15. *Chicherin B.N.* Property and the state. SPb., 2005. P. 792 (in Russ.).
16. *Berlin I.* Four Essays on Liberty. L., 1969. P. 11.
17. Companion to contemporary political philosophy / ed. by R.E. Goodin and Ph. Pettit. L., 1993. P. 34.

Сведения об авторе

МАРТЫШИН Орест Владимирович –
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА);
125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

Authors' information

MARTYSHIN Orest V. –
Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of Kutafin Moscow state Law University (MSAL); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 125993 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 4, с. 59–69
STATE AND LAW, 2021, № 4, pp. 59–69

ФИЛОСОФИЯ И ЕЁ УРОК ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

© 2021 г. С.А. Бочкарёв

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.02.2021 г.

Аннотация. В статье предпринята попытка отыскания ключевого урока, который в современную эпоху философия преподносит праву, и ответов на вопросы о том, что в этом уроке нового или на текущем историческом этапе философия и право, как сферы знания, следуют в транзитивном порядке.
По итогам исследования выявлено и обосновано, что под грузом накопленного опыта философия обрела представления о подлинном масштабе феномена «знание» и сегодня сигнализирует наукам о том, что предмет наблюдения существенно изменился. Философия осознала, что существенно недооценивала знание, а посвященный ему термин не отражает его реальное значение, определяя знание лишь как результат познания чего-либо.
С учетом этого философия подводит науку, в т.ч. правоведение, к знанию. Более того, философия заявляет и обосновывает то, что знание есть новая форма бытия. Это стало поводом для проведения данного исследования и проверки гипотезы о том, что знание является формой права.

Ключевые слова: право, философия права, гносеология права, эпистемология права, философия уголовного права, знание, уголовно-правовое знание, форма бытия, форма права, чувство, воля.

Цитирование: *Бочкарёв С.А.* Философия и её урок для современного правоведения // Государство и право. 2021. № 4. С. 59–69.

DOI: 10.31857/S102694520014350-6

PHILOSOPHY AND ITS LESSON FOR MODERN JURISPRUDENCE

© 2021 S. A. Bochkarev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Received 15.02.2021

Abstract. The article attempts to find the key lesson that philosophy presents to law in the modern era, and answers to questions about what is new in this lesson or at the current historical stage, philosophy and law, as spheres of knowledge, follow in a transitive order.
The study reveals that under the weight of experience, the philosophy has gained understanding of the true scale of the phenomenon “knowledge” today signals the Sciences that the subjects of monitoring has changed significantly. Philosophy realized that it significantly underestimated knowledge, and the term dedicated to it does not reflect its real meaning, defining knowledge only as the result of knowing something.
With this in mind, today brings the philosophy of science, including jurisprudence, to knowledge. Moreover, philosophy declares and justifies that knowledge is a new form of being. This was the reason for the present study and testing of the hypothesis that knowledge is a form of law.

Key words: law, Philosophy of Law, epistemology of law, epistemology of law, Philosophy of Criminal Law, knowledge, criminal law knowledge, form of being, form of law, feeling, will.

For citation: *Bochkarev, S.A. (2021).* Philosophy and its lesson for modern jurisprudence // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 59–69.

Актуализированная тема не относится к числу традиционно рассматриваемых философами и юристами. Вопрос о философском уроке для права как о нечто поучительном и о новом в этом уроке ни в широком смысле, ни в узком плане не задавался. Его актуализация и рассмотрение отличается от обычного исследовательского подхода, поскольку требует выхода на высокий уровень абстракции, учета достижений двух дисциплин и тенденций их влияния друг на друга.

Изменение ракурса восприятия полученных результатов убеждает в том, что философия привела науку к знанию. Вывод о философии, приведшей науку к знанию, может небезосновательно показаться парадоксальным или даже несостоятельным, ибо известно, что наука, являясь неотъемлемой и весомой частью всего знания, никогда с ним не расставалась. В свою очередь, философия как определенный способ мировосприятия и тип знания с древних времен имеет дело со знанием как одним из основных объектов своего познания. Эволюционируя от эпохи к эпохе, философия в основном ведет речь о знании, о знающих и незнающих субъектах. В разные времена мыслители рассуждали о знании как символе бесконечности, источнике истины, добродетели, развития и совершенства. Не меньшее внимание уделяли антиподам знания – «незнанию», «полузнанию», «поверхностному знанию» или заблуждению, в т.ч. сомнению и вере. Рассматривали связь знания с практикой и пользой.

Вместе с тем вся эта аргументация не опровергает, а подтверждает высказанный здесь тезис о том, что философия сама пришла к знанию и вслед за собой привела к нему науку. Точнее, философия на протяжении всей своей длительной истории занималась познанием знания, его исследованием в самых различных социальных контекстах и жизненных экспериментах. В итоге под грузом накопленной о знании информации она обрела представления о подлинном масштабе этого феномена и сигнализирует о том, что предмет наблюдения уже не является прежним. Пора заняться его открытием или переоткрытием. Философия осознала, что существенно недооценивала знание, а посвященный ему термин не отражает его реальное значение, определяя знание лишь как результат познания чего-либо. Увидела в знании, говоря словами М. Горького, «абсолютную ценность нашего времени» и то, как писал С. Франк, что «мы хотим знать, чтобы жить, а жить – значит... жить не в слепоте и тьме, а в свете знания».

Знание и наука: состояние их конвергенции

Если говорить еще определеннее, то на современном этапе философия только подходит к знанию и вслед за собой подводит к нему науку. Переходит от осознания реального формата знания к его познанию в новом качестве. Что это за формат и в чем заключается его модифицированное качество? Как науки обходятся со знанием в повседневности, а как они на самом деле должны обращаться с ним? Вот те некоторые вопросы, ради осмысления которых в ведущих отраслях знания появились новые направления. В философии – эпистемология (или философия знания), в экономике – «экономика знания», в социологии – «социология знания». Если поначалу в философии о знании вели речь как о форме социальной и индивидуальной памяти, то сейчас о нем заявляют как о фундаментальной онтологической структуре[1]. Если ранее в экономике знание относили к одному из многочисленных секторов экономики, то не так давно этим термином начали именовать тип экономики[2]. Если в социологии исходно исследовались социальные предпосылки знания, то по мере развития представлений о масштабе этого явления социология скорректировала предмет своего познания, обнаружила и стала исследовать «общество знания»[3].

Не безучастным остается и правоведение. Его представители обратили внимание, что не только в правоведении, но в правотворчестве и правоприменении, в юридических правилах, процедурах, событиях и фактах многое напрямую связано с наличием или отсутствием знания, его качеством и количеством. Особенно это касается правовой мысли, которая наряду с множеством традиционных для нее целей увлечена новым занятием – «производством знаний». Оценивая положение дел в рассматриваемой плоскости, специалисты нередко прибегают к аргументации из области финансового кризиса, высказываясь об увеличивающемся «пузыре знаний». В условиях тотального релятивизма задаются рядом вопросов. Действительно ли ныне благоприятное время для производства знаний? Действительно ли сейчас самое время искать аподиктические определенности? И надо ли полагаться на остро отточенные и приготовленные в прошлом методологические средства? Или, задается вопросом П. Шлаг, в период всепроникающего и нескончаемого потока информации, когда культурные, социальные и экономические события значительно опережают наши интеллектуальные усилия по их осмыслению, а выработка

[1] См., напр.: *Касавин И.Т.* Пространство: бытийственная основа знания // Эпистемология и философия науки. Т. XVIII. № 4. С. 14.

[2] См., напр.: *Макаров В.Л.* Экономика знаний: уроки для России // Вестник РАН. 2003. Т. 73. № 5. С. 450.

[3] *Шульц В.Л.* Социология знания: история и методология. М., 2006; Тощенко Ж.Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // Соц. исследования. 2013. № 4 (348). С. 3–13.

какой-либо стратегии по производству знаний кажется неуместной, нужно заниматься чем-то более близким к противоположному, а именно экспериментированием и творчеством?[4]

Из-за пренебрежения эпистемологической темой не многие задаются поставленными вопросами. Но наряду с критическими оценками появились ответные реакции и примеры восприятия, например, судопроизводства как эпистемологического события. Взаимодействие эпистемологии и доказательственного права не ново. Связь между двумя областями имеет давнюю историю. К материальному праву, также нуждающемуся в верной и выверенной истине, эпистемологический взгляд подбирается менее активно. В свет вышло незначительное число работ, в которых отмечается, что для выявления и определения, в частности, реально нуждающихся в охране ценностей право нуждается не только в приказании, но и в знании. В них же подчеркивается сложность получения соответствующего знания. Поскольку по логике права защищать какое-либо благо фактически означает наказывать за посягательства на него, то у инициатив по их охране всегда имеются оппоненты, предлагающие не менее убедительное знание, обосновывающее альтернативную или прямо противоположную позицию.

В связи с этим особую значимость приобретает эпистемология, позволяющая разобраться с обоими позициями, определить их исходные данные и конечные цели, сопоставить с разрешаемой в реальной жизни конфликтной или криминальной ситуацией, т.е. верифицировать высказанные позиции и дать заключение о достоверности и применимости предложенного ими правового решения. Выяснить, в итоге, как стало возможным получение взаимоисключающего знания, не допущены ли на пути его формирования ошибки, искажения или злоупотребления.

Сложнее обстановка состоит с отечественным правоведением. В его пределах в основном наблюдается рефлексия над знанием в ее живом, эмоциональном, еще не рационализированном виде, т.е. активно идут отсылки к знанию, но сосредоточение вокруг него не происходит. Правоведы нередко указывают на неудовлетворительное состояние знания, когда говорят о предпосылках стагнации права. Д.А. Керимов, в частности, высказался о кризисе российского правоведения и связал его происхождение, помимо прочих факторов, с бессмысленным оперированием «устаревшими знаниями». В.Н. Кудрявцев подошел к вопросу шире и заявил о глубоком кризисе всего обществоведения. Призвал овладеть богатством «современного знания» и отойти от стереотипов, прежде всего на идейно-теоретическом и методологическом уровне. В качестве ответа на кризисные оценки А.Н. Савенков сосредоточился на исследовании философско-правового мышления, его влиянии на решении связанных с государством и правом мировоззренческих вопросов в период их трансформации[5]. А.Г. Лисицын-Светланов выявил базисное значение онтологического и антропологического знания при изучении юридических явлений, определил сознательную деятельность личности и социальную среду как условия формирования философско-правовых теорий[6].

В теоретических разработках конкретных отраслей права появилось упоминание гносеологии и эпистемологии права. Но известные попытки напоминают собой пробу пера. По случаям использования терминов в тех или иных контекстах можно судить о том, что отечественное правоведение далеко от целостного понимания существа знания и его значения для права. Оно не выходит за пределы узкой и тривиальной ассоциации знания исключительно с правоведением. Эпистемологию чаще сводят к проблемам методологии, т.е. связывают с дилеммами производного порядка.

Таким образом, эпистемология стала предметом дискуссии среди юристов. В связи с этим правоведы постепенно начали приходить к убеждению в том, что только на правильных онтологических, эпистемологических и аксиологических основаниях возможно построение всеобъемлющей теории права[7]. Выявление сущности права невозможно исключительно за счет онтологического и аксиологического выбора. Необходимо еще эпистемологическое решение, обеспечивающее их коррелятивность и непротиворечивость.

Чувство, воля и знание как формы бытия

Вместе с тем просматривается и то, что на более близкое расстояние к знанию наука не подводит право. Тем более не совершает попыток к рассмотрению знания в качестве формы бытия, о чем

[4] См.: *Schlag P.* The Knowledge Bubble – Something Amiss in Expertopia (December 14, 2016). Forthcoming, Justin Desautels-Stein and Christopher Tomlins (editors), In Search of Contemporary Legal Thought, Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=2741144 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2741144

[5] См., напр.: *Савенков А.Н.* Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 9–93.

[6] См., напр.: *Лисицын-Светланов А.Г.* Философия права: классические идеи и вызовы современности // Там же. С. 153–164.

[7] См.: *Engle E.* Ontology, Epistemology, Axiology: Bases for a Comprehensive Theory of Law (September 15, 2008) // Appalachian Journal of Law. Vol. 8. P. 103–122, 2009, Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=1268528

заявляет и ведет речь философия. Наука не переводит правоведение на новый уровень, поскольку в ней не наступило понимание того, что знание, как высказался К. Эмерих, «полагает себя как бытие, а бытие исполняет себя как знание». Что «знание, – как отмечал Ж.-П. Сартр, – пронизывает нас насквозь и определяет наше место...»[8]. Скрепляющая правоведение мировоззренческая традиция не готова к появлению в орбите права более масштабного и глобального, чем само право, явления бытийного порядка. Из-за этого не картина права составляется по логике и правилам самого знания, всегда подчиненным полноте как условию истинности и достоверности, а знание продолжает складываться и раскладываться по канонам и стереотипам права.

Несмотря на неспешность правоведов, благодаря усилиям философов знание стало определяться как форма и сфера реализации человеческого бытия. Знание в этом качестве поставлено ими в один ряд с чувством и волей, также являющихся основными формами бытия. Как отмечал Вл. Соловьев, знание воплощает одну из трех основных форм бытия, служит образующим началом общечеловеческой жизни, поскольку имеет своим предметом объективную истину[9]. Безусловно, здесь не идет речь о появлении некой новой формы. Знание всегда имело место, никуда не утрачивалось и внезапно не появлялось. Другое дело, что каждая форма в понимании человека эволюционировала и объективировалась по-своему. Знание тому не исключение. Как форма бытия оно долгое время находилось в тени сознания и не заявляло о себе во вновь выявленном статусе. Тогда знание отождествлялось с другими формами и, в итоге, не оценивалось в некоем самостоятельном и тем более в современном качестве, когда оно трансформировалось из неприметной формы в конкурирующий, а в некоторых сферах жизнедеятельности – уже в доминирующий и определяющий формат.

Поскольку генезис названных форм бытия зависел в основном от состояния коллективного сознания и его предпочтений, то их становление осуществлялось не синхронно и не равномерно. В силу предрасположенности познания человека к продвижению по пути наименьшего сопротивления, покорения наиболее простого и очевидного, то первоначально Homo Sapiens «ухватился» за то, что не требовало поиска и само заявляло о себе – за чувство. Свойственная ему наглядность, ощутимость и повсеместность подтолкнула к восприятию чувства в качестве вездесущего и единственно руководящего начала всей жизнедеятельности. Через обострение чувств индивид делал выводы о наступлении определенных обстоятельств, а через удовлетворение этих чувств убеждался в их отступлении. Чувство, таким образом, являлось и исходным, и конечным источником знания, т.е. обеспечивало замкнутость и самодостаточность познавательного процесса.

Так возник эмпиризм, в т.ч. эмпиристские представления о праве, сторонники которого старались абсолютизировать чувственное восприятие и свести к нему все знание, доказать, что содержащаяся в теоретических разработках информация не выходит за пределы предоставленных чувственным опытом сведений. Однако представители эпохи Просвещения после осмысления эпистемологических процессов заявили, что «хотя всякое наше знание начинается с опыта, отсюда не следует, что оно целиком происходит из опыта»[10]. Они убедились, что человеческое познание далеко не во всем редуцируется чувством. Его особенность состоит в способности извлекать из эмпирического опыта больше данных, чем в нем содержится. В силу этого все эмпиристские программы обоснования оказываются нереализуемыми. В итоге абсолютские настроения начали меняться. Мыслителей-эмпириков стали называть носителями рабского сознания, довольствующегося только тем, что оно способно выпить из чаши природы. Критика идеалистов, конечно, не добилась устранения чувства из состава центральных элементов структуры бытия, но привела к рассмотрению ощущения как простейшего и исходного элемента чувственного познания и человеческого сознания вообще. Как писал Гегель, «чувство, ощущение представляют собой не самое лучшее, не самое истинное, а самое незначительное, наиболее неистинное...»[11].

В те же просветительские времена философская рефлексия вывела в свет категорию воли, представления о которой начали развиваться еще в древние времена, параллельно чувству и преимущественно в составе знания о самом чувстве. Эволюция общественного сознания и гуманитарного знания в то время только подводила к пониманию, что помимо чувств человек руководим еще разумом или, по Платону, собственным душевным стремлением. Оно задает в индивиде, как отмечал Аристотель, самостоятельную специфическую причинность, независимую от интеллектуальной сферы и области аффектов. На большее в познании и признании воли философия тех лет

[8] *Сартр Ж.-П.* Проблемы метода. Статьи / пер. с франц. В.П. Гайдамака. М., 2008. С. 13.

[9] См.: *Соловьев В.* Философское начало цельного знания. Мн., 1999. С. 187.

[10] *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. М., 2015.

[11] *Гегель.* Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. Наука логики. С. 114.

была не готова. Можно сказать, что гуманитарная мысль ощущала присутствие воли, но еще не нашла ей места в структуре бытия и не готова была к встраиванию воли в действующую парадигму мировосприятия. Далее благодаря усилиям Платона и других мыслителей состоялась онтологизация воли и в конечном счете ее эмансипация. Ее выведению из тени чувства предшествовало длительное и трудоемкое погашение гипертрофированного отношения к чувству и занятие им подлинного места в жизни человека. Прохождение аналогичной траектории и обретение схожей участи ожидало категорию «воли».

Поначалу развитие представлений о воле набирало вес и теснило чувство в структуре бытия и общественном сознании. Затем с подачи А. Шопенгауэра, И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга и других в воле начали отыскивать сущность бытия в целом и права в частности. Проблему воли причислили к одной из важнейших проблем правовой философии и отнесли к ключевому источнику, формирующему правовые реалии. С этого момента и в названном качестве она прошла в трудах мыслителей путь от «разумной в себе и для себя всеобщей воли» Гегеля[12] до «мировой воли» А. Шопенгауэра[13], где она представляет собой главную силу мира, стоящую над всеми структурами и сферами жизни, в т.ч. над разумом. Она порождает все вещи и процессы. Далее воля продолжила путь от воли «господствующего класса» и общенародной воли к воли социальной. Затем взгляды на волю начали корректировать и отступать от абсолютизации ее значения в составе бытия. Осознавать и признавать, что воля в значении Гегеля и Шопенгауэра есть ядро далеко не каждого индивида, а только того, кто устремлен к сверхчеловеку Ф. Ницше. Люди в абсолютном большинстве слишком подвластны текущему моменту и не в силах «пренебречь удовольствием», «преодолеть естественную человеческую тенденцию идти на поводу у происходящих событий»[14]. Они не то что воли не имеют, у них часто отсутствуют и более элементарные качества. Как отмечал Р. Грин, далеко не каждый обладает точным осознанием собственной цели[15]. «Они становятся рабами своих желаний и того воображаемого будущего, о каком они мечтали для себя. Их планы расплывчаты, основаны на их фантазии, а не на реальности»[16].

Чувство и воля в праве

Небольшой и весьма схематичный экскурс в историю форм человеческого бытия имел целью продемонстрировать, что с теми или иными отклонениями, но по аналогичным траекториям прошла мысль о праве. Вслед за объективацией в научно-практическом сознании названных форм в такой же последовательности зарождались соответствующие им теоретические концепции права. Поначалу появилась и завоевала серьезные позиции эмпирическая школа права, позже сформировалась волевая теория права.

На примере судьбы волевой теории можно проследить, что она сформировалась на фоне провозглашения философией воли сущностью бытия. Тогда было объявлено, что правовые нормы служат выражением воли того народа или общества, в котором существуют; правомочие же есть та сфера, в которой господствует индивидуальная воля, защищенная нормами объективного права»[17]. Затем последовала коррекция взглядов, в определенной мере отступ и признание того, что волевая теория носит несовершенный характер. Известна, например, критика Иеринга, попытавшегося по ряду недостатков волевой теории доказать ее негодность, а взамен воли предложить интерес лица как сущность правомочия[18]. Оппоненты заметили и то, что волевая теория появилась в эпоху промышленного капитализма и пригодна только для этого конкретного социально-экономического уклада.

В конечном счете дискуссия между эмпирическими и волевыми учениями о праве на протяжении многих веков никогда не угасала и не теряла актуальности, составляя основу всей юридической мысли. Не завершена эта дискуссия и ныне. Одни правоведы укрепляют и поддерживают ключевое положение чувства в праве. Провозглашают о наличии в природе человека «чувства права», которое дано ему от рождения и как любое другое человеческое чувство действует в нем постоянно, изменяясь «в течение всей жизни в зависимости от интеллектуального и эмоционального развития человека, его правового опыта»[19].

Другие отстаивают позицию воли и стоят на том, что «воля приводит в движение потребности, интересы, мотивы, идеи, цели, установки». «Без волевого усилия индивид не смог бы превратиться в субъекта правоотношения»[20]. Третьи обращают внимание на существенный вклад современной

[12] См.: *Гегель Г.* Философия права. М., 2000. С. 67.

[13] См.: *Шопенгауэр А.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 1: Мир как воля и представление / пер. с нем.; под общ. ред. А. Чанышева. М., 1999.

[14] *Грин Р.* Законы власти / пер. с англ. Е.Я. Мигуновой. М., 2009. С. 425.

[15] См.: *Грин Р.* Указ. соч. С. 423, 424.

[16] Там же. С. 425.

[17] *Трубецкой Е.Н.* Труды по философии права / вступ. ст., сост. и примеч. И.И. Евлампиева. СПб., 2001. С. 381.

[18] См.: *Jhering R.* Geist des römischen Rechts. 1906. T. III. S. 338.

[19] *Грибанов Д.В.* Чувство права // Правоведение. 2010. № 3 (290). С. 254.

[20] *Сорокин В.В.* Воля в праве: актуализация проблемы // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2012. № 5. С. 258.

психологии в понимание воли. Отмечают, что ее достижения ставят под сомнение основанные на старых школах ассоциации психической регуляции с общим понятием воли, когда сознательное действие представлялось как волевое действие. Обнаруживают не тождественность психических и волевых процессов. На основе отмеченных знаний некоторые правоведы сегодня пересматривают убеждения о воли как о некоем сверхрегуляторе и управленце поступками людей, единственном выразителе индивида во внешнем мире. Прославленная человеческая воля, как отмечал Г.В. Мальцев, не все может и не на все способна, чем «обесценивает многие иллюзии и предрассудки нашего времени, особенно те, которые сложились давно под влиянием веры в могущество воли и духа человека»[21]. Но дальше констатации факта переоценки воли юристы пока не продвинулись. Они не предложили варианты замещения того научно-познавательного пространства, которое высвобождается в результате сжатия представлений о воле. Ученый ограничился выводом о нахождении правоведения в двусмысленном положении.

В схожем положении право оставил Д.А. Керимов.

Ученый, с одной стороны, признал, что «двигательной силой сознательного действия – безразлично индивидуального или общественного – является воля. Именно воля есть практический реализатор потребности, интереса, установки, цели. И поэтому ни потребности, ни интересы, ни установки, ни цель не составляют и составлять не могут сущности права по той причине, что являются в своей основе и характере пассивными формами сознания, в то время, как воля, выраженная в праве, является активной, практической силой, призванной охранять, регулировать и преобразовывать общественные отношения. Именно воля как предметный, действенный, активный вид сознания, как соединение потребности, интереса, установки и цели с действием выступает творцом, ядром права, фактором его реализации»[22].

С другой – что действующие концепции воли не могут претендовать на всеохватывающий масштаб. За их пределами «остается множество поведенческих актов и сопровождающих их психических состояний, имеющих весьма существенное значение, в особенности для правоведения и юридической практики»[23]. Из них «“ускользнуло” самое важное и наиболее сложное, а именно: процесс трансформации (“оборачиваемости”) переживаний в сферу или, как принято ныне выражаться, “правовой механизм” этого процесса. Этот тонкий “механизм” еще ждет своего тщательного исследования»[24]. Современная социальная психология, вслед за ней и юридическая наука, не раскрывают тайн преобразования в человеке психических процессов, их переход от разума к безумию и от безумия к разуму. Требуется «более совершенная классификация поведенческих актов при том непременном условии, что психологическая наука, и в частности социальная психология, обратит свои взоры на те психические переживания, о которых идет в данном случае речь». «Наступило время, – отмечал правовед, – формирования более широкого направления в комплексе наук о праве...»[25]. Свои надежды он связал с появлением юридической психологии.

Воля или не только воля в праве?

Схожее положение дел наблюдается на уровне отраслей права, где оно в этом качестве не диагностировано. Основы современной теории уголовного права, например, сформировалась в XVIII–XIX вв. преимущественно на базе «классической», «социологической» и «антропологической» школ. Каждая из них получила «путевку в будущее» в период активного развития волевой теории права, став в итоге одним из ее конечных продуктов. Классическая школа права отстаивала подход по выведению норм права из воли законодателя, а сведения о причинах преступления и преступности предлагала черпать из знаний о свободной воле преступника. Социологическая школа возражала, упрекая «классический» подход в однобокости и в том, что он не учитывает существование в социуме «общего разума» и «коллективной воли», формируемых политическими, экономическими и другими условиями жизни общества. Последняя наряду с индивидуальной волей может являться как источником представлений о норме поведения, так и причиной преступления и преступности в целом. С учетом критики антропологического взгляда последователи классической школы занялись модификацией доктрины свободной воли, постепенно отступая от ее абсолютизации. В состав факторов, влияющих на состояние воли, попытались включить некоторые патологии, недееспособность, умственную неполноценность и преднамеренность.

Но волевая теория стала не только символом и результатом исследования воли как объекта научно-практического исследования. Познание этого феномена глубоко отразилось на самой науке. Правоведение впитало и на долгие времена задержало в себе составляющий волю терминологический тезаурус, изменив научное мировоззрение

[21] *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2013. С. 203.

[22] *Керимов Д.А.* Избр. произв.: в 3 т. М., 2007. Т. 2. С. 224.

[23] Там же. С. 228.

[24] Там же.

[25] Там же. С. 229.

правоведов. Поскольку самое общее, наиболее простое, очевидное и менее всего оспариваемое представление о воле связано со способностью человека к действию, то вместе с этим явлением правоведение получило семантическое насыщение множеством входящих в него значений, разбросанных по другим категориям. Каждое из них и все вместе они сообща акцентируют внимание науки на динамическом моменте воли, передают «волевые» смыслы, демонстрируют момент выбора или «движения души», ее готовность чего-то лишиться или что-то приобрести, совершить поступок. По итогам науку о праве наряду с другими дисциплинами включили в состав поведенческих. К их предмету отнесли познание поведения человека в обществе.

Крен в сторону волевого элемента привел к смещению на второй план сознательного момента. Доказательством тому служит учение о преступлении, представляющее ядро науки уголовного права. Согласно этому учению все событие криминального происшествия рассматривается с позиции состава преступления как общественно опасного и запрещенного законом деяния. Сознание как нечто самостоятельное в этом учении не представлено. Оно встроено в конструкцию деяния, где ему среди прочих элементов отведено рядовое место в составе субъективной стороны преступления. В результате не преступление рассматривается с высоты сознания, а сознание оценивается с позиции волевого акта. Сознание и знание о нем востребовано лишь в том объеме, в котором это необходимо для объяснения механики преступного поведения и выяснения его причин.

Еще одним доказательством нивелирования значения сознания выступает теория квалификации преступления, имеющая ключевое значение в практической деятельности органов юстиции. Согласно определению В.Н. Кудрявцева, «квалифицировать – значит относить некоторое явление по его качественным признакам, свойствам к какому-либо разряду, виду, категории. В области права квалифицировать – значит выбрать ту правовую норму, которая предусматривает данный случай, иными словами – подвести этот случай под некоторое общее правило. Квалифицировать преступление – значит дать ему юридическую оценку, указать соответствующую уголовно-правовую норму, содержащую признаки преступления»[26].

Это определение, как следует из его содержания, переполнено глаголами. Каждая часть дефиниции содержит указание на действие. Правоприменителю надлежит «отнести», «выбрать», «предусмотреть», «подвести», «дать», «оценить», «указать» и т.д. Определение и раскрывающее его учение не отвечают на вопросы о том, как правоохранитель должен «отнести» некоторое явление к какому-либо разряду; каким образом «выбрать» правовую норму; каким способом «предусмотреть» данный случай и «подвести» его под общее правило; за счет чего «дать» юридическую оценку и с помощью каких средств «указать» на уголовно-правовую норму, соответствующую признакам преступления.

В.Н. Кудрявцев попытался конкретизировать позицию, но картина осталась неизменной. Вовлеченность сознания в процесс квалификации и способность его влияния на эту процедуру не отмечается. Как будто рассматриваемый процесс совершается неким машинальным способом. Либо через дистанцирование от сознания выражается отношение к этому элементу как к чему-то подразумеваемому, чем можно пренебречь или оставить за скобками. Дефиниции сформулированы таким образом, как будто процесс квалификации совершается вне сознания, без сознания и не для сознания как для единственно истинного субъекта правоведения, правотворчества и правоприменения. Как-будто установление признаков преступления осуществляется без знания о запрещающем его законе, вне знания о событии происшествия и не для получения знания о наказуемости лица. Как будто возможно что-либо определить в юридическом пространстве и тем более квалифицировать без применения средств познания личности виновного и его отношения к содеянному, без изучения объекта посягательства и степени его значения для общества. Или как будто теория и все законодательство не являются знанием как результатом познания социальной реальности.

В дефинициях, выполненных по правилам волевой теории права, в конечном счете упускается, что процесс и исход квалификации зависит не только от череды вышеназванных действий, порожденных мускульным движением и центробежным нервным током, но и от того, кто их совершает, каким он располагает знанием и какие методы познания применяет на месте происшествия. До сих пор, иными словами, в уголовном правоведении сильны позиции Э. Ферри, который утверждал «человек действует так, как он чувствует, а не так, как он думает». «Тут не может быть и речи, – настаивал криминалист, – об исключительной привилегии человечества, о вмешательстве силы нравственной свободы, которая являлась бы чудесным исключением в общем строе происходящих в мире деятельностей»[27].

[26] *Кудрявцев В.Н.* Избр. труды по социальным наукам: в 3 т. М., 2002. Т. 1. С. 237.

[27] *Ферри Э.* Уголовная социология. М., 1908. С. 296.

Знание как новая форма права

Обращение к гносеологическим основа права подсказывает, что за всеми обозначенными глаголами стоят и до сих пор не раскрываются правоведением процессы сознания. Их эволюция и конкретно-историческое развитие влияют на правообразование и правоприменение не в меньшей степени, чем события социально-политического порядка, традиционно используемые для обоснования или оправдания уголовно-правовых и процессуальных манипуляций в этих областях жизнедеятельности.

Может показаться, что речь идет о появлении чего-то нового или о включении в привычные научно-практические процедуры не касающихся их процессов. Но в действительности они не появились, а всегда сопутствовали в правовой жизни. Другое дело, что до некоторых пор гносеологические изменения протекали малозаметно или латентно. Они не улавливались и не воспринимались обычным взглядом. Ныне эпистемологические трансформации вышли на первый план. Кратно ускорившаяся динамика социальных событий и включение в нее новых субъектов, влияющих на правообразование, сделали очевидным и значимым присутствие в праве актов сознания, выявили их реальное влияние на правоприменение. Обозначилось, что у законодателя есть проблемы с изложение норм поведения, у правоприменителей есть проблемы с восприятием криминальной реальности, а у правопользователей – с точным исполнением и пониманием запретов.

Начало сложившемуся «без сознательному» состоянию дел в правоведении было положено, когда ученые сделали мировоззренческий выбор и взяли за основу подхода к праву позитивистскую методологию, минимизирующую или вовсе исключающую человека из представлений о праве в силу широкой вариативности и неустойчивости его сознания. Продолжение имело место, когда юристы приступили к формулированию теории правового поведения. В этот момент они полагались на восприятие поведения как сложного явления, включающего в себя волевое и эмоциональное, которое сегодня оценивается как двухэлементная, простая и примитивная структура. Положение усугубило то, что юристы взялись за описание и концептуальное определение правового поведения в тот момент, когда психология и общественная наука в целом могли им помочь немногим. К тому времени, как писал известный социальный психолог Т. Шибутани, «научное изучение человеческого поведения еще не вышло из детского возраста»[28]. Но юристы, по свидетельству В.Н. Кудрявцева, ожидать взросления смежных наук не стали. Приступили к конструированию правовой теории в условиях больших пустот. Им пришлось «разрабатывать вопросы правового поведения, используя разные определения и характеристики, существующие на сегодняшний день в философии, социологии и психологии и более или менее приемлемые для целей юридической науки»[29].

С тех пор прошло время и науки не стояли на месте. Несмотря на это, отраслевое правоведение не спешит провести модификацию выработанных в прежние периоды аксиом и постулатов, восполнить ранее не хватавших сведений о принципах построения и механизмах правового поведения, синхронизировать достижения наук и устранить существующие между ними перекосы. Продолжаем «передвигаться» в сфере права на представлениях о нем как чувственно-волевом явлении, лишенном интеллектуально-духовного наполнения. Сегодня смежные отрасли знания шагнули существенно вперед, а правоведение осталось позади, в плену устаревших стереотипов.

Признание наличия проблем сознания, познания и знания и их включение в действующий концепт права способно многое прояснить. Появляются как минимум ответы на ранее актуализированные вопросы. Впредь, когда задаем вопросы о том, что есть «сложная, длительная и кропотливая работа органа дознания», имеем в виду процесс познания, а под «результатом» этой работы или квалификацией понимаем знание. Когда спрашиваем о том, как «отнести» некоторое явление к какому-либо разряду или «сопоставить признаки преступления с признаками совершенного деяния», то подразумеваем сравнительный анализ как один из множества приемов познания. «Готовую оценку совершенного деяния» относим к знанию как продукту познания. К ним же причисляем «построение вывода» и сам «вывод», закрепляемый в том или ином правовом документе. Под «предусмотрением» данного случая и «подведением» его под общее правило имеем в виду получение частного знания и его включение в более общее знание. «Дать» юридическую оценку – значит воспроизвести знание об уголовно-охраняемом объекте в его соотношении с совершенным против него посягательством. «Указать» на уголовно-правовую норму, соответствующую признакам преступления – это редуцировать знание о наказуемости деяния. Во всех случаях и со всех сторон, как видно, юридический процесс и соприкасающиеся с ним сферы общежития имеют дело с явлениями знания, познания и сознания.

Каждый из обозначенных феноменов образует собственное проблемное поле. Например, в силу особенностей индивидуального или общественного сознания принятый нормативный правовой акт может либо игнорироваться и не применяться своими адресатами, либо ими искажаться, а его требования и запреты преодолеваться. На одну из таких проблем обратил внимание В.С. Нерсесянц, когда указал на то,

[28] *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969. С. 15.

[29] *Кудрявцев В.Н.* Указ. соч. С. 12.

что несоответствие между образами общественного сознания и образами законодателя ведет к правовому регрессу[30]. Живым примером такого несоответствия образов служит запрет на заключение предпринимателей под стражу, когда законодатель в вопросе о принадлежности лица к числу предпринимателей предложил руководствоваться формальным критерием, а правоприменитель в своем большинстве продолжает их арестовывать, придерживаясь содержательного ориентира. То есть не признает предпринимательский статус лица на том простом основании, что бизнес путем хищений не делается, а бизнес-мошенник ничем не отличается от других расхитителей имущества.

Пик проблем достигается на высоте знания. Помимо аккумулирования собственных дилемм знание суммирует в себе издержки и сознания, и познания. Знание, в т.ч. о преступном и наказуемом, имеет сложный механизм формирования. В его формировании принимают участие представители не только научных, властных и профессиональных сообществ, но и других слоев населения. Знание воспроизводится в различных режимах. Оно вырабатывается не только в привычном для общего понимания конкретно-историческом формате, когда законодатель исходя из социальной, политической и криминологической обстановки в прошлом, настоящем и некотором будущем устанавливает тот или иной запрет как результат знания им этой обстановки. Представления о запрещенном и дозволенном формируются еще в двух режимах: «здесь и сейчас» и в эволюционном порядке.

Пример развития определенного знания на протяжении нескольких эпох показывает нелегкая судьба тезиса Протагора, предложившего в V в. до н.э. отказаться от возмездия как идеи наказания и использовать его только для улучшения виновного. В те же и в последующие времена человечество не услышало слов мыслителя, имевшего в свою бытность широкую славу и известность. Отказались воспринимать его слова в качестве знания. Отказались в последующем и от самого Протагора, осудив его за сочинение «О богах» и изгнав из Греции. Но на этом в своем пренебрежении и невнимательности не остановились. Отказались от установления и исследования метода, с помощью которого он получил продемонстрированное им знание. В IV в. н.э. А. Августин напомнил человечеству мысль Протагора, когда заявил, что Господь через наказание ранит нас, чтобы исцелить, и в некотором смысле убивает нас, чтобы мы не умерли. Однако и эти слова постигла та же участь. Массовое адаптирование заявленных предложений и их постепенное вживление в законодательство в качестве нормы общественной жизни началось только на заре Нового времени, когда схожий гуманистический взгляд на наказание высказал Ч. Беккариа и ряд философов.

На фоне сказанного возникает ряд вопросов. Что еще в эпохах сказано, а нами не услышано? И почему мы упустили и не расслышали? Не установили, не исследовали и не приняли на вооружение методы Протагора по получению такого знания, которое прошло испытание веками и своей истинности не утратило? Или уголовно-правовое знание продолжает добываться наукой в основном опытным и весьма затратным по времени путем? Почему наука в конечном счете не занимается исследованием этих аспектов? Ответ на все эти вопросы связан с тем типом научной рациональности, который учеными взят на вооружение. То есть определенный набор правил, с помощью которых субъекты права познают и объясняют окружающую, в т.ч. криминальную реальность. Как только они изменяют одно или несколько правил, тип рациональности меняется. Возникает обновленный или как минимум измененный взгляд на правовую жизнь. Либо меняется, либо появляется дополнительный угол обзора социальной реальности.

Из-за присущих типу рациональности ограничений, над суждениями об уголовном праве сегодня довлеют локализованный взгляд и ситуативная логика. В лучших традициях позитивизма, изменения в системе, структуре и нормах этого права специалисты объясняют, как правило, конкретно-историческими событиями, волей и предпочтениями действующей власти (господствующего класса). Используется, иными словами, весьма удобный и незамысловатый подход, позволяющий без углубления в социальную материю оперативно отвечать на тривиальные и во многом популистские вопросы: кто виноват? что делать?» и кому делать? То есть позитивистский взгляд активно эксплуатируется в основном за счет своей наглядности и удобства, а не по причине познавательной полезности и полноценности.

Признание существования процесса получения знания в режиме «здесь и сейчас» влечет ряд последствий. Во-первых, разрушает стереотип о правоприменителе, который традиционно воспринимается лишь как пользователь знания. Во-вторых, дает возможность увидеть, что в основе правоприменительной деятельности лежат не только социально обусловленные юридические процедуры и технологии, но и гносеологические процессы, которым часто отводят не прикладное и фоновое значение. Считается, что в правоприменение он вступает с уже имеющимися знаниями о том, что есть преступление и наказание. Все его профессиональное призвание сводится к соблюдению правил квалификации. Мысль о правоприменителе, способном выступать не только в качестве потребителя знания, но и претендовать на статус его производителя как правило не рассматривается.

[30] См.: *Нерсесянц В.С.* «Образ врага» – автопортрет общества // Платон. 2014. № 4. С. 51, 52.

Вместе с тем герменевтика подсказывает, что писаные нормы сами по себе не определяют, например, преступность, наказуемость или общественную опасность запрещенных деяний. Замысел законодателя, запечатленного в его сознании, может отличаться от идеи созданного им текста закона. Оба эти начала (замысел и идея) могут вообще не быть связаны с окружающей их обстановкой, т.е. с отображаемым в нормативном акте жизненным контекстом. В результате соответствующее и конечное определение тому или иному уголовно-правовому запрету и событию дает не законодатель и не закон как продукт его деятельности, а субъект правоприменения. В этом плане закон содержит лишь предпосылочное знание о том, что есть преступление и как за него нужно наказывать. Это знание оказывается знанием вчерашнего дня. Для того чтобы предпосылочное знание стало основным, оно должно каждый раз проходить процесс актуализации через герменевтический круг.

* * *

Все сказанное указывает на обоснованность философского подхода к знанию как к форме бытия и претензии этого явления на статус новой формы права. Знание отвечает всем параметрам бытия. Оно существует в трех ключевых и неразрывно взаимосвязанных ипостасях. Как объект эволюции общественного сознания, результат конкретно-исторического развития и как предмет повседневности, когда знание о событии происшествия, виновности лица, опасности и наказуемости совершенного им деяния вырабатывается «здесь и сейчас» участниками судопроизводства.

Познание любого преступления есть неотъемлемая и составная часть правоприменительного действа.

Знание как форма права означает, что право должно рассматриваться по образу и подобию знания, т.е. с позиции сознательного акта, который включает в себя и чувственный (рефлекторный) акт, и волевой акт, и интеллектуальный. Что это определение означает на деле еще предстоит выяснить и конкретизировать, найти и применить к праву те образы и подобия, по законам которых живет само знание. Любопытны, например, правила, по которым формируются и коммуницируют различные отрасли знания. Их можно было бы экстраполировать и применить к взаимодействию отраслей права, к их кооперации с иными социальными регуляторами (морали, религии, экономики, политики и т.д.), где также формируется знание о допустимом и запрещенном. Не менее интересно для оценки эффективности процесса нормообразования в юриспруденции выяснить то, как формируются нормы, используемые в познании. Важное значение для правоведения могут иметь передовые результаты познания антропологических свойств сознания и повлечь введение в отрасли права новых институтов и механизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гегель Г.* Философия права. М., 2000. С. 67.
2. *Гегель.* Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. Наука логики. С. 114.
3. *Грибанов Д.В.* Чувство права // Правоведение. 2010. № 3 (290). С. 254.
4. *Грин Р.* Законы власти / пер. с англ. Е.Я. Мигуновой. М., 2009. С. 423–425.
5. *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. М., 2015.
6. *Касавин И.Т.* Пространство: бытийственная основа знания // Эпистемология и философия науки. Т. XVIII. № 4. С. 14.
7. *Керимов Д.А.* Избр. произв.: в 3 т. М., 2007. Т. 2. С. 224, 228, 229.
8. *Кудрявцев В.Н.* Избр. труды по социальным наукам: в 3 т. М., 2002. Т. 1. С. 12, 237.
9. *Лисицын-Светланов А.Г.* Философия права: классические идеи и вызовы современности // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 153–164.
10. *Макаров В.Л.* Экономика знаний: уроки для России // Вестник РАН. 2003. Т. 73. № 5. С. 450.
11. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2013. С. 203.
12. *Нерсесянц В.С.* «Образ врага» – автопортрет общества // Платон. 2014. № 4. С. 51, 52.
13. *Савенков А.Н.* Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 9–93.
14. *Сартр Ж.-П.* Проблемы метода. Статьи / пер. с франц. В.П. Гайдамака. М., 2008. С. 13.
15. *Соловьев В.* Философское начало цельного знания. Мн., 1999. С. 187.
16. *Сорокин В.В.* Воля в праве: актуализация проблемы // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2012. № 5. С. 258.
17. *Тощенко Ж.Т.* Новые тенденции в развитии российской социологии // Соц. исследования. 2013. № 4 (348). С. 3–13.
18. *Трубецкой Е.Н.* Труды по философии права / вступ. ст., сост. и примеч. И.И. Евлампиева. СПб., 2001. С. 381.
19. *Ферри Э.* Уголовная социология. М., 1908. С. 296.
20. *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969. С. 15.

21. *Шопенгауэр А.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 1: Мир как воля и представление / пер. с нем.; под общ. ред. А. Чанышева. М., 1999.

22. *Шульц В.Л.* Социология знания: история и методология. М., 2006.

23. *Engle E.* Ontology, Epistemology, Axiology: Bases for a Comprehensive Theory of Law (September 15, 2008) // Appalachian Journal of Law. Vol. 8. P. 103–122, 2009, Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=1268528

24. *Jhering R.* Geist des römischen Rechts. 1906. T. III. S. 338.

25. *Schlag P.* The Knowledge Bubble – Something Amiss in Expertopia (December 14, 2016). Forthcoming, Justin Desautels-Stein and Christopher Tomlins (editors), In Search of Contemporary Legal Thought, Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=2741144 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2741144

REFERENCES

1. *Hegel G.* Philosophy of Law. M., 2000. P. 67 (in Russ.).

2. *Hegel G.* Encyclopedia of Philosophical Sciences. M., 1974. Vol. 1. The Science of Logic. P. 114 (in Russ.).

3. *Gribanov D.V.* The sense of law // Jurisprudence. 2010. No. 3 (290). P. 254 (in Russ.).

4. *Greene R.* Laws of power / transl. from English J.E. Migunova. M., 2009. P. 423–425 (in Russ.).

5. *Kant I.* Critique of pure reason / transl. from German N.O. Lossky. M., 2015 (in Russ.).

6. *Kasavin I.T.* Space: the existential basis of knowledge // Epistemology and Philosophy of science. Vol. XVIII. No. 4. P. 14 (in Russ.).

7. *Kerimov D.A.* Selected works: in 3 vols. M., 2007. Vol. 2. P. 224, 228, 229 (in Russ.).

8. *Kudryavtsev V.N.* Selected works on social sciences: in 3 vols. 2002. Vol. 1. P. 12, 237 (in Russ.).

9. *Lisitsyn-Svetlanov A.G.* Philosophy of Law: the classic ideas and challenges // The transformation of the paradigm of law in civilization human development: report of the members of the Academy / under the General editorship of A.N. Savenkov. M., 2019. P. 153–164 (in Russ.).

10. *Makarov V.L.* Knowledge Economy: lessons for Russia // Herald of the RAS. 2003. Vol. 73. No. 5. P. 450 (in Russ.).

11. *Maltsev G.V.* Social foundations of law. M., 2013. P. 203 (in Russ.).

12. *Nersesyants V.S.* "The enemy" – a self-portrait of the society // Platon. 2014. No. 4. P. 51, 52 (in Russ.).

13. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law, legal thinking and global problems of modern civilization // Transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind: reports of members of the Russian Academy of Sciences: reports of members of the Russian Academy of Sciences / under the general editorship of A.N. Savenkov. M., 2019. P. 9–93 (in Russ.).

14. *Sartre J.-P.* Problems of the method. Articles / transl. from French V.P. Gaidamak. M., 2008. P. 13 (in Russ.).

15. *Solov'ev V.* The philosophical beginning of integral knowledge. Mn., 1999. P. 187 (in Russ.).

16. *Sorokin V.V.* Will and law: actualization of the problem // Historical and legal problems: a new perspective. 2012. No. 5. P. 258 (in Russ.).

17. *Toshchenko Zh. T.* New trends in the development of Russian sociology // Sociological research. 2013. No. 4 (348). P. 3–13 (in Russ.).

18. *Trubetskoy E.N.* Works on the Philosophy of Law / introductory article, comp. and note by I.I. Evlampiev. SPb., 2001. P. 381 (in Russ.).

19. *Ferri E.* Criminal sociology. M., 1908. P. 296 (in Russ.).

20. *Shibutani T.* Social psychology. M., 1969. P. 15 (in Russ.).

21. *Schopenhauer A.* Collected works: in 6 vols. Vol. 1: World as will and representation / transl. from German; under the General editorship of A. Chanyshev. M., 1999 (in Russ.).

22. *Shultz V.L.* Sociology of knowledge: history and methodology. M., 2006 (in Russ.).

23. *Engle E.* Ontology, Epistemology, Axiology: Bases for a Comprehensive Theory of Law (September 15, 2008) // Appalachian Journal of Law. Vol. 8. P. 103–122, 2009, Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=1268528

24. *Jhering R.* Geist des römischen Rechts. 1906. T. III. S. 338.

25. *Schlag P.* The Knowledge Bubble – Something Amiss in Expertopia (December 14, 2016). Forthcoming, Justin Desautels-Stein and Christopher Tomlins (editors), In Search of Contemporary Legal Thought, Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=2741144 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2741144

Сведения об авторе

БОЧКАРЁВ Сергей Александрович –
доктор юридических наук, научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

BOCHKAREV Sergey A. –
Doctor of Law, Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 4, с. 70–80
STATE AND LAW, 2021, № 4, pp. 70–80

ТИПОЛОГИЯ ПРАВОВЫХ ТЕОРИЙ: ПОЗИТИВИСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ВЫЗОВЫ ИНТЕРПРЕТАТИВИЗМА

© 2021 г. С. Н. Касаткин

Самарский юридический институт ФСИН России;
Самарский государственный экономический университет

E-mail: kasatka_s@bk.ru

Поступила в редакцию 22.12.2020 г.

Аннотация. В статье исследуются классические методологические измерения / типологии правовых теорий, занимающие центральное место в современной англо-американской юриспруденции, анализируется их определение и использование в юридическом позитивизме и в интерпретативной доктрине Р. Дворкина. Цель статьи: с одной стороны, эксплицировать базовые методологические характеристики правовых теорий в англо-американской позитивистской традиции (включая взгляды Г. Харта), с другой – рассмотреть данные характеристики в свете идей и вызовов интерпретативизма, раскрывая идентификацию и следствия доктрины Р. Дворкина. В качестве общих выводов в статье обосновывается статус интерпретативного учения Р. Дворкина как герменевтической юриспруденции «внутренней точки зрения», частной правовой теории нормативного характера. Подчеркивается ее роль не только в качестве методологической альтернативы позитивистской и т.п. концепциям в рамках классической системы измерений правового теоретизирования, но также в качестве вызова самой этой системе, ее критериям и ряду методологических возможностей – проекту общей описательной морально-нейтральной юриспруденции. Наконец, отмечается влияние интерпретативизма Р. Дворкина на современную англо-американскую правовую мысль, стимулирующее преобразование ее «интеллектуального ландшафта» в сторону более продвинутой правоведческой методологии, способной учесть более тонкие и комплексные вызовы.

Ключевые слова: типы правовых теорий, юридический позитивизм, юридический интерпретативизм, герменевтическая теория права, Р. Дворкин, юридическое толкование, методология юриспруденции.

Цитирование: *Касаткин С.Н. Т*ипология правовых теорий: позитивистская традиция и вызовы интерпретативизма // Государство и право. 2021. № 4. С. 70–80.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проекты № 18-011-01213 «Право как целостность — право как интерпретация: теоретико-методологическая и проблемно-историческая реконструкция доктрины юридического интерпретативизма Рональда Дворкина (1967–1986)» и № 20-011-00914 «Проект позитивизма сегодня: историческая траектория, проблемное поле и система юридического позитивизма в англо-американской традиции».

DOI: 10.31857/S102694520013149-4

TYPOLOGY OF LEGAL THEORIES: POSITIVIST TRADITION AND CHALLENGES OF INTERPRETATIVISM

© 2021 S. N. Kasatkin

Samara Law Institute of FPS of Russia;
Samara state University of Economics

E-mail: kasatka_s@bk.ru

Received 22.12.2020

Abstract. This article examines classical methodological dimensions / typologies of legal theories, centered in modern Anglo-American jurisprudence, and analyzes their determination and use in legal positivism and in R. Dworkin's interpretative doctrine. The article aims to explicate basic methodological characteristics of legal theories within Anglo-American positivist tradition (including H.L.A. Hart's views) as well as to consider these characteristics in light of the ideas and challenges of interpretativism revealing identification and consequences of R. Dworkin's account. As general conclusions the article substantiates a status of R. Dworkin's interpretative doctrine as a hermeneutical jurisprudence of "internal point of view", a particular legal theory of a normative character. Its role is emphasized not only as a methodological alternative to positivist and other similar conceptions within a framework of classical system of dimensions of legal theorizing, but also as a challenge to this system itself, to its criteria and a row of methodological possibilities – a project of a general descriptive morally-neutral jurisprudence. Finally, the influence of R. Dworkin's interpretativism on modern Anglo-American legal thought is stated, which encourages transformation of its "intellectual landscape" toward a more advanced jurisprudential methodology, able to allow for more subtle and complex challenges.

Key words: types of legal theories, legal positivism, legal interpretativism, hermeneutical legal theory, R. Dworkin, legal interpretation, methodology of jurisprudence.

For citation: *Kasatkin, S.N. (2021).* Typology of legal theories: positivist tradition and challenges of interpretativism // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 70–80.

The publication was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, projects No. 18-011-01213 "Law as integrity — law as interpretation: theoretical-methodological and problem-historical reconstruction of the doctrine of legal interpretativism by Ronald Dworkin (1967–1986)" and No. 20-011-00914 "The project of Positivism today: the historical trajectory, the problem field and the system of legal positivism in the Anglo-American tradition".

Введение

На фундаментальном уровне определение состоятельности правовой теории *inter alia* предполагает оценку легитимности ее исходных идейных и методологических допущений[1], включая подразумеваемое ею видение ключевых измерений и дихотомий правового теоретизирования, а также фиксацию своего места в соответствующей системе координат. В отечественной теоретико-правовой литературе в числе наиболее важных параметров и делений правовых теорий чаще всего обсуждается их дифференциация по типу правопонимания[2], типу научной рациональности[3], общности и фундаментальному / прикладному характеру[4] и по ряду иных оснований (например, дисциплинарности[5], интегративности[6], философско-методологической основе[7], семиотической культуре[8], отношению к языку[9] и проч.). С этих позиций представляется значимым опыт современной зарубежной, прежде всего англо-американской, юриспруденции, которая строится вокруг альтернативных – хотя и пересекающихся с отечественными подходами – критериев структурирования теоретико-правового знания, рассматривает их в качестве важного объекта обсуждения и критики.

В этом контексте в статье, во-первых, рассматриваются классические методологические измерения / типы правовых теорий, задействованные в – одном из доминирующих в англо-американской мысли – позитивистском проекте правоведческой методологии и используемые его представителями в качестве инструмента определения параметров данного проекта и обоснования его потенциала. Во-вторых, в работе исследуется концепция юридического интерпретативизма[10], эксплицируется авторский методологический подход, а также его

[1] См.: Юриспруденция в поисках идентичности: сб. ст., переводов, рефератов / под общ. ред. С.Н. Касаткина. Самара, 2010. С. 114 (далее – Юриспруденция в поисках идентичности).

[2] См., напр.: Теория государства и права / под ред. О.В. Мартышина. М., 2007. Гл. 13; *Варламова Н.В.* Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. СПб., 2010.

[3] См., напр.: *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012; *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права. СПб., 2017.

[4] См., напр.: Актуальные направления анализа права и правоведения: проблема междисциплинарного понимания и сотрудничества: материалы девятых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. М., 2015; Теория государства и права / под ред. О.В. Мартышина. Гл. 1.

[5] См., напр.: *Жуков В.Н.* Философия права. М., 2020. Гл. 1, 2; Юриспруденция в поисках идентичности. С. 101 и посл.

[6] См., напр.: *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Указ. соч.

[7] См., напр.: *Честнов И.Л.* Указ. соч.; Теория государства и права / под ред. О.В. Мартышина.

[8] См.: *Невважай И.Д.* Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. 2000. № 2. С. 23–31.

[9] См., напр.: Юриспруденция в поисках идентичности: сб. ст., переводов, рефератов / под общ. ред. С.Н. Касаткина. С. 10–25.

[10] См.: *Dworkin R.* Taking Rights Seriously. 2nd ed. Cambridge, Ma., 1978.

Таблица

Система правовых теорий

	Описательные	Нормативные
Общие	1	2
Частные	3	4

(проблемные) следствия для классической / позитивистской юриспруденции. Представленные цели исследования видятся значимыми для фиксации не только альтернативных (инокультурных) трактовок права и правовой теории, но и важных методологических вызовов, требующих должного обхождения при создании и использовании широкого круга правоведческих моделей, в т.ч. тех, что практикуются в отечественной юриспруденции.

Классические измерения правовых теорий: позитивистская перспектива. Чтобы лучше понять специфику и значение методологического вызова Р. Дворкина, следует обратиться к базовым измерениям правового теоретизирования, используемым в пространстве англо-американского позитивизма. Как известно, исходные взгляды американского правоведа, составившие основу последующей интерпретативной доктрины, формируются в рамках целенаправленной критики позитивизма, прежде всего концепции Г.Л.А. Харта[11].

К числу ключевых методологических делений, значимых для идентификации и самоидентификации основных учений англо-американского позитивизма, можно (вслед за И. Флоресом, опирающимся на разграничения Дж. Бентама, Дж. Остина и др.) отнести следующие.

1. Деление правовых теорий на *общие* (универсальные) и *частные* (национальные, локальные, парокиальные[12] и проч.). Если общие теории отвечают на вопросы, присущие всем правовым системам или культурам, то частные – адресованы тому, что специфично для той или иной правовой системы или культуры[13].

2. Деление правовых теорий на *описательные* (объяснительные, аналитические, позитивные) и *нормативные* (критические, оправдательные, прескриптивные). Тогда как описательные теории направлены на изложение предмета рассмотрения и предлагают обзор существующих представлений и практик, нормативные теории сосредоточены на обосновании суждений о (моральной и проч.) ценности текущей ситуации либо доводов и призывов в пользу новых или реформированных представлений и практик[14]. Соответственно, описательные теории отвечают на вопросы о том, что есть право, или вопросы о фактах, а нормативные теории отвечают на вопросы о том, чем должно быть право, или на вопросы о ценностях[15].

На этой основе возможно формирование следующих комплексных типов правовых теорий: 1) общих описательных; 2) общих нормативных; 3) частных описательных; 4) частных нормативных *(табл.)*. Кроме того, в принципе возможно построение и более объемных концептуализаций, включающих 1) и 2), 3) и 4), 1) и 3), 2) и 4), либо даже объединяющих 1), 2), 3) и 4)[16].

С этих позиций базовые доктрины в традиции англо-американского позитивизма, осмысливаются прежде всего как проекты общей описательной (ценностно-нейтральной) правовой теории (1). Причем если дифференциация доктрин по степени общности не является сугубо позитивистской и выступает общелогическим средством ранжирования рассуждений, то их предметно-целевое деление на описательные и нормативные имеет для позитивизма большое значение, а состоятельность и ценность такого деления, по сути, продвигается им в качестве своей фундаментальной методологической установки / критерия самоидентификации. Как известно, позитивизм в Великобритании оформляется как оппозиция доминирующему здесь синтезу идей юснатурализма и общего права. В частности (вслед за Д. Юмом), такая оппозиция основывается на отрицании синкретизма естественно-правовых теорий в трактовке вопросов сущего и должного (идеального) права и на тезисе о возможности и необходимости их последовательного различения[17]. Соответственно, методологически позитивизм заявляется как попытка обособленного («научного») изучения права, «как

[11] См.: *Dworkin R.* Taking Rights Seriously. 2nd ed. Ch. 2 ff.

[12] Под «парокиальной» (*parochial*) теорией права в западной юриспруденции понимается правовое учение, которое сознательно ориентировано на отдельный, обособленный, конкретный и т.п. правопорядок в противовес общей или универсальной теории, стремящейся рассуждать о праве в целом (подробнее см., напр.: *Raz J.* Between Authority and Interpretation. Oxford, 2009. P. 31 ff.).

[13] См., напр.: *Bentham J.* An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. London, 1970. § 21–29; *Austin J.* Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law: in vols. 5th rev. ed. London, 1885. P. 1071 ff.; *Flores I.B.* The Legacy of Ronald Dworkin (1931–2013): A Legal Theory and Methodology for Hedgehogs, Hercules, and One Right Answers // Problema. 2015. No. 9. P. 166.

[14] См.: Юриспруденция в поисках идентичности. С. 187, 188.

[15] См., напр.: *Bentham J.* Op. cit. § 21; *Dickson J.* Evaluation and Legal Theory. Oxford, 2001. Ch. 1, 2; *Flores I.B.* Op. cit. P. 166.

[16] См.: *Flores I.B.* Op. cit. P. 168.

[17] См., напр.: *Ллойд Д.* Идея права. М., 2002. Гл. 5.

оно есть», отграниченного от обсуждения права, «каким оно должно быть». В этой перспективе классические концепции естественного права начинают пониматься (и перетолковываться) прежде всего как учения нормативного характера – теории идеального или должного права, сводящие право к отвлеченной универсальной ценностно-нормативной системе или предполагающие соответствующие ограничения позитивному праву в духе максимы «несправедливый закон законом не является»[18].

Отмеченные особенности проявляются в целом ряде позитивистских доктрин. Так, определяя надлежащую область юриспруденции и вводя «эмпирическую» интерпретацию права (как социальных практик господства-подчинения, связанных с изданием приказов, снабженных санкциями), Джон Остин, следуя Дж. Бентаму, сосредотачивается на теории, «общей для всех правовых систем» в противовес теории «частной» или «национальной», а также на описательной «науке права» в противовес нормативной и утилитаристской «науке законодательства»[19]. При этом он емко формулирует то, что впоследствии мыслится как «кредо» позитивизма: «Одно дело – существование права, другое – его достоинство или недостаток. Есть оно или нет – один вопрос, соответствует оно или не соответствует предполагаемому образцу – другой вопрос. Право, которое действительно существует, является правом, несмотря на то что ему случилось нам не понравиться, или несмотря на то что оно расходится с тем текстом, с которым мы соизмеряем наше одобрение или неодобрение»[20].

Схожим является и представленное в англо-американской мысли «чистое учение о праве» Г. Кельзена, стремящегося очистить предмет юриспруденции от чуждых ему фактуальных, этических и политических элементов и на неокантианской основе эксплицировать характерную для права «логику нормативной мысли». Согласно Г. Кельзену, «чистое учение о праве есть теория позитивного права: позитивного права вообще, а не какого-либо конкретного правопорядка. Это общее учение о праве, а не интерпретация отдельных национальных или международных правовых норм. Но оно дает теорию толкования. Будучи теорией, оно стремится лишь к одному: познать свой предмет. Оно пытается ответить на вопрос, что есть право и как оно есть, но не на вопрос, как оно должно быть или создаваться. Оно есть правоведение, а не политика права»[21].

Аналогичная система методологических координат и позиций провозглашается также в теории Г. Харта, дающей начало новому измерению в правоведческой методологии и самоидентификации юридического позитивизма.

Юриспруденция «внутренней» и «внешней» точек зрения: Г.Л.А. Харт. Г. Харт считает важным и плодотворным проект аналитической юриспруденции как объяснения фундаментальных правовых понятий, а также связанную с этим позитивистскую установку на ценностно-нейтральное (морально-нейтральное) рассмотрение правовых явлений[22]. Определяя (в ответ на вызовы Р. Дворкина) параметры своего подхода в Постскриптуме к «Понятию права», он пишет: «Моя цель в этой книге состояла в том, чтобы предложить теорию того, что есть право, общую и описательную. Она *общая* в том смысле, что она не привязана к какой-либо конкретной правовой системе или правовой культуре, но стремится... дать объяснительную и проясняющую оценку права как сложного социального и политического института, включающего руководимый правилами (и в этом смысле “нормативный”) аспект... Моя оценка *описательна* в том, что она морально нейтральна и не имеет оправдательных целей: она не преследует цели оправдать или одобрить на моральных или иных основаниях те формы и структуры, которые появляются в моем общем объяснении права, хотя их ясное понимание, по моему мнению, составляет важное вступление к любой значимой моральной критике права»[23].

Общность и описательность учения Г. Харта имеют и ряд дополнительных параметров (вполне распространимых на другие версии позитивизма), которые значимы для уяснения альтернативного ему подхода Р. Дворкина. Как отмечает М. Мур, теория Г. Харта, с одной стороны, является общей не только в том, что она задает центральный вопрос юриспруденции, «Что есть право?», вне связи с конкретным правопорядком, но и в других отношениях. Во-первых, из трех смыслов права как предмета юриспруденции, выделяемых Г. Хартом[24], его учение сосредотачивается на наиболее общем из них – объяснении права как правовой системы, в противовес смыслам права как правил поведения либо индивидуальных предписаний, выносимых в рамках решений по конкретным делам[25]. Во-вторых, философ обсуждает понятие

[18] *Flores I.B.* Op. cit. P. 168–170.

[19] *Austin J.* Op. cit. P. 1071 ff.

[20] Ibid. P. 157.

[21] *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. 2-е изд. СПб., 2015. С. 10.

[22] См.: *Hart H.L.A.* Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford, 1983. P. 49 ff.

[23] *Hart H.L.A.* The Concept of Law. 2nd ed. Oxford, 1994. P. 239, 240.

[24] См.: *Hart H.L.A.* Essays in Jurisprudence and Philosophy. P. 56.

[25] См.: *Moore M.S.* Educating oneself in public. New York, 2000. P. 81, 82 ff.

права вне связи с какой-либо практической ролью внутри правовой системы (например, ролью судей или иных должностных лиц)[26]. С другой стороны (даже при возможной непоследовательности), объектом описания у Г. Харта выступает феномен / институт права, а не употребление слова «право»[27]: он абстрагируется от социальных практик, признаваемых «правовыми», для уяснения их существенных черт, а потому не ограничен анализом обыденного английского языка. В этом смысле описательный подход британского мыслителя является скорее «*институциональным*» («*социологическим*»), а не «семантическим» («лингвистическим»)[28].

Помимо сказанного, концепция Г. Харта вводит новое различение в правоведческой методологии, связанное с выделением различных «перспектив» или точек зрения на право. Согласно философу, любое социальное правило имеет «внешний» и «внутренний» аспекты, предполагая как наличие в обществе некой практики (поведенческого единообразия), так и ее восприятие в качестве образца (своего и чужого) поведения и основания его оценки[29]. Отсюда существование практики следования юридическим правилам и в целом существование правовой системы создает возможность, во-первых, для различных типов дискурса: «внутренних» утверждений, опосредующих действие на основе юридических правил и их применение к конкретным случаям, и «внешних», фактуальных утверждений о таких практиках; во-вторых, для различных практических позиций: «внутренней» точке зрения участника, принимающего и использующего правила правовой системы в качестве должностного или частного лица, и «внешней» точке зрения наблюдателя по отношению к правовой системе, рассуждающего о ее правилах и их следствиях[30]. В свою очередь, возведение названных точек зрения на методологический уровень учреждает деление правовых теорий на «*внутренние*» и «*внешние*», т.е. теории, которые рассуждают с позиций того или иного правопорядка (принимают его нормативные стандарты и связаны ими) либо рассуждают о правопорядке (правопорядках) с иных – «обособленных»[31] – позиций. (По сути, такое деление пересекается с классическим различением описательных и нормативных теорий, но ему не тождественно. Хотя в исходных примерах Г. Харта критерий принятия стандартов правопорядка и критерий речевой функции (описательной или аскриптивной) совмещены, в связи с чем внешние утверждения для автора – фактуальны, а внутренние – нормативны, оба критерия имеют самостоятельное значение. В свете первого из них нормативные теории могут строиться как с «внутренних», так и с «внешних» правопорядку позиций, тогда как «внутреннее описание» видится проблемным.)

В этом контексте позитивистская юриспруденция британского мыслителя является «*внешней*»[32]. Вместе с тем Г. Харт считает дефектными теории, игнорирующие восприятие права / юридической практики ее участниками. По мнению автора, редукция правовых суждений к суждениям эмпирическим или предсказательным, скрывает их нормативность и не способно «объяснить ключевое различие между обыкновениями в поведении людей и поведением, руководимым правилами». Она «отбрасывает нечто жизненно важное для понимания не только права, но и любой формы нормативной социальной структуры». Методология эмпирических наук здесь бесполезна: необходим «герменевтический» метод, который включает «изображение руководимого правилами поведения так, как оно представляется его участникам, рассматривающим такое поведение как соответствующее или не соответствующее определенным общим стандартам»[33]. В свете сказанного теорию Г. Харта также принято обозначать в качестве «*герменевтической*»[34].

Интерпретативная доктрина Р. Дворкина: система позиций. Р. Дворкин выступает как последовательный критик позитивизма. Преобразуя в полемике с Г. Хартом и его последователями свои ранние взгляды[35], он формулирует знаковую доктрину интерпретативизма, сосредоточенную на юридическом толковании как фундаментальной черте права, ассоциируемого с практиками обоснования правовых суждений[36]. Используя

[26] См.: *Moore M.S.* P. 82, 83.

[27] *Dworkin R.* 1) Law's Empire. Cambridge, Ma., 1986. P. 31 ff.; 2) Hart's Posthumous Reply // Harvard Law Review. 2017. Vol. 130. P. 2105; *Hart H.L.A.* The Concept of Law. P. 246.

[28] См.: *Raz J.* Ethics in the Public Domain. Rev. ed. Oxford, 1994. P. 204, etc.; *Moore M.S.* Op. cit. P. 88–94, 5; и др.

[29] См.: *Hart H.L.A.* Essays in Jurisprudence and Philosophy. P. 56 ff.

[30] См.: *Hart H.L.A.* 1) Theory and Definition in Jurisprudence // Proceedings of Aristotelian Society. 1955. Suppl. vol. 29. P. 248; 2) The Concept of Law. Ch. IV, V.

[31] См.: *Raz J.* The Authority of Law. Oxford, 1979. Ch. 8; *Hart H.L.A.* Essays in Jurisprudence and Philosophy. P. 10 ff.

[32] *Hart H.L.A.* The Concept of Law. P. 242–244.

[33] *Hart H.L.A.* Essays in Jurisprudence and Philosophy. P. 13, 14.

[34] *Hacker P.M.S.* Hart's Philosophy of Law // Law, Morality and Society. Oxford, 1977. P. 1–25; *MacCormick N.* H.L.A. Hart. 2nd ed. Stanford, Ca., 2008. P. 28 ff.; *Bix B.* H.L.A. Hart and the Hermeneutic Turn in Legal Theory // Southern Methodist University Law Review. 1999. Vol. 52. P. 176; и др.

[35] См.: *Dworkin R.* Taking Rights Seriously.

[36] См.: *Dworkin R.* 1) A Matter of Principle. Cambridge, Ma., London, 1985. Ch. 5, 6; 2) Law's Empire. P. 13–15.

формулы А. Мармора, логику Р. Дворкина можно кратко представить следующим образом.

А. *Содержательный аргумент*. 1. Любой вывод о том, в чем состоит право в рассматриваемом случае, есть результат толкования. 2. Толкование – это, по сути, попытка представить его объект в наилучшем свете. 3. Соответственно, толкование с необходимостью включает оценочные соображения. 4. Это значит, что любой вывод о том, в чем состоит право, с необходимостью включает оценочные соображения[37].

Б. *Методологический аргумент*. 1. Теория о природе права есть толкование социальной практики. 2. Любое толкование права – это, по сути, толкование юридической практики. 3. Соответственно, толкованием социальной практики занимаются и теоретики права, и судьи. 4. Толкование социальной практики, такой, как право, нацелено на то, чтобы представить эту практику в наилучшем моральном свете. 5. Отсюда и теоретики, и практики в своей основе реализуют один и тот же тип рассуждений: стремятся представить юридическую практику в ее наилучшем моральном свете[38].

Таким образом, оба аргумента оспаривают позитивистское понимание права как системы правил, укорененных в официальных источниках / социальных фактах и не имеющих необходимой связи с моралью, а также принятую в позитивизме методологию описательной (аналитической) юриспруденции, предполагающей возможность обособленной ценностно-нейтральной идентификации и объяснения права.

Р. Дворкин начинает свои рассуждения с игнорируемого позитивизмом опыта «теоретических разногласий», когда участники юридической практики спорят об основаниях права, лежащих в основе истинности правовых суждений[39]. На этой основе он провозглашает «интерпретативность» понятия права, которое в отличие от «критериальных» понятий с правилами употребления требует иных инструментов познания и использования[40]. Согласно автору, постижение права предполагает принятие особой «интерпретативной установки», вырабатываемой в ходе социальной практики у ее участников. Такая установка включает два элемента-допущения. Первое из них – допущение о том, что соответствующая практика не просто существует, но «имеет ценность, служит определенному интересу, цели, реализует определенный принцип,– короче... имеет определенный смысл, – который можно констатировать независимо от простого описания правил, составляющих эту практику»[41]. По второму допущению, требования социальной практики не являются «необходимо или исключительно тем, чем, как считалось, они были всегда, но, напротив, чувствительны к ее смыслу, так что строгие правила должны пониматься, применяться, расширяться, изменяться или ограничиваться этим смыслом»[42]. Утверждение интерпретативной установки в практике института делает его немеханическим: «люди стремятся придать данному институту значение – увидеть его в наилучшем свете – а затем перестроить его в свете этого значения»[43].

Как следствие, продолжает Р. Дворкин, познание практики права отлично от понимания отдельных ее участников (и их намерений) и предполагает постижение ее общего смысла. Иными словами, ее познание возможно лишь через «конструктивное толкование», связанное с целями / решениями толкователя, а не автора, и предполагающее «наложение цели на объект или практику с тем, чтобы представить их наилучшим примером формы или жанра, к которому, как считается, они относятся»[44]. Такое толкование включает три стадии: 1) доинтерпретативную стадию, где «устанавливаются правила и стандарты, которые, как считается, обеспечивают предварительное содержание практики», 2) интерпретативную стадию, на которой «толкователь определяется с общим обоснованием [выявленных ранее] главных элементов практики»; 3) постинтерпретативную или реформирующую стадию, на которой он «правит свое понимание того, что “в действительности” требует практика так, чтобы оно лучше служило обоснованию, принятому им на интерпретативной стадии»[45].

Соответственно, формулируемые в этом контексте правовые суждения, согласно Р. Дворкину, носят интерпретативный характер, не будучи описанием права как простого исторического факта или же его оценкой с абстрактных моральных позиций. Они толкуют историю права, сочетая элементы описания и оценки, но отличаясь от обоих из них[46]. По аналогии с соавтором романа, создаваемого «по цепочке», на судье, решающем дело, лежит двойная ответственность: он должен как установить общий смысл прежних решений, так и найти их наилучшее применение в конкретном случае

[37] См.: *Marmor A.* Interpretation and Legal Theory. 2nd ed. Oxford, 2005. P. 27.

[38] См.: ibid.

[39] См.: *Dworkin R.* Law's Empire. P. 5.

[40] См.: ibid. P. 47.

[41] Ibid.

[42] Ibid.

[43] Ibid.

[44] Ibid. P. 52.

[45] Ibid. P. 66.

[46] См.: *Dworkin R.* A Matter of Principle. P. 147.

как продолжение прежней институциональной истории системы[47]. Граница между «нахождением» права и его «изобретением» (правоприменением и правотворчеством) тем самым стирается. При этом судья остается по-прежнему ограничен форматом интерпретации, присущими ему критериями соответствия и оправдания: юридическому обоснованию «не нужно соответствовать каждому аспекту или особенности существующей практики – соответствие должно быть достаточным для того, чтобы толкователь мог видеть, что он толкует практику, а не изобретает новую»[48].

Наконец, поскольку, по Р. Дворкину, для познания права как социальной практики требуется постижения ее общего смысла и структуры, теоретик права не может ограничиться ни простым наблюдением такой практики, ни выявлением намерения ее участников – он должен сам принять в ней участие, вовлекаясь в процедуры конструктивного толкования. Отсюда – суждения теоретика не имеют принципиальных отличий от суждений судьи и др., представляя право в его наилучшем (моральном) свете, находя равновесие между обнаруживаемой юридической практикой и ее наилучшим обоснованием. Теория права тем самым обсуждает и формирует интерпретативную основу любого юридического аргумента, выступает «общей частью судебного решения, молчаливым прологом к любому решению в праве»[49].

Типология правовых теорий: идентификация и вызовы интерпретативизма. Рассмотренный в контексте типологий правовых доктрин, принятых в англо-американской юриспруденции, интерпретативизм Р. Дворкина, с одной стороны, представляет альтернативу позитивистской традиции правового теоретизирования, с другой – оспаривает сами критерии деления правовых учений и предполагаемые ими методологические возможности / перспективы.

Итак, в противовес программе позитивизма как «внешней», общей и описательной (морально-нейтральной) теории доктрина Р. Дворкина выступает юриспруденцией «внутренней» точки зрения, частной / парокиальной правовой теорией, носящей *prima facie* нормативный характер.

Во-первых, подход Р. Дворкина строится как теория, рассуждающая с «*внутренней*» точки зрения, с позиций участника юридической практики, который задается вопросами истинности и обоснованности правовых суждений (в отличие от «внешней» позиции социолога или историка, обсуждающих причины правовых установок и действий, предсказания будущих суждений и т.п.). Эта теория стремится понять нормативный и аргументативный характер юридической практики через участие в такой практике[50].

Кроме того, подобно принятой оценке учения Г. Харта доктрину Р. Дворкина также можно назвать «*герменевтической*». Для американского правоведа постижение права как аргументативной социальной практики невозможно без понимания ее участников, без собственных представлений о силе и слабости используемых в ней аргументов: не будучи в этом смысле «правоведческой», теория права не сможет быть подлинно социальной и реалистичной[51]. Вместе с тем в отличие от учения Г. Харта теория Р. Дворкина «герменевтична» также в двух других аспектах. С одной стороны, она не просто обсуждает юридическое толкование и нормативную аргументацию, но мыслит их в качестве главной черты юридической практики и, тем самым, права в целом, а значит – и в качестве ключевого объекта теоретической концептуализации. С другой стороны, теория Р. Дворкина упоминает философскую герменевтическую традицию (В. Дильтея, Х.-Г. Гадамера, Ю. Хабермаса и др.) в качестве одного из своих идейных вдохновителей[52] (правда, скорее «применяя», в гадамеровском смысле, отдельные ее постулаты, значимые для собственного проекта юриспруденции[53]), и, что особенно важно, методологически осмысливает и реализует себя как герменевтическая практика, соучаствующая в производстве и оценке правовых суждений.

Во-вторых, доктрина Р. Дворкина заявляется и квалифицируется[54] как *частная / парокиальная* правовая теория. В свете идей самого правоведа, как любая интерпретативная концепция, его теория по своей природе интерпретативна в отношении определенной юридической практики, соучаствует в ней, разделяет принятые здесь «парадигмы права» (официальные материалы и критерии юридического) и дает их обоснование в свете политической морали сообщества, трактует данную практику в качестве «развитого примера права» вне зависимости от опыта и стандартов иных правовых систем. Здесь не обсуждаются универсальные черты или условия существования правовой системы, а вопрос «Что такое право?» означает вопрос «Что

[47] См.: *Dworkin R.* 1) Op. cit. Ch. 5; 2) Law's Empire. Ch. 7.

[48] *Dworkin R.* Law's Empire. P. 66.

[49] Ibid. P. 90 ff.

[50] См.: *Dworkin R.* 1) Op. cit. P. 13–15; 2) Hart's Posthumous Reply. P. 2097; *Marmor A.* Op. cit. P. 39 ff.

[51] См.: *Dworkin R.* Law's Empire. P. 13, 14.

[52] См., в частности: ibid. Ch. 2. P. 419 ff.

[53] См., напр.: Юридическая герменевтика в XXI веке. СПб., 2016. Гл. 4–8 и др.

[54] См., напр.: *Hart H.L.A.* The Concept of Law. P. 240–242; *Moore M.S.* Op. cit. P. 94, 95; *Raz J.* Between Authority and Interpretation. Ch. 2, 3; и др.

связывает юридических субъектов в данной правовой системе?». Соответственно, интерпретативная теория адресована конкретной правовой культуре, юрисдикции, историческому этапу развития юридической практики, а равно ограничена ими[55]. Как следствие, хотя Р. Дворкин и использует общий язык рассуждений, его примеры, критерии и политико-моральные стандарты ориентированы на правопорядки США и Великобритании ближайшего исторического периода (ранее называемые им наиболее развитыми системами права[56]): тем самым доктрина автора конструируется как *современная американо-британская юриспруденция*.

Используя приведенные ранее критерии М. Мура, можно указать на еще два аспекта частного характера построений Р. Дворкина. С одной стороны, американский правовед сосредоточивается на анализе правовых суждений различной степени абстрактности, т.е. в терминах Г. Харта, он исследует частные смыслы права как юридических правил и индивидуальных предписаний (судебных решений) по сравнению с отвлеченной концептуализацией права как правовой системы, продвигаемой позитивистами[57]. С другой стороны, вопросы права обсуждаются Р. Дворкином прежде всего в контексте судопроизводства. Иными словами, базовой здесь выступает позиция судьи как образцовая для осмысления аргументативности юридической практики, а также более эксплицитная и влиятельная по сравнению с аналогичными позициями граждан, политиков, преподавателей права и т.д.[58]

В-третьих, если следовать классическому делению правовых учений на описательные и нормативные, доктрину Р. Дворкина, судя по всему, нужно считать *нормативной*[59]. Хотя подобное ее обозначение отсутствует в «Империи права» (где скорее акцентируется единство описательных и оценочных элементов в интерпретации), такой вывод проистекает из целого ряда ее постулатов. Так, теория Р. Дворкина заявляется как юриспруденция внутренней точки зрения, ориентированная на нормативно-аргументативную юридическую практику конкретного сообщества и реализующая сущностно тот же тип рассуждения, что и ее участники (в т.ч. судьи). Ее базовые задачи и вопросы касаются истинности и обоснованности соответствующих правовых суждений (о правах и обязанностях правовых субъектов, полномочиях должностных лиц, оправданности государственного принуждения и проч.). Отсюда она не может быть сугубо описательной и с необходимостью включает оправдание, апеллирующее к политической морали сообщества и обосновывающее «единственно верный» ответ на юридические вопросы системы. Другими словами, нормативность права и юридической практики означает нормативные притязания правоведческой теории как их интегрального элемента – интерпретативной основы и общей части любого юридического решения[60].

Представленная идентификация доктрины американского правоведа, даже фиксируя ее значимые параметры, вместе с тем, оставляет в стороне важную характеристику методологического подхода автора. Доктрина Р. Дворкина не просто образует методологическую альтернативу позитивистским и т.п. концепциям в рамках классической системы измерения / типологии правовых теорий, или же, как считает И. Флорес, объединяет возможности различных типов правовых учений в более сложной концептуальной рамке[61]. Эта доктрина оспаривает состоятельность самой системы правоведческих координат и используемых в ней критериев дифференциации и оценки способов правового теоретизирования.

Во-первых, признание Р. Дворкином права в качестве интерпретативного понятия и практики аргументации, а конструктивного толкования – в качестве единственно верного способа его постижения ставит под вопрос методологию «внешней точки зрения», используемую в позитивизме. Для американского мыслителя проект «внешней юриспруденции» либо малоценен, либо вообще несостоятелен. «Бесполезность» такого подхода связывается им с периферийностью для юридической практики вопросов, которые могут решаться с таких «внешних» (социологических, исторических и т.п.) позиций: смысл ключевых правовых понятий, по Р. Дворкину, можно постичь надлежащим образом лишь с точки зрения участника, что предполагает вовлечение в саму юридическую практику, в выработку и обоснование собственных ответов на ее вопросы. (Будет искаженной теория, сводящая право лишь к «простым фактам» – официальным актам и текстам, универсальным правилам словоупотребления и проч., – которые суть лишь «доинтерпретативные данные», всегда подлежащие толкованию и доступные пересмотру в рамках аргументативной практики сообщества.) Отсюда, по Р. Дворкину, вытекает и несостоятельность

[55] См.: *Dworkin R.* Law's Empire. P. 90–94, 102 ff.

[56] См.: *Dworkin R.* Taking Rights Seriously. Ch. 13, etc.

[57] См.: *Moore M.S.* Op. cit. P. 94.

[58] См.: *Dworkin R.* Law's Empire. P. 13–15; *Moore M.S.* Op. cit. P. 95.

[59] См.: *Dworkin R.* Hart's Posthumous Reply. P. 2097.

[60] См.: *Moore M.S.* Op. cit. P. 95 ff.; *Dworkin R.* 1) Law's Empire. Ch. 3; 2) Hart's Posthumous Reply. P. 2097–2104.

[61] См.: *Flores I.B.* Op. cit. P. 172; Юриспруденция в поисках идентичности. P. 193.

«внешней» юриспруденции в ее претензиях на морально-нейтральное объяснение права. Такой подход исходит из существования «точки Архимеда», внеположенной социальной практики, и скрывает свою включенность в политические и моральные дебаты о праве, принятие в них той или иной позиции[62].

Сказанное, во-вторых, ставит под вопрос возможность чисто описательной правовой теории. Допускаемая в отношении ряда социальных наук, такая возможность видится Р. Дворкину неуместной в юриспруденции. Нормативность юридической практики означает для него нормативность правовой теории[63], в связи с чем правоведческое описание может быть лишь частью интерпретации, необходимо предполагающей практический тип рассуждения и обращение к морально-политическим аргументам.

Это же, в-третьих, обусловливает и сознательную привязку предмета и суждений юриспруденции к конкретной правовой культуре / системе, ставя под вопрос проекты общей теории права. По Р. Дворкину, крайняя разнородность инокультурных правовых систем, формирующихся и функционирующих в контексте разных моральных систем и политических идеологий, не позволяет обеспечить единство оснований правоведческой теории[64]. (Потенциальным источником разнородности может выступать и степень развитости в обществе «интерпретативной установки» и тем самым всего института права[65], обусловливая разную фундированность и востребованность даже концепций интерпретативного толка.)

Заключение. Таким образом, развитие интерпретативной доктрины Р. Дворкина 1980-х годов сопряжено с переносом предмета обсуждения на методологический уровень, как в положительном, так и в критическом плане. Вводимый автором подход не только смешивает или объединяет методологические возможности, заложенные в классических типологиях правовых теорий, но, по сути, ставит под вопрос состоятельность и плодотворность самих критериев таких типологизаций. Будучи самобытным философом, Р. Дворкин (наряду с Дж. Финнисом, С. Перри, М. Мёрфи и др.) формирует и укрепляет новый тренд в англо-американской юриспруденции, когда, с одной стороны, оспаривается нейтральность методологического проекта позитивизма, с другой – переопределяется статус концепций естественно-правового толка в качестве конкурирующих с позитивизмом объяснений «права, как оно есть». Конечно, выводы Р. Дворкина скорее радикальны и провокационны, чем общепризнаны. Однако важным их следствием является переосмысление (новая аргументация) юридического позитивизма, а также преобразование «интеллектуального ландшафта» англо-американской юриспруденции и его координат, стремящееся учесть более тонкие и комплексные вызовы современной правоведческой методологии.

[62] См.: *Dworkin R.* 1) Hart's Posthumous Reply. P. 2097 ff.; 2) Justice in Robes. Cambridge, Ma., London, 2006. Ch. 1.

[63] См.: *Dworkin R.* Hart's Posthumous Reply. P. 2097 ff.

[64] См.: *Dworkin R.* Law's Empire. P. 102, 103.

[65] См.: ibid. P. 103.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные направления анализа права и правоведения: проблема междисциплинарного понимания и сотрудничества: материалы девятых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. М., 2015.
2. *Варламова Н.В.* Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. СПб., 2010.
3. *Жуков В.Н.* Философия права. М., 2020. Гл. 1, 2.
4. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. 2-е изд. СПб., 2015. С. 10.
5. *Ллойд Д.* Идея права. М., 2002. Гл. 5.
6. *Невважай И.Д.* Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. 2000. № 2. С. 23–31.
7. *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права. СПб., 2017.
8. Теория государства и права / под ред. О.В. Мартышина. М., 2007. Гл. 13.
9. *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012.
10. Юридическая герменевтика в XXI веке. СПб., 2016. Гл. 4–8.
11. Юриспруденция в поисках идентичности: сб. ст., переводов, рефератов / под общ. ред. С.Н. Касаткина. Самара, 2010. С. 10–25, 114, 187, 188, 193.
12. *Austin J.* Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law: in vols. 5th rev. ed. London, 1885. P. 157, 1071 ff.
13. *Bentham J.* An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. London, 1970. § 21–29.
14. *Bix B.* H.L.A. Hart and the Hermeneutic Turn in Legal Theory // Southern Methodist University Law Review. 1999. Vol. 52. P. 176.
15. *Dickson J.* Evaluation and Legal Theory. Oxford, 2001. Ch. 1, 2.
16. *Dworkin R.* A Matter of Principle. Cambridge, Ma., London, 1985. P. 147; Ch. 5, 6.

17. *Dworkin R.* Hart's Posthumous Reply // Harvard Law Review. 2017. Vol. 130. P. 2097–2105.

18. *Dworkin R.* Justice in Robes. Cambridge, Ma., London, 2006. Ch. 1.

19. *Dworkin R.* Law's Empire. Cambridge, Ma., 1986. P. 5, 13–15, 31, 47, 52, 66, 90, 94, 102, 103; Ch. 2. P. 419 ff.; Ch. 3, 7.

20. *Dworkin R.* Taking Rights Seriously. 2nd ed. Cambridge, Ma., 1978. Ch. 2, 13.

21. *Flores I.B.* The Legacy of Ronald Dworkin (1931–2013): A Legal Theory and Methodology for Hedgehogs, Hercules, and One Right Answers // Problema. 2015. No. 9. P. 166, 168–170, 172.

22. *Hacker P.M.S.* Hart's Philosophy of Law // Law, Morality and Society. Oxford, 1977. P. 1–25.

23. *Hart H.L.A.* Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford, 1983. P. 10, 13, 14, 49, 56 ff.

24. *Hart H.L.A.* The Concept of Law. 2nd ed. Oxford, 1994. P. 239–244, 246; Ch. IV, V.

25. *Hart H.L.A.* Theory and Definition in Jurisprudence // Proceedings of Aristotelian Society. 1955. Suppl. vol. 29. P. 248.

26. *MacCormick N.* H.L.A. Hart. 2nd ed. Stanford, Ca., 2008. P. 28 ff.

27. *Marmor A.* Interpretation and Legal Theory. 2nd ed. Oxford, 2005. P. 27, 39 ff.

28. *Moore M.S.* Educating oneself in public. New York, 2000. P. 5, 81–83, 88–95 ff.

29. *Raz J.* Between Authority and Interpretation. Oxford, 2009. P. 31 ff.; Ch. 2, 3.

30. *Raz J.* Ethics in the Public Domain. Rev. ed. Oxford, 1994. P. 204.

31. *Raz J.* The Authority of Law. Oxford, 1979. Ch. 8.

REFERENCES

1. Actual directions of analysis of law and jurisprudence: the problem of interdisciplinary understanding and cooperation: materials of the ninth philosophical and legal readings in memory of Academician V.S. Nersesyants / ed. and comp. V.G. Grafsky. M., 2015 (in Russ.).

2. *Varlamova N.V.* Typology of law and modern trends in the development of the theory of law. SPb., 2010 (in Russ.).

3. *Zhukov V.N.* Philosophy of Law. M., 2020. Ch. 1, 2. Law in search of identity. C. 101 et seq. (in Russ.).

4. *Kelsen G.* Pure theory of law. 2nd ed. SPb., 2015. P. 10 (in Russ.).

5. *Lloyd D.* The idea of law. M., 2002. Ch. 5 (in Russ.).

6. *Nevvazhay I.D.* Types of legal culture and forms of legal consciousness // Jurisprudence. 2000. No. 2. P. 23–31 (in Russ.).

7. *Polyakov A.V., Timoshina E.V.* General theory of law. SPb., 2017 (in Russ.).

8. Theory of state and law / ed. by O.V. Martyshin. M., 2007. Ch. 13 (in Russ.).

9. *Chestnov I.L.* Post-classical theory of law. SPb., 2012 (in Russ.).

10. Legal hermeneutics in the twenty-first century. SPb., 2016. Ch. 4–8 (in Russ.).

11. Jurisprudence in search of identity: collection of articles, translations, abstracts / under the general editorship of S.N. Kasatkin. Samara, 2010. P. 10–25, 101, 114, 187, 188, 193 (in Russ.).

12. *Austin J.* Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law: in vols. 5th rev. ed. London, 1885. P. 157, 1071 ff.

13. *Bentham J.* An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. London, 1970. § 21–29.

14. *Bix B.* H.L.A. Hart and the Hermeneutic Turn in Legal Theory // Southern Methodist University Law Review. 1999. Vol. 52. P. 176.

15. *Dickson J.* Evaluation and Legal Theory. Oxford, 2001. Ch. 1, 2.

16. *Dworkin R.* A Matter of Principle. Cambridge, Ma., London, 1985. P. 147; Ch. 5, 6.

17. *Dworkin R.* Hart's Posthumous Reply // Harvard Law Review. 2017. Vol. 130. P. 2097–2105.

18. *Dworkin R.* Justice in Robes. Cambridge, Ma., London, 2006. Ch. 1.

19. *Dworkin R.* Law's Empire. Cambridge, Ma., 1986. P. 5, 13–15, 31, 47, 52, 66, 90, 94, 102, 103; Ch. 2. P. 419 ff.; Ch. 3, 7.

20. *Dworkin R.* Taking Rights Seriously. 2nd ed. Cambridge, Ma., 1978. Ch. 2, 13.

21. *Flores I.B.* The Legacy of Ronald Dworkin (1931–2013): A Legal Theory and Methodology for Hedgehogs, Hercules, and One Right Answers // Problema. 2015. No. 9. P. 166, 168–170, 172.

22. *Hacker P.M.S.* Hart's Philosophy of Law // Law, Morality and Society. Oxford, 1977. P. 1–25.

23. *Hart H.L.A.* Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford, 1983. P. 10, 13, 14, 49, 56 ff.

24. *Hart H.L.A.* The Concept of Law. 2nd ed. Oxford, 1994. P. 239–244, 246; Ch. IV, V.

25. *Hart H.L.A.* Theory and Definition in Jurisprudence // Proceedings of Aristotelian Society. 1955. Suppl. vol. 29. P. 248.

26. *MacCormick N.* H.L.A. Hart. 2nd ed. Stanford, Ca., 2008. P. 28 ff.

27. *Marmor A.* Interpretation and Legal Theory. 2nd ed. Oxford, 2005. P. 27, 39 ff.

28. *Moore M.S.* Educating oneself in public. New York, 2000. P. 5, 81–83, 88–95 ff.

29. *Raz J.* Between Authority and Interpretation. Oxford, 2009. P. 31 ff.; Ch. 2, 3.

30. *Raz J.* Ethics in the Public Domain. Rev. ed. Oxford, 1994. P. 204.

31. *Raz J.* The Authority of Law. Oxford, 1979. Ch. 8.

Сведения об авторе

КАСАТКИН Сергей Николаевич –
доцент, кафедра теории и истории государства и права Самарского юридического института ФСИН России; 443022 г. Самара, ул. Рыльская, 24в; кафедра теории права и философии Самарского государственного экономического университета; 443090 г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141

Authors' information

KASATKIN Sergey N. –
associate Professor, Department of theory and history of state and law of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; 24v Rylskaya str., 443022 Samara, Russia; Department of theory of law and philosophy of the Samara state University of Economics; 141 Sovetskoy Armii str., 443090 Samara, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 4, с. 81–103
STATE AND LAW, 2021, № 4, pp. 81–103

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ПРОФЕССОРА И.М. РАГИМОВА «РЕЛИГИЯ И НАКАЗАНИЕ» (СПб., 2020. – 217 с.)

© 2021 г. А. И. Бастрыкин

Следственный комитет Российской Федерации, г. Москва

Поступила в редакцию 03.03.2021 г.

Аннотация. В рецензии на представленную монографию содержится подробный анализ сути и содержания ее подразделов. Рецензент приходит к выводу о том, что автору удалось преодолеть традиционную для юристов, исследовавших философские аспекты правового регулирования, проблему. Эта проблема состоит в узком понимании ими объекта правового регулирования – фактически сложившихся общественных отношений.
Юристы, выступая в роли исследователей глобальных правовых проблем, редко обращают внимание на глубокие философские вопросы, сосредоточиваясь на юридической стороне вопроса. Поэтому цели, задачи и, соответственно, смысл правового регулирования оставались и остаются вне внимания авторов такого рода исследований. Представленную же монографию, напротив, выгодно отличает повышенное внимание ее автора к глобальным философским проблемам, что позволит дать четкие ориентиры в понимании права человека и государства вершить справедливое правосудие и назначать справедливое наказание. Рецензируемая монография также позволяет ответить на чрезвычайно трудный и не имеющий универсального ответа вопрос о границах Божественной воли, человеческого разума и человеческой деятельности.

Ключевые слова: право, права человека, наказание, философия, религия, рецензия на книгу, церковь, государство, ислам, христианство.

Цитирование: *Бастрыкин А.И.* Рецензия на книгу профессора И.М. Рагимова «Религия и наказание» (СПб., 2020. – 217 с.) // Государство и право. 2021. № 4. С. 81–103.

DOI: 10.31857/S102694520014363-0

REVIEW OF THE BOOK BY PROFESSOR ILGAM M. RAGIMOV “RELIGION AND PUNISHMENT” (St. Petersburg, 2020. – 217 pp.)

© 2021 A. I. Bastrykin

Investigative Committee of Russia, Moscow

Received 03.03.2021

Abstract. The review of the presented monograph contains a detailed analyze of the essence and content of its subsections. The reviewer comes to the conclusion that the author has managed to overcome the problem traditional for lawyers who have studied the philosophical aspects of legal regulation. This problem is in narrow understanding of the object of legal regulation – in fact, established social relations.
Lawyers, acting as researchers of global legal problems, rarely pay attention to deep philosophical issues, focusing on the legal side of the issue. Therefore, the goals, objectives and, accordingly, the meaning of legal regulation remained and remain outside the attention of the authors of this kind of research. The presented monograph, on the contrary, favorably distinguishes its author's increased attention to global philosophical problems, which will provide clear guidelines in the understanding of human and state rights to administer fair justice and impose fair punishment. Also, this article allows you to answer an extremely difficult and not having a universal answer to the question about the boundaries of the Divine will, human mind and human activity.

Key worlds: law, human rights, punishment, philosophy, religion, book review, church, state, Islam, Christianity.

For citation: *Bastrykin, A.I. (2021).* Review of the book by Professor Ilgam M. Ragimov “Religion and punishment” (St. Petersburg, 2020. – 217 pp.) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 81–103.

В конце 2020 г. увидела свет монография известного специалиста в области уголовного права и криминологии профессора Ильгама Мамедгасана Рагимова «Религия и наказание». Этот труд является продолжением целого ряда серьезных и глубоких исследований, выполненных автором по очень сложной и многогранной теме уголовного наказания («Философия наказания и проблемы его назначения», «Философия преступления и наказания», «О нравственности наказания», «Преступность и наказание»).

Работа, о которой идёт речь, по своим целям и содержанию значительно отличается от вышеуказанных сочинений. В первую очередь тем, что автор предпринял серьёзную научную попытку глубоко рассмотреть многоаспектные отношения, которые существуют между уголовно-правовым институтом назначения наказания за уголовные преступления и религией.

В современной юридической литературе, да и в литературе последних десятилетий, произведения подобного рода нам не известны. Мы знаем, что юристы неоднократно рассматривали вопросы уголовного наказания, его целей и видов прежде всего в правовом аспекте. Но речь шла только о правовом содержании и правовом регулировании соответствующих общественных отношений, о правовых целях законодателя и правовых средствах достижения этих целей. И даже тогда, когда юристы рассуждали о том, должно ли уголовное наказание содержать элементы кары и воздаяния, они редко выходили за пределы чисто юридической тематики и не углублялись в философские основы и тем более религиозные аспекты данной проблематики.

Эту традицию хорошо изучил проф. И.М. Рагимов, когда в своих работах затрагивал вопросы философии и нравственности. И это позволило серьезно расширить горизонты проникновения в тему наказания вообще, попытаться получить философское и нравственное объяснение конечных целей, задач и содержания наказания человека за совершенное преступное деяние.

В нынешней книге проф. И.М. Рагимов пошёл значительно дальше: он попытался показать истоки целей, назначения и смысла наказания в религиозных учениях Церкви. В учениях самой различной, иногда самой противоположной и непримиримой направленности. Автор пытается понять и донести до читателей религиозные постулаты не только как религиозные догмы, но и как нравственные обоснования права государства на кару и возмездие в отношении человека, преступившего закон.

Это дает нам право прежде всего указать на большую творческую и научную смелость автора, ибо не всякий, даже очень подготовленный в теоретическом плане юрист, возьмётся за установление и объяснение закономерных связей между Священными Писаниями, религиозными верованиями и учениями и, казалось бы, крайне прагматичной сферой государственной деятельности, каким является применение уголовного наказания.

Но эта смелость в данном случае вполне оправдана. Автор строит своё исследование прежде всего на глубоком изучении первоисточников религиозной веры самой различной направленности. Такой подход обеспечивает исследователю фундаментальный научный, теоретический, мировоззренческий и практический фундамент выполненного им научного изыскания.

Автор последовательно выполняет требования ведущих принципов научного исследования – принципа историзма, объективности, последовательности, системности, целостности, динамизма, фактологической обоснованности, достаточной глубины и убедительности хода исследований и его результатов.

На пути к конечному результату автора ожидали немалые трудности. Но главная трудность, которая в данном случае носит объективный характер, заключается в том, что указанное исследование затрагивает ту сферу человеческого бытия, которая самым тесным образом связана с областью не объективных и прочных знаний, добытых наукой, а Веры, которая, в свою очередь, тесно связана с областью сомнений и поисков.

Именно в этом заключается не только крайняя сложность исследования, но и важное практическое его значение: дать и верующим, и неверующим людям четкие ориентиры в понимании права человека и государства вершить справедливое правосудие и назначать справедливое наказание. И ответить на чрезвычайно трудный вопрос: где в этом сложнейшем процессе Божественная воля и где – человеческий разум и деятельность человека? И очень правильно, что творческий процесс поиска истины в данном случае начинается с исторических разысканий.

* * *

Монография проф. И.М. Рагимова показала нам многовековой исторический путь развития уголовного наказания в теснейшей связи с развитием религиозного учения и развитием Церкви. За прошедшие века Церковь оказала огромное влияние на многие стороны общественной жизни, в т.ч. на формирование обычного права, явившегося одним из факторов, серьезно повлиявших на становление и современного уголовного законодательства.

С укреплением христианства на Руси начинает меняться материальный взгляд на преступление – оно становится не только причинением вреда, но и нарушением религиозных предписаний. Таким образом, благодаря православию институт преступления приобретает религиозный оттенок, а понятия «преступление» и «грех» становятся идентичными, хотя последнее, безусловно, значительно масштабнее.

В некоторых отраслях права начинает прослеживаться тенденция активного вхождения церкви в законотворческий процесс.

Это движение коснулось и уголовного права. В результате значительно расширяется круг деяний, влекущих уголовное наказание; в самостоятельный состав преступления выделяется неосвященная церковью совместная жизнь мужчины и женщины (так, церковь пытается пресечь внебрачные половые связи, поскольку это преследуется каноническим учением); преступлением против благочестия становится прелюбодеяние; в отдельный состав преступления выделяется изнасилование.

Ветхий Завет также служит основанием для запрета и определения преступным деянием ведьмовства, приготовления зелья и т.п. Эти и другие ветхозаветные запреты получили отражение в Уставе князя Владимира, представляющем собой первую попытку масштабного применения на Руси православных канонов и начало кодификации русского церковного права.

После крещения русского народа рядом с веками слагавшейся религиозной системой языческого права постепенно формируется новая система права христианской церкви. Борьба православной церкви с юридическими обычаями языческой поры продолжалась несколько столетий, но, как явствует из решений Стоглавого собора, полная победа не была одержана даже ко второй половине XVI в.

Причина такого «замедленного» изживания институтов и норм древнего права объясняется отставанием в социально-экономическом развитии средневековой Руси, а также политикой изоляционизма, которую православная страна проводила перед лицом католической и протестантской Европы.

Ограничение людских контактов и идеологическая неприязнь мешали заимствованию религиозных новелл в юридической сфере. Лишь в Московском царстве XVII в. действие этих факторов ослабло, правовая система достигла относительной однородности и высокого уровня совершенства. Это в полной мере относится к Соборному уложению царя Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим. Принято оно было в 1649 г. и в значительном объеме действовало до свержения монархии в 1917 г., заслужив высокую оценку современников.

В последующем в уголовном законодательстве России не только прослеживается постоянное влияние православия на развитие институтов преступления и наказания, но и формируется целая группа религиозных преступлений, получивших название преступлений против веры. При этом по-прежнему значимыми остаются преступления, не носящие чисто религиозного характера, но нарушающие христианские догматы и запреты. На определенном этапе развития уголовного законодательства большая часть из них перейдет в группу преступлений против нравственности или против личности. Это преимущественная часть половых преступлений, преступления детей против родителей и некоторые др.

Со времени создания Соборного уложения 1649 г. по объекту посягательства на первое место выходят государственные, публичные интересы. Вместе с тем Церковь по-прежнему играет значительную роль в Российском государстве, однако последнее, начиная с Петра I, учредившего в 1721 г. Святейший Синод, пытается ограничить ее влияние, в т.ч. и в области законодательной политики. И все же, несмотря на удаление церкви от соучастия в управлении светскими делами, она не была отстранена от светской деятельности вообще, ибо число составов религиозных преступлений в России значительно возросло по сравнению с Соборным уложением. Это резко контрастировало с падением аналогичного показателя в Европе (например, в Кодекс Наполеона были включены только пять статей о посягательствах на свободу отправления богослужения, а в общегерманском Уголовном кодексе и того меньше – три).

Данный и многие другие факты свидетельствуют о том, что Российское государство очень нуждалось в сохранении верования большинства населения и в поддержке Православной Церкви.

Таким образом, в течение почти двухтысячелетнего существования христианской религии Церковь и государство, различные по своим целям и средствам, с помощью которых они призваны действовать, никогда не стояли обособленно друг от друга. Уголовное право дореволюционной России, равно как и его законодательство, прошли свой путь рука об руку с христианской религией вплоть до Октябрьской революции 1917 г., всегда находя у своего союзника духовную поддержку и канонические рецепты для криминализации отдельных общественно опасных деяний, а также для дифференциации ответственности и индивидуализации наказания.

Все это глубоко и убедительно показано в книге проф. И.М. Рагимова.

* * *

Монография проф. И.М. Рагимова содержит важные методологические положения и выводы. В этом состоит главный и теоретический, и практический результат его труда. Изначально учение о наказании, как и многие другие явления науки, было предметом философской мысли. Поэтому на протяжении многих веков вокруг данного понятия разворачивались крайне оживленные, а иногда и очень горячие дискуссии, в результате которых появилось большое количество различных концепций, учений и теорий.

В этой связи автор совершенно справедливо указывает, что юристы должны, бесспорно, рассматривать понятие наказания как понятие правовое, а не как философское, т.е. юристов в первую очередь должна интересовать юридическая сторона вопроса. Следовательно, при определении понятия наказания юрист при всем желании никак не может обойтись без учений и понятий, имеющих чисто юридическое значение.

В то же время, говорит проф. И.М. Рагимов, следует помнить, что разрешить проблему наказания никогда не удастся, если отделять право от реального мира фактов и явлений, на основе которых оно выросло. А это означает, что нельзя переоценивать роль юридических признаков и при определении понятия наказания.

Что же касается философии, то она считает, что отличительной чертой наказания, по сравнению с другими правовыми мерами, является присущий ему элемент возмездия (Платон, Цицерон, Синека, Г. Гроций, Кант, Гегель и др.). Но и из содержания Священных Писаний ясно усматривается Божеская мысль о том, что возмездие есть явление, лежащее в объективной природе наказания. В этом смысле в определении понятия наказания как возмездия существует единство во взглядах религиозных деятелей и философов. Различие заключается лишь в том, что первые обосновывают свое мнение ссылками на Библию и Коран, а вторые – на методы философии, способные познать сущность наказания, выявить главное, основное и определяющее в его функционировании и развитии.

Именно философское осмысление сущности наказания дает юристам возможность вникнуть в суть этого явления, подвести его под выработанные философией мысли о категориях и найти ответ на вопрос: какие же цели ставит перед собой Господь Бог, применяя наказание?

С этими положениями, содержащимися в сочинении проф. И.М. Рагимова, трудно не согласиться.

* * *

Книга проф. И.М. Рагимова своей направленностью и содержанием утверждает весьма важную истину. Эта истина заключается в том, что вопрос Веры в Бога и его всемогущество – это не только вопрос веры, но и вопрос знания.

Ведь совсем не случайно среди авторов богословских творений были не столько отшельники-пустынники, а люди глубоко образованные. Это крупные и известные философы и ученые, обладавшие обширными сведениями во всех отраслях знаний.

Для примера укажем на одного из них – св. Василия Великого. Он изучал науки в знаменитой Афинской школе, привлекавшей к себе в то время цвет ума и таланта. Был красой и гордостью своих профессоров. Но все светские знания не могли насытить его ум, искавший нечто высшее – небесного озарения. Тогда он отправился в те страны, где жили христианские подвижники, и где он мог вполне ознакомиться с истинно-христианской наукой. Был в Египте, Карфагене, Сирии и Палестине. Там он нашел и духовное руководство, и большое собрание богословских творений, прилежно и долго изучал их.

После долгого отсутствия, возвратясь в Афины, он продемонстрировал грекам-современникам, по их признаниям, разум, превосходивший обычную человеческую мерку ума, и в этом отношении он приближался к богам.

Великий Сократ сознавал, что все, что человек знает и что может понять, – ничто в сравнении с тем, чего он не знает и не понимает. До него философия занималась почти исключительно созерцанием внешней природы, не обращая внимания на мир нравственный. Сократ открывает этот мир, оставляя внешнюю природу, в основании своей мудрости полагает самосознание и в глубине человеческой души находит свидетельство о Боге.

По мнению древнего философа Платона, «душа человека бессмертна, все ее надежды и стремления перенесены в другой мир. В том только мире открывается истинная сущность вещей. Здесь мир сам по себе не имеет никакой цены, но имеет значение только по отношению к другому, как его отображение, подобие». В этом заключается величие Платонова учения, возвышающего и устремляющего душу к свойственной ей свободе, к свободе над всеми чувственными ограничениями.

Великий Гёте говорил: «При мысли о смерти я совершенно спокоен, потому что твердо убежден,

что наш дух есть существо, природа которого остается неразрушимой и непрерывно, вечно будет действовать; он подобен солнцу, которое заходит только для нашего земного сна, а на самом деле никогда не заходит».

Математик Коней делился самым сокровенным: «Я христианин, я верую, что Иисус Христос был Бог, сошедший на землю; верую, как Тихо Браге, Коперник, Ньютон, Паскаль, Лейбниц, как все великие астрономы, физики и математики. Во всем христианском вероучении я ничего не вижу, что сбивало бы с толку мою голову, было бы ей вредно. Напротив, без этого святого дара веры, без знания о том, на что мне надеяться, и что ожидает меня в будущем, душа моя в неуверенности и беспокойстве металась бы от одной вещи к другой, и эта тревога души и неуверенность в мыслях есть то, что нередко производит отвращение к жизни и может в конце концов привести к самоубийству».

Французский историк И.А. Тэн пишет: «Христианство – это великая пара крыльев, необходимая для того, чтобы поднять человека выше его самого, выше его пресмыкающейся жизни и его ограниченных кругозоров».

«Религиозное обучение, по-моему, – говорил В. Гюго, – в настоящее время более необходимо, чем когда-либо. Чем больше человек растет, тем более он должен веровать. Несчастье и, можно сказать, главнейшее несчастье нашего времени, составляет стремление все ограничить этой жизнью. Ставя для человека конечным пределом и целью земную материальную жизнь, люди увеличивают свои бедствия отрицанием будущей жизни».

Материалистам можно напомнить глубокую мысль Иннокентия, архиепископа Херсонского, в пользу мнения о бессмертии души: «Если бы душа была одно с телом, то болезни тела должны были бы отзываться на всех, так называемых, душевных способностях, а мы видим часто, что при совершенном изможднии тела, в крайних страданиях, сохраняется некоторыми людьми совершенно полное владычество над всеми муками телесными».

Что думают о Боге и о бессмертии души современные нам мыслители и ученые? Об этом можно узнать из результатов анкеты по вопросу о бессмертии, которую выполнил Р. Томсен из Чикаго. Он обратился к ученым и мыслителям всех стран, в т.ч. и России, в начале XX в. Ответы размерами от нескольких строк до больших трактатов были собраны в большую книгу под названием «Доказательства в пользу загробной жизни. Собрание мнений некоторых выдающихся ученых и мыслителей о будущей жизни».

Из 47 ответов подавляющим большинством голосов (39 против 6) даны положительные ответы, притом основательно мотивированные, чего совершенно нельзя сказать об отрицательных ответах двух и уклончивых четырех мыслителей. Двумя же учеными не было дано никакого определенного ответа на поставленный перед ними вопрос о бессмертии души. Среди этих 39 ученых встречаются имена высокого ранга, такие как физик У. Крукс, психолог В. Джеймс, физиолог Ш.Р. Рише, биолог А.Р. Уоллес и др.

Глубоко верующие мыслители утверждают, что разлад между верой и разумом наблюдается лишь там, где вера слаба. Если неверующие находят много непонятного в учении о Боге, то это само собой объясняется тем, что само Откровение пришло к нам не из нашей сферы знания и жизни, а из тех беспредельных сфер бытия, где живет и открывает Себя Верховное Существо. Все возражения разума против Откровения падут сами собою, потому что они большею частью основываются на том, что разум не хочет поглубже вникнуть в высшее Откровение.

Разум далеко не всемогущий царь, он часто слеп и беспомощен.

Еще Цицерон говорил, что производить мудрое устройство мира от случая – нелепо. «Могу ли, – пишет он, – не удивляться, слыша мнение, будто какие-то тела, увлекаемые неизвестной силой и тяжестью, стремились куда-то и случайным столкновением их произведен этот благоустроенный и прекрасный мир? Если это возможно, то почему же не допустить и того, что стоит только высыпать на землю отлитые из золота буквы, и из них составится чудесное литературное произведение. Если столкновение атомов могло произвести целый мир, то почему же это не может составить храм, или дом, или город, что было бы проще и легче?».

Как сказал английский философ Ф. Бэкон, нужно свой ум приспособлять к величию Божиих тайн, а не тайны эти втискивать в тесные рамки ума.

Французский математик Паскаль был уверен в том, что высший подвиг рассудка – признание, что существует бесконечно много явлений, превосходящих человеческий рассудок. Божественные вещи надо сначала возлюбить, а потом можно будет отчасти понять. Где у человека тот масштаб, та мерка, которыми он мог бы проверить Божью беспредельность?

Правы те, кто утверждает, что ко времени Христа человечество умело строить т.н. «чудеса света». Оно строило акрополи и капитолии, дивные храмы, прекрасные театры, богатые библиотеки, школы, фабрики. Ко времени Христа уже давно сказали свое слово Сократ, Платон, Аристотель,

Пифагор, Эпикур, Зенон. Гремели великие ораторы, трагики и поэты. Тем не менее мир в то время погибал. Потребовалось не светское образование, а некое священное откровение, некая небесная тайна, которую объявил миру Христос всего лишь в одной книге – в Новом Завете. Как же получилось, что тогдашняя тысячелетняя цивилизация вела человечество к погибели, а простой и кроткий закон Христа – к спасению?

Все Евангелие – это опровержение чудовищной мысли, будто смысл человеческой жизни лишь в науке и рассудке. Опыт духовный свидетельствует о близости нашему духу Духа Божия, о воздействии Божества на душу, входящую в живое общение с Ним; в этом чувстве присутствия или близости Божества и состоит самая сущность религиозного чувства или веры.

Все хорошее в человеке и в человечестве, говорит Вл. Соловьев, только в соединении с Божественным предохраняет от искажения и извращения. Как только нарушена Богочеловеческая связь, так сейчас же нарушается (хотя сначала и незаметно) нравственное равновесие в человеке.

Некоторые великие люди обладали даром слова, способностью привлекать к себе сердца людей, но кто из них сравнится с Тем, о котором слышавшие Его сказали: «Никогда человек не говорил так, как этот человек». Ни один из основателей религий не выдавал свое учение как всеобщее, предназначенное для всех людей и всех времен. Свое религиозное учение они предназначали прежде всего для своего народа, один только Иисус Христос возвестил о Себе, что Он пришел от Отца, чтобы спасти род человеческий, быть светом для всего мира, преподать учение, которое должно быть проповедано от Иерусалима до последних пределов земли. Все воображаемые циклы перевоплощений и эволюций – совершенный ноль перед всемогущим действием благодати Божией.

* * *

Еще одна важная тема, которая затрагивается в монографии проф. И.М. Рагимова, – это тема божественного начала в праве наказания.

Автор исходит из того, что институт наказания в Священных Писаниях соприкасается, как считает религия, с признаками его богоустановленности, его Божественной природой, т.е. наказание не только устанавливается Господом, но и непосредственно Им же и применяется к виновным. Иными словами, теория Божественного происхождения права наказания ищет основы права наказания не в нашей нравственности, в общественном интересе, возмездии или же в свойствах отдельной личности, а в условиях возникновения человеческого общения, в законах мироздания, т.е. в религии. Суть рассуждений при этом такова: сам Бог с сотворения мира взял на себя труд управлять всеми делами в жизни отроческой, в жизни духовной, в политике, в религии. Он один сделал людей такими, какими они стали теперь. Он – их законодатель, учитель, их господин и судья.

Так ли это? – задается вопросом автор рецензируемого труда.

В принципе, по логике рассуждений учений, правом наказания обладает субъект, который установил правила поведения, определил, какое поведение считать правильным, а какое – противоправным, т.е. преступным. Поэтому, вновь утверждает проф. И.М. Рагимов, необходимо обратиться к Божественным Посланиям, которые рассматриваются религией как Божьи Законы, точно так же, как и законодательные акты. Если в них предусмотрено, что считать преступлением и какое наказание за это следует, то, безусловно, именно Богу как субъекту законодательства принадлежит право наказания на основании данных Писаний.

А из содержания Священных Писаний усматривается, что Бог берет на себя право наказания за отступление от Его установлений.

Но возникает еще один проблемный вопрос, который подробно рассматривается в монографии. В реальной действительности право уголовного наказания принадлежит только государству, но не Всевышнему. Значит ли это, что Бог свое право передал гражданскому обществу во главе с верховной властью? Если исходить из того, что и государство создано Всевышним, то тогда все логично. Именно так обосновывается всеми религиями право наказания.

Но как бы религия ни пыталась закрепить право наказания за Божеством, наступило время, когда данный институт оказался в руках государства.

Почему же это произошло? Автор предпринимает попытку ответить и на этот весьма непростой вопрос. И вот к какому выводу он приходит: никто, даже государство, не имеет право посягать на жизнь человека и свободу. Однако прежде чем передать свое право наказания какому-либо субъекту, Господь Бог должен был создать такой орган, который мы именуем государством. Затем Он, как Творец, зная о том, что вечные раздоры между людьми неминуемы, решил пожертвовать частью свободы человека созданному Им органу с тем, чтобы люди могли ею пользоваться спокойно и быть в безопасности.

Таким образом, источником права наказания общественной власти является необходимость защитить общественную безопасность от насилия отдельных лиц. Тем самым Господь Бог освободил

Себя от наказания людей в земной жизни, но оставил за Собой право наказания в жизни загробной.

Не менее важное научное и практическое значение имеет и вопрос об основании наказания Божьего.

Существует мнение, что современная система понятий преступления вобрала в себя Кодекс Моисея – Ветхий Завет, нормы которого, преодолев века, вошли в законы почти всех государств.

В связи с этим важно отметить, что ни в одном из Священных Писаний, в т.ч. и в Ветхом Завете, не дается определение понятия преступления. Однако глубокое осмысление постановлений Господа Бога в этих книгах позволяет нам уяснить то, что Он вкладывает в их создание и как велит нам понимать сущность данного явления.

Греховными, т.е. преступными, с религиозной точки зрения считаются любые деяния, которые нарушают установления, адресованные людям в Писании. В первую очередь речь идет о деяниях против Бога и религии. Но в чем заключается характер зла, который содержат преступления против религии?

В различных религиях, и прежде всего в исламе, утверждается, что грех есть в то же время и преступление. Иными словами, понятие греховности в религии отождествляется с понятием преступления. Недаром Всевышний употребляет слово «преступить». Это слово и понимается как обозначающее преступление. Такая граница, например, установлена в Коране. Определена также санкция за нарушения данного установления.

Анализ религиозных источников позволяет верить в то, что Бог в своем вечном царстве судит и карает грешников на началах абсолютной справедливости. Так же и государство – наместник Бога на земле должно судить и наказывать преступников. Утверждается, что, нарушая законы, человек восстает против воли Всевышнего, ибо именно Он вложил в человека стремление к общежитию, которое не может существовать без власти и законов, а значит, без этого немыслима и общественная жизнь.

Поэтому, согласно религиозным догматам, вечный закон справедливости, установленный Богом, требует, чтобы ни одна противозаконная воля не могла утвердиться и одержать победу над высшим Божественным порядком; чтобы за зло, грех и преступление неизбежно следовало наказание, которое должно уничтожить противозаконное воздействие преступника на правопорядок.

Таким образом, любое преступление расценивается как неповиновение именно Богу посредством нарушения спокойствия созданного Им миропорядка, общежития.

Значит ли это, что, установив наказание, Всевышний объявляет человека свободным в своих деяниях, следовательно, ответственным за них?

Исходя из теологической концепции сотворения государства и права, можно констатировать, что, сотворив нас, Бог изложил в Своих Посланиях правила поведения и подробно определил то, что благочестивый человек должен делать; что случится с ним, если он не исполнит должного, и каким образом он может искупить свое прошлое и снова стать человеком благочестивым. Наделив человека качествами добра и зла, Бог в то же время не требует от него совершения зла, а наоборот, требует постоянного стремления быть добрым.

Вне всякого сомнения, в постановлениях высших религиозных актов Всевышним подчеркивается, что поступок человека доброволен, зависит от него самого, что его никто не принуждает.

Таким образом, суть Божественных Посланий заключается в том, что Бог создал человека как самостоятельное, волевое, живое существо, деяния которого могут соответствовать или не соответствовать Божьей воле.

Все, что было необходимо сделать Всевышнему, – даровать человеку свободу воли и выбор, после чего было достаточно даровать созданному Им разум для руководства своими действиями. Следовательно, для Бога основаниями для наказания являются самовольное злое поведение человека, жестокость и преступление.

Профессор И.М. Рагимов обращает внимание на еще одно весьма важное обстоятельство. Религия при рассмотрении вопроса о свободной воле никогда не возлагает ответственность за любое зло со стороны человека на Бога и считает этот выбор человека причиной преступного поведения и основой Божьего наказания. Это и дает право светской власти применить к человеку, совершившему преступление, правовые меры уголовного наказания.

* * *

Значительная часть работы проф. И.М. Рагимова связана с рассмотрением вопроса о сущности и видах Божьего наказания.

Ученый правильно отмечает, что даже в отношении самого слова «наказание» никогда не существовало однозначного мнения. Но познать, что такое наказание и определить его понятие, возможно только через уяснение его сущности. Соответственно, чтобы определить понятие наказания по Господу Богу, т.е. как Он и религия это понимают, необходимо прежде всего обратиться к уяснению его содержания. А это можно сделать, полагает автор, только обратившись к Божественным Посланиям.

Следует, однако, иметь в виду, что Всевышний ни в одном из своих Священных Писаний не определяет понятие «наказание». Но глубокое осмысление постановлений Господа Бога в книгах Ветхого и Нового Заветов, Корана позволяет нам уяснить то, что Он вкладывает в содержание наказания и как понимает сущность данного явления.

Анализ этих религиозных актов позволяет автору монографии утверждать, что суть наказания определяется как возмездие и обосновывается это следующим образом: справедливость требует воздаяния злом за зло. Такое начало прямо выражено во всех Посланиях, начертано Творцом в разуме и совести человека и базируется на постулатах Ветхого Завета: наказание – это воздаяние за зло; устрашение по правилам талиона – «око за око, зуб за зуб».

В Божественных указаниях талион проникнут духом устрашения, т.е. Бог посредством талиона желает предотвратить агрессивность людей и покончить с насилием, которое в своей страшной перспективе может привести к истреблению целых родов.

Профессор И.М. Рагимов в этой связи справедливо указывает, что принцип талиона был предусмотрен и в римских Законах XII таблиц (451–450 гг. до н.э.): «Если причинить членовредительство и не помириться с потерпевшим, то пусть ему самому будет причинено то же самое».

Ученый считает, что толкование указанных выше источников дает основания предполагать, что Бог посредством принципа талиона стремится ограничить кровавую месть, ибо вполне понимает опасность кровопролития. Поэтому талион, по сути, стал предвестником института наказания. Смысл талиона, по Господу, заключается в том, чтобы дать людям прочувствовать, испытать на себе, что такое зло, насильственный акт, на который они решаются.

Попутно исследователь делает важное замечание. Он обращает внимание на весьма значительное обстоятельство – Новый Завет содержит положения, которые на первый взгляд противоречат принципу талиона: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему другую». В этой связи автор, указывая, что более подробно об этом будет сказано в третьей главе книги, здесь все же отмечает: в данном случае речь идет о другом – описании усовестить ударившего и не более того. Позднее эта фраза в философских трудах получила наименование «золотое правило нравственности».

* * *

Чрезвычайно важной темой, которая рассматривается в монографии проф. И.М. Рагимова, является тема о соотношении воли Бога, судьбы, сознания и воли человеческой.

Исходным пунктом для решения проблемы соотношения перечисленных выше понятий стал тезис о том, что религия при рассмотрении вопроса о свободной воле никогда не возлагает ответственность за любое зло со стороны человека на Бога и считает этот выбор человека главной причиной преступного поведения и, как следствие – основой Божьего наказания.

В связи с актуальностью данной проблемы автор предлагает свое видение для ее решения.

Он задается чрезвычайно важными для любого человека вопросами: что такое судьба? можем ли мы изменить ее? в чем может быть свобода выбора, которая дана человеку? как понять, кто из идущих по жизненному пути будет добрым, а кто преступником?

Автор дает краткую характеристику понятия «судьба» в различных национальных религиозных системах: в индийской философии, в философии древних греков, в древнееврейской Каббале, у античных язычников.

Краткий обзор позволяет ему прийти к обоснованному выводу, что в религиозном сознании существует понятие судьбы как теологической детерминации, т.е. Провидения. Не слепой рок, не безличные физические законы, а Премудрый и Благой Творец управляет жизнью человека. Автор утверждает, что религия, в отличие от языческой или естественнонаучной роковой детерминации, дает идею свободы и благого Промысла Божия.

Лично человек свободен в выборе между добром и злом. Поэтому только от него зависит, какова будет его судьба: станет он добродетелем или преступником. Свою судьбу человек осуществляет в течение всей жизни.

Далее проф. И.М. Рагимов утверждает, что человек наделен от природы могучим разумом, обладает способностью рассуждать и отличать добро от зла, правомерное поведение от зловредного. Поведение человека предопределено его сознанием и волей, между которыми существует неразрывная связь. Поэтому, чем определённее и яснее мы понимаем, что воля зависит от сознания, побуждающего ее к воздействию в известном направлении на внешний мир, тем наказание становится целесообразнее. Там же, где нет сознания, где оно не развито, помрачено или разрушено, там не может быть речи о нормальном соотношении между сознанием и волей. А если это так, то человек, сознание которого составляет самую сущность его Я, сам есть деятель своих действий. Иными словами, тот, кто, совершил убийство, – мог его и не совершать. Он свободно выбрал зло и должен быть наказан.

Побуждением, мотивом, удерживающим человека от совершения ужасного преступления, является утвердившееся в сознании представление о том, что такие действия повлекут за собой потерю жизни. Сознание выражается прежде всего в понимании, осмыслении определенных фактов и положений, а затем – в постановке определенных целей и подыскании средств их достижения.

Деятельность разума характеризует сознание как доминирующее явление психики человека. Следовательно, сознание можно рассматривать как высшую форму психической деятельности человека, регулирующую и контролирующую все другие явления психической жизни. В то же время сущность сознания можно определить как некое духовное состояние, которое субъективно отражает объективность и на этой основе производит, создает, творит человеческое сознание. Одним словом, сознание – чрезвычайно объемное, целостное и многостороннее историческое образование, отнюдь не исходная предпосылка человека, а результат его многовекового развития в общественной среде.

Профессор И.М. Рагимов утверждает, что под сознанием следует понимать сформированность нравственных знаний, суждений, чувств и поступков. Поэтому общество, где такие качества стали убеждениями для его членов, руководством в сфере деятельности, обладает высоким уровнем сознания, когда нормы поведения становятся осознанной необходимостью. Они обусловливаются внутренними мотивами – потребностями, диктуемыми не только общественными нормами морали и существующими правовыми нормами, но и собственной совестью.

Такое высокоразвитое сознание, естественно, весьма положительно влияет и на волю человека, и тем самым создается побуждение, возникают мотивы, удерживающие человека от совершения преступления.

* * *

В работе рассматриваются и цели наказания применительно к главной теме исследования – соотношения права и религии.

Под целями, как вытекает из содержания Священных Писаний, Всевышний понимает тот идеально желаемый результат, к которому он стремится, применяя наказание или другие меры воздействия на людей.

О каких же целях идет речь? Любая религия однозначно утверждает, что наказание установлено Богом с целью искупления зла, ибо искупление – это верховный закон мира. Всякое зло должно быть искуплено, ни одно не должно оставаться безнаказанным. Следовательно, до тех пор, пока на земле будут совершаться преступления, необходимо, чтобы постоянно имело место и наказание. Религиозные каноны четко дают понять, что поскольку Бог установил данный институт, то наказание будет существовать, пока Всевышний Творец сам его не отменит.

Религия вообще считает, что наказание – это не самоцель, а милость Божия, ибо земное страдание избавляет от более ужасного страдания в будущем.

Тексты всех Божественных Писаний свидетельствуют о том, что Божье наказание есть в значительной мере охранительное средство: «Не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не отзывайся о ближнем своем ложным свидетельством».

Как видим, за суровостью Божественного предупреждения кроется грозное устрашение. При этом, конечно же, нельзя забывать, что, хотя Господь Бог считает основной своей целью достижение желаемого результата – предупреждение преступлений, в Писаниях немало места уделяется также и цели исправительной. Например, Коран гласит: «Я желаю только исправления, пока могу» (Сура 11, аят 88), или: «Бог к вам пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не грешили» (Исх. 20:20).

Профессор И.М. Рагимов утверждает, что, в принципе, система наказаний во всех Священных Писаниях построена таким образом, что сдерживающей силой для человека является не только внешняя мораль. Изначально религия фокусируется не на каких-либо внешних правилах, а на внутреннем удерживающем факторе – совести и прилагает все усилия, чтобы взрастить ее в человеке уже с детства и привить каждому самые благородные качества. В Ветхом Завете читаем: «Если и после сего не исправитесь и пойдете против Меня, то и Я (в ярости) пойду против вас и поражу вас всемерно за грехи ваши» (Лев. 26:24).

Таким образом, мотивом правопослушного поведения Всевышний считает страх наказания. И автор монографии, с нашей точки зрения, совершенно обоснованно соглашается с этим.

* * *

Профессор И.М. Рагимов в своей работе подробно рассматривает вопрос о значении и содержании принципа справедливости и принципа гуманизма при назначении наказания.

Принцип справедливости был провозглашен ещё Аристотелем. Он утверждал, что нравственные устои, подобно вершине горы, должны господствовать над расположенными у ее подножия страстями по избытку и недостатку. В нравственности наказания должна быть середина, т.е. граница между нравственным и безнравственным.

Автор монографии правильно замечает, что, по сути, Аристотель перенёс в этику известные положения древних греков: «Ничего слишком». Если взять за основу рассуждения Аристотеля при определении отношения человека к смертной казни, то нравственные начала должны быть главными, основополагающими по сравнению (наряду) с другими аргументами «за» и «против». Если в нравственности серединная основная фигура – человек, то в наказании все обращается вокруг общества в лице государства, ибо оно является творцом, субъектом обеспечения интересов общества.

Будучи субъектом права наказания, государство может быть нравственным или безнравственным. Поэтому когда говорится о нравственности либо безнравственности наказания, то имеется в виду именно государство, а не наказание, которое есть лишь средство в руках субъекта.

В этой связи проф. И.М. Рагимов делает чрезвычайно важный вывод: высочайшей целью любого развитого в нравственном аспекте общества выступают, разумеется, интересы общего блага и отдельных его членов. Следовательно, именно принцип справедливости является критерием оценки нравственности сущности государства в отношении к общему благу, а гуманизм определяет границы нравственности относительно отдельной личности.

Гуманизм – это нравственная позиция государства, выражающая признание ценности человека как личности и не дающая возможности государству прибегать к репрессивной модели уголовной политики в отношении личности преступника как носителя «злой воли».

Справедливость же выступает как принцип, который не позволяет государству нарушить золотую середину, т.е. предостерегает его от вредных последствий в случае пренебрежения интересами общественных благ.

Итак, ученый полагает, что если принцип гуманизма служит интересам конкретных личностей, то принцип справедливости в форме возмездия (воздаяния) – интересам общего блага.

Следовательно, при определении отношения к наказанию государство оказывается между двумя принципами – гуманизмом и справедливостью. По мнению проф. И.М. Рагимова, в соответствии с этими основными положениями философии, которые служат научной теоретической базой, основой исследования конкретных проблем других наук, в т.ч. и правовых, к основам нравственных начал наказания следует подходить исходя из философского понимания нравственности.

Из этого положения вытекает следующий вывод автора: неоспоримое право государства на наказание и установление пределов принуждения означает, что именно этому органу принадлежит также и деятельность по выработке системы карательных мер, установлению точной и ясной границы между нравственным и безнравственным применением страдания и принуждения как противостояния государства и общества злу преступления.

Все эти рассуждения исследователь распространяет и на процесс уголовного правотворчества в целом. Законодатель, утверждает автор, должен быть убеждён не только в юридической, правовой необходимости, но и в нравственности принятого решения о наказании или же о его изменении. Значит, прежде чем устанавливать наказания, следует глубоко изучить социальные условия, обстоятельства, факторы, которые побудили законодателя к его заключению о необходимости принятия или изменения закона о наказании.

При этом в монографии совершенно справедливо подчёркивается, что особое значение имеет то, как воспринимает население принятие такого решения, ибо именно от этого зависит внутренняя убеждённость людей в необходимости и справедливости наказания и его практического применения. Главное, чтобы появилась нравственная потребность в том или ином наказании.

Профессор И.М. Рагимов указывает, что каждое наказание, его характер не должны возникать по капризу законодателя как представителя господствующей власти, а должны вызываться потребностями жизни. В противном случае такое наказание создает определённые социально-политические проблемы. Автор поддерживает мнение французского правоведа Ж.-Л. Бержеля о том, что социология как наука, анализирующая факты социальной жизни людей на достаточно высоком уровне обобщения, выступает в роли одного из существенных элементов, содействующих разработке, применению и эволюции позитивного права[1]. При этом он согласен с русским философом права Б.А. Кистяковским, утверждающим, что процесс правообразования, по крайней мере на первых стадиях – чисто социальный процесс[2].

В то же время, отмечает ученый, успешная деятельность по созданию системы наказания зависит от правовой культуры законодателя, его подлинно творческого отношения к своей миссии, от владения юридической наукой и искусством «делать» законы. Он справедливо обращает внимание на то, что правовая культура, в свою очередь, тысячами нитей связана с общей культурой. Её мощное

[1] См.: *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко; пер. с франц. М., 2000. С. 275.

[2] См.: *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 208.

благотворное влияние на правовое сознание, мышление, мировоззрение людей, творящих законы, на их ценностные правовые установки непосредственно или опосредованно определяет характер законодательства, обусловливает его адекватность историческому и национальному духу народа, потребностям и интересам людей.

Далее автор приходит к современности. Он отмечает, что современное уголовное законотворчество часто не учитывает вышеизложенные факторы. Именно по этой причине уголовный закон не всегда получает «внутреннее» одобрение и согласие общества в его необходимости и справедливости. В частности, исследователь обоснованно указывает, что для уголовной угрозы, т.е. возможного уголовного наказания, как и для всякого средства воздействия, существует предел, за которым увеличение дозы, не повышая шансов на уменьшение зла преступности, начинает грозить расстройством целого или его более крупных частей. И значит, подчёркивает проф. И.М. Рагимов, установить искомый предел есть дело такта уголовного законодателя, задача его общей социальной политики.

Устанавливая то или иное наказание за определённое деяние, законодатель понимает, что в случае нарушения закона лицу придётся претерпеть известные чувственные страдания или нравственное лишение, ограничение как необходимое и разумное последствие. Автор полагает, что законодатель поступает безнравственно, если заранее знает, что эти страдания не соответствуют содеянному, а значит, воздаяние не служит идее права, справедливости и нравственности наказания.

Здесь же им затрагивается проблема создания справедливого и нравственного закона о наказании, что называется «для всех времён и народов». Он совершенно верно указывает на то, что это сделать невозможно. И подробно объясняет, почему. Во-первых, потому, что каждое государство само определяет важность охраны того или иного объекта. В каждом государстве может быть свой подход к этому вопросу. Во-вторых, виды и размеры наказаний постепенно подвергаются изменениям, поскольку каждая эпоха выдвигает свои критерии значимости преступных деяний. Следовательно, нравственные начала наказания зависят во многом от того, кто и в каких условиях и обстоятельствах им пользуется.

Профессор И.М. Рагимов справедливо говорит, что изменения в наказании зависят от общественно-политического устройства общества, от особенности личности конкретного правителя, склонного либо к тирании или к милосердию.

Он очень своевременно отмечает также, что история человечества свидетельствует, что уровень нравственных начал наказания напрямую зависит от уровня развития самой нации и, значит, в принципе, можно утверждать, что система наказаний, как зеркало, отражает нравы, устои, традиции, уровень сознания, в т.ч. правового, каждого народа, нации.

В этой связи ученый указывает на два возможных варианта развития наказания: законодатель может идти впереди общества, показывая тем самым, что он – выразитель нравственного начала. И наоборот, можно быть законодателем, оказавшимся позади общества из-за незнания нравственного и культурного уровня своего народа. В таком случае общество получает не только неэффективную, но и вредную систему наказания.

Профессор И.М. Рагимов задается ещё одним весьма важным вопросом: должен ли законодатель считать себя связанным с моральным мировоззрением своего народа? Ответ на этот вопрос звучит двояко: конечно, он не должен и не может игнорировать мнение общества относительно справедливости наказания за определённое деяние. В то же время законодатель, опираясь на сущность и содержание своего общественно-политического режима, может пользоваться наказанием как сильнейшим средством для проведения в обществе своих целей и взглядов на те или иные проблемы жизни.

Затрагивает исследователь и исторический аспект темы, дает краткую характеристику системы наказания в Древнем Риме, в эпоху Средневековья, ранней и средней Руси. Акцентирует внимание на влиянии церкви на развитие уголовного наказания в Западной Европе в период Средневековья. При этом он указывает на конкретные факты в истории западноевропейской церкви этого периода, когда средневековое христианство оказывало негативное влияние на процесс гуманизации наказания в европейском уголовном праве, имеются в виду и кровавые крестовые походы, и суды инквизиции, и гонения на верующих во имя «праведного» Бога.

Свои высказывания автор подкрепляет цитатами из Н. Макиавелли и законов о наказании, которые Моисей применял к своему народу как жесточайшие законы и наказания Пятикнижия.

Из исключительного права и исключительной возможности Всевышнего на суд справедливый следует ещё один вопрос, носящий важное прагматическое значение. Он также рассматривается в рецензируемой монографии.

Если истинно правосудным и справедливым может быть только один Бог, ибо именно Ему открыты самые сокровенные помыслы подсудимого, его внутренние мотивы деяния, означает ли это, что человека-судью можно простить в случае назначения несправедливого приговора, т.к. он не

имеет дара, подобного Всевышнему, и не может проникнуть в душу подсудимого, чтобы поверить в искренность мотива его поведения?

От судьи, отвечает на это проф. И.М. Рагимов, не требуется всеведения внутреннего мира подсудимого. Этим даром обладает только Бог. Да это не только невозможно, но и не нужно. Судья обязан лишь быть справедливым и правосудным настолько, насколько это вообще возможно человеку.

Но тогда вслед за этим возникает другой вопрос: в какой мере Всевышний наградил своего раба – человека способностью быть справедливым? Всевышний во всех своих Посланиях посвящает этому вопросу не одно установление.

Профессор И.М. Рагимов подробно рассматривает их. Кроме того, он анализирует взгляды на судебную реформу иудейского царя Иосия, суд Пророка Амоса, а также мнение известных богословов, таких как Блаженный Августин, который отмечал плачевное положение дел в судах и в целом в правосудии. Он обращается также к религиозному наследию Фомы Аквинского и философским взглядам Аристотеля, и вновь особое внимание уделяет соответствующим положениям Ветхого и Нового Заветов, а также Корана, указывая на существенные различия, которые содержат названные первоисточники.

В конце концов в монографии торжествует мысль о том, что дело истинного и справедливого правосудия всегда находится под неусыпным контролем и влиянием Всевышнего, что помимо суда Людского всех нас ожидает Высший суд Всевышнего, который каждому из нас воздаст по делам нашим. К этому тезису относится и дело справедливого судопроизводства, и дело справедливого и гуманного наказания.

* * *

Сочинение проф. И.М. Рагимова позволяет взглянуть на многоплановость понятия «наказание» – не только как понятия юридического, но и как религиозного, а следовательно, и как нравственного.

Кроме того, рецензируемая работа, как уже отмечалось, позволяет проследить историческое влияние религии на развитие уголовного права в целом и на развитие института наказания. Особый интерес в этом смысле представляет, в частности, Ветхий Завет как источник правовых основ института наказания.

Дело в том, что, как известно, библейско-талмудическое законодательство регулирует практически все сферы жизни и деятельности человека. Не является исключением и сфера наказания. На соответствующем этапе развития общества именно санкции религиозных норм выполняют роль способа восстановления справедливости.

В Библии Бог сам о Себе говорит, что он Бог милости и любви и ненавидит всякое беззаконие.

Применительно к институту наказания в Ветхом Завете можно обнаружить основы принципа вины: «Удаляйся от неправды, и не умерщвляй невиновного и правого; ибо Я не оправдаю беззаконника» (Исх. 23:7).

Определяя отношения членов общества вне круга домашней, личной жизни, Моисей предписывает каждому дорожить жизнью, личной свободой, имуществом и честью ближнего. В то же время из содержания Ветхого Завета видно, что все преступления расценивались как оскорбление самого Бога. Самым главным преступлением считалось преступление против веры. За служение ложным богам и богохульство побивали камнями!

Самым страшным преступлением – убийство, и поэтому Ветхий Завет не утверждает ни права денежного выкупа за убийство, ни права т.н. священных убежищ на укрытие убийцы от законной мести. Умышленное убийство могла отмыть только кровь, и даже святое место не могло спасти убийцу.

В этой связи исследователи, занимавшиеся изучением института наказания в Ветхом Завете, неоднократно обращали внимание на факт несоответствия библейской заповеди «не убий» распространенности применения смертной казни. Нередко это «несоответствие» объясняется тем, что требования-запреты «не убивай», «не проливай кровь» были обязательной нормой поведения только среди своих сородичей и соплеменников. Заповедь «не убивай» означает – «не убивай ближнего». В отношении же «дальних» могут применяться жестокие законы.

Одним из видов наказания, распространенным в Ветхом Завете, является кровная месть.

В то же время Ветхозаветные нормы ограничивали применение обычая кровной мести. Мстить можно было только лицу, причинившему ущерб. Вопрос о праве на месть рассматривался судом, она ограничивалась во времени и пространстве.

На этом основании некоторые специалисты по вопросам религии отмечали, что Библия содержит некоторые противоречия. Не является исключением в наличии противоречий и институт наказания. В этой связи проф. И.М. Рагимов задается вопросом: какова цель наказания по христианским канонам?

Ведь цель наказания – исправление грешника, недопущение совершения новых грехов и устрашение. Цель наказания – не возмездие, а врачевание болезненных состояний души самих грешников.

То есть, в принципе, здесь обнаруживаются следы цели наказания, присущей современному уголовному праву России: исправление преступника и предупреждение совершения новых преступлений. Это дает основание предполагать, что многие ветхозаветные и новозаветные установления явно противоречат и этой цели, и самим себе, что, в частности, подтверждается многократным упоминанием в Библии о праве на смертную казнь. Само существование этого вида наказания уже говорит о том, что нравственное исправление грешника (преступника) не во всех случаях есть истинная цель религиозного наказания, т.к. нельзя исправить человека, преданного смерти. А возможность лишения человека жизни предоставляется не только за убийство, но и за кражу, блуд, изнасилование, побои и даже за невольное оскорбление самолюбия (Быт. 28:41; 31:32; 34:27–29; 38:24; Исх. 2:11–12).

Как уже отмечалось, несоответствие религиозной заповеди «не убий» засилью кровной мести и смертной казни объясняется самой Библией посредством разделения окружающих людей на «своих» и «чужих». Однако как объяснить жестокость Библии, распространяющуюся и на «своих», «ближних»?

Древнерусское законодательство изначально не восприняло ни христианские идеи наказания, ни его виды. На оформление этого института уголовного права Древней Руси прежде всего оказали влияние обычное право, живучесть язычества и финансовая дальнозоркость русских князей. Но с постепенным приходом христианства ситуация на Руси начала меняться – уголовное законодательство теперь предусматривало смертную казнь и в целом стало более жестоким. Данная тенденция, полагает проф. И.М. Рагимов, нуждается в объективном рассмотрении и научном объяснении и толковании.

* * *

Во второй главе монографии рассматриваются религиозные положения иудаизма и его значение в эволюции института наказания, а также сущность наказания по Ветхому Завету.

Первое, на что обращает внимание автор: иудаизм – религия, у которой нет конкретного основателя или лидера, или группы, как в исламе, христианстве или буддизме. Евреи (приверженные традиции) верят в то, что Пятикнижие – «пять книг Моисея» были дарованы Моисею в Божественном откровении и записаны им как единый текст. Но какой Бог даровал эти законы?

Израильтяне не думали, что Яхве, Бог Синайский, о котором говорил Моисей, – единственный на свете Бог. Они просто, по настоянию Моисея, дали обет, что не будут поклоняться никому, кроме Него (Яхве). Но есть мнение, что скорее всего религия Яхве была «подлинным творением израильского народа. Она радикально отличалась от любой веры, когда-либо известной языческому миру» (И. Кауфман).

Далее автор указывает на то, что Еврейская Библия (Ветхий Завет) повествует о Боге в состоянии эволюции, о Боге, характер которого кардинально меняется с начала до конца изложения. Еврейская Библия обретала форму постепенно, в течение долгих веков, и порядок, в котором были написаны ее тексты, не соответствует порядку, в котором они расставлены ныне.

Затем исследователь отмечает, что во все времена странствования израильтян, как свидетельствует история, действовали необыкновенно строгие законы, немилосердно карающие смертной казнью нарушителя религиозных и общественных установлений. Им было нужно приучить народ к точному исполнению закона, данного на Синае, и поэтому всякие нарушители приговаривались к смертной казни беспощадно. Такие преступления, как ворожба, колдовство, преступное бездействие в виде неисполнения требования об обрезании, безнравственное деяние и т.д. сурово наказывались смертью как преступное пренебрежение милостью Божьей.

Так, преступно безнравственной и караемой смертью признается в Ветхом Завете женитьба на вдове покойного брата.

Автор особо подчеркнул, что в израильском законе человек всегда ценился несравненно выше какого бы то ни было имущества, ибо из всех Божьих творений только он один был создан по образцу Творца. Поэтому убийства наказываются по общему правилу смертной казнью. «Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти» (Исх. 21:12).

В то же время наказание, по Ветхому Завету, есть вразумление, которое несет в себе доброту, сострадание и излечение, создает условия, предупреждающие совершение нового преступления.

Итак, Пятикнижие, делает вывод проф. И.М. Рагимов, – это первые систематизированные и писаные законы, данные Богом, а не Моисеем еврейскому народу. Следовательно, можно с полным основанием считать это наказание как институт, который появился именно в этом Божьем Послании – первом слове Господа Бога. Наказание – неотъемлемый и важнейший компонент Божьего Закона, он Им освящен, принят еврейским народом как должное.

Если бы этот Закон был не от Бога, а от Моисея, то вряд ли евреи могли бы существовать в течение 4000 лет, руководствуясь человеческим законом.

Провозглашенная Богом религиозность, основанная на Ветхом Завете, покоится на единобожии, законодательство – на принципе равного воздействия. Бог, народ, справедливость – так кратко можно было бы обозначить суть иудейской религии.

В ответ на просьбу коротко определить суть иудаизма, обобщить Тору, в единственной фразе Гиллель ответил: «Не делайте другим того, чего бы не хотели от них для себя. В этом вся правда Торы, остальное комментарии»[3].

Автор отмечает, что вообще уголовное законодательство по Ветхому Завету представляет собой особенное явление: на протяжении существования еврейского народа оно не только не исчезло, как у многих народов, а наоборот, совершенствовалось и дополнялось ценными преданиями и юриспруденцией.

Даже римское завоевание, разрушение Иерусалимского храма, уничтожение огромного числа евреев и расселение остальных не смогли подавить дальнейшего развития еврейского уголовного права. Казалось, что еврейский уголовный закон исчезнет совсем, как исчез Карфаген. Однако именно этот закон, по мнению христиан, стал подготовкой для Закона Христа, который не отвергает Пятикнижие, но совершенствует его, обновляя одновременно и природный закон.

Господь Бог в Пятикнижии изложил не только религиозные, но и в определенной системе нравственные основы законодательства.

Профессор И.М. Рагимов разделяет утверждение, что религиозные начала понятия института наказания по принципу «око за око, зуб за зуб», предусмотренного в Ветхом Завете, являются первыми по времени.

Моисей, в свою очередь, понимал, что главное – государственное устройство, создание политического пространства для установления и развития еврейского народа. А для этого следует сделать ставку не на свободу духа, не на совесть человека, а на принцип равного возмездия и конкретный вид наказания за данные преступления.

* * *

В третьей главе монографии автор пытается понять отношение Нового Завета к институту наказания, которое расходится с Божественными Заветами, установленными в Ветхом Завете.

В Нагорной проповеди, по Евангелию от Матфея (Мф. 5:21–48), Иисус Христос ведет прямую полемику с древним Законом и отменяет этот Закон, провозглашая свое учение, которое в отличие от Торы, направленной только еврейскому народу, расширило пределы духовного действия Божьего Закона, ибо Тора ко времени Христа не могла быть принята другими народами. И Он это понимал.

В литературе некоторые авторы утверждают, что Иисус Христос переосмыслил старый Закон, раскрыл содержащийся в нем изначальный смысл, а именно «благодать, истину», который предназначен новому покорению евреев, созревших для его усвоения[4].

Действительно, Евангелие содержит данные, указывающие на то, что Иисус Христос исправлял некоторые положения Ветхого Завета. Однако Новый Завет Иисуса Христа не исправлял некоторые положения Священного Писания – Десять заповедей Бога.

Автор исходит из того, что все изменения, которые Иисус Христос вносил в Старый Божий Закон, были от Всевышнего.

Как уже указывалось, Ветхий Завет предусматривает жесткие наказания. Господь Бог посредством Иисуса Христа поставил точку в вопросе о человеческой мести и наказании как возмездии: христианство более определенно и последовательно, чем иудаизм, отказывает людям в праве вершить месть и возмездие (наказания), закрепляет такое право за Богом, как предусмотрено во всех Писаниях.

Учение Иисуса Христа отменяет принцип талиона «око за око, зуб за зуб» и отдает приоритет заповеди любви как основе предупреждения преступлений не наказанием, а именно любовью, прощением, добротой. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:39) – императив Иисуса Христа.

Одним словом, христианское этическое требование было иным, нежели иудейское: «отвечай на зло добром», «не старайся побеждать злым злое», «не противься злому». Соответственно данному требованию и суть наказания должна была быть другой.

Далее проф. И.М. Рагимов задается чрезвычайно важным вопросом: почему же все-таки с пришествием Христа прежний Ветхий Завет был заменен Новым Законом?

В христианской религии считается, что причиной послужило не то, что Ветхий Завет не был хорошим, а потому, что изменился сам человек, и средства обеспечения справедливости Ветхого Завета, в т.ч. и связанные с пониманием преступного поведения человека и применением наказаний, не были универсальными. Тогда возникает другой вопрос: в какой мере это объяснение влияет на сферу уголовного права и криминологии?

[3] Вавилонский Талмуд. Шаббат 31 а.

[4] См.: Мировые религии о преступлении и наказании / науч. ред.: А. Толкаченко, К. Харабет. М., 2013. С. 134.

В этой связи важно понять и то, в чем состоят принципиальные отличия между Ветхим Заветом и учением Иисуса Христа в области института наказания? Иными словами, на основе каких принципов следует определять наказание по Новому Завету?

Постановка этих вопросов проф. И.М. Рагимовым предопределяет его дальнейшие рассуждения.

Христиане называют Новый Завет законом любви, добродетели, поскольку в отличие от Ветхого Закона он не высечен в камне, а «начертан в сердцах». Поэтому исправить действующие законы, вдохнуть в них новую жизнь и адаптировать их к новым условиям жизнедеятельности людей можно только верой в Христа. Как писал Данте, она, вера, учила видеть не цвет, а свет и проникать в суть тех явлений бытия, которые могут быть в основе мировоззрения. Как известно, один из догматов, т.е. столпов христианства, – искушение и прощение грехов.

Покаяние – это раскаяние, которое может быть принято только после испытания наказанием. На философском языке – снято наказанием, а на юридическом – снято отбытием наказания. Христос учит, что единственное спасение человека состоит в осознании того, что противостояние злу злом является ложным. Иными словами, когда тебя бьют по щеке, надо подставлять другую и не сопротивляться, и даже поблагодарить обидчика. Смиренное отношение человека к злу реализуется в установках Христа: «не судите других», «любите врагов ваших, боготворите ненавидящих вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас» (Лк. 6:27).

И вновь проф. И.М. Рагимов возвращается к главному вопросу: почему учение Иисуса Христа отрицает наказание в борьбе со злом, с преступлением?

Ему представляется, что ответ на этот вопрос содержится в высказываниях ап. Павла. Он пытается объяснить, что человек, совершая подобные деяния, зависит от тех причин, которые находятся вне воли человека, в плоти его, и что человек не в состоянии противостоять таким явлениям, хотя и желает этого.

Итак, именно в вопросе о сущности наказания, и в первую очередь смертной казни, наблюдается противоречие между иудаизмом и христианством. Иисус неоднократно в разных ситуациях говорит о своем отношении к Старому Закону. Наиболее полно и конкретно формулирует его в Нагорной проповеди, в пятой главе (стихи 21–48) Евангелия от Матфея, в частности: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб». А я говорю вам: не противься злому. «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему другую» (Мф. 5:38.38).

Очень важно, говорит в этой связи проф. И.М. Рагимов, что специалисты, исследующие вопросы наказания в виде смертной казни и отрицающие смертную казнь в качестве обязательного элемента наказательной шкалы, как правило, ссылаются на то, что она не соответствует учению Христа, а также Евангельским заповедям. На это, например, указывал известный русский правовед Н.С. Таганцев[5]. В свою очередь, А. Бернер, протестуя против смертной казни по христианским законам, вполне резонно задавался вопросом: «Как может защищать смертную казнь христианин, когда казнь Спасителя должна служить поводом к вечному и громогласному протесту против смертной казни?»[6].

Фома Аквинский указывал, что смертная казнь противоречит канонам христианства, ибо «наш Господь учит, что лучше позволить злому жить и оставить возмездие до Судного дня, чем предавать смерти добрых вместе со злыми»[7].

Рассуждал о наказании, прежде всего о смертной казни, и великий Шекспир. Он часто писал о том, что при применении института наказания необходимо руководствоваться высшими законами христианской любви и милосердия: «Сам царь царей в скрижали внес закон: “Не убивай”»...

Анализируя вышеизложенное, автор не без основания обращает внимание на некоторую непоследовательность и самого христианского учения, и его комментариев на вопрос о смертной казни.

С одной стороны, он приводит хорошо известный пример с женщиной, виновной в прелюбодеянии, и слова Христа: пусть первым бросит камень тот, «кто без греха». С другой – утверждает: напрасно ссылаются на то, будто Христос осуждает смертную казнь. Это утверждение он подкрепляет указанием на то, что в Евангелии Христос не возражал против смертной казни. Апостол же Павел в Послании к римлянам говорит: «Если же делаешь зло: бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отомститель в наказание делающему зло. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. Для сего вы и подати платите» (Рим. 13:1–7). По мнению автора, эти фразы означают, что правитель-христианин не может сомневаться в том, что, «карая», он поступает согласно воле Бога.

Он справедливо полагает, что немалое влияние на судьбу смертной казни в Европе оказала Христианская церковь. Еще при Феодосии Великом в конце IV в. в Католической церкви

[5] См.: *Таганцев Н.С.* Смертная казнь. М., 2016. С. 19.

[6] *Бернер А.* О смертной казни. СПб., 1865. С. 13, 14.

[7] *Фома Аквинский.* Сумма теологии. Т. VII. Ч. 2. Вопрос 64. Разд. 2.

появляется смертная казнь за религиозные преступления. Представители духовенства пропагандировали в законодательных учреждениях Западной Европы идею смертной казни.

Блаженный Августин допускал применение правителем при необходимости мер наказания «или словом, или бичем, или другим справедливым и дозволенным родом наказания, насколько это допускает человеческое общество, ради пользы самого утопающего»[8].

Фома Аквинский оправдывал смертную казнь для еретиков на том основании, что загрязнять веру, которая является жизнью души, – гораздо более серьезное дело, чем подделывать деньги, поддерживающие жизнь. Поэтому если справедливо отправлять на смерть фальшивомонетчиков и других преступников, то с еретиками следует поступать аналогичным образом.

Далее автор указывает на то, что и Русская Православная Церковь считает, что особая мера наказания – смертная казнь признается в Ветхом Завете. Обосновывает он это утверждение тем, что непосредственных указаний на необходимость ее отмены нет ни в одном источнике. Поэтому, заключает исследователь, христианская доктрина не осуждает и не запрещает применение смертной казни.

Следует признать, что данный весьма серьезный вывод требует более глубокого обоснования. Тем более что далее проф. И.М. Рагимов подробно останавливается на рассмотрении изречения Иисуса Христа «не противься злу» как едва ли не самого центрального пункта толкования Священного Писания, вокруг смысла и значения которого до сих пор не утихают споры, и совершенно справедливо указывает причину этих нескончаемых споров. Суть заповеди – пассивное воздержание от сопротивления обидчику. Действиям его надо противиться как необходимому злу. Если можно было сопротивляться им, не нарушая нравственного закона, то такое сопротивление было бы желательно и необходимо. Таким образом, Иисус Христос предлагает пассивный уровень нравственности, заключающийся в том, что само сопротивление злому не может быть средством противодействия этому деянию.

Что касается заповеди, вытекающей из фразы «подставь левую», то она означает акт «терпения», т.е. терпи обиду, ибо такое терпение есть великая добродетель; в терпении есть великая ценность, и для него нужны великие способности. Не сопротивление, а именно терпение нужно и требуется, чтобы победить зло и уготовить Царство Божие. Не пассивное воздержание требуется в данном случае, а любовное действенное терпение.

[8] *Блаженный Августин.* О граде Божьем. Кн. 19. С. 1035, 1036.

Для анализа содержания вышеназванных положений и возможности их реализации в современной реальной жизни проф. И.М. Рагимов привлекает и анализирует целый ряд весьма важных первоисточников – высказывания Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, известного русского философа-правоведа В.С. Соловьева, отечественного юриста С.В. Познышева. Он обращается к тексту Старого и Нового Заветов, Корана и высказываниям апостолов Петра и Павла, древнего философа Конфуция. Однако от собственного вывода после проведенного анализа, к сожалению, уходит. Будем надеяться, что собственная оценка автора изложенных в данной части монографии положений Священных Писаний будет дана им в последующих изданиях рецензируемого труда.

* * *

Отдельному и углубленному рассмотрению подвергнуты постулаты учения Иисуса Христа как нравственной основы наказания.

Это весьма правильный подход, поскольку решения в праве, а тем более решения о наказании, безусловно, должны приниматься с учетом нравственных аспектов конкретной ситуации и учения Христа.

Автор правильно отмечает, что именно христианство внесло колоссальный вклад в нравственно-правовое развитие человечества. Разумеется, речь идет не только об идее любви к Богу и человеку, но и о существенном изменении отношения к понятию и сущности наказания.

Профессор И.М. Рагимов обращает внимание на то, что учение Христа вообще отвергает идею равенства между преступлением и наказанием, которая, как известно, была доминирующим принципом в Ветхом Завете. Взамен принципа равенства Новый Завет провозглашает морально-нравственный принцип Любви, оказавший существенное влияние на формирование и развитие института наказания.

Христианское учение предложило рассматривать наказание без карательного содержания, без страданий, которые причиняются человеку, совершившему преступление, а самое главное – без устрашения и страха.

Данная истина основана исключительно на принципах восстановления личности преступника или, если невозможно, его изоляции, только до тех пор, пока необходимо, чтобы лишить его возможности вновь совершить преступление. Для этого некоторые представители этой теории предлагают привлекать психиатров, психологов с целью восстановления психики лица, совершившего преступление.

По сравнению с уголовным наказанием тюремного типа некарательное воздействие на преступника и меры по восстановлению его личности внешне выглядят просвещенными, нравственными, гуманными и современными. Именно поэтому задачу будущего в предупреждении преступлений представители данной теории видят в замене наказания мерами воздействия без элементов кары.

Автор правильно указывает, что идея некарательного воздействия не нова и имеет достаточно долгую историю. Ещё Ч. Ломброзо, опираясь на антропологию, уголовную статистику, уголовное право и тюрьмоведение, предложил отказаться от наказания как средства бесполезного и заменить его другими мерами.

Доктрина уголовно-антропологической школы, признающая биологические свойства преступности, предлагала заменить уголовное наказание «мерами безопасности», а уголовно-социологическое направление – мерами социальной защиты. Такие меры сводились к поиску универсального средства уничтожения преступности как социально-психологического явления посредством психолого-медицинского и социального влияния на сознание преступника.

Продолжая эту традицию, некоторые современные авторы полагают, что «криминология XXI века должна обратить внимание на перспективность некарательных санкций, включив их в контекст индивидуальной профилактики преступлений»[9].

У этой концепции были и остаются противники. С.П. Мокринский в начале прошлого века писал, что стоит отнять у наказания черты принуждения и страдания, и всякий почувствует, что мероприятие уже не соответствует понятию наказания, что оно может быть названо мерой принудительного воспитания, образования, врачебного пользования, презрения, изолирования, но отнюдь не наказания.

Спустя более века его поддержал Г.В. Мальцев, утверждая, что «чистое наказание без элементов кары – мечта либеральных деятелей нашего времени – есть иллюзия, способная превратить социальную реакцию на преступление в ничтожный акт»[10].

Большое внимание нравственной сущности наказания было уделено известным русским философом и правоведом В.С. Соловьевым в работе «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики». Автор призывал найти верное, правильное соотношение в наказании преступника между устрашением и нравственным началом.

Но, как известно, принцип середины был провозглашен Аристотелем.

Завершая анализ третьей главы рецензируемого сочинения, хотелось бы пожелать автору более конкретно выразить и обосновать собственные суждения по рассматриваемой им весьма актуальной проблеме – суть, содержание и цели уголовного наказания.

* * *

В четвёртой главе монографии проф. И.М. Рагимов рассматривает религиозные основания для наказания применительно к исламу.

Для того чтобы понять, как происходило зарождение и эволюция института наказания в исламе, автор кратко обрисовывает жизнь арабов до появления Корана – главного религиозного источника ислама. Он совершенно справедливо утверждает, что Коран – религиозная книга, священная для приверженцев всех исламских направлений. Она служит основой мусульманского законодательства, как религиозного, так и гражданского. Согласно учению ислама, Коран является прямым, вечным и несотворённым словом Аллаха.

Цель Корана, подчеркивает исследователь, – борьба не с иудаизмом и христианством, а с идолопоклонством, многобожием. Поэтому с точки зрения ислама иудеи и христиане не считаются неверными, а называются «людьми Писания», и насильное обращение их в ислам есть харам.

Далее справедливо указывается, что учение о джихаде пустило корни в Коране и закрепилось в нём. Нигде, ни в Коране, ни в хадисах Пророка Мухаммеда, нет ни намёка на то, что ислам приветствует убийства или насилие в отношении представителей других религий. Это очень важно понимать в связи с тем, что на Западе вообще утверждают, что ислам – религия насилия и ссылаются на Коран, забывая при этом про крестовые походы, когда христианская церковь ссылалась на Ветхий Завет.

В результате проведённого анализа проф. И.М. Рагимов делает весьма важный вывод о том, что никакого «учения» о джихаде в Коране нет. Следовательно, беспочвенны попытки протолкнуть в него идею, что джихаду даровано Божественное благословение.

Подводя итог этому своеобразному введению относительно назначения Корана, автор отмечает, что основная причина появления данного Писания связана с отдалённостью народа Аравии от истинного и праведного пути. И что особенно важно для основной темы исследования: Коран необходимо

[9] Криминология. XX век / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. СПб., 2000. С. 12.

[10] *Мальцев Г.В.* Месть и возмездие в древнем праве. М., 2012. С. 129.

понимать как Закон Аллаха, включающий в себя совокупность норм нравственных, религиозных и правовых, а это значит, что в основе наказания, согласно вере мусульман, лежат именно эти Божественные устои.

Специальному изучению подвергается в монографии эволюция идеи института наказания в исламском мире. И вновь автор первостепенное внимание уделяет нравственным началам наказания в Коране.

Профессор И.М. Рагимов в систематизированном виде раскрывает присущие исламу особенности его религиозной нравственности. В частности, он отмечает, что если христианская европейская этика отвечает на вопрос о том, зачем надо быть моральным, то мусульманская вера – как стать моральным, что для этого надо сделать.

Этика Корана не только включает обязанность верующего участвовать в добрых делах, но и противостоять злым.

Далее, ни в одной другой Священной книге не уделяется столько внимания милосердию, как в Коране. Там говорится: всякое зло чревато дурными последствиями, но лишь в той же мере, тогда как доброжелатель награждается десятикратно.

В отличие от других религий – иудаизма и христианства – в исламе нет ни одной крайности в формуле «зуб за зуб», ни другой – в виде «подставь левую щеку после того, как тебя ударили по правой». Коран устанавливает *золотое правило*, согласно которому прощения уместны, если они способны восстановить мир и пойдут на благо самому преступнику, ибо целью наказания является в первую очередь его исправление.

Анализируя божественные установки ислама, автор подчёркивает, что в государствах, где господствует ислам, власть выступает только слугой права, изданного Аллахом и его посланником Пророком Мухаммедом. Поэтому сущность добра для человека есть послушание божественному закону, неповиновение которому неминуемо ведёт к греху. Именно поэтому в период зарождения мусульманского уголовного права в основу института преступления и наказания была заложена цель уничтожения в корне греха.

Профессор И.М. Рагимов подчеркивает, что Коран разделяет грехи на малые и большие. Большие грехи – это те, о которых в Коране содержится особое предупреждение и проклятие или о которых сообщается, что за них положено наказание. Эти грехи следует считать преступлением. К таким большим грехам относятся, например, многобожие (ширк) и неповиновение родителям. К малым грехам, в понимании Аллаха, относятся те проступки, которые никому не нанесут какого-либо вреда.

Особое внимание уделено автором рассмотрению характеристики преступлений и наказаний по Корану. Он описывает такие преступления, предусмотренные Кораном, как запрет на убийство, о насилии, воровстве, прелюбодеянии, употреблении одурманивающих веществ и алкоголя, заведомо ложные клятвы, греховное злословие и ответственность за клятву, воздаяния для тех, которые воюют против Аллаха и посланника Его, виды обязательных наказаний.

Специальному изучению подвергается вопрос о Нафсе как основании наказания по Корану. Дело в том, что Коран очень часто упоминает душу человека в связи с совершением греха. А источником склонности к злу, греху, преступлению, заложенному в душе человека, является Нафс.

Как отмечает исследователь, Коран указывает также на существование внешних причин совершения зла (преступления). Это, в отличие от Нафса, – видимая сторона поведения человека: «Приукрашена для людей любовь к удовольствиям, доставляемым женщинами, сыновьями, накопленными кантарами золота и серебра, прекрасными конями, скотиной и нивами. Таково преходящее удовольствие мирской жизни...» (Сура 3, аят 14).

Характеризуя личность человека, совершающего преступления, Аллах говорит о том, что преступники лишены даже вторичного источника Света, они находятся словно бы в ночи беспросветной, которая и толкает их к совершению преступления, насилию, злых деяний. При этом Аллах и Пророк Мухаммед неоднократно замечают, что болезнь находится именно в сердце человека и что исцеление следует начинать именно с сердца человека. И единственным целителем, способным воздействовать непосредственно на сердце человека, является Аллах. Автор, безусловно, проявляет большую творческую смелость, когда приступает к расследованию проблемы наказания и предопределения в исламе.

Предопределение, а точнее «аль-када ва аль-кадир» – один из столпов исламской веры. Аль-када – это полная изначальная осведомлённость Творца обо всём, что происходило, происходит или произойдёт в мире. Аль-кадир – абсолютное соответствие фактически происходящего в реальном времени изначальному знанию Творца.

Рассмотрев соответствующие положения Корана, проф. И.М. Рагимов формулирует целый ряд выводов, весьма важных для определения условий, когда наступает, согласно исламу, и религиозная, и правовая ответственность за совершение преступного злодеяния.

Из этих положений, по мнению автора, следует, в частности, что в Коране имеется множество

откровений, свидетельствующих о том, что Бог вводит в заблуждение лишь грешников, что, по Корану, человек все же несёт ответственность за свои поступки, несмотря на существование Божественного предопределения; что Предвидение Всевышнего не лишает людей свободы воли; что, по исламу, для нас всё определено в границах пространства и времени, но это никоим образом не говорит о безучастности человека и т.д.

Сформированные исследователем выводы важны для правильного понимания того, как религиозные положения ислама влияют на определение форм и размера наказания за совершенное, поэтому хотелось бы пожелать автору, чтобы в следующем издании данной работы его ответы на поставленные им же вопросы были более развёрнутыми. Это необходимо для того, чтобы читателю было проще понять взаимосвязь религии и наказания применительно к религиозным установкам ислама.

На последующих страницах монографии проф. И.М. Рагимов рассмотрел не менее трудную проблему, которую обозначил как «молчание Корана». Суть данной проблемы состоит в следующем: Коран, Сунна (сборник традиций, касающихся действий и высказываний Пророка Мухаммеда) и Иджма являются основными источниками мусульманского института наказания. Если в этих книгах отсутствуют соответствующие предписания относительно наказания и его применения за те или иные деяния, то используется Кияс, т.е. рассуждения в области права по аналогии.

Однако в целом, отмечает ученый, институт наказания в Коране не систематизирован в виде определённого кодекса и не сведён к обозримой совокупности общих принципов.

Безусловно, обобщающие конкретные религиозные отношения и неизменные элементы добродетели: справедливость, милосердие, совесть, мудрость и т.д., – непосредственно определяют религиозные наказания по Корану. Однако этого было недостаточно. Отсутствие ответов на многие вопросы жизни в обществе, которое постепенно отказывалось от существующих обычаев и традиций древности, в т.ч. и в области правовых отношений, требовало новых, дополнительных и разнообразных разъяснений, дополнений и толкований.

И они в конце концов появились, указывает автор. Праведные халифы Абу Бакр, Омар Осман и Али, как и другие сподвижники Пророка, решая конкретные уголовные дела в случае «молчания» Корана, т.е. когда в его установлениях не могли найти ответ в конкретной сложившейся ситуации, сами формулировали новые уголовно-правовые нормы, регулировавшие вопросы наказания, на основе расширительного толкования указанных источников. В итоге эти нормы наряду с Кораном и Сунной стали приобретать нормативный характер и служить основой для судебного решения о назначении наказания. В дальнейшем они получили название «высказывания сподвижников». Этот вывод автора имеет важное историческое и современное значение.

Начиная с IX–X вв., пишет далее проф. И.М. Рагимов, роль источников развития и эволюции института уголовного наказания перешла к доктрине. Таким образом, исторический институт наказания в мусульманском уголовном праве берет начало от Корана и Сунны, но развивается на основе практики, которая часто отходила от Священной книги и установлений Пророка Мухаммеда. И в этом огромная роль принадлежит, естественно, учёным-правоведам, правовой науке.

Такая ситуация сохранялась до конца XV в., и только с образованием Османской империи заметное влияние на отрасль уголовного права стала оказывать расширяющаяся законодательная практика правителей.

К концу XV в. лишь в странах Аравийского полуострова и Персидского залива мусульманское уголовное право сохранило свои позиции и действовало универсально в своем традиционном виде. Остальные государства отказались к середине XX в. от старой системы права и стали строить свое законодательство по двум основным образцам – романо-германскому и англосаксонскому.

Автор подчеркивает, что процесс становления мусульманского права проходил весьма непросто. Проблема заключалась в том, что большинство содержавшихся в Коране и Сунне уголовно-правовых норм, регулировавших вопросы наказания, считались имеющими божественное происхождение, а значит, вечными и неизменными. Следовательно, они не могут быть просто заменены уголовно-правовыми актами государства, хотя в этом и была острая необходимость, в силу исторического развития общества. Соответственно, замечает исследователь, правоведам приходилось «выкручиваться» и придавать данным уголовным нормам юридический характер.

Поскольку затронутые в монографии проблемы наказания носят предельно актуальный и современный характер, а также в целях выполняемого проф. И.М. Рагимовым исследования было бы очень интересно узнать, как преодолевались и дальше будут преодолеваться указанные трудности, и как на практике разрешится глубокое противоречие между традиционными ценностями Корана и новыми криминологическими тенденциями современности.

Завершая главу четвертую монографии, ученый делает весьма точный и важный вывод:

мусульманское уголовное право предоставляет законодательно полную свободу в выборе меры наказания за любое преступление, исключая лишь несколько видов, в отношении которых Кораном предусмотрены неизменные меры наказания. Разрабатывая теорию преступления и наказания за него, мусульманские юристы исходили из того, что прежде всего все деяния, поступки и даже мысли людей предопределены волей Аллаха. А это означает, что любое преступление необходимо рассматривать как непослушание воле Всевышнего и как наказуемое нарушение мусульманских запретов, за что следует соответствующая «земная» санкция.

Одновременно преступление выступает и как религиозный грех, влекущий уже загробную кару. Это чрезвычайно важное религиозное положение, однако не отменяет необходимость дальнейшего научного уголовно-правового и криминологического исследования и разрешения поставленных в главе четвертой книги вопросов.

* * *

Пятая глава рецензируемого произведения посвящена вопросам наказания в религиях индуизма и буддизма.

Профессор И.М. Рагимов весьма подробно рассматривает вопрос о происхождении индуизма, дает характеристику важнейшим памятникам индусской религии как юрист, анализирует содержание наиболее известного среди древних памятников юриспруденции Кодекса Ману в аспекте определения условий и видов наказания за грех и преступление.

В результате проведённого анализа он приходит к выводу, что преступление в Законах Ману и других религиозных актах представляет собой деяние общественно опасное, в то время как грех – деяние, последствия которого носят чисто личный характер по отношению к виновному.

Закон Ману, например, делит все деяния человека на три вида: происходящие от мысли, от речи и от тела. Ряд одновременных греховных деяний выступает от речи и от тела, а также в статусе преступных.

Тем не менее, указывает автор, индусские религиозные писания проводили определённую грань между представлениями о греховном и преступном. Наказание выступает главным средством, при помощи которого царь обеспечивает соблюдение каждым подданным своей дхармы (долга), ведь люди изначально, по своей природе, порочны и не могут соблюдать священный закон иначе, как под страхом наказания.

Из содержания индусских религиозных писаний следует, что поддержание государственной власти посредством наказания проходит в них красной нитью.

Религиозный источник индуизма в то же время призывал «царя, восседавшего на троне Дхармы», быть бескорыстным и беспристрастным ко всем существам, соблюдая обет солнца (1.28. А. 34). Кроме того, согласно Законам Ману, вынесение несправедливого приговора влекло не только светскую, но и личную духовно-нравственную ответственность и для царя, и для судьи. Царь, получая право наказывать, должен (обязан) тщательно заботиться о своей душе, воспитывая в себе как можно больше положительных качеств и усердно преодолевать свои пороки.

Обращает на себя внимание разнообразие наказания в виде членовредительства: отрубание пальцев, отсечение ног, рук, ушей, подрезание ахиллова сухожилия и т.д. Но было и наказание в виде конфискации имущества, штрафа, изгнания из страны.

Особое, весьма пристальное внимание религиозные индусские акты уделяют преступлениям против семьи и нравственности: прелюбодеяниям, изнасилованиям, скотоложеству, мужеложеству, связи между лицами женского пола и др.

Подводя итог характеристике и рассмотрению религиозно-нравственных основ уголовного права в индуизме, проф. И.М. Рагимов отмечает, что все его предписания, в т.ч. и правового характера, излагаются таким образом, что на первый взгляд не требуют от своего адресата обязательного их соблюдения. Поэтому складывается впечатление, что эти Законы – не свод действующего законодательства, а только сборник поучений в добродетели. Однако, как подчеркивает автор, следует учитывать, что в Древней Индии обеспечительной силой правовой нормы обладали групповая солидарность и внедрённый в сознание масс закон кармы, побуждающий нарушителя нормы поведения к раскаянию в целях очищения от грехов и соответствующего перерождения в новом облике после земной жизни.

* * *

Монография проф. И.М. Рагимова включает в себя и рассмотрение нравственных основ буддизма как основы для наказания за совершенные злодеяния. Как и в предыдущих разделах книги, исследователь дает краткую характеристику данного религиозного учения.

С одной стороны, буддизм представляет собой явление чисто индусское как естественный продукт времени и среды, в которых он зародился. С другой – с самого начала он утверждает себя в качестве религии независимой. Религии, в которой веет новый дух и в которой мощная личность

основателя оставила неизгладимый отпечаток. Как отмечает автор, сердцевиной буддизма является буддистская этика – учение, раскрывающее суть праведной жизни. Её цель – сделать поведение человека более совершенным, добиваться гармонии в отношениях с самим собой и с другими.

Что касается проблемы преступления и наказания, то, как указывает исследователь, для буддизма характерна тенденция к ограничению роли и масштабов наказания, поскольку это средство не способствует совершенствованию человеческой сущности. Преступление по буддизму – болезнь, учение – лекарство, Будда – врач. Следовательно, бороться с преступными проявлениями нужно не наказанием, а учением Будды, которое важнейшей целью уголовной политики считает не наказание человека, а его исправление и перевоспитание, возвращение преступников в лоно буддистских духовных и этических ценностей.

В заключение проф. И.М. Рагимов утверждает, что учение Будды задало совершенно новую, сугубо духовную программу человеческой деятельности и новую религиозно-нравственную и законодательную основу единения людей.

* * *

Содержит рецензируемая монография и краткое, но очень необходимое в данном случае рассмотрение учения Конфуция. Автор справедливо указывает, что Конфуций оказал сильнейшее влияние на духовную жизнь китайцев, и это, в свою очередь, определило отношение китайского народа к понятию преступления, сути и назначению наказания. Более двух с половиной тысяч лет Конфуций является духовным наставником, учителем не только китайской нации, но и других дальневосточных народов, воплощением их культурной самобытности. И сегодня каждый образованный китаец знает его учение и воспринимает его как жизненную установку.

В чем суть учения Конфуция применительно к уголовной политике? «Не делай другим того, чего не пожелаешь себе». Самая главная добродетель, которая, по мнению Конфуция, может спасти общество, – «жэнь». Существуют разные переводы этого термина: внутренняя доброта, любовь, благожелательность, совершенная добродетель, гуманность и человеколюбие. В Китае Конфуций объявил «жэнь» высшей добродетелью. Он призывал любить людей, своих собратьев.

Автор справедливо подчеркивает, что особое место в учении Конфуция занимает вопрос о взаимоотношении этики и уголовной политики, в частности наказания. С его точки зрения, приоритет принадлежит этике, хотя философ и не отрицал роль карательных мер, наказания в поддержание правопорядка и законности. Вместе с тем Конфуций высказывал мнение, что управление с помощью стыда эффективнее, чем управление с помощью наказаний. Он полагал, что, если руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится.

В то же время Конфуций не отрицал и значения светской власти. Конфуций учил, что как для закона нужен репрессивный аппарат, так и для правил, установленных для поддержания порядка, нужен благородный муж, согласно Конфуцию, – император. Его задача – быть гарантом соответствия государственного управления ритуалу.

Профессор И.М. Рагимов верно отмечает, что учение Конфуция по своему содержанию очень близко к учению Христа, который исповедовал великодушие, терпимость и всеобщую любовь.

* * *

Рецензируемое сочинение проф. И.М. Рагимова завершается краткими выводами, в которых отражены основные положения его научного исследования. В этой связи отметим, что, на наш взгляд, было бы более правильно, если выводы из монографии ввиду их чрезвычайной актуальности, обоснованности и убедительности получили бы свое более четкое оформление в виде отдельного, самостоятельного раздела, например, как «Заключение», и были бы более развернутыми.

В завершение же нашей рецензии хотелось высказать ещё несколько пожеланий автору.

Первое. Необходимо, безусловно, продолжать начатые в монографии исследования, которые можно условно обозначить словосочетанием: «мир религии и наказание глазами юриста, учёного и практика». Понятно, что данная тема, по существу, не знает границ, она бесконечна, но, как говорится, – дорогу осилит идущий.

В наше непростое, а иногда хочется сказать и смутное время, людям нужна вера. Все больше и больше людей говорят об этом. И вовсе не обязательно, чтобы это была всеобщая вера во Всевышнего, в его учеников и его Писания. Это может быть вера в прекрасное будущее человечества, народа, страны, государства. Но это должны быть не просто фантазии или пустые мечтания, а именно вера. Она должна на чем-то зиждиться. Такой основой может быть великое историческое прошлое народа и государства, великие свершения народа-победителя, экономические, геополитические успехи, великие достижения в области культуры, искусства и, конечно, права.

Это может быть и национальная идея, в которой чётко, ясно и понятно будет изложен глубокий и истинный смысл бытия страны, народа и каждого человека.

Именно для достижения этих целей, их осознания, а затем для успешной борьбы за их достижение и нужны глубокие научные исследования, монографии, подобно той, которую подготовил проф. И.М. Рагимов.

Пожелаем же ему успехов в этом архитрудном, но, безусловно, благородном деле!

Второе. Представляется, что практическая значимость произведения проф. И.М. Рагимова будет намного выше, если автор в новых его изданиях покажет современную криминологическую обстановку в мире и отдельных странах, её новые и новейшие тенденции и свяжет все это с основными постулатами очерков о нравственных и религиозных основах наказания.

Например, было бы интересно узнать: как отмена смертной казни, соответствующая определённым церковным канонам, влияет на воплощения в жизнь религиозного завета «не убий!»; каково отношение верующих и неверующих к законодательной новелле?

Как соотносится религиозный гуманизм и метод убеждения по отношению к преступнику с существующей тенденцией законодателя заменять наказание в виде реального лишения свободы на судебный штраф? Не является ли эта мера возможностью для виновного просто откупиться от правосудия?

И наоборот, почему в уголовном законе должны появиться карательные нормы за оправдание фашизма и совершенных им преступлений против человечества? Разве недостаточно в этом случае просто морального, нравственного осуждения тех, кто реабилитирует фашизм? Кроме того, было бы, конечно, интересно узнать, как вообще спустя всего несколько десятилетий после Великой Победы над фашизмом вообще возможны и реабилитация, и возрождение фашизма? В чем здесь промысел Божий?

Третье. Монография проф. И.М. Рагимова, как представляется, должна быть обращена не только в прошлое, но и в будущее. А значит, должна быть обращена, может быть, в первую очередь к молодёжи.

Нынешняя молодёжь не знает ужасов войны, трудностей послевоенного лихолетья, трудностей перестройки, Великой трагедии разрушения Советского Союза, сложностей «демократизации» и перехода к рыночной экономике. В то же время молодёжь и справа, и слева постоянно зовут к революции, на баррикады.

Что же мы, юристы, ученые и практики, можем сказать и предложить им в свою очередь?

Да и надо ли? И если да, если надо, то как, каким образом в условиях нашей современной жизни донести до молодёжи религиозные ценности о мире и постулаты о морали, нравственности? И о преступлении и наказании? Донести так, чтобы эти религиозные и нравственные ценности стали ей понятны и вошли очень важной частью в ее пока ещё неопределившееся и неокрепшее мировоззрение, которое сейчас постоянно искушают псевдолиберальным учением о свободе личности и правах человека и иногда призывая к самым омерзительным формам существования, явно противоречащим основам любой религии (смена пола, однополые браки и т.д.).

Есть ещё немало проблем современности, которые нуждаются в религиозном и морально-нравственном освещении и оценке именно юристами, ибо это они, юристы, прежде всего ответственны за содержание и нравственность законодательства, ожидаемые результаты его реализации и за меры и виды наказания в случае его несоблюдения и тем более грубого нарушения.

Но мы ещё раз выражаем твёрдую убеждённость, что эта задача по плечу нашему уважаемому коллеге проф. И.М. Рагимову. И он её, вне всякого сомнения, успешно решит и тем самым внесёт новый и значительный вклад в развитие таких важнейших разделов правовой науки, как теория государства и права, история политических и правовых учений и, конечно же, уголовное право и криминология.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко; пер. с франц. М., 2000. С. 275.
2. *Бернер А.* О смертной казни. СПб., 1865. С. 13, 14.
3. *Блаженный Августин.* О граде Божьем. Кн. 19. С. 1035, 1036.
4. *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 208.
5. Криминология. XX век / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. СПб., 2000. С. 12.
6. *Мальцев Г.В.* Месть и возмездие в древнем праве. М., 2012. С. 129.
7. Мировые религии о преступлении и наказании / науч. ред.: А. Толкаченко, К. Харабет. М., 2013. С. 134.

8. *Таганцев Н.С.* Смертная казнь. М., 2016. С. 19.

9. *Фома Аквинский.* Сумма теологии. Т. VII. Ч. 2. Вопрос 64. Разд. 2.

REFERENCES

1. *Berzhel Zh.-L.* General theory of law / under the general editorship of V.I. Danilenko; transl. from French. M., 2000. P. 275 (in Russ.).

2. *Berner A.* On the death penalty. SPb., 1865. P. 13, 14 (in Russ.).

3. *Blessed Augustine.* On the city of God. Book 19. P. 1035, 1036 (in Russ.).

4. *Kistyakovsky B.A.* Philosophy and Sociology of Law. SPb., 1998. P. 208 (in Russ.).

5. Criminology. The twentieth century / ed. by V.N. Burlakov, V.P. Salnikov. SPb., 2000. P. 12 (in Russ.).

6. *Maltsev G.V.* Revenge and retribution in the ancient law. M., 2012. P. 129 (in Russ.).

7. World of religion on crime and punishment / scientific ed.: A. Tolkachenko, K. Kharabet. M., 2013. P. 134 (in Russ.).

8. *Tagantsev N.S.* The death penalty. M., 2016. P. 19 (in Russ.).

9. *Thomas Aquinas.* Summa theologii. Vol. VII. Ch. 2. Question 64. Sec. 2 (in Russ.).

Сведения об авторе

БАСТРЫКИН Александр Иванович –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Председатель Следственного комитета Российской Федерации; 119146 г. Москва, ул. 1-я Фрунзенская, д. 3а

Authors' information

BASTRYKIN Alexander I. –
Doctor of Law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation; 3a, 1st Frunzenskaya str., 119146 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 4, с. 104–113
STATE AND LAW, 2021, № 4, pp. 104–113

ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

АНТРОПОГЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО СМЯГЧЕНИЮ ИХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Часть 1. От Рамочной конвенции ООН до Парижского соглашения

© 2021 г. А. Б. Полонский*, М. Е. Пекарникова**

Институт природно-технических систем Российской академии наук, г. Севастополь

**E-mail: apolonsky5@mail.ru*
***E-mail: pekarnikowa@mail.ru*

Поступила в редакцию 24.11.2020 г.

Аннотация. Анализируются проблема глобального потепления антропогенного происхождения на фоне естественных изменений климата и международно-правовая система контроля за выбросами парниковых газов. В первой части работы обсуждение проблемы сконцентрировано на международной деятельности по контролю над антропогенными изменениями климата в период между 1992 г. (когда была подписана Рамочная конвенция ООН об изменениях климата) и 2015 г. (когда было принято Парижское соглашение по климату). Подробно дан анализ процедуры принятия Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН, критики основных положений Протокола со стороны некоторых участников соглашения, которые впоследствии не ратифицировали Киотский протокол (такие как США) или вышли из него (Канада). Описывается международная деятельность по формированию рынка торговли квотами на выбросы парниковых газов и поправки к Киотскому протоколу, принятые в Дохе в 2012 г. и продлевающие действие Протокола до 2020 г. (т.н. Соглашение «Киото-2»). В заключительной части статьи приводятся и рассматриваются основные положения Парижского соглашения по климату, а также процедура его ратификации разными государствами. Делается вывод, что, несмотря на наличие достаточно развитой системы международного регулирования контроля над антропогенными изменениями климата, юридически обязывающая всеобъемлющая программа такого контроля фактически не действует.

Ключевые слова: глобальное потепление, естественные изменения климата, Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН, Парижское соглашение по климату, Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата.

Цитирование: *Полонский А.Б., Пекарникова М.Е.* Антропогенные изменения климата и международно-правовая деятельность по смягчению их последствий. Часть 1. От Рамочной конвенции ООН до Парижского соглашения // Государство и право. 2021. № 4. С. 104–113.

DOI: 10.31857/S102694520012719-1

ANTHROPOGENIC CLIMATE CHANGE AND INTERNATIONAL-JURIDICAL ACTIVITY ON CLIMATE MITIGATION

Part 1. From the UN Framework Convention to the Paris Agreement

© 2021 A. B. Polonsky*, M. E. Pekarnikova**

Institute of Natural-Technical Systems of the Russian Academy of Sciences, Sevastopol

**E-mail: apolonsky5@mail.ru*
***E-mail: pekarnikowa@mail.ru*

Received 24.11.2020

Abstract. The problem of anthropogenic global warming, superimposed natural climate variability and international-juridical system of the greenhouse gases' emission control is analyzed. The first part of the work devotes to the discussion of the international activity on the anthropogenic climate change control between 1992 (when the UN Convention on Climate Change was signed) and 2015 (when Paris Agreement was accepted). The proceed of Kyoto protocol acceptance is analyzed in detail, as well as the critic of its principal items by several participants of this Agreement those did not ratify it after all (such as USA) or went out it (Canada). International activity on the quota market for the sale of the greenhouse gases' emission is described, as well as amendments accepted in Doha in 2012 which continued the Kyoto protocol action till 2020 (so-called "Kyoto-2 Agreement"). In the final part of the paper, the basic items of the Paris Agreement are done and analyzed as well as the its ratification by different countries. It is concluded that in spite of the existence of rather developed system of international regulation of anthropogenic climate change control the total legally binding program of such control actually does not act.

Key words: global warming, Kyoto protocol for UN Convention on Climate change, Paris climate Agreement, national plan of action for the first stage of the adaptation on climate change.

For citation: *Polonsky, A.B., Pekarnikova, M.E. (2021).* Anthropogenic climate change and international-juridical activity on climate mitigation. Part 1. From the UN Framework Convention to the Paris Agreement // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 104–113.

Введение. Наличие повышения глобальной температуры у поверхности Земли на масштабах порядка столетия, в основном обусловленного антропогенным воздействием на климатическую систему, стало понятно большинству специалистов к началу 1990-х годов. Именно в это время начала формироваться международная система реагирования на эту проблему, связанную с развитием современной цивилизации. В силу глобальности и комплексности проблемы климатических изменений ни одно из государств не в состоянии справиться с ней в одиночку. Необходимы согласованные действия всего мирового сообщества[1]. Как всегда, в подобной ситуации возникает множество дополнительных проблем. В статье будут обсуждены некоторые политические, юридические и экономические аспекты международной деятельности по контролю за антропогенными изменениями климата[2].

Рамочная конвенции ООН об изменениях климата и Киотский протокол. Потенциально опасные последствия неконтролируемого повышения глобальной температуры нижней тропосферы привели к разработке Рамочной конвенции ООН об изменениях климата 1992 г. В ней декларировалось следующая цель документа[3]:

«Конечная цель настоящей Конвенции и всех связанных с ней правовых документов, которые может принять Конференция Сторон, заключается в том, чтобы добиться во исполнение соответствующих положений Конвенции стабилизации концентраций парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему. Такой уровень должен быть достигнут в сроки, достаточные для естественной адаптации экосистем к изменению климата, позволяющие не ставить под угрозу производство продовольствия и обеспечивающие дальнейшее экономическое развитие на устойчивой основе».

Рамочная конвенция ООН была подписана более чем 180 государствами (сейчас это число превышает 195). После ратификации Конвенции большинством государств она вступила в силу 21 марта 1994 г. В 1997 г. был подписан Киотский протокол к принятой и ратифицированной ранее Конвенции, который устанавливал конкретные ограничения на выбросы парниковых газов для каждого из государств, подписавших Протокол[4].

К таким газам были отнесены двуокись углерода, метан, закись азота, гидрофторуглероды, перфторуглероды и гексафторид серы. За основу для дальнейших расчетов брался уровень выбросов парниковых газов за 1990 г. Каждое из государств, присоединившихся к этому Протоколу и ратифицировавших его, брало на себя определенные обязательства по сокращению эмиссии парниковых газов по отношению к выбросам 1990 г. Типичная величина сокращения эмиссии каждым государством составляла 7–8%. После ратификации

[1] См.: Изменение климата, 2013: Физическая научная основа. Вклад Рабочей группы I в Пятый доклад об оценке Межправительственной группы экспертов по изменению климата / Т.Ф. Стоккер, Д. Цинь, Дж.-К. Платтнер и др. (ред.). Кембридж, Нью-Йорк, 2013.

[2] Представленное ниже обсуждение продолжает дискуссию, начатую в работе, с учетом последних региональных и геополитических изменений (см.: *Полонский А.Б.* Изменения климата: мифы и реальность. Севастополь, 2020).

[3] См.: Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (Принята 09.05.1992 г.). URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_ framework_ conv.shtml

[4] См.: Киотский протокол к Конвенции об изменении климата. UNEP / IUC International Environment House 15, Chemin des Anemones CH-1219 Chatelaine, Switzerland, 1997. С. 1–33 (далее – Киотский протокол к Конвенции об изменении климата...).

Киотского протокола Российской Федерацией и вступлением его в законную силу в 2005 г. значительная часть промышленно-развитых стран взяли на себя определенные обязательства по ограничению выбросов парниковых газов. В конце 2005 г. в Монреале были разработаны конкретные шаги по практической реализации Киотского протокола, в т.ч. и по торговле квотами на выброс парниковых газов. Предполагалось, что государства, перевыполнившие свои обязательства по ограничению эмиссии парниковых газов, смогут продавать свою квоту на эмиссию тем странам, которые не выполняют по тем или иным причинам принятые ограничения.

Все государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве, оказались в роли потенциальных продавцов квотами, т.к. 1990 г. был последним годом перед прекращением существования СССР, который привел к сокращению эмиссии парниковых газов. Поэтому они могли присоединяться к Киотскому соглашению, практически не накладывая на себя никаких ограничений на эмиссию парниковых газов. Это касалось и Российской Федерации. Вместе с тем такие крупнейшие эмитенты парниковых газов, как, например, США и Австралия, не присоединились к Киотскому соглашению либо подписали, но не ратифицировали его. При этом они подвергли резкой критике основные принципы соглашения. Критика эта сводилась к следующим трем пунктам:

1. Научная основа Киотского протокола вызывает большие сомнения, поскольку не доказана определяющая роль антропогенного фактора в наблюдаемом потеплении нижней тропосферы.

2. Даже если наблюдаемое глобальное потепление действительно обусловлено антропогенными факторами, меры, предусмотренные Киотским протоколом, совершенно недостаточны, т.к. они в очень малой степени влияют на содержание парниковых газов в атмосфере. Следовательно, он не является эффективным инструментом сдерживания глобального потепления.

3. Киотский протокол несправедлив, т.к. подавляющее большинство слабо развитых стран игнорировали его основные принципы с самого начала переговорного процесса и никак не собираются ограничивать выбросы парниковых газов.

Справедливость первого пункта можно обсуждать (см. ниже), но необходимо подчеркнуть, что упомянутые государства подписали Рамочную конвенцию ООН по изменению климата и, следовательно, признали наличие проблемы как таковой.

Аргументация критиков Киотского протокола по второму пункту в значительной степени справедлива. Вместе с тем очевидно, что эта критика обусловлена не принципиальными соображениями глобального характера, а сугубо экономическими причинами, важными для того или иного государства. Так, например, США, экономика которых достаточно динамично развивалась, не были заинтересованы в ограничении выбросов, поскольку это привело бы (по крайней мере на первом этапе, продолжительность которого могла составить не менее 10 лет) к экономическому спаду, увеличению уровня безработицы и, следовательно, к снижению жизненного уровня. Сторонники Киотского протокола обращали внимание на тот факт, что оправдывать бездеятельность по ограничению выбросов антропогенных газов недостаточной его эффективностью неконструктивно, поскольку Киотский протокол – это лишь первый шаг на пути радикального сокращения выбросов, демонстрирующий волю международного сообщества к совместным действиям. Они настаивали на необходимости немедленных действий, поскольку парниковый эффект характеризуется значительной инерционностью из-за значительного времени жизни углекислого газа в атмосфере и большой инерции океана. Противники, в свою очередь, упорно отстаивали необходимость согласованных, но более действенных мер по ограничению выбросов, поскольку Киотский протокол, по их мнению, не имеет никакого практического значения. Поэтому США разработали собственную программу развития энергосберегающих технологии и перехода к промышленному производству, характеризующемуся радикальным уменьшением выбросов парниковых газов. Декларация о совместных действиях в этом направлении была подписана летом 2005 г. государствами Тихоокеанского региона. Эту декларацию можно считать альтернативной Киотскому протоколу программой действий по смягчению последствий антропогенных изменений климата. Помимо США к ней присоединились Австралия, Индия, КНР, Южная Корея и Япония.

Справедливость третьего пункта весьма сомнительна, поскольку душевое энергопотребление в слабо развитых странах настолько уступает потреблению энергии в промышленно развитых государствах, что первоочередное ограничение выбросов последними кажется как раз наиболее естественным требованием. Так, например, по данным Всемирного банка, первая пятерка промышленно развитых государств и государств с переходной экономикой (КНР, США, Индия, Российская Федерация и Япония), выбрасывающих наибольшее количество парниковых газов, обеспечивала в 2014 г. около 55% суммарной эмиссии, в то время как 100 слабо развитых стран выбрасывали в этот период менее 0.1% общего количества этих газов[5].

[5] См.: World Bank: CO2 emissions (kt). 2018.

Чрезмерная политизированность в обсуждаемом вопросе явно проявилась в процессе ратификации Российской Федерацией Киотского протокола. Роль России в Киотском процессе после выхода из него США и Австралии оказалась ключевой. Действительно, Киотский протокол 1997 г. предусматривал начало его практической реализации после ратификации соглашения государствами, ответственными не менее чем за 55% суммарных антропогенных выбросов[6]. Поэтому отказ Российской Федерации от ратификации протокола автоматически приводил бы к тому, что он не мог быть введен в действие. В конце 2003 г. в Москве состоялась Международная конференция по проблеме изменений климата. Это была грандиозная по размаху и количеству участвующих в ней ученых и экспертов конференция. На ней было принято решение о недостаточности знаний об относительной роли антропогенных и естественных факторов, влияющих на климатическую систему, и о преждевременности ратификации Киотского протокола. Однако в течение 2004 г. государствами Европейского Союза были предприняты энергичные дипломатические усилия в соответствующем направлении. В результате этого в 2005 г. Российская Федерация ратифицировала Киотский протокол, и он вступил в действие. Европейский Союз вообще является одним из мировых лидеров в вопросе о контроле за эмиссией парниковых газов и ограничением их выбросов. И это вполне естественно, поскольку «зеленые» партии, выступающие за проведение активной политики в области охраны окружающей среды и борьбе против антропогенных изменений климата, пользуются в государствах ЕС достаточно большой популярностью у избирателей.

Киотский протокол действовал до 2012 г. После окончания срока его действия большинство стран, подписавших Протокол, продолжали следовать его основным положениям до 2020 г. или до достижения следующего международного соглашения по контролю за эмиссией парниковых газов на основании поправки к Протоколу, принятой в Дохе в конце 2012 г. Некоторые авторы называют этот этап международных действий по контролю за эмиссией парниковых газов «Киото-2». Вместе с тем следует отметить, что не все крупнейшие эмитенты парниковых газов присоединились к Дохинской поправке, а Канада вообще вышла из Киотского протокола в 2012 г.

Парижское соглашение. Следующим шагом на пути реализации согласованных международных мер по контролю за эмиссией парниковых газов стало Парижское соглашение. Оно было принято 12 декабря 2015 г. в результате обсуждения, прошедшего на 21-й Конференции по Рамочной конвенции об изменении климата в Париже. В конечном счете его поддержали все 197 участников Рамочной конвенции. Делегации, представляющие эти государства, пришли к соглашению, что для предотвращения необратимых последствий для окружающей природной среды человечеству необходимо удержать рост средней температуры на планете в пределах 1.5–2 °C по отношению к температуре в доиндустриальную эпоху. Однако этому предшествовало очень сложное обсуждение. Камнем преткновения стало требование большой группы слаборазвитых стран создать специальный фонд для помощи этим государствам. Их аргументация была объективной. Они заявили, что все проблемы с антропогенными изменениями климата вызваны безудержным ростом потребления в развитых государствах, а доля слаборазвитых государств стран в общей эмиссии парниковых газов минимальна. Поэтому эти государства отказались нести хоть какие-нибудь затраты на уменьшение выбросов парниковых газов и смягчение последствий глобального потепления. Напротив, они потребовали, чтобы им платили за ущерб, который они несут при борьбе с последствиями глобального потепления. Собственно, против этого никто из промышленно развитых стран не возражал. Проблема заключалась в размере специального «зеленого» фонда и распределении средств между государствами-донорами, а также в механизме их передачи слабо развитым странам. В конечном счете участники Парижского соглашения приняли на себя следующие обязательства[7]:

принять национальные планы по снижению выбросов парниковых газов в атмосферу и пересматривать их в сторону ужесточения каждые пять лет с тем, чтобы ограничить рост температуры по сравнению с доиндустриальным периодом полтора-двумя градусами;

разработать к 2020 г. национальные стратегии перехода на «зеленые» технологии и безуглеродную экономику;

ежегодно выделять в Зеленый климатический фонд 100 млрд долл. для помощи слаборазвитым и наиболее уязвимым (для последствий климатических изменений) государствам. После 2025 г. эта сумма должна быть пересмотрена в сторону увеличения «с учетом потребностей и приоритетов развивающихся стран».

4 ноября 2016 г. климатический договор вступил в силу. И практически сразу после этого администрация США заявила, что США выходят из

[6] См.: Киотский протокол к Конвенции об изменении климата... С. 1–33.

[7] См.: Парижское соглашение (Париж, 12.12.2015 г.) / FCCC/ CP / 2015 / L.9 / Rev.1. United Nations, 2015.

него. 4 ноября 2020 г. Соединенные Штаты Америки окончательно завершили процесс выхода из Парижского соглашения по климату.

Следует отметить, что Республиканская партия США в отличие от демократов принципиально не поддерживает предусмотренные Парижским соглашением согласованные усилия мирового сообщества по контролю над эмиссией парниковых газов. Эта традиция продолжает линию республиканцев на отказ от ратификации Киотского протокола. Смена республиканской администрации на демократическую означает радикальное изменение позиции государства в этом вопросе.

Российская Федерация присоединилась к Парижскому соглашению в конце 2019 г. после подписания Постановления Правительства РФ от 21 сентября 2019 г. № 1228[8]. Необходимо обратить внимание на то, что такая формула присоединения к Парижскому соглашению (вместо его ратификации с помощью парламентской процедуры) позволяет России более гибко реагировать на последующие решения международного сообщества, касающиеся контроля над выбросами парниковых газов. Парижское соглашение вообще является более гибким международно-правовым актом по сравнению с Киотским протоколом, поскольку каждое государство само определяет свой вклад в сокращение таких выбросов и должно каждые пять лет проверять, как идёт работа по реализации целей соглашения. Конечно, такая «мягкая» формулировка несет в себе опасность невыполнения основной цели соглашения. Вместе с тем Парижское соглашение предоставляет Российской Федерации значительные перспективы для развития новых технологий, связанных с низкоуглеродной («зелёной») экономикой. При этом нет необходимости прибегать к быстрым и болезненным сокращениям традиционных отраслей топливно-энергетического комплекса, поскольку после распада СССР в 1991 г. выбросы парниковых газов в России значительно снизились. Для углекислого газа они достигли исторического минимума (около 2.1 Гт CO_2, без учета лесного сектора) в 1998 г., что на 41% ниже, чем в 1990 г.[9] С тех пор эмиссия CO_2 возросла, хотя и остается значительно ниже, чем в 1990 г.

Ратификация Парижского соглашения дает возможность Российской Федерации активно участвовать в формировании глобальной климатической повестки, и она может влиять на вводимые регуляторные меры с учетом национальных интересов государства. Именно этот принцип заложен в основу нормативно-правовых документов, которые сейчас разрабатываются. Правительством РФ утвержден Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 года. В документе определены федеральные организационные и нормативно-правовые меры на 2020–2022 гг., порядок разработки отраслевых и региональных планов, информационное и научное обеспечение работ. За этот период нужно лучше прояснить ситуацию и приступить ко второму этапу адаптации – конкретным мерам в различных отраслях экономики и охранным мероприятиям. План предусматривает создание соответствующей организационно-правовой структуры на федеральном уровне, разработку к концу 2021 г. отраслевых планов, а также широкий спектр действий по информационному и научному обеспечению работ. В частности, в план включена подготовка к концу 2022 г. очередного «Оценочного доклада об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации», включающего оценки уязвимости и сценарии адаптации. Он призван стать научной основой работ по второму этапу (на 2023–2025 гг.) и на дальнейшую перспективу. Субъектам Российской Федерации рекомендуется организовать работу по адаптации к изменениям климата и в 2022 г. утвердить свои планы. Они должны ежегодно отправлять в Минэкономразвития России отчеты о реализации соответствующих мероприятий. Предусмотрено, что Минприроды России, Росгидромет и другие ведомства разработают «Типовой паспорт климатической безопасности территории субъекта Российской Федерации». И эти мероприятия ныне реализуются.

Наблюдаемые тенденции в эмиссии парниковых газов и их влиянии на радиационный баланс атмосферы. Оценочные отчеты международной группы экспертов по изменениям климата (IPCC) дают достаточно полное представление о современном состоянии знаний о величине и точности выполненных количественных оценок по эмиссии основных парниковых газов и аэрозолей, а также их влиянии на радиационный баланс нижней тропосферы[10]. *Рисунок 1*, заимствованный из последнего опубликованного отчета IPCC, показывает, что основным парниковым газом антропогенного происхождения является CO_2. Его доля в суммарных выбросах парниковых газов превышает 75%. Второй по значимости парниковый газ антропогенного происхождения – метан, доля которого составляет 16%.

[8] См.: URL: http://base.garant.ru

[9] См.: *Федоров Б.Г.* Российский углеродный баланс. М., 2017.

[10] См.: Изменение климата, 2013: Физическая научная основа. Вклад Рабочей группы I в Пятый доклад об оценке Межправительственной группы экспертов по изменению климата / Т.Ф. Стоккер, Д. Цинь, Дж.-К. Платтнер и др. (ред.); Изменение климата, 2014: Смягчение воздействий на изменение климата. Вклад Рабочей группы III в Пятый оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата / К. Сейбот, А. Адлер, И. Баум и др. (ред.). Кембридж, Нью-Йорк, 2014.

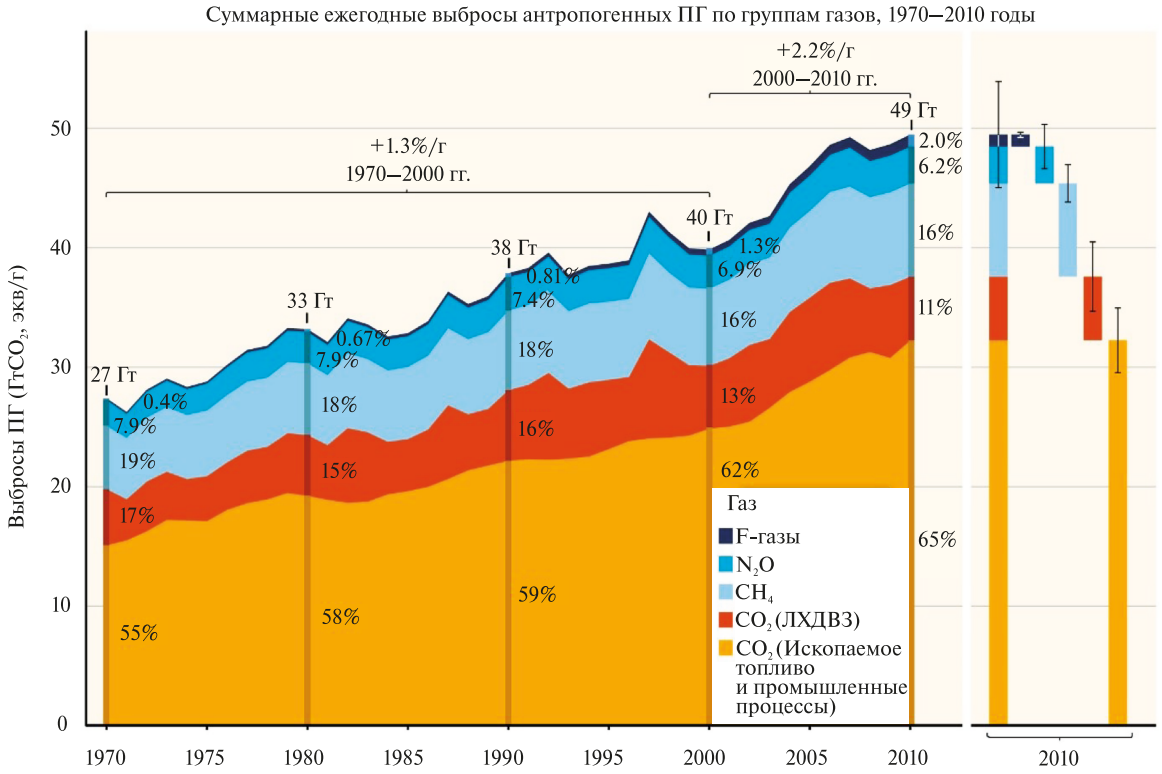

Рис. 1. Суммарные ежегодные антропогенные выбросы парниковых газов (ПГ, в $ГтCO_2$экв/год) по группам газов, 1970–2010 гг.: CO_2 в результате сжигания ископаемого топлива и промышленных процессов; CO_2 как результат лесного хозяйства и других видов землепользования (ЛХДВЗ); метан (CH_4); закись азота (N_2O); фторированные газы, охваченные Киотским протоколом (F-газы). На правой стороне рисунка выбросы ПГ в 2010 г. также показаны в разбивке по этим компонентам с соответствующими неопределенностями (90%-ный доверительный интервал), показанными «усами». Неопределённости суммарных антропогенных выбросов ПГ выводятся из оценок отдельных газов. Глобальные выбросы CO_2 в результате сжигания ископаемого топлива известны в пределах 8%-ной неопределенности (90%-ный доверительный интервал). Выбросы CO_2, связанные с (ЛХДВЗ), характеризуются весьма значительными неопределенностями, находящимися в пределах ±50%. Неопределенность для глобальных выбросов CH_4, N_2O и F-газов оценивалась в 20%, 60% и 20% соответственно. 2010 г. был самым последним годом, для которого статистика выбросов по всем газам, а также оценка неопределенностей были в основном завершены в момент окончания предоставления данных для Пятого оценочного доклада. Показатели выбросов конвертируются в эквиваленты CO_2, взятые из Второго оценочного доклада. Данные о выбросах, связанных с ЛХДВЗ, отражают наземные выбросы CO_2 в результате лесных пожаров, пожаров торфяников и разложения торфа, которые приблизительно равны чистому потоку CO_2, связанному с ЛХДВЗ. Среднегодовой показатель роста за разные периоды выделен в квадратных скобках[12].

Общая эмиссия парниковых газов антропогенного происхождения оценивалась для 2010 г. в 49 Гт (в CO_2 эквиваленте). Возникает вопрос: много это или мало по сравнению с естественными глобальными источниками и стоками углерода в природной среде? В соответствии с опубликованными оценками, обобщенными, например, в работе[11], эта величина на порядок меньше, чем ежегодная продукция углерода наземными и океаническими экосистемами, а изменения этой продукции от одного года к другому одного порядка с приведенной выше цифрой. Казалось бы, антропогенное воздействие на климатическую систему во всяком случае пока относительно невелико. Но это только на первый взгляд.

Конечно, за один год выбросы парниковых газов в приведенном объеме и соответствующий им радиационный эффект невелики. Но ведь они накапливаются. Углекислый газ – один из долгоживущих атмосферных газов. После попадания в атмосферу он остается там на протяжении многих десятилетий. Таким образом, продолжающиеся антропогенные выбросы приводят к кумулятивному эффекту, а аномалии интенсивности углеродного обмена

[11] См.: *Полонский А. Б.* Указ. соч.

[12] Заимствовано из доклада: Изменение климата, 2013: Физическая научная основа. Вклад Рабочей группы I в Пятый доклад об оценке Межправительственной группы экспертов по изменению климата / Т.Ф. Стоккер, Д. Цинь, Дж.-К. Платтнер и др. (ред.).

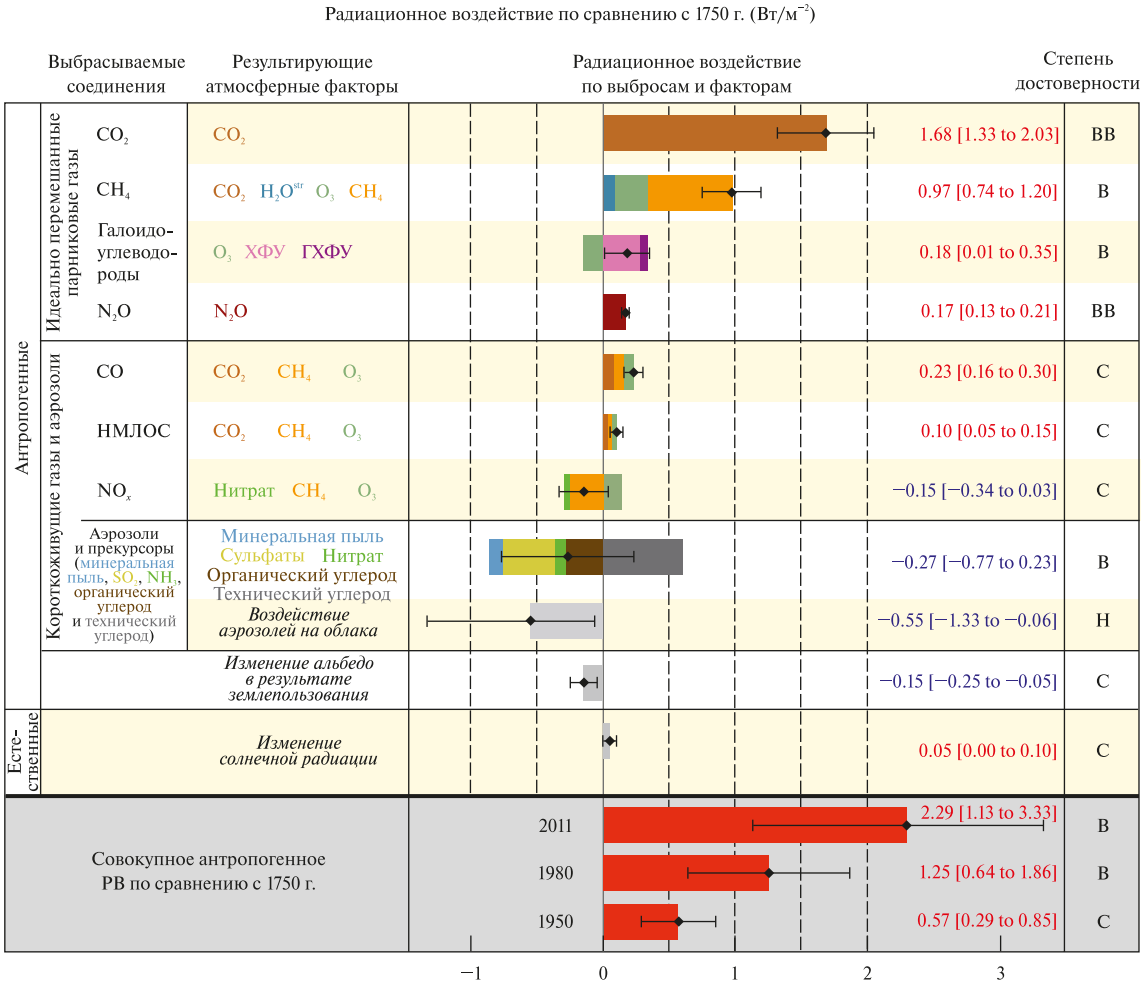

Рис. 2. Оценки радиационного воздействия в 2011 г. по сравнению с 1750 г. и агрегированные неопределенности основных факторов изменения климата. Значения показывают глобальное среднее радиационное воздействие в разбивке по выбрасываемым соединениям или процессам, что дает комбинацию факторов. Наилучшие оценки чистого радиационного воздействия показаны черными ромбами с соответствующими интервалами неопределенности; численные значения приводятся в правой части рисунка, наряду со степенью достоверности чистого воздействия (ВВ – весьма высокая, В – высокая, С – средняя, Н – низкая, ВН – весьма низкая). Воздействие, обусловленное снижением альбедо из-за технического углерода на снегу и льду, включено в «полоску» аэрозолей и технического углерода. Незначительные воздействия от конденсационного следа и второстепенных парниковых газов (в общей сложности 0.08 Вт/м^2) не показаны. Вулканическое воздействие не учитывается, поскольку его эпизодический характер затрудняет сравнение с другими механизмами воздействия. Значения совокупного антропогенного радиационного воздействия предоставляются за три разных года в сопоставлении с 1750 г.[13]

в естественных экосистемах знакопеременны. В результате за 10 лет суммарное антропогенное воздействие на радиационный баланс атмосферы окажется уже далеко не пренебрежимо малым, а за 100 лет – весьма существенным.

С точки зрения величины интегрального радиационного эффекта основным парниковым газом также является CO_2. Для 2011 г. радиационный эффект углекислого газа для нижней тропосферы оценивался в 1.68 Вт/м^2. Другие парниковые газы играют меньшую роль из-за их значительно меньшей концентрации в атмосфере. Из всех этих газов более или менее значимое воздействие на радиационный баланс нижней тропосферы оказывает метан *(рис. 2)*.

Аэрозоли, выбрасываемые в атмосферу, в основном, приводят к уменьшению суммарного притока тепла в нижнюю тропосферу. Причем не меньшую (а большую) роль играет не прямое воздействие аэрозольных частиц на радиационный баланс, а косвенный (вторичный) аэрозольный эффект. Он проявляется в том, что атмосферные аэрозоли

[13] Заимствовано из работы: Изменение климата, 2014: Смягчение воздействий на изменение климата. Вклад Рабочей группы III в Пятый оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата / К. Сейбот, А. Адлер, И. Баум и др. (ред.).

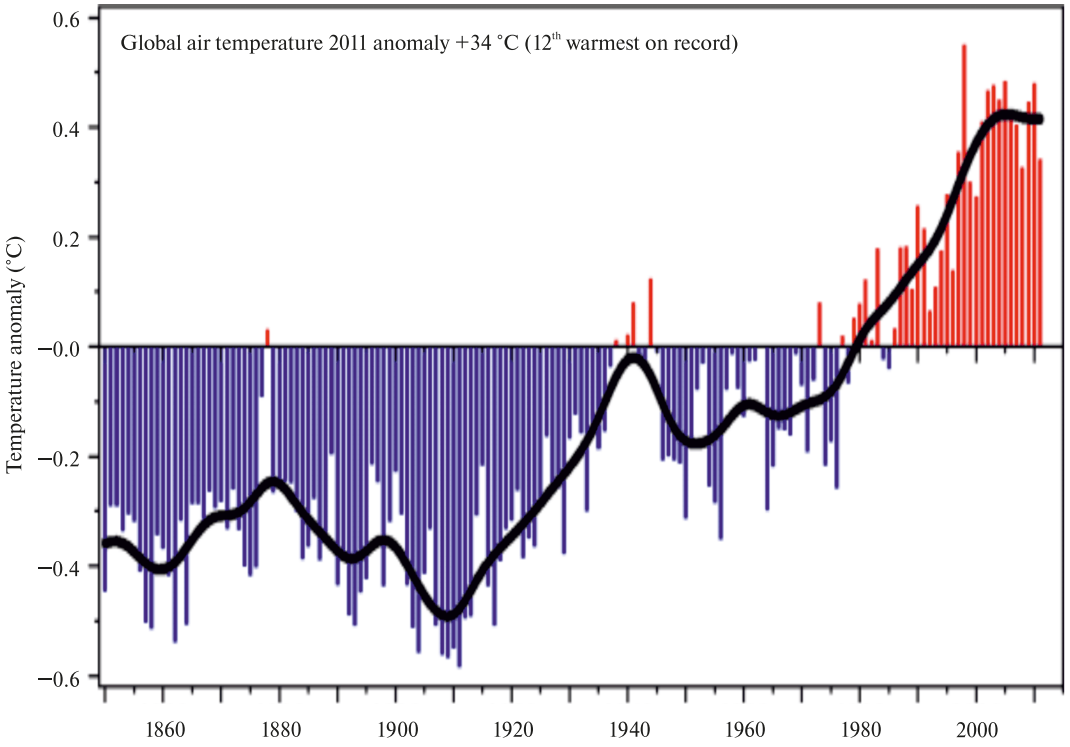

Рис. 3. Временной ход аномалий глобальной приземной температуры воздуха, полученный в Университете Восточной Англии[15].

оказывают непосредственное влияние на облачность, т.к. они могут служить ядрами конденсации для капель, образующих облачные скопления. При этом они влияют на микрофизику облаков и изменяют свойства облачного покрова, который, в свою очередь, влияет на радиационный (и тепловой) баланс климатической системы. Вторичный аэрозольный эффект характеризуется также самым высоким уровнем неопределенности. Погрешность количественных оценок этого эффекта достигает почти 100%, но большинство экспертов считают, что дополнительные выбросы аэрозолей все-таки уменьшают величину радиационного притока тепла в нижнюю тропосферу, т.е. их действие на тепловой баланс тропосферы прямо противоположно действию парниковых газов.

Суммарное радиационное воздействие на приземную атмосферу всех антропогенных компонентов оценивается (для 2011 г.) величиной, близкой к 2.3 Вт/м^2. Диапазон вероятных изменений при этом составляет от 1.13 до 3.33 Вт/м^2. Таким образом, дополнительное радиационное форсирование нижней тропосферы, приводящее к ее потеплению – это экспериментально установленный факт.

Критики этой концепции в качестве одного из аргументов, доказывающих ее несостоятельность приводят следующий факт. Несмотря на постоянно увеличивающиеся на протяжении многих десятков лет выбросы парниковых газов в результате хозяйственной деятельности человечества, изменение температуры приземного воздуха немонотонно. Если считать, что парниковый эффект от антропогенных выбросов – это главная причина изменения температуры на временных масштабах от нескольких десятилетий до одного-двух столетий, это должно приводить к непрерывному росту глобальной приземной температуры. Действительно, за последние полтора столетия эта температуры выросла в среднем по планете Земля на 0.9 °C. Но тогда т.н. «паузы в глобальном потеплении» (т.е. периоды времени, когда рост глобальной температуры прекращается) должны быть следствием других процессов, явно не антропогенного происхождения. Таких пауз за последние 150 лет было три *(рис. 3)*. Первая из них отмечалась в конце XIX – начале XX в., вторая – в середине XX в. и третья – в конце XX – начале XXI в. Причем вторая и третья паузы (в отличие от первой) были неплохо задокументированы и нет практически никаких сомнений в их реальности. Но только последняя пауза в глобальном потеплении вызвала такие ожесточенные дискуссии, которые даже привели к международному разбирательству[14]. В действительности ничего нового в последней паузе в глобальном потеплении нет. Но куда девается «потерянное»

[14] См.: *Полонский А.Б.* Указ. соч.

[15] Приводится по данным работы: *Полонский А.Б.* Указ. соч.

тепло, поступающее в нижнюю тропосферу в результате парникового эффекта, совершенно очевидно. Оно идет на нагрев океана. Только не верхних его слоев (которые довольно хорошо обеспечены современными измерениями), а промежуточных и глубинных (которые по-прежнему слабо обеспечены наблюдениями). Причем этот нагрев происходит неравномерно по акватории Мирового океана. Главные центры, через которые тепло «закачивается» в глубину – это области формирования Североатлантической глубинной водной массы и Южный океан. Таким образом, никакой «паузы в глобальном потеплении» на самом деле нет. Просто в одни периоды времени сильнее нагревается нижняя тропосфера, а в другие – Мировой океан (причем не только верхний его слой, но и более глубоководные горизонты).

Что касается последствий глобального потепления, то большинство из них носит негативный характер. Вот основные из них: увеличение повторяемости особо опасных и катастрофических гидрометеорологических явлений, деградация вечной мерзлоты, повышение общей стоимости ресурсов, обеспечивающих кондиционирование воздуха в летний период, рост количества масштабных лесных пожаров, отрицательные последствия климатических изменений для здоровья населения, быстрое смещение ландшафтных зон и уменьшение биоразнообразия. Вместе с тем далеко не все последствия глобального потепления негативного характера. У этого процесса есть и позитивные следствия. Среди них улучшение условий мореплавания по Северному морскому пути, увеличение зеленой биомассы (особенно выраженное в бореальных лесах), понижения энергозатрат на отопление в зимний период и др. Тем не менее в целом, как показывают интегральные оценки, проведенные экспертами IPCC[16], негативные последствия преобладают над позитивными. Поэтому необходимы целенаправленные усилия по смягчению воздействий на изменения климата антропогенного происхождения, начатые подписанием Рамочной конвенции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г. и регулируемые рамочным Парижским соглашением 2015 г.[17]

Заключение. Как ясно из приведенных выше данных, глобальное потепление в современную климатическую эпоху – это экспериментально установленный факт. Несмотря на сложность климатической системы и наличие естественных климатических вариаций значительной амплитуды, растущая эмиссия парниковых газов, соответствующее радиационное форсирование и общее потепление нижней тропосферы на временных масштабах от нескольких десятков до сотни лет указывают на антропогенный характер роста глобальной температуры приземного слоя. Ныне его величина с большой вероятностью оценивается в диапазоне от 0.7 до 1.1 °C за 100 лет. Процесс глобального потепления сопровождается большим количеством как отрицательных, так и положительных последствий для современной цивилизации. В глобальном плане преобладают отрицательные последствия, но для отдельных государств потепление сопровождается улучшением состояния окружающей среды и экономически выгодны. Ясно поэтому, что проблема глобальных и региональных изменений климата затрагивает интересы различных общественных, финансово-промышленных и политических структур. В связи с этим научно обоснованное принятия решений по дальнейшим мерам по контролю за выбросами парниковых газов глобального характера должно регулироваться законодательными актами. Таким образом, проблема климатических изменений далеко выходит за рамки чисто научной задачи. Она представляет собой глобальную цивилизационную проблему современности. Разрешение этой проблемы или по крайней мере смягчение негативных последствий климатических изменений до приемлемого уровня невозможно без согласованных усилий мирового сообщества, которые должны сопровождаться принятием законодательных актов. Причем действие этих актов должно распространяться на большую часть развитых государств и государств с переходной экономикой, ответственных за основную долю общей эмиссии парниковых газов и атмосферных аэрозолей.

(Окончание в следующем номере)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Изменение климата, 2013: Физическая научная основа. Вклад Рабочей группы I в Пятый доклад об оценке Межправительственной группы экспертов по изменению климата / Т.Ф. Стоккер, Д. Цинь, Дж.-К. Платтнер и др. (ред.). Кембридж, Нью-Йорк, 2013.
2. Изменение климата, 2014: Смягчение воздействий на изменение климата. Вклад Рабочей группы III в Пятый оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата / К. Сейбот, А. Адлер, И. Баум и др. (ред.). Кембридж, Нью-Йорк, 2014.

[16] См.: Изменение климата, 2013: Физическая научная основа. Вклад Рабочей группы I в Пятый доклад об оценке Межправительственной группы экспертов по изменению климата / Т.Ф. Стоккер, Д. Цинь, Дж.-К. Платтнер и др. (ред.); Изменение климата, 2014: Смягчение воздействий на изменение климата. Вклад Рабочей группы III в Пятый оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата / К. Сейбот, А. Адлер, И. Баум и др. (ред.).

[17] Обсуждению этих усилий и их юридически обязывающего характера посвящена вторая часть настоящей работы (см.: Государство и право. 2021. № 5).

3. *Полонский А.Б.* Изменения климата: мифы и реальность. Севастополь, 2020.

4. *Федоров Б.Г.* Российский углеродный баланс. М., 2017.

REFERENCES

1. Climate Change, 2013: A physical scientific basis. Contribution of Working Group I to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / T.F. Stokker, D. Qin, J.-K. Plattner, et al. (ed.). Cambridge, New York, 2013 (in Russ.).

2. Climate Change, 2014: Mitigating the Impacts of Climate Change. Contribution of Working Group III to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / K. Seibot, A. Adler, I. Baum, et al. (ed.). Cambridge, New York, 2014 (in Russ.).

3. *Polonsky A.B.* Climate change: myths and reality. Sevastopol, 2020 (in Russ.).

4. *Fedorov B.G.* Russian Carbon balance. M., 2017 (in Russ.).

Сведения об авторах

ПОЛОНСКИЙ Александр Борисович –
член-корреспондент РАН,
член-корреспондент НАН Украины,
профессор, научный руководитель
Института природно-технических систем
Российской академии наук;
299011 г. Севастополь, ул. Ленина, д. 28;
заведующий кафедрой «Мониторинг и теория
климата» Севастопольского государственного
университета; 299053 г. Севастополь,
ул. Университетская, д. 33;
заведующий кафедрой «География океана»
в филиале МГУ им. М.В. Ломоносова
в г. Севастополе; 299001 г. Севастополь,
ул. Героев Севастополя, д. 7

ПЕКАРНИКОВА Марина Евгеньевна –
помощник директора по правовой работе
Института природно-технических систем
Российской академии наук;
299011 г. Севастополь, ул. Ленина, д. 28

Authors' information

POLONSKY Alexander B. –
Corresponding Member of the Russian Academy
of Sciences, Corresponding Member of the NAS
of Ukraine, Professor, Scientific Director of the
Institute of Natural and Technical Systems
of the Russian Academy of Sciences; 28 Lenin str.,
299011 Sevastopol, Russia; Head of the Department
"Monitoring and climate theory" of Sevastopol
state University; 33 Universitetskaya str.,
299053 Sevastopol, Russia; Head of the Department
of Ocean Geography at the branch of Lomonosov
Moscow state University in Sevastopol;
7 Geroev Sevastopolya str.,
299001 Sevastopol, Russia

PEKARNIKOVA Marina E. –
assistant Director for legal work of the Institute
of Natural and Technical Systems of the Russian
Academy of Sciences; 28 Lenin str.,
299011 Sevastopol, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 4, с. 114–119
STATE AND LAW, 2021, № 4, pp. 114–119

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

КОРРУПЦИЯ В СФЕРЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

© 2021 г. М. М. Поляков*, С. Я. Саламова**

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

**E-mail: MMPOLYAKOV@msal.ru*
***E-mail: SYSALAMOVA@msal.ru*

Поступила в редакцию 26.11.2020 г.

Аннотация. В статье анализируются сущность, содержание и виды коррупционных правонарушений в сфере высшего образования Российской Федерации. Приведены данные официальной государственной статистики, а также результаты самостоятельного авторского социологического исследования по проблеме коррупции, осуществленного среди обучающихся вузов. В статье также раскрыты нормативно-правовые основы противодействия коррупции в сфере высшего образования, а также отражены эффективные меры по предупреждению и профилактике коррупционных правонарушений в учреждениях высшего образования.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, коррупционные правонарушения, высшее образование, образовательные учреждения, нормативно-правовые акты.

Цитирование: *Поляков М.М., Саламова С.Я.* Коррупция в сфере науки и образования: нормативно-правовые основы противодействия // Государство и право. 2021. № 4. С. 114–119.

Статья написана в рамках государственного задания 075-00293-20-02 от 25.05.2020 г., номер темы - FSMW-2020-0030 ГЗ «Трансформация российского права в условиях больших вызовов: теоретико-прикладные основы».

DOI: 10.31857/S102694520014351-7

CORRUPTION IN SCIENCE AND EDUCATION: REGULATORY AND LEGAL FRAMEWORK FOR COUNTERACTION

© 2021 M. M. Polyakov*, S. Ya. Salamova**

Kutafin Moscow state Law University (MSAL)

**E-mail: MMPOLYAKOV@msal.ru*
***E-mail: SYSALAMOVA@msal.ru*

Received 26.11.2020

Abstract. The presented scientific article analyzes the essence, content and types of corruption offenses in the field of higher education in the Russian Federation. The data of official state statistics, as well as the results of an independent author's sociological research on the problem of corruption, carried out among students of universities are presented. The article also reveals the legal framework for combating corruption in the field of higher education, as well as reflects the most effective measures to prevent and prevent corruption offenses in domestic higher education institutions.

Key worlds: corruption, anti-corruption, corruption offenses, higher education, educational institutions, regulatory legal acts.

For citation: *Polyakov, M.M., Salamova, S.Ya. (2021).* Corruption in the field of science and education: regulatory framework for counteraction // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 114–119.

The article was written within the framework of the state task 075-00293-20-02 of 25.05.2020, the topic number is FSMW-2020-0030 GZ "Transformation of Russian law in the conditions of big challenges: theoretical and applied foundations".

В сфере образования отдельного упоминания заслуживает коррупция. Исторические корни коррупции зародились в России еще на этапе формирования государственности, а ее негативные «метастазы» ныне проникли практически во все общественные институты. В частности, Ю.А. Тихомиров идентифицирует коррупцию как социальную болезнь общества[1]. В.В. Лунеев в своей фундаментальной научной работе «Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции» весьма глубоко выразил содержание коррупции в государственном управлении и следующим образом описал её естество: «Коррупция разных форм свидетельствует о полном безразличии государственных должностных лиц к общественной пользе, закону, народу. Она представляет собой симбиоз необоснованной монополии власти, дискреционных полномочий чиновников и отсутствия их жесткой правовой подотчетности и подконтрольности»[2].

Образовательная сфера включает в себя коррупцию не только внутри вузов, но и в среде детских садов, дошкольных учреждений, школ, гимназий, лицеев и прочих образовательных организаций. Однако отрицательные последствия как для общества, так и для отдельно взятого индивидуума, на наш взгляд, наступают вследствие преступлений коррупционной направленности, совершаемых в высших учебных заведениях. Именно коррупция в высших учебных заведениях способствует значительному снижению качества образования. Государство не получает высококвалифицированных специалистов, что в результате негативно сказывается на экономике. С молодого возраста у человека начинает формироваться представление о беззащитности перед властью и преступностью, подрывается доверие как к образовательной организации, так и к власти в целом, разрушаются нравственные устои. И это происходит в условиях, когда образование является фундаментом для построения успешного государства, а формирование личности происходит в стенах учебных заведений.

Коррупция в образовательной сфере включает в себя отношения не только преподавателя и обучающегося. По мнению П. дю Плесси, опасное заболевание поражает систему образования четырьмя способами: через образовательные функции, поставку товаров и услуг для школьных нужд, ненадлежащее исполнение служенных обязанностей, а также в отношении налогообложения и имущества[3]. С нашей точки зрения, коррупционные преступления в сфере образования можно условно обозначить четырьмя типами взаимодействия:

в процессе получения доступа к образованию;

в процессе получения, распределения товаров, работ и услуг между представителями образовательной организации и организациями, производящими и поставляющими данные товары, работы и услуги;

в процессе взаимодействия представителей органов власти с представителями образовательной организации;

в процессе взаимодействия обучающихся и их родственников с преподавателями и другими представителями образовательной организации при оценивании знаний, умений и навыков обучающихся.

Коррупционные преступления в рамках данных четырех типов взаимодействия характерны как для государственных образовательных организаций, так и для коммерческих образовательных организаций, которые не только унаследовали пороки государственного образования, но и в некотором смысле обогатили их.

Данное явление является многоаспектным и включает в себя не только взяточничество, но и реализацию внутренней информации, злоупотребление полномочиями, растрату, нецелевое расходование бюджетных средств. Сюда же можно отнести и распространенные фаворитизм и непотизм.

Коррупционная составляющая наблюдается не только в образовании, но и в науке. Большую опасность представляют преступные схемы, в которые вовлечены представители Высшей аттестационной комиссии (ВАК), редакторы журналов и члены диссертационных советов. Сформировались целые диссертационные фабрики, а также когорта торговцев фальшивыми диссертациями. В сфере защиты кандидатских и докторских диссертаций также процветают фаворитизм и непотизм, когда благодаря знакомствам или родственным связям диссертанты

[1] См.: Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией: науч.-практ. пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 25.11.2020).

[2] *Лунеев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 513, 514.

[3] См.: *Plessis P. du.* Corruption in Education – Stealing the Future. Medi-terranean Journal of Social Sciences MCSER Publishing, Rome – Italy. Vol. 5. No. 23 November. 2014. P. 1308–1316.

имеют возможность защититься с диссертациями низкого качества.

Статистическая информация о состоянии преступности в сфере образования достаточно закрытая. В открытом доступе на официальных сайтах, публикующих информацию о состоянии преступности, она не приводится. О состоянии и характере коррупционных преступлений, совершенных представителями образовательных учреждений можно проследить по новостной рубрике официальных сайтов различных государственных органов или СМИ.

В 2018 г. Генеральная прокуратура РФ отметила рост числа коррупционных преступлений в сфере образования: 261 работник образования и науки был привлечен к ответственности за дачу взятки, получение взятки, за злоупотребление должностными полномочиями и т.д.

Интересна статистика Минобрнауки России за 2018 и 2019 гг. по количеству обращений в это ведомство с жалобами на коррупцию. Она в этот же период времени констатирует снижение количества обращений с жалобами на коррупцию: в 2018 г. количество обращений с жалобами на коррупцию в вузах составило около 730, а за 2019 г. – около 600.

В информационное пространство чаще всего попадают сведения о противоправных деяниях преподавателей, по которым возбуждаются уголовные дела. Руководство же вузов не заинтересовано в распространении такой информации и со многими преподавателями-взяточниками расстаётся без публичной огласки.

Исходя из этих опубликованных данных, можно сделать вывод о сравнительно немногочисленных фактах вымогательства и получения взятки преподавателями либо даче взятки студентами вузов, однако это не соответствует действительности и говорит исключительно о высоком уровне их латентности. Проводимые криминологические исследования же свидетельствуют о значительной коррумпированности образовательных учреждений. Традиционное образование называют одной из самых коррумпированных сфер общественной жизни.

В феврале-марте 2020 г. Московским криминологическим кабинетом МГЮУ им. О.Е. Кутафина было проведено исследование на тему коррупции в образовательных организациях. Для проведения исследования были использованы такие социологические методы, как анкетирование, опрос, интервью и др. В качестве респондентов выступили 1162 человека, среди которых были студенты, преподаватели и сотрудники высших учебных заведений. Респонденты относились к разным возрастным группам, однако среди них превалировала возрастная группа 18–24 года, представители которой на момент проведения исследования являлись студентами. Это были лица как женского, так и мужского пола. Исследование имело достаточно широкую географию – 22 субъекта Российской Федерации. Опросы и анкетирования проводились с помощью сервиса «Google Формы», а также социальных сетей «Инстаграмм», «ВКонтакте», «Твиттер». По итогам опросов и анкетирований были получены следующие результаты.

1. Из всех сфер общественной жизни, охватываемых коррупцией, по мнению респондентов, образование занимает второе место – 40%, сразу после здравоохранения – 57%.

2. Практически все опрошенные высказали свое отрицательное либо резко отрицательное отношение к коррупции, однако 5% считают, что в существовании коррупции в образовании можно отметить и положительные моменты – она не наносит урона экономике.

3. Около 60% респондентов слышали о проявлениях коррупции в образовательных организациях, но лично не сталкивались с ней; 12% – лично регулярно сталкивались с проявлениями коррупции в образовательных организациях; 28% респондентов никогда не сталкивались и не знают о случаях проявления коррупции в их образовательной организации.

4. Около 82% респондентов утверждали, что никогда не являлись участниками коррупционных преступлений, и 18% признались, что совершали действия коррупционного характера в сфере образования.

5. По отношению к причинам коррупции мнения респондентов разделились. Большинство респондентов считают, что проблема коррупции связана с неэффективностью работы систем управления (32%), недостаточность морального воспитания есть основная причина коррупции, по мнению 27% опрошенных. Уровень заработных плат среди преподавателей лишь на третьем месте – 21%.

6. Основным случаем коррупции является проставление зачетов и экзаменов за деньги или иные средства без их фактической сдачи и проверки знаний студента.

7. Респондентам был задан вопрос относительно того, кто является инициатором совершения коррупционных действий в сфере образования. Были предложены различные варианты инициаторов совершения коррупционных действий: ученик / студент, профессорско-преподавательский состав, руководство или сотрудники образовательной организации. Около 48% респондентов назвали инициаторами совершения коррупционных действий студентов и порядка 19% респондентов – преподавателей. Руководство или сотрудники образовательных организаций являются инициаторами преступления, по мнению 33% респондентов.

8. На вопрос о достаточности мер, принимаемых государством для борьбы с преступлениями коррупционной направленности в образовательных организациях, 100% респондентов заявили о том, что эти меры не были достаточными и необходимо введение новых, более эффективных мер.

9. Каким мотивом руководствовались студенты, участвовавшие в коррупционных преступлениях? Традиционно основной причиной выступала банальная лень, отсутствие побуждающих факторов, определяющих активность студента, отсутствие интереса к получаемой профессии.

10. Опрос показал, что чуть больше половины респондентов (53.7%) не знали о наличии соответствующих программ и мероприятий по предупреждению коррупции в их образовательных учреждениях, одна треть (46.3%) утверждала, что такие мероприятия проводятся.

Проведенное исследование позволило сформулировать выводы о том, что проблема коррупции в сфере образования существует и насущна в Российской Федерации и с ней следует бороться и пресекать всеми возможными способами, ведь негативные последствия проявления коррупции в образовательных организациях не ограничиваются только лишь нарушением нравственности и ухудшением материального состояния граждан, формированием кризиса доверия, снижением эффективности системы образования – коррупция подрывает авторитет этой системы и существенно снижает престиж и уровень образования в целом.

Ныне сформирована обширная правовая основа по противодействию различным коррупционным проявлениям, в т.ч. и в образовательной сфере. Антикоррупционные нормы содержатся в международно-правовых актах, федеральных законах и подзаконных актах, нормативно-правовых актах субъектов Российской Федерации, а также иных правовых актах локального характера.

Конвенция ООН против коррупции 2003 г., ратифицированная Российской Федерацией в установленном порядке, предусматривает активную деятельность государств по искоренению коррупции с применением разнообразных способов и средств. Так, согласно п. «с» ст. 13 Конвенции противодействие коррупции должно осуществляться путем внедрения образовательных программ, включая учебные программы в школах и университетах.

В п. 1 ст. 6 Федерального закона «О противодействии коррупции» закреплено, что формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению является одним из приоритетных направлений против коррупции. Федеральным законом также предусмотрено принятие и иных мер, связанных с привлечением широкого круга субъектов к более активному участию в противодействии коррупции, развитием в обществе негативного отношения к коррупционному поведению.

Среди мер, которые закреплены в законах субъектов Российской Федерации о противодействии коррупции, фигурируют антикоррупционное просвещение, образование и пропаганда. Так, согласно ст. 7.1 Закона Ярославской области от 9 июля 2009 г. № 40-з «О мерах по противодействию коррупции в Ярославской области» под антикоррупционным образованием понимается целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства, основанный в т.ч. на образовательных программах, а также подготовки (переподготовки) специалистов в сфере проведения антикоррупционной экспертизы, ведения антикоррупционного мониторинга.

Антикоррупционные меры конкретизируются в различных государственных планах и программах. В частности, согласно п/п. «ж» п. 21 Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 годы предусматривалась разработка и реализация комплекса просветительских мероприятий, направленных на создание в обществе атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям, в т.ч. на повышение эффективности антикоррупционного просвещения.

Указанные просветительские мероприятия нашли свое непосредственное отражение в отдельном плане, связанном с противодействием коррупции. Кроме того, антикоррупционное просвещение в 2019 г. также реализовывалось в рамках соответствующей программы, утвержденной Правительством РФ. В частности, указанные документы предусматривают совершенствование имеющейся учебно-методической базы, проведение комплекса мероприятий, направленных на антикоррупционное воспитание, популяризацию антикоррупционного поведения путем проведения различных конкурсов, лекций, семинаров, квест-игр и иных мероприятий массового характера, направленных на формирование антикоррупционного мировоззрения и непринятия коррупции в общественном сознании.

Противодействие коррупции с использованием антикоррупционного просвещения осуществляется во всех органах государственной власти и местного самоуправления путем принятия на уровне локального регулирования специальных ведомственных планов и программ. К примеру, в МВД России существовал План по противодействию коррупции на период с 2018 по 2020 г. В данном плане также закреплялись меры, направленные на формирование антикоррупционного поведения, а также меры воспитательного и просветительского характера. Согласно отдельным положениям Плана сотрудникам соответствующих структурных подразделений

органов внутренних дел рекомендовалось принять участие в проведении научных междисциплинарных исследований, в работе научно-практических конференций в области противодействия коррупции, ежегодных семинаров и совещаний по актуальным вопросам применения законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции. Планом также предусматривалось привлечение специалистов в области рекламы, СМИ и общественных связей для производства социальной рекламы, направленной на формирование в обществе неприятия всех форм коррупции. Все указанные мероприятия в МВД России коррелируются с соответствующими положениями действующего Национального плана противодействия коррупции.

На уровне субъектов Российской Федерации в отдельных органах исполнительной власти уже приняты перспективные планы противодействия коррупции на ближайшие годы. Например, в Министерстве труда и социального развития Республики Адыгея действует План противодействия коррупции на 2020–2022 годы. Планом предусмотрена проверка знаний государственными гражданскими служащими основных положений нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции в ходе проведения аттестации и квалификационных экзаменов, ежегодное проведение семинаров с государственными гражданскими служащими по вопросам противодействия коррупции, формированию негативного отношения к дарению подарков.

Министерством труда и социальной защиты РФ разработан целый комплекс методических рекомендаций для противодействия коррупции в организациях. Они распространяются и на образовательные организации. Среди антикоррупционных мер можно выделить:

определение в организации подразделения и (или) работников, ответственных за предупреждение коррупции;

проведение оценки коррупционных рисков;

профилактика конфликта интересов;

внедрение антикоррупционных стандартов и кодексов этического поведения;

взаимодействие с правоохранительными и иными государственными органами в целях противодействия коррупции и др.

Следует отметить, что большинство образовательных организаций следуют указанным рекомендациям для предупреждения коррупционных отношений. По каждому пункту требуется принятие соответствующего локального правового акта. Это могут быть приказы и распоряжения, регулирующие:

проведение антикоррупционной политики;

порядок предоставления сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера;

процедуру сообщения работниками организации о факте получения подарка;

перечень должностей, наиболее подверженных коррупционным рискам.

Отдельно необходимо упомянуть о том, что антикоррупционные планы есть в каждой образовательной организации вне зависимости от её статуса или организационно-правовой формы, начиная со средней школы и заканчивая вузами.

В образовательных организациях высшего образования для формирования антикоррупционного мировоззрения и формирования соответствующей компетенции у обучающихся осуществляется преподавание дисциплин «Противодействие коррупции», «Противодействие коррупции и предупреждение коррупционных рисков в органах государственной власти», «Правовые основы противодействия коррупции», «Антикоррупционная экспертиза правовых актов», «Административно-правовые формы и методы противодействия коррупции» и т.п.

* * *

Таким образом, противодействие коррупции самым тесным образом связано с образовательной сферой. Антикоррупционное просвещение, пропаганда и воспитание стали важнейшими методами против коррупции, что получило своё закрепление в законодательстве, а также государственных планах и программах. Локальные акты органов государственной власти содержат отдельные пункты, связанные с формированием среди служащих нетерпимого отношения к коррупции. Образовательные организации осуществляют подготовку специалистов различного профиля с включением в учебные планы дисциплин, затрагивающих вопросы противодействия коррупции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лунеев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 513, 514.
2. Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией: науч.-практ. пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 25.11.2020).
3. *Plessis P. du.* Corruption in Education – Stealing the Future. Medi-terranean Journal of Social Sciences MCSER Publishing, Rome – Italy. Vol. 5. No. 23 November. 2014. P. 1308–1316.

REFERENCES

1. *Luneev V.V.* Crime of the XX century: world, regional and Russian trends. 2nd ed., rev. and add. M., 2005. P. 513, 514.
2. Participation of civil society institutions in the fight against corruption: scientific and practical manual / ex. ed. Yu. A. Tikhomirov. M., 2013 [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru (accessed: 25.11.2020).
3. *Plessis P. du.* Corruption in Education – Stealing the Future. Medi-terranean Journal of Social Sciences MCSER Publishing, Rome – Italy. Vol. 5. No. 23 November. 2014. P. 1308–1316.

Сведения об авторах

ПОЛЯКОВ Максим Михайлович –
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

САЛАМОВА Себила Якубовна –
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

Authors' information

POLYAKOV Maxim M. –
PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Department of Administrative Law and procedure of Kutafin Moscow state Law University (MSAL); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 125993 Moscow, Russia

SALAMOVA Sebila Ya. –
PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Department of criminology and criminal enforcement law of the Department of Kutafin Moscow state Law University (MSAL); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 125993 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 4, с. 120–130
STATE AND LAW, 2021, № 4, pp. 120–130

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

СУБСИДИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН – ЧЛЕНОВ ВТО И ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

© 2021 г. М. В. Глазатов

Министерство экономического развития Российской Федерации, г. Москва

E-mail: mglazatov@gmail.com

Поступила в редакцию 10.06.2020 г.

Аннотация. Построенные на основе многосторонних соглашений современные межгосударственные торгово-экономические отношения изменяются. Либерализация тарифных мер защиты достигла своего предела. Использование такого механизма государственной поддержки отечественных производителей как субсидии активизировалось, но при этом стало основной мишенью критики в международных торговых отношениях. За счет их применения компании могут увеличить или искусственно поддерживать свою долю на рынке, что делает субсидии эффективным механизмом протекционизма. В таком контексте критерии отнесения мер государственной поддержки к субсидиям принципиальны для международных торговых отношений. В статье проведен сравнительно-правовой анализ положений правовых актов и международных договоров, определяющих понятие субсидии: поэлементно рассмотрены понятия субсидии, закрепленные в правовых актах США, Российской Федерации, Казахстана, ЕС и ЕАЭС.

Ключевые слова: субсидия, государственная помощь, протекционизм, интеграционные объединения, ВТО, ЕС, ЕАЭС, поддержка промышленности, компенсационные меры.

Цитирование: *Глазатов М.В.* Субсидии в законодательстве отдельных стран – членов ВТО и интеграционных объединений: сравнительно-правовой анализ // Государство и право. 2021. № 4. С. 120–130.

DOI: 10.31857/S102694520014360-7

SUBSIDIES IN CERTAIN WTO – MEMBERS AND INTEGRATION ASSOCIATIONS' LEGISLATION: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

© 2021 M. V. Glazatov

Ministry of economic development of the Russian Federation, Moscow

E-mail: mglazatov@gmail.com

Received 10.06.2020

Abstract. Based on the multilateral agreements modern intergovernmental trade and economic relations are undergoing a transformation now. The liberalization of tariff measures has reached its limit. The use of subsidies a government support mechanism for domestic producers has intensified, but has become the main target of criticism in international trade relations. Companies can increase or artificially maintain their market share by means of subsidies that make them an effective protectionist mechanism. In this context the criterion for classifying support measures as subsidies are crucial for international trade relations. A comparative legal analysis of legal acts and international agreements defining subsidies is given in article: the concepts of subsidies established in US, Russian Federation, Kazakhstan, EU and EEU legal acts have examined element by element.

Key worlds: subsidy, state aid, protectionism, integration unions, WTO, EU, EEU, support of industry, countervailing measures.

For citation: *Glazatov, M.V. (2021).* Subsidies in certain WTO - Members and integration associations' legislation: comparative legal analysis // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 120–130.

Построенные на основе многосторонних соглашений современные межгосударственные торгово-экономические отношения переживают трансформацию. С одной стороны, либерализация тарифных мер защиты на основе заключаемых международных и региональных торговых соглашений достигла значений, дальнейшее снижение которых уже приведет «к вытеснению самого механизма тарифной защиты»[1]. С другой – в последние два десятка лет наблюдается экономическая нестабильность, и государства вынуждены активизировать применение мер защиты и поддержки национальных товаропроизводителей. Такие разнонаправленные торгово-политические вектора только увеличивают разногласия между государствами и расшатывают сложившуюся практику взаимодействия: система многостороннего регулирования торговли требует «перезагрузки», а расширение регионализации (как противовес системе ВТО) оказалось в трудном положении – крупные проекты ТТП, ТТИП, ВРЭП и т.п. «зависли» в стадии переговоров.

В этом контексте использование такого механизма государственной поддержки отечественных производителей как субсидии активизировалось, но при этом стало основной мишенью критики в международных торговых отношениях. Субсидии воспринимаются в качестве элемента несправедливой торговой практики: за счет их применения компании могут увеличить или искусственно поддерживать свою долю на рынке, что делает субсидии эффективным механизмом протекционизма.

На глобальном уровне понятие субсидии закреплено в Соглашении по субсидиям и компенсационным мерам (ССКМ), принятом в рамках Всемирной торговой организации. Так, в соответствии со ст. 1 ССКМ под субсидией понимается финансовое содействие правительства или любого публичного органа, в результате которого предоставляется преимущество. Финансовое содействие может быть выражено в форме: (1) прямого денежного перевода или предоставления обязательств по переводу, (2) отказа от взимания причитающихся доходов, (3) предоставления товаров или услуг помимо общей инфраструктуры или приобретение товаров, (4) осуществления платежей в механизмы финансирования. Кроме того, к субсидиям относят ситуации, когда правительство предписывает частному лицу выполнять одно или несколько из указанных выше его функций, а также когда существует любая форма поддержки доходов и цен[2].

Государства, присоединившиеся к ВТО, инкорпорировали определение субсидии, установленное в ст. 1 ССКМ, в свои национальные законодательства. После этого в отдельных странах стали присутствовать дефиниции субсидии в отношении вопросов, связанных как с регулированием внешнеторговых отношений, так и с межбюджетными отношениями, в которых также присутствуют субсидии. Кроме того, при инкорпорировании международно признанного определения субсидии встречаются некоторые элементы, расширяющие понятие субсидии.

Соответственно, сравнительно-правовой анализ положений правовых актов и международных договоров, определяющих понятие субсидии, представляет как теоретический интерес, так и практическую пользу.

В анализе были рассмотрены, во-первых, правовые акты Соединенных Штатов Америки как члена ВТО, наиболее активно использующего инструмент субсидий для поддержки национальных отраслей промышленности, и Российской Федерации и Казахстана как «новых» членов ВТО. Во-вторых, правовые акты Европейского Союза, также активного участника в спорах в ВТО по данной тематике, а также с учетом того, что ЕС является особой правовой системой[3]. И Евразийского экономического союза (ЕАЭС) по двум основаниям: (1) ЕАЭС также, как и ЕС, является интеграционным объединением – союзом, (2) поскольку в отношении Российской Федерации и Казахстана как государств – членов действуют нормы и правила Договора о Евразийском экономическом союзе[4].

Страновой анализ

Понятие субсидии закреплено в разд. 19 (таможенные пошлины) Кодекса Соединенных Штатов Америки в главе «Закон о тарифе 1930 года»[5] (далее – Закон о тарифе 1930 г.) и относится к регулированию вопросов, связанных с внешнеторговыми отношениями. Кодекс США, являющийся сводной кодификацией федерального законодательства

[1] См.: *Глазатов М.В.* Практика субсидирования: некоторые аспекты разрешения споров в ВТО // Торговая политика. 2017. № 1/9. С. 75–101.

[2] См.: Результаты Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров: правовые тексты. М., 2002. С. 226.

[3] Такое определение было дано Судом ЕС в решении по делу «Фламинио Коста против ENEL» от 15.07.1964 г. № 6/64. Суд ЕС пояснил, что Договор об учреждении Европейского экономического сообщества создал свою собственную правовую систему, которая стала неотъемлемой составной частью правовых систем государств-членов, и положения которой прямо применяются их судами.

[4] Подписан в г. Астане 29.05.2014 г.

[5] См.: An Act To provide revenue to regulate commerce with foreign countries, to encourage the industries of the United States, to protect American labor, and for other purposes. SEVENTY-FIRST CONGRESS. Sess. II. CH. 497. June 17, 1930. Public, No. 361.

США[6], содержит все изменения и дополнения, внесенные в указанную главу. В интересах анализа необходимо рассмотреть процесс формирования понятия субсидии в законодательстве США.

Первоначально оригинальный текст Закона о тарифе 1930 г. не содержал понятия «субсидия», а лишь устанавливал право введения компенсационных мер против вознаграждений (bounty), применяемых третьими странами (ст. 303 «Компенсационные пошлины»). Ситуация изменилась в 1979 г. В связи с Соглашением ВТО по интерпретации ст. VI, XVI, XXIII Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) (далее – Соглашение)[7] в США был принят новый Закон, одобряющий и имплементирующий торговые соглашения, заключенные в соответствии с Торговым актом 1974 г. и для других целей (далее – Закон о торговых соглашениях 1979 г.[8]), который дополнил новым разделом VII «Компенсационные и антидемпинговые пошлины»[9] Закон о тарифе 1930 г. и ввел понятие субсидии.

Согласно положениям ст. 771 разд. VII Закона о тарифе 1930 г. (в ред. Закона о торговых соглашениях 1979 г.) термин «субсидия» исходно определялся как аналогичный терминам «вознаграждение (премия) или грант» (“bounty or grant”), используемым в ст. 303 указанного Закона. Статья 701 того же раздела Закона о тарифе 1930 г. вносит дополнение в понимание распорядителя субсидии: ее может выдавать какая-либо территория (государство, a country), а также любое физическое (a person who is a citizen or national) или юридическое лицо (a corporation, association, or other organization). Важно отметить, что в законодательстве США физическое лицо тоже может выступать в качестве распорядителя субсидии. Однако вопросы о том, каким образом физическое лицо наделяется правом предоставлять субсидии, как определяется источник финансирования субсидий и др., требуют отдельного исследования.

Следующим шагом, сформировавшим уже используемое ныне понятие субсидии, стала имплементация в законодательство США международного варианта дефиниции. Это было сделано в связи с тем, что (1) США присоединились к Соглашению по субсидиям и компенсационным мерам в 1995 г.[10], и (2) регулярным уточнением Кодекса США.

В соответствии с § 1677 (5) (B) разд. 19 главы Закона о тарифе 1930 г. Кодекса США под субсидией понимается финансовое содействие или предоставление любой формы доходов или поддержки цен, или плата в механизм финансирования со стороны органа власти, включая ситуации, когда такой орган поручает сделать это частному лицу, в отношении любого лица, в результате чего оно получает преимущество[11] *(табл. 1)*.

Как можно видеть, данное определение субсидии устанавливает получателя субсидии – любое лицо (a person). Вместе с тем в указанном параграфе Кодекса США понятие лица не раскрывается. Однако определение лица может быть найдено в § 1683 (8) подразд. VI «Хвойная древесина» Кодекса. В данном параграфе понятие лицо включает в себя любое физическое лицо, ведущее индивидуальное хозяйство, а также различные юридические лица – товарищества (партнерства), корпорации, ассоциации, любые организации, деловой траст, а также правительственный орган или иное предприятие, находящее под юрисдикцией США.

В Российской Федерации понятие субсидии закреплено в Федеральном законе от 8 декабря 2003 г. № 165-ФЗ «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров» (далее – Федеральный закон № 165-ФЗ), определяющим порядок проведения компенсационных расследований и введения компенсационных мер, и в Бюджетном кодексе РФ (ст. 78)[12], устанавливающим предоставление субсидий из бюджетов разных уровней (федерального, регионального и местного).

---

[6] Кодекс Соединённых Штатов Америки является результатом деятельности Службы советника по ревизии законодательства (Office of the Law Revision Counsel) при Палате представителей Конгресса США. Данная служба определяет, какие законы должны быть кодифицированы, какие законы были изменены или дополнены, или же утратили силу. В соответствии с этими правилами Кодекс периодически обновляется. Первый Кодекс США был официально принят Конгрессом США в 1926 г.

[7] Принято по итогам Токийского раунда многосторонних торговых переговоров.

[8] См.: An Act-To approve and implement the trade agreements negotiated under the Trade Act of 1974, and for other purposes. PUBLICLAW 96-39-JULY26, 1979.

[9] См.: ст. 101 разд. I «Компенсационные и антидемпинговые пошлины» Закона о торговых соглашениях 1979 г.

[10] Принято по итогам Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров.

[11] См.: (B) Subsidy described – A subsidy is described in this paragraph in the case in which an authority –

(i) provides a financial contribution,

(ii) provides any form of income or price support within the meaning of Article XVI of the GATT 1994, or

(iii) makes a payment to a funding mechanism to provide a financial contribution, or entrusts or directs a private entity to make a financial contribution, if providing the contribution would normally be vested in the government and the practice does not differ in substance from practices normally followed by governments,

to a person and a benefit is thereby conferred. For purposes of this paragraph and paragraphs (5A) and (5B), the term “authority” means a government of a country or any public entity within the territory of the country.

[12] См.: СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3823.

Следует отметить, что сфера регулирования данных законов существенно отличается и, следовательно, отличаются дефиниции понятия субсидии. Так, целью Федерального закона № 165-ФЗ является защита экономических интересов российских производителей товаров в связи с возросшим импортом, демпинговым импортом или субсидируемым импортом на таможенную территорию Российской Федерации, т.е. сферой действия данного Закона являются субсидии третьих стран. Бюджетный кодекс РФ устанавливает общие принципы бюджетного законодательства Российской Федерации, организации и функционирования бюджетной системы Российской Федерации, т.е. сферой его действия являются субсидии (меры поддержки, финансируемые из бюджета) применяемые на территории Российской Федерации.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона № 165-ФЗ субсидия иностранного государства (союза иностранных государств) определяется как финансовое содействие, осуществляемое непосредственно правительством или иным государственным органом иностранного государства (союза иностранных государств), либо через негосударственную организацию по поручению правительства иностранного государства (союза иностранных государств), и дающее получателю субсидии дополнительные преимущества.

Такое финансовое содействие должно оказываться в пределах территории иностранного государства (союза иностранных государств) и осуществляться:

в форме прямого перевода денежных средств или обязательства по переводу таких средств;

отказа от взимания или невзимание платежей;

льготного или безвозмездного предоставления товаров или услуг;

иной поддержки доходов или цен *(табл. 1)*.

Данное определение типично и для других государств – членов ВТО. Однако следует отметить, что в качестве распорядителя субсидии могут выступать не только иностранные государства, но и их союзы. То есть право Российской Федерации позволяет вводить компенсационные меры против товаров, в отношении которых применяются субсидии из бюджета региональных интеграционных объединений – союзов иностранных государств.

Понятие субсидии, используемое в бюджетном процессе, связано с предоставлением финансовой поддержки со стороны государства национальным экономическим операторам. В соответствии с ч. 1 ст. 78 БК РФ субсидии предоставляются юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам – производителям товаров, работ, услуг. Такие субсидии предоставляются на безвозмездной и безвозвратной основе. Целями предоставления субсидий могут быть (1) возмещение недополученных доходов и (или) затрат, связанных с производством или реализацией товаров, (2) выполнением работ, (3) оказанием услуг. В части 2 данной статьи уточняется, что субсидия может быть предоставлена (1) из федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, (2) бюджета субъекта Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов, (3) из местного бюджета *(табл. 1)*.

В Бюджетном кодексе РФ также устанавливается такой вид субсидии, как межбюджетный трансферт, под которым согласно ст. 132 понимается субсидия, предоставляемая из федерального бюджета бюджету субъекта Российской Федерации в целях софинансирования их расходных обязательств. В данном случае цели субсидирования никак не соотносятся с проблематикой торговых преимуществ и поэтому не являются предметом анализа.

В Республике Казахстан подход к определению субсидии схож с российским, однако присутствуют некоторые отличия.

Определение субсидии дано в Законе Республики Казахстан от 8 июня 2015 г. № 316-V ЗРК «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах по отношению к третьим странам» (далее – Закон РК). Следует отметить, что данный Закон регулирует общественные отношения, связанные с применением специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам, в целях защиты экономических интересов Республики Казахстан.

В соответствии со ст. 23 Закона РК к субсидиям относится финансовое содействие, производимое субсидирующим органом, которое создает для получателя субсидии дополнительные преимущества и осуществляется в форме:

прямого перевода денег;

списания средств либо полного или частичного отказа от взимания средств;

льготного или безвозмездного предоставления товаров либо услуг;

льготного приобретения товаров;

любой форме поддержки доходов или цен *(табл. 1)*.

При этом под субсидирующим органом согласно ст. 1 Закона РК понимается государственный орган либо орган местного самоуправления экспортирующей третьей страны или лицо, уполномоченное или действующее по поручению соответствующего органа власти.

Таблица 1

Понятие субсидии в национальных правовых системах отдельных государств – членов ВТО

Государство	США	Российская Федерация		Казахстан	
Уровень правового акта	Федеральное законодательство	Федеральный закон	Федеральный закон	Закон Республики Казахстан	Закон Республики Казахстан
Наименование	Закон США от 17.06.1930 г. «О тарифе»	Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 165-ФЗ «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров»	Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ	Закон РК от 08.06.2015 г. № 316-V ЗРК «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах по отношению к третьим странам»	Бюджетный кодекс РК от 4.12.2008 г. № 95-IV
Распорядитель	● Правительство; ● любая публичная организация	● Правительство; ● иной государственный орган иностранного государства (союза иностранных государств); ● негосударственная организация (действующая по поручению правительства иностранного государства (союза иностранных государств)	● Орган государственной власти (государственный орган); ● орган управления государственным внебюджетным фондом; ● орган местного самоуправления, орган местной администрации; ● наиболее значимое учреждение науки, образования, культуры и здравоохранения, указанное в ведомственной структуре расходов бюджета	● Субсидирующий орган: ● государственный орган; ● орган местного самоуправления; ● лицо, действующее по их поручению или уполномоченное ими в соответствии с правовым актом или исходя из фактических обстоятельств	● Не устанавливается
Получатель	● Любое физическое или юридическое лицо; ● правительственный орган	● Не устанавливается	● Орган государственной власти (государственный орган); ● орган управления государственным внебюджетным фондом; ● орган местного самоуправления, орган местной администрации	● Не устанавливается	● Физические и юридические лица
Механизм	● Прямой перевод денежных средств; ● отказ от взимания причитающихся доходов; ● предоставление товаров или услуг помимо общей инфраструктуры; ● любая форма поддержки доходов и цен; ● платеж в механизм финансирования	● Прямой перевод денежных средств; ● обязательства по переводу таких средств, отказ от взимания платежей; ● льготное или безвозмездное предоставление товаров или услуг; ● льготное приобретение товара; ● иная поддержка доходов или цен	Межбюджетные трансферты	● Прямой перевод денежных средств; ● обязательства по переводу денег, списание средств; ● полный или частичный отказ от взимания средств; ● льготное или безвозмездное предоставление товаров либо услуг; ● льготное приобретение товаров; ● любая форма поддержки доходов или цен	● Невозвратные платежи из бюджета
Цель	● Получение преимущества	● Получение дополнительных преимуществ	● Софинансировние расходных обязательств субъектов Российской Федерации	● Дополнительные преимущества	● Не устанавливается

Источник: составлено автором на основе нормативных правовых актов с учетом элементного состава субсидии[13].

[13] См.: *Глазатов М.В.* Понятийный аппарат субсидии: эволюция и использование в рамках многосторонних правил торговли // Евразийский юрид. журнал. 2018. № 10 (125).

Следует отметить, что в законодательстве Республики Казахстан в отличие от Российской Федерации не оговаривается в качестве субсидии финансовое содействие «союза иностранных государств», однако охват распорядителя субсидии в Казахстане шире, чем в российском законодательстве, т.к. предоставлять субсидию может «лицо, действующее по поручению соответствующего государственного органа» (в российском законодательстве – негосударственная организация *(табл. 1)*). При этом сам термин «лицо» не определяется, и можно предположить, что к данному термину могут относиться как физические, так и юридические лица.

Необходимо обратить внимание на то, что в связи с Договором о Евразийском экономическом союзе полномочия по применению специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер государствами – членами Союза (в т.ч. Российской Федерации и Республики Казахстан) перешли к Евразийской экономической комиссии. В связи с этим в отношении применения данных мер действуют правила, установленные в указанном Договоре, хотя, отметим, что и национальные нормы не отменены.

В Бюджетном кодексе РК от 4 декабря 2008 г. № 95-IV присутствует понятие бюджетных субсидий. В соответствии с п. 4 ст. 35 Кодекса к таким субсидиям относятся невозвратные платежи из бюджета, которые предоставляются физическим и юридическим лицам, в т.ч. крестьянским или фермерским хозяйствам, только при отсутствии другого способа выполнения государственных функций и реализации социально-экономических задач развития республики или региона в случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Казахстан *(табл. 1)*.

Таким образом, сравнение норм показывает, что в рассмотренных странах подход к пониманию сути субсидий вполне сопоставим: субсидии предоставляются правительством или иным уполномоченным органом в целях создания преимуществ. Однако есть и отличия. В Российской Федерации дополнительно устанавливается, что под определение субсидии подпадает также финансовое содействие со стороны союза государств. Например, как представляется, речь может идти о ситуации, когда субсидии выделяются из общего бюджета, как, например, это происходит в рамках ЕС. В Казахстане устанавливается, что субсидирующим органом может быть также лицо, действующее по поручению или уполномоченное. Такая формулировка фактически расширяет круг распорядителей субсидии вплоть до физических лиц, поскольку иное в законе Республики Казахстан не оговорено.

Получатель субсидии установлен только в США. При этом следует отметить, что в США субсидией считается финансовое содействие любому лицу, как юридическому, так и физическому.

Механизм предоставления субсидии в рассмотренных государствах в целом не отличается, как и цель предоставления субсидии, хотя в законодательстве США при достаточно общих формулировках, позволяющих широкое рассмотрение транзакций, перечень все же является закрытым, и отдельно выделяется такая специальная форма, как «платеж в механизм финансирования». В Казахстане и Российской Федерации перечень возможных механизмов предоставления субсидий носит незакрытый характер и оставляет окно возможностей для выявления новых форм.

Анализ норм интеграционных объединений – ЕС и ЕАЭС

Субсидии в ЕС имеют бинаправленный характер, т.к. в рамках Союза используются следующие понятия *(табл. 2)*:

субсидия (subsidy) – закреплено в Регламенте Европейского парламента и Совета от 8 июня 2016 г. № 2016/1037 «О защите от субсидируемого импорта из стран, не являющихся членами ЕС» (далее – Регламент № 2016/1037)[14], посвященном вопросу применения компенсационных мер;

государственная помощь (State Aid) – установлено в Договоре об учреждении Европейского экономического сообщества 1957 г. (Римский договор)[15].

В соответствии со ст. 3 Регламента № 2016/1037 под субсидией понимается ситуация, когда существует финансовое содействие со стороны правительства страны экспорта, создающее преимущество. В качестве такого финансового содействия засчитываются действия правительства по прямому переводу средств (гранты, кредиты, вложения в акционерный капитал), потенциальному переводу средств или обязательства (страхование кредитов). Или когда правительство отказывается от взимания причитающихся ему доходов (налоговые льготы, налоговые вычеты); предоставляет товары или услуги помимо общей инфраструктуры или приобретает товары; осуществляет платежи в механизм финансирования; поручает частному органу выполнить одну из указанных функций правительства. Либо существует любая поддержка доходов и цен в понимании статьи XVI ГАТТ. При этом под правительством понимается как непосредственно

[14] См.: Regulation (EU) 2016/1037 of the European Parliament and of the Council of 8 June 2016 on protection against subsidised imports from countries not members of the European Union.

[15] См.: Treaty establishing the European Economic Community. Signed in: Rome (Italy) 25 March 1957.

само правительство, так и любой публичный орган на территории страны экспорта.

Данное определение, учитывая членство ЕС и его государств – членов в ВТО, было имплементировано из ССКМ. При этом следует отметить, что отличительной чертой законодательств членов ВТО в сфере компенсационных расследований, когда оно основано на правилах Организации, является отсутствие четкого определения получателя субсидии. Так, в ст. 4 Регламента № 2016/1037 устанавливается, что субсидия является специфической, если ее предоставление ограничено определенным предприятиям или отраслям или группам предприятий или отраслей или предприятий, находящихся в пределах определенного географического региона. В то же время данный Регламент не определяет понятие предприятия, поэтому сформировать конкретный перечень получателей субсидии не представляется возможным.

Правила предоставления государственной помощи (State Aid) распространяются на субсидии со стороны правительств государств – членов ЕС национальным экономическим операторам, поскольку механизм регулирования субсидирования внутри ЕС является важным компонентом становления общего рынка. Данные правила были непосредственно заложены в Римский договор.

В связи с заключением Лиссабонского договора о внесении изменений в Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества, подписанного в 2007 г., Договор об учреждении Европейского экономического сообщества был переименован в Договор о функционировании Европейского Союза[16] (далее – Договор о функционировании ЕС). В связи с этим правила предоставления государственной помощи в настоящее время содержатся в Договоре о ЕС.

Статья 107 Договора о функционировании ЕС устанавливает общие условия запрета государственной поддержки в той степени, в которой она оказывает эффект на торговлю между государствами-членами, но также определяет конкретные виды поддержки, которые соответствуют Договору или могут быть рассмотрены таковыми.

В п. 1 ст. 107 Договора о функционировании ЕС устанавливается, что к государственной помощи относится любая помощь государства-члена, предоставленная за счет государственных ресурсов в любой форме и которая искажает или является угрозой искажения конкуренции за счет создания преимуществ отдельным предприятиям или производству определенных товаров *(табл. 2)*. При этом в п. 2 данной статьи содержится иллюстративный перечень поддержки, которая де-юре исключена из-под данного ограничения. В широком смысле это социальная по своей природе поддержка, помощь, оказываемая для устранения ущерба от природных катаклизмов, и помощь отдельным землям Германии, которые пострадали в результате разделения страны.

Пункт 3 статьи 107 Договора о функционировании ЕС охватывает поддержку, которая может быть рассмотрена в качестве соответствующей общему рынку. К ней относится помощь на экономическое развитие, на развитие каких-либо проектов или определенной деятельности, социальная поддержка, помощь в сохранении культуры и традиций, а также другие категории помощи, которые могут быть определены решениями Совета ЕС.

Главный вопрос в любой правовой системе в отношении правил субсидирования – определение того, какой тип мер является субсидией. В этом отношении законодательство ЕС не дает четкого определения, что представляет собой государственная поддержка, поэтому в анализе была использована судебная практика Суда ЕС по рассмотрению соответствующих дел.

Судебная практика Суда ЕС свидетельствует о том, что термин «помощь» (aid) имеет более широкую интерпретацию по отношению к термину «субсидия» (subsidy). Так, в деле «Угольные шахты в Лимбурге против Высших должностных лиц Европейского сообщества угля и стали»[17] Суд ЕС определил, что субсидия, как правило, определяется как оплата наличными или натуральная оплата, осуществляемая в качестве поддержки какого-либо предприятия, отличная от оплаты, осуществляемой покупателем или потребителем за товары или услуги, которые данное предприятие производит. Помощь – близкое к субсидии понятие, однако подчеркивает свое предназначение и специально формируется на определенные цели, которые не могут быть без нее достигнуты.

Выделяются четыре основных признака государственной помощи в ЕС. Для того чтобы определить, что мера является «государственной помощью» в понимании права ЕС, необходимо, чтобы все указанные признаки выполнялись кумулятивно[18].

Итак, первый признак – поддержка предоставляется государством или за счет государственных ресурсов в любой форме (включая ресурсы, относящиеся к публичным органам).

[16] Рим, 25.03.1957 г. (в ред. Лиссабонского договора 2007 г.) (2016/C202/01). Консолидированная версия.

[17] Judgment of the Court of 23 February 1961. – De GezamenlijkeSteenkolenmijnen in Limburg v High Authority of the European Coal and Steel Community. – Case 30-59.

[18] См.: Definition and characteristics of state aid. Marie Sciskalova, Michael Munster. Social and Behavioral Sciences 110 (2014). P. 223–230.

Для целей понимания данного признака необходимо определить термин «государство». Судебная практика ЕС свидетельствует о том, что «государство» трактуется достаточно широко. Так, в деле «Стейнайк и Вейнлинг против Германии»[19] Суд ЕС решил, что нет необходимости разделять ситуации, когда помощь предоставляется непосредственно государством или публичным органом или частным органом, назначенным администрировать данную помощь. В другом деле[20] Суд ЕС установил, что не имеет значения, насколько государство оказывает влияние на тот или иной орган, который администрирует и распределяет помощь. Важно то, насколько государство влияет на процедуру принятия решения, что в результате может повлиять на условия предоставления помощи. То есть для целей понятия «государственная помощь» не имеет значение статус органа, предоставляющего / администрирующего помощь, но принципиально влияние государства на принятие решения данным органом и, следовательно, условия предоставления поддержки.

Второй признак – предприятия или промышленность получают экономическое преимущество.

В деле «Французский союз международного экспресса и другие против Почты и других»[21] Суд ЕС установил, что предоставление публичным обществом помощи своим дочерним предприятиям, которые регулируются частным правом и осуществляют деятельность, открытую для свободной конкуренции, может представлять собой государственную помощь, если полученное взамен вознаграждение меньше, чем то, которое было бы получено в нормальных рыночных условиях. Таким образом, предприятие, получающее государственную помощь, приобретает преимущество, невозможное в нормальных рыночных условиях.

Важным фактом в определении государственной помощи является то, что такая помощь должна быть выборочной, т.е. преимущества должны предоставляться не всем предприятиям или отраслям. Таким образом, экономический баланс между предприятиями и их конкурентами будет нарушен, что, естественно, не будет соответствовать принципам общего рынка. В деле «Правительство Италии против Комиссии»[22] Суд ЕС применил следующий подход: если эффектом какой-то конкретной меры является предоставление преимущества какому-то конкретному предприятию или товару, то такая мера должна рассматриваться в качестве помощи, даже если преимущество не является основной целью меры.

В связи с этим следующий, третий, признак – помощь создает угрозу искажения конкуренции на внутреннем рынке ЕС[23].

В деле «Бельгия против Комиссии»[24] Суд ЕС уточнил, что ст. 92 Римского договора (ст. 107 Договора о функционировании ЕС) не делает различия между мерами государственного вмешательства по целям и задачам, но различает их в разрезе их эффекта. То есть если, например, государство – член ЕС предоставляет поддержку какому-либо предприятию, и такая поддержка помогает данному предприятию поддерживать или увеличивать активность на внутреннем рынке, а результатом является факт вытеснения предприятий других государств-членов с внутреннего рынка первого государства-члена, то такая поддержка будет иметь эффект, искажающий конкуренцию на внутреннем рынке ЕС.

Четвертый признак – влияние предоставляемой помощи на торговлю между государствами – членами ЕС.

Так, в том же кейсе[25] Суд ЕС пришел к выводу, что государственная помощь не соответствует принципам внутреннего рынка, если она оказывает или может оказать влияние на торговлю между государствами-членами. Например, когда помощь, предоставляемая государством-членом, укрепляет позиции своих предприятий по сравнению с другими предприятиями, участвующими в торговле внутри ЕС.

Законодательство Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в части регулирования вопроса предоставления субсидий во многом схоже с законодательством ЕС. В Договоре о Евразийском

---

[19] Steinike und Weinlig vs. Germany – Case C-78/76.

[20] См.: Judgment of the Court of 2 February 1988. – Kwekerij Gebroeders van der Kooy BV and others v Commission of the European Communities. – State aids – Natural gas – Preferential tariff for horticultural producers in the Netherlands. – Joined cases 67, 68 and 70/85.

[21] Judgment of the Court of 11 July 1996. Syndicat français de l'Express international (SFEI) and others v La Poste and others. Reference for a preliminary ruling: Tribunal de commerce de Paris – France. State aids – Jurisdiction of national courts when the matter is also pending before the Commission – Definition of State aid – Consequences of infringement of the last sentence of Article 93(3) of the EC Treaty. Case C-39/94.

[22] Judgment of the Court of 2 July 1974.– Italian Republic v Commission of the European Communities.– Family allowances in the textile industry.– Case 173–73.

[23] В соответствии с п. 2 ст. 26 Договора о функционировании ЕС внутренний рынок ЕС определяется как пространство без внутренних границ, в котором согласно положениям Договоров обеспечивается свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов.

[24] Judgment of the Court (Sixth Chamber) of 17 June 1999. – Kingdom of Belgium v Commission of the European Communities. – State aid – Definition – Increased reductions in social security contributions in certain industrial sectors – 'Maribel bis/ter' scheme. – Case C-75/97.

[25] См.: там же.

экономическом союзе от 29 мая 2014 г. понятие субсидии содержится в Протоколе о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах по отношению к третьим странам[26] и в Протоколе о единых правилах предоставления промышленных субсидий (повторяет определение, закрепленное в ст. 93 Договора о ЕАЭС)[27]. При этом первый протокол регулирует вопросы, связанные с субсидиями, выдаваемыми правительствами третьих стран, а второй – субсидиями, выдаваемыми государствами – членами Союза своим предприятиям.

В соответствии с п. 121 Протокола о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам под субсидией понимается финансовое содействие, осуществляемое субсидирующим органом в пределах территории экспортирующей третьей страны и дающее получателю субсидии дополнительные преимущества. Субсидии могут предоставляться в форме (1) прямого перевода денежных средств или обязательства по переводу таких средств; (2) списания средств либо полного или частичного отказа от взимания средств; (3) льготного или безвозмездного предоставления товаров либо услуг; (4) любая форма поддержки доходов или цен.

Под субсидирующим органом согласно п. 1 того же Протокола понимается государственный орган либо орган местного самоуправления экспортирующей третьей страны или лицо, действующее по их поручению или уполномоченное в соответствии с правовым актом или исходя из фактических обстоятельств *(табл. 2)*.

Понятие субсидии, содержащееся в Протоколе о единых правилах предоставления промышленных субсидий, во многом схоже с данным определением, несмотря на то что указанный протокол устанавливает единые правила, регулирующие предоставление субсидий в отношении промышленных товаров, которые непосредственно связаны с производством, сбытом и (или) потреблением промышленных товаров на территории ЕАЭС.

Поэтому в силу п. 1 данного Протокола под субсидией понимается финансовое содействие, которое оказывается субсидирующим органом государства-члена (или уполномоченного государством-членом структурой), в результате которого создаются (обеспечиваются) преимущества. Данное финансовое содействие осуществляется посредством:

прямого перевода денежных средств;

полного и частичного отказа от взимания платежей, которые должны были бы поступать в доход государства-члена;

предоставление товаров или услуг, либо приобретение промышленных товаров;

любой другой формы поддержки доходов или цен, которая действует (прямо или косвенно) на сокращение ввоза промышленного товара с территории любого государства-члена или на увеличение вывоза промышленного товара на территорию любого государства-члена.

Под субсидирующим органом в соответствии с п. 2 того же Протокола понимается один или несколько государственных органов либо органов местного самоуправления государств-членов, которые принимают решения в области предоставления субсидий. Получателем субсидии является производитель промышленного товара, приобретающий выгоду от субсидии.

Таким образом, очевидно, что концепция «государственная помощь», предложенная ЕС, значительно отличается от понятия субсидии в рамках ЕАЭС *(табл. 2)*. Прежде всего суть ограничений в применении «государственной помощи» в ЕС заключается в необходимости обеспечения конкуренции на рынке данного Союза. Именно поэтому в соответствии с Договором о функционировании ЕС установлено, что помощь государств-членов, искажающая конкуренцию, не соответствует принципам общего рынка и, следовательно, не должна применяться.

Построение понятия субсидии в ЕАЭС не учитывает различия действий на рынке, являющимся внешним по отношению к ЕАЭС, и на внутреннем рынке ЕАЭС. Оно одинаково для этих рынков и в целом соответствует понятию субсидии, используемому в ВТО. Однако следует отметить, что ВТО – это международная организация, созданная для целей урегулирования правил общемировой торговли. А союз государств – это ограниченное с территориальной точки зрения объединение государств, созданное с целью (в том числе) обеспечения экономического развития на равных недискриминационных условиях. В связи с этим концепция субсидии в ВТО не может полностью отвечать потребностям региональных интеграционных объединений в обеспечении равных и недискриминационных условий торговли на их внутреннем пространстве.

В отличие от концепции ЕС, ограничения в части применения субсидии в ЕАЭС (установлены в п. 8 Приложения № 28 к Договору о ЕАЭС) во многом повторяют правила ВТО и не оговаривают запрещение их применения в случае нарушения конкуренции.

[26] См.: Приложение № 8 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г.

[27] См.: Приложение № 28 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г.

Таблица 2

Понятие субсидии в наднациональных правовых системах ЕС и ЕАЭС

	ЕС		ЕАЭС	
	Subsidy	State aid	Понятие субсидий в третьих странах	Понятие промышленных субсидий на территории ЕАЭС
Распорядитель помощи (субсидии)	● Правительство; ● любой публичный орган	● Государство	● Субсидирующий орган: — государственный орган; — орган местного самоуправления; — лицо, действующее по поручению указанных органов; — уполномоченное указанными органами лицо в соответствии с правовым актом или исходя из фактических обстоятельств	● Субсидирующий орган государства-члена: ● государственный орган; ● орган местного самоуправления; ● уполномоченная государством-членом структура
Получатель помощи (субсидии)	● Не установлен	● Не установлен	● Не установлен	● Не установлен
Механизм помощи (субсидии)	● Прямой перевод средств; ● потенциальный перевод средств или обязательства по переводу; ● отказ от взимания причитающихся доходов; ● предоставление товаров или услуг помимо общей инфраструктуры или приобретение товаров; ● платежи в механизм финансирования; ● поручение частному органу выполнить одну из функций правительства; ● поддержка доходов и цен	● Любая форма помощи за счет государственных ресурсов	● Прямой перевод денежных средств; ● обязательства по переводу таких средств; ● списание средств либо полный или частичный отказ от взимания средств; ● льготное или безвозмездное предоставление товаров либо услуг; ● льготное приобретение товаров; ● любая форма поддержки доходов или цен	● Прямой перевод денежных средств, ● полный и частичный отказ от взимания платежей в доход государства-члена; ● предоставление товаров или услуг; ● приобретение промышленных товаров; ● любая другая форма поддержки доходов или цен
Цель предоставления помощи (субсидии)	● Получение преимущества	● Создание преимуществ для отдельных предприятий или для производства отдельных товаров	● Получение дополнительных преимуществ	● Создание или обеспечение преимуществ

Источник: составлено автором на основе нормативных правовых актов.

* * *

Сравнительно-правовой анализ норм отдельных государств и интеграционных объединений в области проведения компенсационных расследований и применения соответствующих мер, а также использования инструмента субсидии для поддержки национальных товаропроизводителей показывает следующее.

Во-первых, рассмотренные интеграционные объединения имеют как минимум два различных определения субсидии. Первое касается применения субсидий третьими странами, в отношении которых проводятся компенсационные расследования; второе – субсидий, применяемых государствами-членами интеграционных объединений. Следует отметить, что данные определения, например, в ЕС значительно отличаются.

Кроме того, есть примеры применения понятия субсидий в специфических целях. Так, в ЕС концепция “state aid”, применяемая для регулирования вопроса предоставления субсидий государствами – членами объединения, делает акцент на предоставление помощи из их бюджета, в то время как концепция субсидии – на финансирование предприятий в третьих странах. В правовой системе Российской Федерации используются межбюджетные трансферты – субсидии, касающиеся внутрироссийского процесса распределения средств между бюджетами разных уровней.

Во-вторых, понятие субсидии, используемое в области применения компенсационных мер, у всех рассмотренных государств и интеграционных объединениях практически идентично. Это обусловливается тем фактом, что как государства, так и интеграционные объединения (ЕС – член ВТО, право ЕАЭС построено на принципах ВТО) являются членами ВТО и инкорпорировали нормы ССКМ в свое законодательство.

При этом, как было отмечено ранее, правила ВТО не дают четкого определения в отношении получателя субсидии. Только в США более детально раскрывается получатель субсидии. В ВТО понятие «получатель субсидии» отсутствует, однако существует понятие специфичности субсидии, из которого можно сделать вывод о том, что получателями субсидии должны являться предприятия, т.е. юридические лица. Этот пробел также существует в законодательствах государств, инкорпорировавших эти нормы.

В-третьих, законодательства рассмотренных государств и интеграционных объединений, за исключением Российской Федерации, не содержат положений о том, что распорядителем субсидии может быть союз государств, а финансовые средства, например, будут предоставляться из бюджета этого союза. В этом случае такие субсидии могут не быть признанными в рамках действующих законов в качестве субсидий, и против них не могут быть применены компенсационные меры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Глазатов М.В.* Понятийный аппарат субсидии: эволюция и использование в рамках многосторонних правил торговли // Евразийский юрид. журнал. 2018. № 10 (125).
2. *Глазатов М.В.* Практика субсидирования: некоторые аспекты разрешения споров в ВТО // Торговая политика. 2017. № 1/9. С. 75–101.
3. Результаты Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров: правовые тексты. М., 2002. С. 226.

REFERENCES

1. *Glazatov M.V.* The conceptual apparatus of subsidies: evolution and use in the framework of multilateral trade rules // Eurasian judicial journal. 2018. No. 10 (125) (in Russ.).
2. *Glazatov M.V.* Subsidy practices: some aspects of dispute resolution in the WTO // Trade Policy. 2017. No. 1/9. P. 75–101 (in Russ.).
3. Results of the Uruguay Round of multilateral trade negotiations: legal texts. M., 2002. P. 226 (in Russ.).

Сведения об авторе

ГЛАЗАТОВ Михаил Владимирович –
ведущий советник Министерства экономического развития Российской Федерации; 1230112 г. Москва, Пресненская наб., д. 10, стр. 2

Authors' information

GLAZATOV Mikhail V. –
Senior Adviser of the Ministry of economic development of the Russian Federation; 10, bldg. 2, Presnenskaya nab., 1230112 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 4, с. 131–136
STATE AND LAW, 2021, № 4, pp. 131–136

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В РАМКАХ ОПЕК И ОПЕК+

© 2021 г. М. Э. кызы Гулиева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

E-mail: mehriban-guliyeva@rambler.ru

Поступила в редакцию 16.12.2020 г.

Аннотация. Современные международные связи во многом складываются, исходя из приоритетных направлений мировой экономики, основным элементом которой являются энергоресурсы. С момента образования во внешнеполитической деятельности государств СНГ, в особенности специализирующихся на топливно-энергетическом экспорте, стало преобладать сотрудничество с Организацией стран – экспортёров нефти – ОПЕК, которая представляет собой наиболее влиятельную структуру на мировом нефтяном рынке. В настоящий момент в результате многочисленных процессов все государства – экспортёры нефти и газа испытывают большое экономическое напряжение. Однако направленность на сотрудничество и диалог этих стран может создать возможность сохранить баланс и уравновесить сложившуюся непростую международную ситуацию.

Ключевые слова: СНГ, ОПЕК, государства, сотрудничество, Россия, Азербайджан, Казахстан, нефть, газ, ресурсы.

Цитирование: *Гулиева М.Э. кызы.* Роль и значение международного сотрудничества государств в рамках ОПЕК и ОПЕК+ // Государство и право. 2021. № 4. С. 131–136.

DOI: 10.31857/S102694520014352-8

THE ROLE AND IMPORTANCE OF INTERNATIONAL COOPERATION BETWEEN STATES WITHIN THE FRAMEWORK OF OPEC AND OPEC+

© 2021 M. E. Gulieva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

E-mail: mehriban-guliyeva@rambler.ru

Received 16.12.2020

Abstract. One of the priority areas in the foreign policy of the Commonwealth states, especially those which are specializing in fuel and energy exports, has become cooperation with one of the highest among the international organizations of the energy sector – OPEC, which today is the most influential structure in the oil market in the world. Nowadays, as the result of the long-lasted processes, the oil exporting countries feel the huge economical pressure, and only the focus on cooperation and dialogue between these states will make possible to maintain a balance and keep a stability in spite of the difficult international situation.

Key words: CIS, OPEC, states, cooperation, Russia, Azerbaijan, Kazakhstan, oil, gas, resources.

For citation: *Gulieva, M.E. (2021).* The role and importance of international cooperation between states within the framework of OPEC and OPEC+ // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 131–136.

Открытие нефтегазовых месторождений в начале XX в. определило ход и развитие различных отраслей промышленности и повлияло на формирование новых форм международного сотрудничества. Уже в начале века и в довоенный период расклад сил в топливно-энергетической сфере в большей мере определялся влиянием крупных мировых компаний, которые могли устанавливать свои условия на этом рынке.

Послевоенный период, в особенности конец XX в., характеризовался изменением системы международного права, что привело к появлению новых субъектов. Так, было создано объединение европейских государств – Европейский Союз, а на постсоветском пространстве бывшие советские республики стали объединяться в различные союзы, самым крупным из которых стало Содружество Независимых Государств, что повлияло на политическую конъюнктуру в Европе.

С момента образования роль и значение некоторых государств СНГ определялись наличием у них минерально-сырьевых ресурсов. Их основная экономическая важность и ценность выражается в наиболее крупных месторождениях, которые не только обеспечивают потребности внутреннего рынка, но и экспортируются за пределы региона.

Крупнейшими государствами на Евразийском пространстве по удельному весу и роли топливно-энергетических комплексов (ТЭК) в общем объеме производства являются Российская Федерация, Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. Для Российской Федерации так же, как и для некоторых других государств Содружества, энергоресурсы – это:

стратегия экономического развития;

стремление к быстрому возрождению и экономическому развитию;

возможность привлечь иностранные инвестиции[1].

В энергетической сфере сложилась такая ситуация, когда не только государства способны определять основные направления в экономической деятельности, но и международные организации. Одной из влиятельных международных организаций в области топливно-энергетической промышленности является Организация стран – экспортеров нефти ОПЕК. ОПЕК – это международная межправительственная организация, которая была создана государствами – экспортёрами нефти в 1960 г. ОПЕК была создана фактически для того, чтобы противостоять крупным компаниям на нефтяном рынке. ОПЕК удалось противопоставлять совокупные интересы политике конкурентов, настаивать на развитии рыночной ситуации в небольших или развивающихся странах. Основными направлениями в политике ОПЕК являются:

повышение справочных цен на нефть;

рост налоговых ставок на прибыль с нефтедобычи;

исключение разницы в справочных ценах различных государств, создаваемой из-за различного месторасположения источников сырья.

В ОПЕК входят 13 государств: Алжир, Ангола, Венесуэла, Габон, Ирак, Иран, Конго, Ливия, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Нигерия, Саудовская Аравия и Экваториальная Гвинея. На первых порах в эту организацию также входили Катар и Индонезия, однако в дальнейшем они отозвали своё участие. На государства – члены ОПЕК приходится до 80% разведанных запасов нефти, уровень добычи составляет около 35% от мирового. Государства – члены ОПЕК контролируют до 11% мощностей по переработке нефти и владеют примерно 6% мирового танкерного флота[2].

Правовой основой создания и деятельности ОПЕК является ее учредительный акт – Устав. Как известно, главной особенностью уставного договора является то, что в нём не только прописываются права и обязанности сторон (государств), но и то, что он создает международную организацию. В результате принятия Устава ОПЕК были учреждена организационная структура, определена компетенция, установлено правовое положение членов организации, персонала, характер отношений с другими международными организациями, государствами-не членами и т.д.

Устав ОПЕК был зарегистрирован в Секретариате ООН 6 ноября 1962 г. в соответствии с резолюцией № 6363. Чуть позже ОПЕК установила отношения и с Экономическим и Социальным Советом, закрепленные резолюцией № 1053 от 30 июня 1965 г.

Но, несмотря на принятие уставного документа и создание организационной структуры данной организации, на начальной стадии многие государства, международные организации, транснациональные корпорации (ТНК) отказывались признавать легитимность ОПЕК. Первой на этот шаг решилась английская энергетическая компания «Бритиш Петролеум», которая в апреле 1962 г. признала ОПЕК независимой межправительственной организацией.

США с самого начала расценивали эту организацию как противоречащую духу и целям Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ).

[1] См.: *Зонн И.С., Жильцов С.С.* Новый Каспий. География, экономика, политика. М., 2008. С. 38.

[2] См.: Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК) (2016) // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации // https://www.mid.ru/procie-universal-nye-organizacii/-/asset_publisher/km9HkaXMTium/content/id/2517342 (дата обращения: 05.05.2020).

Развивающиеся страны, которые являются членами ОПЕК, были исключены из перечня государств, на которых распространяются генеральные тарифные преференции, представляемые Соединенными Штатами Америки. Так, в деле *International Association and Aerospace V. OPEC (July 6, 1981)* Апелляционный суд отказался вынести решение о совместимости фиксирования цен со стороны ОПЕК с конкурентным правом США, т.е. доктрина «Акта государства не позволяет американским судьям затрагивать волю стороны судебного процесса в том, что касается деликатной сферы иностранной политики».

В большинстве своём все мероприятия, проводимые со стороны этой организации, сводились и продолжают сводиться к устранению монополии со стороны крупных добытчиков нефти. Для этого ОПЕК используются многочисленные инструменты. Одним из таких инструментов влияния ОПЕК на нефтяной рынок является назначение квот на добычу нефти. По результатам согласованного членами организации общего решения обычно публикуются объемы (отдельно для каждого государства), в результате чего все стороны имеют возможность реализовать собственные интересы без нарушения прав остальных государств. Воздействие на конъюнктуру мирового рынка нефти осуществляется путем установления суммарного лимита добычи нефти для государств-членов, его корректировки с учетом положения на мировом рынке, распределения общего лимита между странами-членами и контроля за соблюдением квот[3].

Но попытка ОПЕК приравнять условия работы на нефтяном рынке для всех участников независимо от личного вклада в общее дело имеет негативные стороны. Организация ОПЕК объединяет государства лишь по признаку наличия экспорта нефти, но при этом они отличаются по уровню развития политической и экономической системы, у многих из них периодически возникают внутренние проблемы, которые во многих случаях мешают исполнению требований по тем же квотам. Если, например, такие государства, как Саудовская Аравия и все соседствующие с ней страны имеют высокий уровень жизни населения, малую заселенность территории, огромные запасы нефти с невысокой себестоимостью добычи, то такие государства, как Нигерия или Венесуэла постоянно испытывают проблемы с перенаселением и бедностью.

С образованием СНГ ОПЕК установило тесное сотрудничество также и с некоторыми членами этой международной организации. С 1998 г. Российская Федерация как одно из крупнейших нефтедобывающих государств даже стала наблюдателем в данной организации. В сентябре 2003 г. Россия начала даже обгонять Саудовскую Аравию по объему добычи нефти. В течение месяца было добыто соответственно 8.5 млн и 8.47 бар. в сутки. Это обстоятельство позволило ей позиционировать себя в качестве участника глобального масштаба, способного влиять на конъюнктуру мирового рынка нефти. Российская Федерация и ОПЕК определили круг совместно прорабатываемых вопросов, прежде всего стратегического значения, к которым относится перспективное влияние на мировой рынок нефти новых тенденций и возможностей (развитие добычи на шельфе, добыча и переработка тяжелой нефти и др.). Сюда включен и ряд других совместно прорабатываемых вопросов, таких как, например, степень обоснованности рекомендаций энергетических агентств и организаций[4].

Учитывая роль России на нефтяном рынке, ОПЕК предлагала ей вступить в эту организацию. Так, во время состоявшегося в 2003 г. визита в Российскую Федерацию Абдаллы бен Абдель Азиза ас-Сауда была сделана очередная попытка Саудовской Аравии убедить в необходимости координировать действия в сфере поставок углеводородов на мировой рынок. Но Российская Федерация отказалась, оставив пока сотрудничество на уровне диалога. Это объясняется прежде всего тем, что экспорт углеводородов имеет относительно узкие географические рамки и направлен преимущественно в сторону Европы[5]. Следует также учесть, что политика квотирования, проводимая ОПЕК, экономически не выгодна для России.

В декабре 2005 г. был установлен формальный энергетический диалог Российская Федерация – ОПЕК, предполагающий проведение ежегодных встреч на уровне Министра энергетики РФ и генерального секретаря ОПЕК поочередно в Москве и в Вене, а также экспертных заседаний, посвященных актуальным вопросам развития нефтяного рынка. С тех пор российская сторона регулярно участвует в мероприятиях ОПЕК, а также экспертных семинарах и симпозиумах, который организуется ОПЕК совместно с другими международными организациями, в частности с Международным энергетическим агентством (МЭА) и Международным энергетическим форумом (МЭФ)[6]. С 2009 г. ОПЕК и Российская Федерация перешли уже на долгосрочные контракты и стали согласовывать вопросы по резервированию объемов нефти и нефтепродуктов.

Другие государства постсоветского пространства, входящие в СНГ, также не остаются в стороне

[3] См.: Организация стран – экспортёров нефти (2020). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Организация_стран_-_экспортёров_нефти (дата обращения: 05.05.2020).

[4] См.: *Губайдуллина М.Ш., Мисина С.* ОПЕК и Россия: формат энергетического сотрудничества // Вестник КазНУ. 2012. URL: https://articlekz.com/article/7833 (дата обращения: 05.05.2020).

[5] См.: там же.

[6] См.: Сотрудничество с ОПЕК (2017) // Официальный сайт Министерства энергетики Российской Федерации // https://minenergo.gov.ru/node/496 (дата обращения: 05.05.2020).

от нефтяной политики. С 2016 г. действует формат ОПЕК+, в котором при обсуждении вопросов сокращения добычи нефти участвуют все страны ОПЕК, а также Российская Федерация, Казахстан и Азербайджан.

Экономическое и политическое значение нефтяного фактора для Казахстана определяется расположением в прикаспийском регионе. Доля Казахстана в общемировых разведанных запаса составляет по нефти 3.2% (около 5 млрд т), а по газу – 1.5% (порядка 2 трлн м^3). При этом прогнозные ресурсы по нефти достигают 9.3 млрд т, по газу – 6 трлн м^3 и по конденсату – 1.8 млрд т. Суммарный объем запасов нефти в 1996–2009 гг. почти втрое опережал объем ее добычи за тот же период. Так, следует отметить, что именно в первом десятилетии XXI в. было открыто гигантское месторождение Кашаган в акватории Каспия (2002 г.), ресурсы которого увеличили запасы страны сразу вдвое. Считается, что стабильный ежегодный прирост запасов газа позволит развивать его производство и переработку еще десятки лет (обеспеченность по отрасли, по прогнозам, составляет порядка 70–80 лет)[7].

Другим влиятельным нефтегазовым оператором на пространстве СНГ является Азербайджан. Разработка нефтяных месторождений, расположенных в азербайджанском секторе Каспийского моря, началась в конце XIX в. Несмотря на интенсивную добычу нефти и газа, продолжающуюся более одного столетия, Азербайджан и ныне располагает огромными ресурсами углеводородов. Основные перспективы добычи нефти и газа здесь связаны с Южно-Каспийским нефтегазоносным бассейном, в пределах которого находятся нефтегазоносные области Апшеронского и Бакинского архипелагов, глубоководная часть азербайджанского сектора Южного Каспия[8].

В 1994 г. между Азербайджаном и 11 иностранными компаниями (среди них Amoco, BP, McDermott, UNOCAL, ГНКАР, «ЛУКОЙЛ», Statoil, ТРАО, Pennzoil, Ramco, Delta), представляющими семь государств, среди которых были Азербайджан, США, Великобритания, Российская Федерация, Турция, Норвегия и Саудовская Аравия, был подписан многосторонний договор на разведку, разработку и долевое распределение добычи с блока месторождений «Азери» – «Чыраг» – «Глубоководная часть Гюнешли» (АЧГ) в азербайджанском секторе Каспия, вошедший в историю под названием «Контракт века»[9]. В соответствии с этим договором через территории Азербайджана, Грузии и Турции был проложен трубопровод Баку – Тбилиси – Джейхан. Согласно данным на 2019 год, за всё это время по нефтепроводу Баку – Тбилиси – Джейхан было экспортировано 382.9 млн т нефти[10].

В целом на долю Азербайджана приходится около 279 млн т прибыльной нефти. До 1 апреля 2019 г. на контрактной площади месторождений «Азери» – «Чираг» – «Гюнешли» было добыто 481.1 млн т нефти и 156.2 млрд м^3 газа[11].

2015–2016 гг. ознаменовались переходом взаимодействия государств-производителей нефти, в т.ч. в рамках ОПЕК, на новый этап, связанный с активизацией сотрудничества на рынке нефти. За последние годы мировой рынок нефти характеризовался разбалансировкой и повышенной волатильностью, которые были вызваны факторами на стороне предложения. По мнению А.Н. Спартака, высокая амплитуда и разновекторность колебаний нефтяных котировок, возможно, есть следствие спекулятивных операций с нефтяными деривативами на мировых биржах, где виртуальные сделки с «бумажным» товаром многократно превышают объемы мировой торговли нефтью, создавая угрозу появления новых финансовых «пузырей». В результате цены на нефть все чаще становятся объектом финансовых манипуляций, увеличивая зависимость от факторов вне товарного рынка[12].

С целью регулирования объема добычи, а следовательно, и ценовой политики на нефтересурсы, 10 декабря 2016 г. в Вене государства – участницы ОПЕК, а также Азербайджан, Королевство Бахрейн, Бруней-Даруссалам, Казахстан, Малайзия, Мексика, Султанат Оман, Российская Федерация, Республика Судан, Республика Южный Судан подписали Декларацию о сотрудничестве. В интересах всех производителей и потребителей, указанные государства договорились на добровольной основе скорректировать объем добычи нефти на 558 тыс. бар. в день с 1 января 2017 г. сроком на шесть месяцев, принимая во внимание сложившиеся при этом на мировом рынке условия и перспективы развития. В дальнейшем, 25 мая 2017 г., они внесли поправку в Декларацию о сотрудничестве, продлив ее срок действия на девять месяцев с 1 июля 2017 г. Российская Федерация вошла на правах сопредседателя в Мониторинговый комитет, работа которого

[7] См.: Нефть и газ Казахстана. Запасы, добыча, инвестиции (2010). URL: http://www.investkz.com/journals/74/774.html (дата обращения: 05.05.2020).

[8] См.: *Алиев И.* Каспийская нефть Азербайджана. М., 2003. С. 64.

[9] «Контракт века» – 25 лет: прошлое, настоящее, будущее (2019) // Информационное агентство «Интерфакс Азербайджан» // http://interfax.az/view/777131?lang=ru (дата обращения: 05.05.2020).

[10] См.: Ильхам Алиев принял участие в открытии XXVI Международной выставки и конференции «Нефть и газ Каспия – 2019» (2019) // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики // https://ru.president.az/articles/33314 (дата обращения: 05.05.2020).

[11] См.: там же.

[12] См.: *Спартак А.Н.* Метаморфозы мировых товарных рынков // Росс. внешнеэкономический вестник. 2011. № 8. С. 3–13.

направлена на обеспечение исполнения «венских договоренностей».

Но, несмотря на усилия государств ОПЕК+ по регулированию проблем нефтяного рынка, в последние годы усилились разногласия между ведущими экономиками европейских государств, продвигающими свои интересы, и рядом суверенных государств. Правилом, вытесняющим договоренности, становится «игнорирование правил». В 2016–2018 гг. в политике США и отчасти ЕС часто нарушаются правила справедливой конкуренции на рынках. Соединенные Штаты Америки усилили активность по стремлению к влиянию на мировые рынки, обеспечению глобального «энергетического» доминирования, которое предусматривает: 1) повышение уровня обеспеченности государства, снижение рисков от действий других государств, использующих торговлю топливно-энергетическими товарами в качестве влиятельного инструмента; 2) максимально возможное расширение экспорта в географическом измерении, повышение уровня влияния на покупателей / потребителей. Национальные планы США включают наращивание внутренней добычи углеводородов из сланцевых структур на базе передовых достижений науки и техники, сокращение зависимости по нефти от внешних источников, в первую очередь – государств Ближнего и Среднего Востока, рост экспорта газа в виде СПГ (в период после 2020 г. намечено вывозить до 96 млрд $м^3$ / 71 млн т в год).

Эти тенденции побудили 2 июля 2019 г. в ходе Шестого заседания министров стран – участниц ОПЕК и других нефтедобывающих государств подписать Хартию сотрудничества стран-производителей нефти. Министр энергетики РФ, сопредседатель заседания, отметил: «Хартия сотрудничества стран-производителей нефти должна стать фундаментом будущей кооперации». Как указано в документе, данная Хартия декларирует принципы прозрачности, равенства и справедливости, а участие в Хартии является добровольным и открытым для всех стран-производителей нефти[13].

Однако начавшийся в начале 2020 г. мировой экономический кризис определил новые векторы в области энергетического рынка, который все больше становится зависим от колебаний влияния на международной арене. В итоге 10 апреля 2020 г. прошла очередная встреча государств – участников ОПЕК+ стороны, на которой договорились о следующем:

вновь подтвердить рамки Декларации о сотрудничестве, подписанной 10 декабря 2016 г. и одобренной на последующих заседаниях, а также Хартии о сотрудничестве, подписанной 2 июля 2019 г.;

скорректировать в сторону понижения общую нефтедобычу на 10 млн бар. в сутки на период в два месяца (с 1 мая по 30 июня). В течение последующего периода в шесть месяцев (с 1 июля по 31 декабря) общая согласованная корректировка составит 8 млн бар. в сутки. За ним последует корректировка в 6 млн бар. в сутки на период в 16 месяцев (с 1 января 2021 года по 30 апреля 2022 г.). Исходным показателем для расчета является уровень добычи нефти в октябре 2018 г., не учитывая показатели Королевства Саудовская Аравия и Российской Федерации с одинаковым базовым уровнем в 11 млн бар. в сутки. Соглашение будет действовать до 30 апреля 2022 г., однако его пролонгация будет рассмотрена в декабре 2021 г.;

призвать всех крупных производителей внести свой вклад в усилия, направленные на стабилизацию рынка;

подтвердить и продлить мандат Объединенного комитета по мониторингу на уровне министров и его участников для анализа общих рыночных условий, уровней добычи нефти и уровня соблюдения Декларации о сотрудничестве и настоящего Заявления при помощи Объединенного технического комитета (ОТК) и Секретариата ОПЕК;

подтвердить, что соблюдение Декларации о сотрудничестве должно контролироваться с учетом добычи сырой нефти на основе данных из вторичных источников, в соответствии с методологией, применяемой для стран – членов ОПЕК[14].

Впервые за многие годы благодаря совместным усилиям государств – членов ОПЕК и Российской Федерации были достигнуты и реализованы согласования об ограничении добычи нефти 23 государствами-экспортерами, что повлекло сокращение ее складских запасов, оживление спроса и повышение цены за два года более чем на 60%. Негативное воздействие на мировой рынок энергоресурсов оказывали США, противопоставившие себя мировому сообществу экспортеров и взявшие курс на форсирование внутреннего производства трудноизвлекаемой нефти и сланцевого газа, а также на выпуск и экспорт СПГ (активно препятствуя вместе с тем строительству газопровода «Северный Поток-2», столь необходимого и выгодного Германии и ряду других европейских государств).

Таким образом, торгово-экономическая политика во многом под влиянием США стала эгоистичнее и агрессивнее. Вразрез с действующими нормами и правилами дипломатии и международной торговли

[13] См.: Страны соглашения ОПЕК+ подписали Хартию сотрудничества стран-производителей нефти (2019) // Официальный сайт Министерства энергетики Российской Федерации // https://minenergo.gov.ru/node/15216 (дата обращения: 05.05.2020).

[14] См.: Содержание сделки ОПЕК +. Текст (2020) // Независимая газ. URL: http://www.ng.ru/world/2020-04-10/100_opec100420.html (дата обращения: 05.05.2020).

(ВТО) отдельные участники мирового и региональных рынков углеводородного топлива – экспортеры и импортеры – также продолжают использовать свои возможности для продвижения национальных интересов. Вместе с тем механизм влияния на мировой рынок нефти путем контроля (ограничения) производства и торговли, вынужденно примененный группой стран-экспортеров в рамках соглашения ОПЕК+, подтвердил свою эффективность. В дальнейшем в условиях обострения конкурентной борьбы, ведущейся по принципу «игнорирование правил», вероятно, этот положительный опыт противостояния может быть распространен на другие сектора энергетики в отраслевом и географическом разрезах.

* * *

Подводя итоги, следует отметить, что сотрудничество государств – экспортёров нефти, в т.ч. и государств СНГ, с организацией ОПЕК в рамках соглашения ОПЕК+ способствует формированию ценовой политики на энергоресурсы и создаёт возможности развивать рамки многостороннего сотрудничества на разных уровнях энергодобывающей промышленности, что способствует не только поддержанию равных условий для всех участников международного рынка, но и развитию экономической среды в развивающихся государствах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алиев И.* Каспийская нефть Азербайджана. М., 2003. С. 64.
2. *Губайдуллина М.Ш., Мисина С.* ОПЕК и Россия: формат энергетического сотрудничества // Вестник КазНУ. 2012. URL: https://articlekz.com/article/7833 (дата обращения: 05.05.2020).
3. *Зонн И.С., Жильцов С.С.* Новый Каспий. География, экономика, политика. М., 2008. С. 38.
4. Ильхам Алиев принял участие в открытии XXVI Международной выставки и конференции «Нефть и газ Каспия – 2019» (2019) // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики // https://ru.president.az/articles/33314 (дата обращения: 05.05.2020).
5. «Контракт века» – 25 лет: прошлое, настоящее, будущее (2019) // Информационное агентство «Интерфакс Азербайджан» // http://interfax.az/view/777131?lang=ru (дата обращения: 05.05.2020).
6. Нефть и газ Казахстана. Запасы, добыча, инвестиции (2010). URL: http://www.investkz.com/journals/74/774.html (дата обращения: 05.05.2020).
7. Содержание сделки ОПЕК +. Текст (2020) // Независимая газ. URL: http://www.ng.ru/world/2020-04-10/100_opec100420.html (дата обращения: 05.05.2020).
8. *Спартак А.Н.* Метаморфозы мировых товарных рынков // Росс. внешнеэкономический вестник. 2011. № 8. С. 3–13.

REFERENCES

1. *Aliev I.* Caspian oil of Azerbaijan. M., 2003. P. 64 (in Russ.).
2. *Gubaidullina M. Sh., Misina S.* OPEC and Russia: energy cooperation format // Herald of the Treasury. 2012. URL: https://articlekz.com/article/7833 (accessed: 05.05.2020) (in Russ.).
3. *Zonn I.S., Zhiltsov S.S.* Novy Kaspiy. Geography, economy, politics. M., 2008. P. 38. (in Russ.)
4. Ilham Aliyev took part in the opening of the XXVI International Exhibition and Conference "Oil and Gas of the Caspian Sea-2019" (2019) // Official Website of the President of the Republic of Azerbaijan // https://ru.president.az/articles/33314 (accessed: 05.05.2020) (in Russ.).
5. "Contract of the Century" – 25 years: past, present, Future (2019) // Interfax Azerbaijan News Agency // http://interfax.az/view/777131?lang=ru (accessed: 05.05.2020) (in Russ.).
6. Oil and gas of Kazakhstan. Reserves, production, investments (2010). URL: http://www.investkz.com/journals/74/774.html (accessed: 05.05.2020) (in Russ.).
7. Content of the OPEC + deal. Text (2020) // Independent newspaper. URL: http://www.ng.ru/world/2020–04–10/100_opec100420.html (accessed: 05.05.2020) (in Russ.).
8. *Spartak A.N.* Metamorphoses of world commodity markets // Russ. foreign economic herald. 2011. No. 8. P. 3–13 (in Russ.).

Сведения об авторе

ГУЛИЕВА Мехрибан Эльбрус кызы –
кандидат юридических наук, доцент Департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; 109456 г. Москва, 4-й Вешняковский проезд, д. 4, корп. 2

Authors' information

GULIEVA Mehriban E. –
PhD in Law, associate Professor of the Department of the legal regulation of economic activity, Financial University under the Government of the Russian Federation; 4, bldg. 2, 4th Veshnyakovsky proezd, 109456 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 4, с. 137–148
STATE AND LAW, 2021, № 4, pp. 137–148

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ГЕНЕЗИС ПЕНСИОННЫХ ИДЕЙ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ТЕОРИИ ПРАВА (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX В.)

© 2021 г. В. И. Жуков*, М. В. Раттур**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: 89260715525@mail.ru*
***E-mail: rattur@yandex.ru*

Поступила в редакцию 05.02.2021 г.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые методологические и историографические аспекты темы, раскрывается трансформация видов социальной помощи и поддержки различных категорий российского населения с древнейших времен до начала XX в. При этом особое внимание уделяется не только социальной деятельности обеспеченных граждан, правителей, общественности, но и процессу законодательного оформления бытовавших норм в правовые институты, превращения феномена помощи и поддержки в категорию права. Одновременно с этим ведется сравнительный анализ социального обеспечения в европейских государствах и в России. На основе юридической компаративистики выясняется степень влияния европейского законотворчества на российское законодательство. Анализируются основные тенденции во внутренней государственной социальной деятельности: развитие системы поощрений, наград и привилегий, форм помощи обездоленным, нищим, убогим, немощным; уточняется содержание пенсии как социальной категории и феномена права.

Ключевые слова: социальное законодательство, пенсия, пенсионное обеспечение, социальные права, пенсионные системы, добровольное страхование, благотворительность.

Цитирование: *Жуков В.И., Раттур М.В.* Генезис пенсионных идей в истории российского государства и теории права (конец XIX — начало XX в.) // Государство и право. 2021. № 4. С. 137–148.

DOI: 10.31857/S102694520014353-9

THE GENESIS OF PENSION IDEAS IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN STATE AND THE THEORY OF LAW (LATE XIX – EARLY XX CENTURY)

© 2021 V. I. Zhukov*, M. V. Rattur**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**E-mail: 89260715525@mail.ru*
***E-mail: rattur@yandex.ru*

Received 05.02.2021

Abstract. The article examines some methodological and historiographical aspects of the topic, reveals the transformation of types of social assistance and support for various categories of the Russian population from ancient times to the beginning of the twentieth century. At the same time, special attention is paid not only to the social activities of wealthy citizens, rulers, and the public, but also to the process of legislative registration of existing norms into legal institutions, turning the phenomenon of assistance and support into a category of law. At the same time, a comparative analysis of social security in European countries and in Russia is being conducted. On the basis of legal comparative studies, the degree of influence of European lawmaking on Russian legislation is revealed. The main trends in the internal state social activity are analyzed: the development of a system of incentives, awards and privileges, forms of assistance to the disadvantaged, the poor, the poor, the infirm; the content of the pension as a social category and the phenomenon of law is clarified.

Key words: social legislation, pension, pension provision, social rights, pension systems, voluntary insurance, charity.

For citation: *Zhukov, V.I., Rattur, M.V. (2021).* The genesis of pension ideas in the history of the Russian state and the theory of law (late XIX – early XX century) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 137–148.

Актуальность темы

Актуальность современного исследования феномена пенсии как категории науки, одного из базовых понятий социальной теории и права, определяется прежде всего новой конструкцией пенсионной политики, соответствующей Конституции РФ 1993 г. В частности, в ст. 39 провозглашено:

«1. Каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом.

2. Государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом.

3. Поощряются добровольное страхование, создание дополнительных форм социального обеспечения и благотворительность»[1].

В данной статье Конституции РФ раскрываются сущность социального государства и способы укрепления социальной сплоченности общества на основе равенства социальных прав граждан и ответственности государства за их соблюдение.

К этим положениям правовая наука, законотворческая деятельность и правоприменительная практика шли не одно столетие. Изучение этой части истории государства и теории права – одна из актуальнейших исследовательских задач.

Но дело не только в этом: необходим анализ и систематизация накопленных данных, которые могут быть учтены законодателем при дальнейшем совершенствовании пенсионной политики. В частности, ст. 39 Конституции РФ не предусматривает распределительного подхода к назначению совокупного размера пенсии, как это принято в государствах с устойчивой системой назначения пенсий из разных источников (Канада, Япония и др.). Очевидно, в этом отношении требуется проведение фундаментальных исследований с использованием социологического инструментария и осмыслением полученных на этой основе фундаментальных основ философии права.

Наибольшим потенциалом для научно-исследовательского поиска обладает ч. 3 ст. 39 Конституции РФ, где речь идет о добровольной накопительной системе. Правоприменительная практика располагает данными о нестабильности и неустойчивости негосударственных пенсионных фондов[2]. Сохранность пенсионных накоплений мог бы обеспечить Государственный пенсионный фонд, но о необходимости его создания дискуссия не ведется, хотя известно, что в США, например, ресурсы Пенсионного фонда превышают 2.6 трлн долл. Это – крупнейший в мире и богатейший фонд.

Вероятно, в детальном анализе нуждается деятельность Пенсионного фонда, который выплачивает 40 видов пособий и управляет программами, для него несвойственными (например, исключительно важная программа «Материнский (родительский) капитал»).

В целом ст. 39 Конституции РФ актуализировала разработку проблем пенсионной политики в истории Российского государства и теории права.

Не менее важно провести научную ревизию всей совокупности идей, изложенных в многочисленных трудах, посвященных проблемам пенсионной политики в истории государства и права.

Историографии и методология проблемы

Обширные списки работ, посвящённых пенсионному обеспечению и социальному страхованию, содержатся в трудах советских историков. К ним мы будем обращаться, и читатель сможет использовать те из них, которые вызывают особый интерес и воссоздают советскую историю пенсионного обеспечения полнее, чем это можно сделать в статье, посвящённой не всей совокупности проблем, а только пенсии как социальному феномену.

Исследованию проблем социального обеспечения посвящена обширная литература, достаточно полный список которой можно найти в монографиях В.Д. Роика[3], М.Ю. Фёдорова[4].

Прежде чем начинать анализировать процесс зарождения пенсионных систем, следует определиться, каково содержание понятия «пенсия» и какое место она и производные от неё понятия «пенсионная система», «пенсионная реформа», «пенсионная политика» к какой области социальной политики – социальное страхование, социальное обеспечение или социальное пособие – пенсия как категория гражданского, трудового права или прав человека, т.е. как юридическое понятие, относится.

С этой точки зрения особого внимания заслуживают три издания, одно из которых принадлежит

[1] Конституция Российской Федерации. М., 2021. С. 19.

[2] См.: *Жуков В.И.* Актуальные вопросы философии, социологии и психологии права: сб. тр. М., 2019. С. 243–246.

[3] См.: *Роик В.Д.* Пенсионный возраст и модернизация пенсионных систем: отечественный и зарубежный опыт. М., 2020. С. 304–312.

[4] См.: *Фёдоров М.Ю.* Социальное страхование как организационно-правовая форма социальной защиты населения: проблемы правового регулирования. Омск, 2020. С. 467–490.

В.Д. Роику и два – авторам учебников для бакалавров под редакцией Ю.П. Юровского[5].

Исключительный познавательный интерес представляет собой фундаментальный труд, посвящённый генезису правового регулирования такой отрасли социальной политики государства, как социальные пособия и компенсации[6]. Однако прежде чем отразить её достоинства, обратим внимание на то, что с хронологической точки зрения работа носит фрагментарный характер, в связи с чем генезис представлен с нарушением последовательности законотворческой, а следовательно, и правоприменительной практики. Кроме того, текстом пособия сложно пользоваться, поскольку нет обязательного для такого рода публикаций путеводителя-рубрикатора.

Но существенно не это: культура правового исследования требует расшифровки юридического смысла основных терминов. Например, виды социальной помощи отличаются по своему правовому статусу от форм социального обеспечения. Первые относятся к социально-гуманитарному лексикону, вторые – имеют юридическую определённость. Пенсии, пособия, компенсационные выплаты и другое нельзя перечислять как однопорядковые дефиниции, поскольку пенсия – категория права; пособия – результат административно-распорядительного акта; компенсация располагается в широком диапазоне – от разового ведомственного, и не обязательно финансового, акта, локально-нормативной формы до разновидности штрафа.

Авторы, используя термин «государственная система социального обеспечения»[7], включили в это понятие пенсии, пособия и т.д. Однако пенсия – это элемент другой системы: она не находится в рамках перечисленных авторами социальных координат, хотя может в дальнейшем здесь оказаться (но не в ближайшем будущем). В буквальном смысле пенсия – это откладываемая в период трудовой деятельности часть заработной платы и хранящаяся в каком-то финансовом учреждении. Её единственным владельцем является сам работник, вышедший на пенсию. Пенсия – это не социальная выплата, а принадлежащая работнику часть заработанных им средств. К социальным выплатам пенсия не относится. Социальные выплаты – это пособия по безработице, выплаты в случае лишения трудоспособности в результате полученной на производстве травмы; материальная помощь одиноким и многодетным семьям, материнский капитал, доплата лауреатам государственных премий, а также выдающимся представителям различных профессий за заслуги перед государством и т.д. Сейчас на всё это, например, на государственные пенсии депутатам, сенаторам, министрам и другим заслуженным людям расходуются средства Пенсионного фонда, не заработанные получателями.

В познавательном отношении коллективный труд авторов научно-практического пособия страдает тем, что не даёт системного представления о генезисе идей пенсионного права и социального обеспечения с первых лет существования славяно-русской цивилизации, но обстоятельно, хотя и не без тенденциозности, рассматривает советский опыт, т.е. раскрывает содержание социальной политики, проводившейся РКП(б), ВКП(б), КПСС.

Во всём остальном работа, выполненная ИЗиСП при Правительстве РФ, отвечает самым высоким требованиям: она вносит свой вклад в понимание того, как можно преодолеть бедность населения и содействовать реализации стратегических задач в этой области до 2024 и 2030 гг.[8]; содержит систематизированные в правовом отношении шаги Правительства РФ в ратификации международных соглашений; даёт полное представление о публикациях наиболее авторитетных специалистов в этой сфере.

В целом же недостатка в публикациях на тему пенсий, пенсионных систем и других словосочетаний нет: их – сотни монографий и десятки тысяч статей. Но познавательные потребности специалистов, ученых, административного персонала, получателей пенсии считать удовлетворёнными нельзя. В самом деле, если пенсионеры в массе своей влачат жалкое существование (пенсия в Российской Федерации по размеру вдвое меньше, чем в Латвии, втрое – чем в Польше, в пять раз – чем во Франции), значит в этой сфере государственного строительства нет главного – эффективности. А она производна от качества пенсионного законодательства, квалификации разработчиков законопроектов и степени совершенства правоприменительной практики. Всё это (за исключением политических установок) есть результат невостребованности академических исследований и предлагаемых наукой моделей рационального пенсионного обеспечения.

Практически во всех работах пенсия рассматривается в парадигме социального или медицинского (геронтологического) страхования либо социального пособия (по случаю утраты кормильца, производственной травмы, материнства, детства и т.д.).

---

[5] См.: *Роик В.Д.* Указ. соч.; Пенсионное обеспечение: учеб. для акад. бакалавриата; под ред. Ю.П. Юровского. М., 2017; Право социального обеспечения: учеб. для акад. бакалавриата; под ред. Ю.П. Юровского. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016. Здесь не совсем понятна претензия авторов на академический статус бакалавриата.

[6] См.: Институт социальных пособий и компенсаций в Российской Федерации: генезис правового регулирования: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н.В. Антонова. М., 2021.

[7] Там же. С. 7.

[8] См.: Институт социальных пособий и компенсаций в Российской Федерации: генезис правового регулирования: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н.В. Антонова. С. 7, 8.

На самом деле к пенсии как категории права не относятся ни эти случаи, ни десятки других.

Законодательно следует закрепить представление о пенсии как отложенной части заработной платы, принадлежащей исключительно работнику на правах частной собственности. При таком подходе к пенсии вся обширная литература о способах государственной поддержки, социальных выплатах, компенсациях, пособиях и т.д. должна относиться к области социальной политики государства и описываться в социально-экономических, финансовых, медицинских и других терминах. Каждый такой случай действительно является страховым, но не пенсионным. Он имеет своё происхождение и должен регулироваться инструкциями, положениями, указаниями, другими нормативными актами, определяющими реакцию государства, работодателей и различных фондов на социальное положение семей, производственные и другие заболевания, травмы на производстве и в быту, другие случаи. Функционально, но опять же безотносительно к Пенсионному фонду имеют отношения такие фонды, как Фонд обязательного медицинского страхования, Фонд социального страхования и др., включая корпоративные, ведомственные фонды помощи своим сотрудникам.

Пенсия – это не страховой случай и не область государственных обязательств (за государством сохраняется функция контроля за исполнением обязательств по отношению к работнику). Если рассматривать пенсию как важнейшую категорию права (гражданского, права труда и социального обеспечения, прав человека, административного права и др.), то её размер должен складываться из следующих категорий:

отчислений работника части своей заработной платы;

продолжительности трудового стажа (автоматически);

премий за вклад в развитие предприятия, в котором он работал;

государственных и других премий, выплаченных работнику за особые заслуги;

части от получаемых предприятием от государства премий.

Словом, **пенсия – отложенная на старость часть заработной платы, в т.ч. добровольных взносов работника в Пенсионный фонд, всех доходов, причитающихся работнику, которыми он может распоряжаться после выхода на пенсию.**

Пенсионные фонды следует освободить от всех навязанных ему государством выплат, поскольку к пенсионным накоплениям не имеют отношения и из его средств не должны выплачиваться:

персональные государственные премии депутатам, сенаторам и другим лицам, имеющим особые заслуги перед государством (например, разведчикам);

доплаты к пенсиям лицам, награжденным государственными наградами, в т.ч. Героям труда, Героям России, кавалерам орденов «За заслуги перед Отечеством» всех степеней;

пособия по инвалидности, многодетности и другим аналогичным страховым случаям;

компенсации за причинённый стихийными бедствиями ущерб;

материнский капитал и др.

Во всех перечисленных случаях и в целом ряде других выплаты должны осуществляться из средств Федерального бюджета.

Таким образом, **пенсия – не социальное пособие и не милость государства, а лично принадлежащая работнику отложенная часть заработной платы, имеющая статус частной собственности.**

Этимология термина «пенсия» и генезис феномена

Система социальной помощи и поддержки различных категорий населения зарождалась одновременно с появлением общества людей, общинности. Т.е. одновременно с верованиями, формированием бытовых норм общежития и постепенно перемещалась из сферы бытового права, милосердия и солидарности в область законодательного (уставного) оформления, приобретая характер обязательных правовых норм. При этом государство не обладало монополией на милосердие и благотворительность, но постепенно переходило от эпизодических форм поддержки к их закреплению, а затем и формированию системы социальной поддержки населения.

Принято считать, что этимологически термин «пенсия» происходит от латинского слова *“pension”* – платеж. В русский язык слово «пенсия» пришло не из латинского языка, а из немецкого *“pension”* или польского *“pensja”* во времена Петра I.

Как разновидность оценки воинского труда и ратных заслуг пенсия известна со времен римского полководца, консула, диктатора и Великого понтифика Гая Юлия Цезаря (100–44 гг. до н.э.)[9].

[9] Вопреки мнению многих авторов Гай Юлий Цезарь не был римским императором. Первым императором Римской Империи был его внучатый племянник Гай Октавиан Цезарь (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.), усыновленный Гаем Юлием Цезарем. Императором Римской Империи он стал в 33 года. Любопытно то, что Гай Октавиан Цезарь ввел правило: на продвижение по службе могли рассчитывать только те, кто имел от жены не менее троих детей. Сам себя он императором не называл и предпочитал, чтобы к нему обращались как к Принцепсу или Цезарю. После его смерти титул «Император» стал олицетворять высшую власть в Римской империи.

Военные пенсии Гай Юлий Цезарь платил из своих средств ветеранам-легионерам.

В текст официальных документов «пенсия» впервые вошла во Франции во времена Людовика XI (1423–1483), во второй половине XV в., когда появилась в отчетах Парижской счетной палаты. Правда, в этих официальных документах "pension' означал выплаты из королевской казны, которые Людовик XI использовал для подкупа иностранных дипломатов[10].

До того, как стать массовой формой социальной поддержки населения, пенсия использовалась для поощрения государственных чиновников и военнослужащих. Начало этого процесса затерялось в глубине XVII в.

Первые государственные пенсии для офицеров ВМФ появились во Франции в 1673 г. В данном случае можно уже вести речь о пенсии как о категории права. В 1790 г., после Французской революции, был принят Закон о пенсиях для гражданских государственных служащих, достигших 50-летнего возраста и отслуживших не менее 30 лет. В Пруссии в 1825 г. был создан Пенсионный фонд для чиновников.

Накопленный европейскими государствами опыт был использован Отто фон Бисмарком для создания в 1889 г. национальной системы пенсионного обеспечения. Всеобщее страхование рабочих на случай болезни было впервые введено им же в 1881 г. Спустя два года в Германии началось страхование в связи с потерей трудоспособности. В 1896 г. в истории пенсионного законодательства появился первый свод законов «Германское гражданское уложение», где провозглашались принципы социальной справедливости, а рабочее страхование вводилось на всей территории Германии.

Опыт Германии стал примером распространения пенсионного обеспечения в Дании (1891 г.), Австрии (1906 г.), Великобритании (1908 г.), Франции (1910 г.), Голландии и Швеции (1913 г.), в Италии (1919 г.).

Позже других государств пенсионные системы были введены в Канаде (1927 г.), Чили и Уругвае (1928 г.), Бразилии (1934 г.), США и Эквадоре (1935 г.), Перу (1936 г.), Венесуэле (1940 г.), Панаме и Коста-Рике (1941 г.), Японии (1942 г., но выплачиваться стали с 1954 г.), Мексике и Парагвае (1943 г.), Колумбии (1946 г.), Доминиканской Республике (1947 г.), Сальвадоре и Боливии (1949 г.).

На рубеже XIX–XX вв. сформировались две модели социального страхования: германская, рассчитанная на сохранение уровня жизни работника после выхода на пенсию, и датско-английская, направленная на борьбу с бедностью и адресную социальную помощь нуждающимся в ней.

К определению ее сути наука пришла в процессе междисциплинарного анализа, через систематизацию первых законодательных актов и характеристику собственно пенсионного законодательства, его общих черт и национальных особенностей. Свою роль в этом сыграли философия и социология права.

Национальный исследовательский опыт социального обеспечения в России

Как в доисторический период становления и развития славяно-русской цивилизации, так и в Древней Руси развивалось несколько видов помощи и общественной реакции на социальное состояние человека, пострадавшего в быту, на охоте или в сражениях: кормление, содержание и другие акты милосердия. Отличившиеся в битвах получали награды и привилегии.

Все это было направлено на укрепление и усиление государственных элит. В одном случае за счет упрочения сословной иерархии, роста привилегий власти и могущества, во втором – за счет снижения порога социального неравенства и взамен силового подавления борьбы бедных слоев населения за свои права. Именно для этого использовались комбинации из наборов милосердия, пожертвований, благотворительности и силы вплоть до подавления социального недовольства карательными и военными возможностями государства.

Со временем и традиции милосердия, и система наград и поощрений, зародившиеся в глубокой древности, пробивали дорогу к гуманистическим формам общественно-государственного устройства и нормам права, т.е. к обязательным формам социальной помощи, к социальному гуманизму через внутреннюю политику государства, основанную на осмыслении истории и использовании ее уроков через законодательное закрепление прав человека в прямой зависимости от его физического, социального и духовного состояния. Масштабы социальной помощи всецело зависели от степени культурного развития общества, философского и психологического осмысления стоящих или возникающих в его недрах проблем.

Человеколюбие (филантропия), благотворительность пришли в русский язык в результате изучения в оригинале Владимиром I трудов византийских проповедников Василия Великого и Григория Богослова. Отношение князя Владимира к нищим и немощным отражено в «Повести временных лет» (996 г.), в которой говорится о том, что князь повелел им приходить на княжий двор и брать все, что

[10] См.: История развития пенсионной системы в России. IX–XXI вв.: науч.-популяр. изд. От истоков феодально-сословных привилегий до современных систем социального страхования. М., 2015. С. 17.

надобно, а тем, кто не мог прийти, развозили на телегах «хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках» и т.д.[11] Как видим, основание в социальный институт милосердия заложил князь Владимир. Он раньше других осознал одну из заповедей философии милосердия, сформулированную византийским митрополитом, просветителем Василием Великим (IV в.), которая звучит так: «лишний хлеб... принадлежит голодному, лишнее платье – нагому, а серебро, зарытое тобою, – бедному»[12].

В конце X – начале XI в., скорее всего в 1000 г., появился первый законодательный акт Древней Руси – «Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных» (текст Устава не сохранился, но известен нам примерно в 200-х списках), затем – Первый свод законов Ярослава Мудрого «Правда Ярослава», дошедший до нас в списках XIII–XIV вв.[13]

Тексты этих документов свидетельствуют, что традиции открывать для нищих «странноприимные дома» и богадельни пришли в романовскую Россию из социальной практики великих князей Древней Руси, а «богоугодные заведения» – из истории Московского царства, очередного периода российского государства. Ко времени Ярослава Мудрого относится и законодательное оформление финансовых расходов (виры) на социальные нужды населения Древней Руси[14].

Первый светский судебник – Русская Правда (XI в.) – отражал высокий уровень правовой культуры и детально регламентировал отношения всех сословий, сложившихся в Древней Руси к концу X – началу XI в.

XI–XIII вв. русской истории наполнены градостроительством. Выполняя наказы князя Владимира, его последователи построили за два столетия более 300 городов со множеством храмов, церквей и монастырей. Древняя Русь получила известность как Гардарика, где проживало около 12–13% населения Руси. Существенной чертой градостроительной политики тех лет было выделение помещений, предназначенных для оказания помощи убогим, немощным, калекам и другим обездоленным людям.

Основные вехи истории социального законодательства отразились в житийной литературе («житие святых»), закрепились в «Киево-Печерском патерике» и других законодательных актах, вошли в сказания и былины.

Нормы Русской Правды закрепились в социальном законодательстве и сохраняли свою силу до XX столетия. Получили развитие богоугодные заведения, странноприимные дома; богадельни трансформировались в систему общественного призрения.

В России пенсии стали вводиться в XVII в., однако элементы пенсионного обеспечения отражены в социальной истории государства более раннего периода. Специалистами замечено, что помощь нуждающимся стала ответом на имущественное расслоение и была способом гармонизации тех общественных противоречий, которые порождались неравенством доходов.

Христианская заповедь – любить ближнего как самого себя – в реальной жизни проявлялась в кормлении нищих, в подаяниях, в благотворительности, что нашло свое отражение не только в былинах, но и в летописях, житийной литературе, разного рода поучениях.

Формы социальной поддержки отдельных категорий населения возрождались по мере ослабления монголо-татарского ига и нашли отражение в Судебнике Ивана III 1497 г. Усилия государства по оказанию помощи нуждающимся закрепились в энергичной законотворческой деятельности, характерной для правления Ивана IV Грозного. Именно он уделил особое внимание такому институту социального служения, как общественное призрение, и, будучи истинно верующим человеком, решился на частичное перераспределение церковных доходов в пользу государственных учреждений.

Наиболее отчетливо признаки государственной социальной политики проявились в деятельности Ивана IV Грозного, а затем – молодого царя Петра I, Указ которого от 8 июня 1700 г. стал основой для учреждения уже в Российской Федерации спустя 300 лет нового государственного праздника – Дня социального работника (8 июня 2000 г.).

В Судебнике Ивана IV Грозного (1550 г.) содержалось требование: за то, что монастыри пользовались вотчинами, они должны вносить свой вклад в содержание неимущих. Глава 73 Судебника требовала переписать всех прокаженных и престарелых и учредить мужские и женские богадельни. К ним должны быть представлены для работы здоровые люди. Именно тогда, т.е. во времена правления Ивана IV Грозного, появились первые признаки формирования государственной системы социальной помощи и поддержки населения, стало известно, чем призваны заниматься социальные работники. Их миссия – снижать порог

[11] См.: История развития пенсионной системы в России. IX–XXI вв.: науч.-популяр. изд. От истоков феодально-сословных привилегий до современных систем социального страхования. С. 37.

[12] Там же.

[13] См.: Поучение Владимира Мономаха. М., 2014.

[14] См.: *Ключевский В.О.* Добрые люди Древней Руси. М., 2011.

социального недовольства населения, содействовать гармонизации отношений власти и общества.

В 1556 г. Иван IV Грозный издал Уложение о службе. До него существовали две формы обеспечения служилых людей – кормления и поместная система. Кормления были способом содержания служилых людей (должностных лиц) за счет доходов от управления городом или волостью. Кормления распространялись и на бояр, то есть высшее сословие. Появившиеся и ставшие в дальнейшем опорой самодержавия дворяне кормлениями не пользовались.

Иван IV Грозный отменил кормления, а государевы слуги стали получать жалования из денежных сборов – оброков.

Поместье как форма содержания служилых людей терминологически впервые встречается в Судебнике Ивана III 1497 г., но раздача поместий из княжеских и дворцовых земель существовала и раньше. К концу XV – началу XVI в. поместные оклады приобрели форму жалования за службу и выделялись уже не только из княжеских угодий, но и за счет казенных земель. При Иване IV Грозном были установлены правила об отставке от службы при наступлении старости, а также по болезни и ранениям. В таком случае поместную службу несли дети и внуки отставного помещика. Они же становились владельцами поместья. Процесс получения поместья в наследство закрепился в Уложении 1649 г., когда появилось определение «выслуженная вотчина».

Система социальной помощи и поддержки отдельных категорий населения Российского государства, сложившаяся во времена правления Ивана IV Грозного, получила поддержку со стороны царей из династии Романовых и отразилась в 365 указах, изданных в XVII в. за время, предшествовавшее Соборному уложению 1649 г.

При Петре I появились приюты для «зазорных», т.е. незаконнорожденных детей (1706 г.), а в 1715 г. – госпитали для социальных сирот, которые создавались на территории церквей и монастырей.

Основным видом социальной помощи бедным и убогим до Петра I была милостыня, которая не являлась постоянным источником и подавалась в разной форме от случая к случаю.

При Петре I термин «пенсия» был введен в текст законов, в государственные документы и в обыденный лексикон. При нем были разработаны нормы государственного обеспечения первоначально морских офицеров и военных чинов, а с введением в 1722 г. Табели о рангах – гражданских служащих.

Морской устав 1720 г. принято называть первым социальным манифестом, установившим социальные гарантии в отношении военнослужащих и членов их семей.

Новым шагом в развитии отечественной пенсионной системы было введение Екатериной II пенсий чиновникам по выслуге лет.

Новый пенсионный Устав был принят в 1764 г. в царствование Екатерины II.

В 1775 г. императрица Екатерина II повелела систематизировать все виды социальной поддержки и сконцентрировать их в Приказе общественного призрения. Этот орган государственного управления в форме Министерства народного призрения встретил большевистский переворот и трансформировался в Наркомат призрения после октябрьских событий 1917 г.

На протяжении XVIII столетия виды социальной помощи становились многообразными, а учреждения такого рода – многочисленными.

7 ноября 1775 г. – особая дата в истории укрепления государственной системы социальной защиты населения. Это – год издания Учреждения для управления губерний Российской империи, первого в истории Российского государства и права свода законов, регламентировавшего деятельность органов местного самоуправления. Впервые в каждой губернии Российской Империи были созданы «приказы общественного призрения» для оказания социальной и медицинской помощи и попечительства в сфере образования.

Сословное пенсионное обеспечение, сформировавшееся в период правления Екатерины II, охватывало часть российского общества. На эти цели уходило около 300 000 руб. из казны. При Павле I эти расходы выросли до 700 000–750 000 руб., а меры по обеспечению вдов и детей погибших русских офицеров были беспрецедентными: им передавалось все жалование погибших[15].

Во времена правления Павла I (1796–1801 гг.) усилиями его супруги Марии Федоровны была создана самая прогрессивная и масштабная по сравнению с другими европейскими государствами система социальной помощи различным слоям населения Российской Империи, сочетавшая возможности государства и отношение к попечительству дворянской, купеческой и предпринимательской элиты. В это время пенсионное законодательство дополнилось таким понятием, как «служащие пенсионеры» (1800 г.).

Павел I отменил действие ряда положений Закона Екатерины II «Жалованные грамоты дворянству

[15] См.: История развития пенсионной системы в России. IX–XXI вв.: науч.-популяр. изд. От истоков феодально-сословных привилегий до современных систем социального страхования. С. 320–322.

и городам», но сохранил раздачу земель и крестьян в награду за особые заслуги. Этот вид привилегий отменил его сын Александр I.

Определенный интерес вызывает история пенсионного законодательства, получившая развитие в первой четверти XIX в., т.е. во времена правления Александра I. Он, в частности, установил порядок, в соответствии с которым дети отставных солдат, получавших пенсию в размере, меньшем чем 20 руб., могли бесплатно учиться в государственных учебных заведениях.

Прообразом пенсий за особые заслуги перед государством стали пенсии кавалерам российских орденов, установленные в 1801 г. Александром I. 21 мая 1803 г. им же был издан Указ, в соответствии с которым пенсия выплачивалась военнослужащим за 20, 30 и 40 лет службы. Так появилась пенсия за выслугу лет.

С 1804 г. пенсии стали получать все отставные офицеры. 16 сентября 1807 г. раненым и получившим увечья офицерам пожизненно выплачивалась пенсия в размере полного жалования, а также оплачивался проезд к избранному месту проживания.

Устав о пенсиях и единовременных пособиях, изданный в 1827 г. и вступивший в действие с 1 января 1828 г., разрабатывался во времена Александра I. В соответствии с этим Уставом пенсия была отнесена к разряду служебных наград.

Пенсионное законодательство в России

Слово «пенсия» в России вошло в лексикон в XVIII в., но как устойчивая категория, определявшая параметры государственной пенсионной политики и содержание пенсионной системы, воплотилось в российском законодательстве лишь в XIX в., в период правления императора Николая I.

Внимание к проблемам пенсионного обеспечения у императора Николая I обострилось после восстания декабристов и было ответом на стремление сгладить часть противоречий, накопившихся в российском обществе. В памяти офицеров и солдат, освободивших европейские государства от наполеоновской диктатуры, сохранились воспоминания о том, что порабощенные Наполеоном народы жили в социальных условиях, выгодно отличавшихся от бесправного положения победителей.

Подавив восстание декабристов, Николай I был вынужден пойти на определенные шаги, укреплявшие самодержавие в России. Он не оставил без внимания ни «Конституцию» Никиты Муравьева, ни фундаментальный труд П.И. Пестеля «Русская Правда. Наказ временному Верховному правлению», уникальный юридический документ, над которым тот трудился более 10 лет. Термина «пенсия» в работе П.И. Пестеля нет. Но это, по сути, первый в России свод законов конституционного формата, созданный в XIX в., но не исчерпавший всех заложенных в него конституционных идей ни во времена правления российских императоров, ни сейчас.

В отношении социального обеспечения П.И. Пестель стоял на позициях солидарности поколений и писал, что «дети обязаны родителей своих в старости покоить и пропитывать, обращаясь, когда нужно к общественным вспоможениям»[16]. В данном случае речь идет именно о солидарной системе социального обеспечения.

Социальное обеспечение П.И. Пестель делил на три рода «1) призрение малолетних; 2) призрение неимущих; 3) призрение страждущих»[17]. В принципе, все это – виды социального страхования, воплощенные в современных формах защиты материнства и детства. Это же можно отнести к современной системе социальной помощи по случаю получения инвалидности, утраты трудоспособности или кормильца.

В буквальном смысле идеи дворянской знати, вышедшей 25 декабря 1825 г. на Сенатскую площадь, в тексты императорских документов не вошли, но свою роль сыграли. 6 декабря 1827 г. в истории пенсионного законодательства России произошла подлинная революция: Николай I подписал Устав о пенсиях и единовременных пособиях государственным (военным и гражданским) служащим, который вступил в силу с 1 января 1828 г.

Разработка первого пенсионного Устава началась еще при Александре I в 1820 г., но завершилась при Николае I. В Уставе воплотилась идея Министра финансов Д.А. Гурьева о том, что пенсия – это не милость, а вознаграждение служащим и членам их семей, которые приобрели право на это безупречной службой.

Для тех, кто был близок к императорскому двору, размер пенсии доходил до 12 тыс. руб. в год, чиновники получали пенсию от 300 до 4000 руб. Для наглядности напомним: в 1827 г., когда был принят Устав, 1 фунт ржаного хлеба стоил 1 коп., пшеничного – 4 коп.; пуд пшеничной муки можно было купить за 6 коп., 1 кг говядины – за 4 коп., гуся – за 15 коп., поросенка – за 20 коп., индейку – за 40 коп.[18]

---

[16] *Пестель П.И.* Русская Правда. Наказ временному Верховному правлению. М., 2016. С. 221.

[17] Там же. С. 242.

[18] См.: URL: https://monetos.tv/wp-content/uploads/2017/06/cenu_na_produktu_1827.png

С введением в действие Устава назначение пенсий перестало быть формой награды и было передано из монополии императора в ведение Министерства финансов, в структуре которого появился специальный фонд казначейства.

Введенная Николаем I пенсионная система претерпевала некоторые изменения. Например, в новой редакции Устава 1853 г. был повышен максимальный порог выплаты за выслугу лет (35 вместо 25), ограничено право досрочного выхода на пенсию и другие. Но в основе своей она сохранилась до 1900 г. Главное свершилось: путь пенсии от милости и награды к праву завершился.

Пенсионное обеспечение в России на рубеже XIX–XX вв.

Острота проблем пенсионного обеспечения стала нарастать во второй половине XIX в. (снижался коэффициент замещения жалованья, кратно росло число пенсионеров и др.). В ответ на это правящими кругами стала овладевать идея самообеспечения достойной старости, а под крылом государства должны оставаться те, кто по болезни или в результате несчастного случая не мог обеспечить себя сам. Право на пенсию стало вытесняться системой опеки, а на смену юридической категории «право» шли социальные понятия: «опека», «социальная помощь», «социальное обеспечение», «пособие».

Начиная с середины XIX в. в пенсионную систему России вошли эмеритальные фонды, т.е. ведомственные или общественные пенсионные кассы. В переводе с латинского языка *"emeritus"* означает «заслуженный», «заработанный».

Государство разделило правовые функции в сфере пенсионного обеспечения с эмеритальными кассами, а система эмеритальных касс дополнилась горнозаводскими и страховыми товариществами, пенсионными и сберегательно-вспомогательными кассами.

В 1859 г. для оставивших службу чинов военного ведомства, а также их вдов и сирот были учреждены эмеритальные кассы военно-сухопутного, а затем и морского ведомств.

В конце 60-х – начале 70-х годов XIX в. стали появляться земские эмеритальные кассы. Деятельность по их созданию регламентировались документом «Главные основания для учреждения земских эмеритальных касс».

Процесс сбережения пенсионных накоплений был прерван в октябре 1917 г.

У термина «эмеритальные кассы» было и другое значение: эмеритами называли профессоров и преподавателей высших учебных заведений, вышедших в отставку, но продолжавших работать. При этом статус эмерита не означал, что речь идет о пенсионере.

В Российской Империи законодательного оформления пенсионной системы не было, но элементы права труда и социального обеспечения существовали. В частности, ст. 684 Свода законов Российской империи предусматривала материальную компенсацию работнику в случае получения увечья на производстве. Однако условия взыскания с предпринимателя суммы компенсации не были прописаны, и ее размер устанавливал суд, т.е. эта статья не имела прямого действия, а суды, как правило, оказывались не на стороне работника, получившего увечье.

В числе других примеров – создание по Закону от 8 марта 1861 г. на казенных горных заводах касс взаимопомощи[19], больничных касс горных заводов Царства Польского и др. После Морозовской стачки 1885 г. стали практиковаться единовременные пособия, источником которых были «штрафные капиталы», которые накапливались за счет уплаты различных штрафов другими работниками.

В последнее десятилетие XIX в. на Россию обрушился «Царь-голод» – мощнейшее социальное бедствие. По разным данным, неурожай и засуха 1891–1892 гг. унесли жизни от 300 000 до 10 000 000 человек[20].

В «лихие» годы произошла определенная дифференциация правящей и интеллектуальной элиты: одни по примеру Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и других выдающихся представителей русского народа активизировали «кружечный сбор», подавали пример благотворительности; на правительственном уровне активизировалась законотворческая деятельность.

В XIX в. пенсионная система носила сословно-избирательный характер и охватывала незначительную часть населения. Так, по результатам исследования, проведенного Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН, с 1863 по 1868 г. было проведено 127 965 начислений. В это время на одного служащего приходился один пенсионер[21].

К началу XX в. необходимость социального страхования рабочих была осознана и на высоком уровне. Временные правила о пенсиях рабочим казенных заводов и рудников, где были особо частыми случаи производственного травматизма

[19] В дальнейшем они стали именоваться горнозаводскими товариществами обеспечения.

[20] См.: История развития пенсионной системы в России. IX–XXI вв.: науч.-популяр. изд. От истоков феодально-сословных привилегий до современных систем социального страхования. С. 464.

[21] См.: *Орлов С.Н., Шеметов А.П.* Пенсионное обеспечение в Российской Федерации. Курган, 2013. С. 12.

с тяжелыми последствиями, в России появились лишь 15 мая 1901 г.

2 июня 1903 г. император подписал Закон «О награждении владельцами промышленных предприятий рабочих и служащих, утративших трудоспособность вследствие несчастных случаев», который вступил в силу 1 января 1904 г.

Заключение

Если социальную политику в части способов влияния на социальное самочувствие населения структурировать, то в крупных блоках она может быть представлена:

пенсиями;

пособиями;

выплатами (доплатами);

компенсациями.

С точки зрения кредитно-финансовой:

пенсия – разновидность частной собственности. Её персональный размер зависит от накоплений в порядке отложенной самим работником части заработной платы, а также от дополнительных добровольных взносов;

пособия – денежные выплаты из различных фондов и Федерального бюджета в случаях временной потери работоспособности по состоянию здоровья, в связи с родами и другими выплатами, связанными с беременностью, родами, уходом за ребёнком (детьми) и т.д.;

выплаты (доплаты) – увеличение размера пенсии за счёт региональных и Федерального бюджета отдельным категориям лиц за особые заслуги перед государством;

компенсации – выплаты гражданам, утратившим имущество в результате техногенных катастроф, природных катаклизмов, стихийных бедствий, в порядке возмещения ущерба, причинённого гражданам, например, по вине государственных структур (взрывы складов боеприпасов, заражение местности и т.д.).

Приведём пример: деятельность депутатов, сенаторов и министров, как правило, полезна всему государству, но пенсии им выплачиваются из средств Пенсионного фонда, а должны – из Федерального бюджета.

Или другой пример – материнский капитал. К нему Пенсионный фонд не имеет отношения, но является оператором по выплатам денежных средств.

Вопрос о возрасте выходящего на пенсию имеет значение только в том случае, если законодатель определит юридический статус пенсии как пособия, как государственную социальную услугу, как страховой случай. Если пенсия – отложенная самим работником часть заработной платы, то регламентировать пенсионный возраст не следует. Повторить советскую пенсионную систему Российская Федерация не может. Советская пенсионная система – лучшая из всех изобретённых систем, но она была построена на солидарности поколений, на патерналистской основе и выстраивалась на основе социальной политики, заложенной в программных документах правящей партии, была переведена законодателем на язык правовых норм.

В Российской Федерации пенсия и по формальным признакам, и по её размерам, условиям выплат утратила свой юридический статус частной собственности, с 2003 г. превратившись в социальное пособие.

Пенсия, но не как отложенная часть заработной платы, а как пособие, вернётся в правовое поле, когда исчезнут десятки тысяч профессий и почти все способные работать люди не будут иметь такой возможности: искусственный интеллект оставит без работы почти всё население России. Содержать армию ничем не занятых людей во имя своей безопасности будут олигархи. Понятия «справедливость», «социальная справедливость» для них – пустой звук. Для них эта масса людей бесполезна и потенциально опасна. Олигархи не заинтересованы в том, чтобы население было грамотным. Об этом откровенно высказался Г. Греф на «гайдаровском форуме 2021», заявив о необходимости реформирования всей системы образования и подчеркнув, что людям не нужно давать знания, а следует прививать навыки.

Понимая пенсию как социальное пособие, близкие к Министерству труда специалисты связывают установление времени выхода на пенсию в зависимости от состояния здоровья, трудоспособности, материального положения и т.д.[22]

Утверждение специалистов в области права труда и социального обеспечения о том, что к наиболее значимым событиям XX в. в большинстве государств относятся изменения в возрастном составе населения, а проблемой века является старение населения[23], лишь частично соответствует истине. Предположения международных экспертов, прозвучавшее более 10 лет назад, о том, что в 2020 г. треть населения экономически развитых государств достигнет 80-летнего возраста, испуга у российских чиновников не вызвала: наступил уже 2021 г., а до 80-летнего возраста им ещё жить не менее 20 лет. Что, естественно, маловероятно.

Сделаем шокирующее специалистов заявление: всё, перечисленное В.Д. Роиком, отношения к пенсии и её размеру не имеет, а выходить на пенсию

[22] См.: *Роик В.Д.* Указ. соч. С. 7.

[23] См.: там же. С. 6.

человеку придётся, если это мужчина – в 65 лет (хотя российские мужчины в массе своей доживают только до 59 лет), по прозаической причине: **пенсионные расходы государства при выходе на пенсию в 65 лет вдвое меньше, чем в 60.**

Это известно и самому В.Д. Роику[24].

* * *

Таким образом, краткий очерк возникновения и развития пенсионных систем позволяет сделать вывод.

Пенсия есть правовая категория, относящаяся к сфере действия норм гражданского права и прав человека, и по своему содержанию представляет собой не социальную выплату или пособие, а отложенную на старость самим работником часть собственной заработной платы. Единственным распорядителем накопленных сумм может быть собственник накоплений, которому на правах частной собственности они и принадлежат.

Именно так должны были рассматривать пенсию законодатели, формируя Пенсионный фонд и гарантируя сохранность пенсионных накоплений.

Сейчас это уже не имеет прежнего значения: настаёт время, когда понятия «пенсия», «пенсионная система», «пенсионный возраст» останутся в истории развития цивилизации. Искусственный интеллект, сплошная роботизация в случае создания собственной нейросети произведут искусственный отбор, оставив столько носителей естественного интеллекта, сколько посчитают нужным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Жуков В.И.* Актуальные вопросы философии, социологии и психологии права: сб. тр. М., 2019. С. 243–246.
2. Институт социальных пособий и компенсаций в Российской Федерации: генезис правового регулирования: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н.В. Антонова. М., 2021. С. 7, 8.
3. История развития пенсионной системы в России. IX–XXI вв.: науч.-популяр. изд. От истоков феодально-сословных привилегий до современных систем социального страхования. М., 2015. С. 17, 37, 320–322, 464.
4. *Ключевский В.О.* Добрые люди Древней Руси. М., 2011.
5. Конституция Российской Федерации. М., 2021. С. 19.
6. *Орлов С.Н., Шеметов А.П.* Пенсионное обеспечение в Российской Федерации. Курган, 2013. С. 12.
7. Пенсионное обеспечение: учеб. для акад. бакалавриата; под ред. Ю.П. Юровского. М., 2017.
8. *Пестель П.И.* Русская Правда. Наказ временному Верховному правлению. М., 2016. С. 221, 242.
9. Поучение Владимира Мономаха. М., 2014.
10. Право социального обеспечения: учеб. для акад. бакалавриата; под ред. Ю.П. Юровского. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016.
11. *Роик В.Д.* Пенсионный возраст и модернизация пенсионных систем: отечественный и зарубежный опыт. М., 2020. С. 6, 7, 304–312.
12. *Фёдоров М.Ю.* Социальное страхование как организационно-правовая форма социальной защиты населения: проблемы правового регулирования. Омск, 2020. С. 467–490.

REFERENCES

1. *Zhukov V.I.* Actual issues of philosophy, sociology and psychology of law: collection of works. M., 2019. P. 243–246 (in Russ.).
2. Institute of Social Benefits and Compensation in the Russian Federation: the genesis of legal regulation: scientific and practical handbook / ex. ed. N.V. Antonova. M., 2021. P. 7, 8 (in Russ.).
3. History of the pension system development in Russia. IX–XXI centuries: scientific and popular ed. From the origins of feudal-estate privileges to modern social insurance systems. M., 2015. P. 17, 37, 320–322, 464 (in Russ.).
4. *Klyuchevsky V.O.* Good people of Ancient Russia. M., 2011 (in Russ.).
5. Constitution of the Russian Federation. M., 2021. P. 19 (in Russ.).
6. *Orlov S.N., Shemetov A.P.* Pension provision in the Russian Federation. Kurgan, 2013. P. 12 (in Russ.).
7. Pension provision: textbook for acad. undergraduate studies; ed. by Yu. P. Yurovsky. M., 2017 (in Russ.).
8. *Pestel P.I.* Russian Truth. Order to the provisional Supreme Government. M., 2016. P. 221, 242 (in Russ.).
9. The teaching of Vladimir Monomakh. M., 2014 (in Russ.).
10. Social security Law: textbook for acad. undergraduate studies; ed. by Yu. P. Yurovsky. 2nd ed., reprint. (in Russ.).
11. *Roik V.D.* Pension age and modernization of pension systems: domestic and foreign experience. M., 2020. P. 6, 7, 304–312 (in Russ.).
12. *Fedorov M. Yu.* Social insurance as an organizational and legal form of social protection of the population: problems of legal regulation. Omsk, 2020. P. 467–490 (in Russ.).

[24] См.: *Роик В.Д.* Указ. соч. С. 7.

Сведения об авторах

ЖУКОВ Василий Иванович —
академик РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва ул. Знаменка, д. 10

РАТТУР Мария Владимировна —
кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

ZHUKOV Vasiliy I. —
Academician of the RAS, doctor of historical Sciences, Professor, researcher of the Department of Philosophy of Law, history and theory of state and law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

RATTUR Maria V. —
candidate of historical sciences, associate Professor, researcher of the Department of Philosophy of Law, history and theory of state and law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 4, с. 149–154
STATE AND LAW, 2021, № 4, pp. 149–154

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

СЛУЖЕНИЕ НАУКЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ОТДЕЛА ПРАВОВЕДЕНИЯ ИНИОН РАН В ЛИЦАХ УЧЕНЫХ И НАУЧНЫХ ТРУДАХ

© 2021 г. Е. В. Алферова*, И. А. Алешкова**

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), г. Москва

**E-mail: ealf@list.ru*
***E-mail: ialeshkova@mail.ru*

Поступила в редакцию 11.01.2021 г.

Аннотация. Рассматривается история создания и функционирования отдела государства и права (ныне – отдела правоведения) ИНИОН РАН; его роль в развитии научной информации по юридическим наукам, представлены его руководители и ведущие ученые, внесшие заметный вклад в развитие информационного обеспечения правовых исследований; представлены основные виды научных трудов, изданных на протяжении почти 50-летней истории отдела.

Ключевые слова: Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), история отдела государства и права, ученые, научная информация, юридические науки, аналитическая информация, рефераты, научные обзоры.

Цитирование: *Алферова Е.В., Алешкова И.А.* Служение науке: прошлое и настоящее отдела правоведения ИНИОН РАН в лицах ученых и научных трудах // Государство и право. 2021. № 4. С. 149–154.

DOI: 10.31857/S102694520014354-0

SERVICE TO SCIENCE: PAST AND PRESENT OF THE DEPARTMENT OF JURISPRUDENCE OF THE ISISS RAS IN THE FACES OF SCIENTISTS AND SCIENTIFIC WORKS

© 2021 E. V. Alferova*, I. A. Aleshkova**

Institute of scientific information on social Sciences (ISISS RAS), Moscow

**E-mail: ealf@list.ru*
***E-mail: ialeshkova@mail.ru*

Received 11.01.2021

Abstract. The history of the creation and functioning of the Department of state and law (now the Department of jurisprudence) of the ISISS RAS is considered; its role in the development of scientific information in legal Sciences, represented by its leaders and leading scientists who contributed to the development of information security law research; presents principal of scientific papers, published over a nearly 50-year history of the division.

Key words: Institute of scientific information on social Sciences (ISISS RAS), the history of the Department of state and law, scientists, scientific information, legal sciences, analytical information, abstracts, scientific reviews.

For citation: *Alferova, E.V., Aleshkova, I.A. (2021).* Service to science: past and present of the Department of jurisprudence of the ISISS RAS in the faces of scientists and scientific works // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 149–154.

Информационное и цифровое развитие последних десятилетий изменило мир – мы живем в едином информационном пространстве. Одним из ключевых его звеньев является Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) (далее – Институт). Его история началась в 1968 г., когда Правительство СССР, а в 1969 г. Президиум Академии наук СССР приняли решение о создании этого необычного для советского государства Института в целях производства, хранения и распространения информации по социальным и гуманитарным наукам. Это было продуманное решение, которое впервые открывало возможность создания комплексной системы информации по общественным наукам в стране. Традиционная для Фундаментальной библиотеки общественных наук (ФБОН), на базе которой создавался Институт, работа с документами, библиографическая деятельность, обслуживание читателей была дополнена анализом и реферированием отечественной и зарубежной литературы во всех областях указанных наук, «навигацией» среди ее потоков. Этот новый вид информационного обеспечения научной деятельности, позволял ученым-специалистам различных областей социального и гуманитарного знания получать научную информацию по общественным наукам и работать с ней в идеальных условиях, созданных в Фундаментальной библиотеке и Институте. Трехступенчатая система информационных изданий (библиографическая – реферативная – аналитическая информация), Автоматизированная информационная система по общественным наукам, объединившая в международную систему центры научной информации по общественным наукам республик внутри страны и в зарубежных социалистических государствах, т.н. МИСОН, широкие возможности углубленно изучать новую отечественную и зарубежную литературу способствовали целесообразной организации труда научных сотрудников и аспирантов.

В самом общем виде Институт решал и решает три основные задачи: трансляция социального и гуманитарного знания, содержащегося в научной литературе; мониторинг научных исследований в названных областях общественных наук и выявление основных тенденций и направлений их развития; генерация нового знания[1].

Анализ и реферирование новейших научных трудов советских и зарубежных ученых – представителей различных социальных и гуманитарных наук, а также обеспечение доступа к западным научным исследованиям позволили государству стать более открытым, а Институту получить признание научной общественности, в т.ч. мировой. В его стенах работали многие выдающиеся ученые: юристы, экономисты, историки, социологи, политологи, науковеды и «страноведы» – специалисты в области развития общественных наук в Европе, Азии, Африке, Америке, в т.ч. Латинской Америке.

В первые годы создания Института были учреждены его ключевые подразделения, включая отдел государства и права, основными функциями которого стали отслеживание потоков отечественной и зарубежной научной правовой литературы по актуальным проблемам развития юридических наук, ее анализ и реферирование. Были созданы реферативные журналы «Общественные науки за рубежом» и «Общественные науки в СССР» в девяти сериях каждый. Одной из этих серий стал журнал «Государство и право», названный аналогично академическому журналу «Государство и право» (ранее – «Советское государство и право»). Эти реферативные журналы (один выходил и освещал зарубежные источники, второй – отечественные), хотя и были самостоятельными изданиями, фактически дополняли новыми видами научной информации (рефераты, аналитические обзоры, переводы, дайджесты) указанный академический журнал, позволяли ученым-юристам оперативно получать информацию о последних научных публикациях – тем самым расширялись возможности академического журнала и ученых-юристов в исследовании многих проблем правоведения. Объединяло эти издания и то, что основной костяк редколлегий этих двух серий РЖ составляли известные советские ученые-правоведы из Института государства и права и других академических и высших учебных учреждений: М.М. Богуславский, В.Е. Гулиев, О.А. Жидков, К.Ф. Гуценко, В.М. Савицкий, Б.М. Лазарев, В.Д. Зорькин, М.И. Лазарев, Б.А. Страшун, В.В. Маклаков, Н.А. Богданова и др. Их активная работа в реферативном журнале была весьма продуктивной. Ни один журнал не выходил без их редакции и обсуждения всех материалов. Молодые научные сотрудники отдела государства и права ИНИОН обучались у корифеев советской юридической науки не только азам редактирования и работы с источниками, точности перевода юридических терминов, но главное – умению видеть проблемы, рассматриваемые авторами монографий и других источников, и грамотно, точно передать их смысл, формировать тематику сборников научных трудов и научно-аналитических обзоров.

Новый отдел в начале 70-х годов (в течение четырех лет) возглавлял ученый-административист, автор учебников по административному праву и книг по вопросам организации и деятельности аппарата местных органов публичной власти, их конституционно-правовому статусу, доктор юридических наук, профессор Борис Николаевич Габричидзе[2].

До конца 80-х годов – доктор юридических наук, профессор Николай Никанорович Разумович[3]. Если первому заведующему отделом пришлось решать многие организационные вопросы формирования отдела, подбора кадров и создания новых для отечественной науки видов научных изданий, то второму – наполнение этих изданий новым содержанием, изучение актуальных тем и определение направлений развития отдела, его изданий, соответственно, информационное обеспечение правовых исследований, развитие юридической науки и тесно взаимосвязанной с ней политической науки: начинаются такие направления исследований, как федеративные отношения, организация государственной власти и политические режимы, права и свободы человека, правовые аспекты международных отношений, проблемы борьбы с преступностью и др.

Атмосфера доброжелательности и уважения к мнению каждого сотрудника создавала особый климат

[1] См.: 90 лет служения науке. К юбилею Фундаментальной библиотеки общественных наук и Института научной информации по общественным наукам РАН: сб. ст. / ред. кол.: Ю.С. Пивоваров (предс.) и др.; сост.: Ю.Ю. Черный, Н.Ю. Соколова, Л.В. Юрченкова. М., 2009. С. 5–7, 242.

[2] См., напр.: *Габричидзе Б.Н.* Аппарат управления местных Советов. М., 1971; *Его же.* Конституционный статус органов Советского государства. М., 1982; *Габричидзе Б.Н., Елисеев Б.П.* Российское административное право: учеб. для вузов. М., 1998.

[3] См., напр.: *Разумович Н.Н.* Кто и как правит в Латинской Америке. Полит. система латиноамерик. стран. М., 1967; *Его же.* Испания. Конституция и законодательные акты / пер. с исп. М., 1982; *Его же.* Политическая и правовая культура. М., 1989; *Его же.* Политическая и правовая культура. Идеи и институты Древней Греции / отв. ред. В.Е. Гулиев. М., 1989.

в коллективе. Интерес к работе подстегивала и сама личность Н.Н. Разумовича.

В конце 80-х годов действовало правило, когда заведующим отделом научного учреждения АН СССР можно было находиться в этой должности только до 65-летнего возраста. В 1988 г. эти возрастные ограничения не позволили Н.Н. Разумовичу дальше возглавлять отдел. По его рекомендации заведующим отделом был избран Юрий Сергеевич Пивоваров (ныне – академик РАН). За несколько лет до этого Ю.С. Пивоваров был вовлечен Н.Н. Разумовичем в написание рефератов в «зарубежный» реферативный журнал (он умел заинтересовать лучших своих студентов МГИМО и привлечь к сотрудничеству над разработкой новых тем и направлений в рамках ИНИОН). В своей статье Ю.С. Пивоваров назвал «своего учителя и друга» Н.Н. Разумовича «русским Гамлетом», а его жизнь – «русской историей XX века»[4]. Откровения Ю.С. Пивоварова в его статье-эссе о Н.Н. Разумовиче очень трогательны, откровенны и почти документальны.

«С 54-го по 66-й в Институте государства и права были лучшие для Н.Н. годы. Наверное. Это ведь и биологически лучшее время человека. Между тридцатью двумя и сорока четырьмя годами. Написал несколько книг, переводил латиноамериканские конституции. Защитил в 67-м докторскую по политическим системам стран Латинской Америки. Гордился этой работой, как одной из первых у нас политологических». Так как карьерные пути в любимом им ИГП были закрыты, он уходит получать профессора в МАИ, затем до 1970 года заведовал отделом в ИМРД и по истечении шести лет служил заведующим кафедрой "Теории и истории государства и права" в МГИМО... Н.Н. был чудным лектором. Свободным, раскованным, красивым. Подобно многим другим, я влюбленно смотрел и слушал его "Историю политических и правовых учений" (в целом вольный пересказ "Истории западной философии" Б. Рассела). Вел кружок для студентов. Мы по очереди делали доклады и обсуждали их. Н.Н... ошарашивал нас, двадцатилетних, своей мудростью, знаниями, иронией».

Кто, кроме Ю.С. Пивоварова, мог таким литературно-восторженным, почти «сыновьим» стилем написать о Н.Н. Разумовиче?! Почти 14 лет Н.Н. Разумович возглавлял отдел государства и права ИНИОН. Как пишет Ю.С. Пивоваров, «он умер, его время остановилось, и расстояние между нами стремительно сокращается. С каждым годом он все ближе и ближе. И меня тоже посреди его Венеции и Парижа настигает "*невозможность жизни*"»[5]. Здесь следует сказать, в этих вырвавшихся из уст Ю.С. Пивоварова словах он как бы предугадал свою собственную судьбу. Более 10 лет он руководил отделом государства и права, переименованным в то время в отдел правоведения и политологии, затем еще почти 15 лет работал заместителем директора по научной работе, избирался два раза директором ИНИОН РАН, однако пожар в январе 2015 г. уничтожил не только здание Института и Фундаментальной библиотеки, но и разрушил жизнь этого талантливого руководителя, любящего свой Институт, своих коллег, автора многих научных трудов, умного собеседника, честного и прямого человека. «Пожар» создал все условия для «невозможности» жить и творить ему рядом с нами. Так Россия теряет свои таланты.

Н.Н. Разумович покинул этот мир на рубеже перестройки, краха советского режима и рождения нового строя уже – в России... СССР был разрушен.

Новый политический строй и экономический уклад, Конституция РФ 1993 г., новое название отдела – «отдел правоведения и политологии» – и, соответственно, новые названия наших реферативных журналов, тематика сборников и монографий и их содержание... – жизнь продолжалась.

Ю.С. Пивоваров стал достойной сменой Н.Н. Разумовичу. Он смог в это трудное и противоречивое время сохранить лучшие научные кадры отдела и сконцентрировать их творческий потенциал на сложнейших и вместе с тем актуальных и острых проблемах права и политологии.

В годы его руководства отделом вместе с ним работали многие замечательные ученые, преданные юридической науке и служащие ей: И.Н. Арцибасов, А.К. Цыкунов, Г.Б. Агабеков – специалисты в области международного права, М.Е. Петросян и Л.П. Ануфриева – цивилисты, М.Г. Моисеенко, А.И. Моргунова, В.Ф. Ломакина и К.Ф. Загоруйко – государствоведы, Г.А. Антонос, Ю.Л. Атливанников, В.М. Кулистиков, А.Ф. Самбук – сравнительное правоведение и политология, и др.

Елена Владимировна Клинова, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук. Именно ее стараниями и усердием в отделе была создана серия «Права человека в современном мире». Ее перу принадлежат такие научно-аналитические издания, как «Международное сотрудничество и права человека: Социальные и экономические права» (М., 1981), «Положение трудящихся женщин в развитых капиталистических странах: Социально-экономический и правовой аспекты» (М., 1975), «Правовое положение беженцев в странах Европейского союза: Статус беженцев, право на убежище» (М., 2000), «Международная защита прав человека и их нарушение в капиталистических странах» (совместно с профессорами Э.М. Аметистовым и Е.А. Шахунянцем) (М., 1981) и многие др. С 1975 по 2010 г. было подготовлено более 30 изданий в сотрудничестве со многими советскими (российскими) учеными.

Серия изданий, созданная Е.В. Клиновой, позволила задуматься над созданием еще ряда актуальных серий научных трудов, позволяющих объединить усилия ученых разных направлений правовых и политологических исследований. В середине 90-х годов отдел государства и права ИНИОН РАН изменил свое название и стал отделом правоведения и политологии, возникло новое политологическое направление, сформировалась «научная политологическая школа», которая со временем выделилась в самостоятельный отдел политической науки ИНИОН РАН, плодотворно функционирующий и сейчас.

Леда Леоновна Ананиан, ведущий научный сотрудник, кандидат юридических наук, главный редактор серии изданий «Актуальные проблемы борьбы с преступностью», которая более 25 лет издавалась в ИНИОН РАН. В сотрудничестве с ведущими учеными-криминологами – профессорами В.М. Савицким, В.В. Лунеевым, Ю.М. Антоняном, И.Л. Петрухиным, Т.Г. Морщаковой и др. ею был создан в 80–90-е годы цикл работ, отражающих исследования в области борьбы с преступностью. Среди авторских работ Л.Л. Ананиан «Некоторые проблемы уголовной политики в странах Северной Европы» (М., 1992), «Преступность, преступник и жертва преступления» (М., 2002), «Жестокость в семье» (М., 2000), «Тюрьмы и заключенные» (М., 1999) и др.

---

[4] Николай Никанорович Разумович. Русский Гамлет / сост. Ю.С. Пивоваров; авт. вступ. ст. А.Б. Усманов. М., 2010 (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века); *Пивоваров Ю.С.* Русский Гамлет: сб., посвященный памяти Н.Н. Разумовича. М., 2000. URL: https://litresp.ru/chitat/ru/П/pivovarov-yurij-sergeevich/polnaya-gibelj-vserjez/10 (дата обращения: 28.12.2020).

[5] Там же.

Леда Леоновна в коллективе была человеком-праздником, она могла посвятить на день рождения или на Новый год каждому свое стихотворение, подарить любимую мелодию, знала немецкий, датский, норвежский и шведский языки и активно ими пользовалась при реферировании и написании исследовательских работ. Это была энциклопедически образованный ученый, знающая, наверное, все о своей криминологической науке, ее проблемах. Так, она первая среди ученых-юристов открыла тему восстановительного правосудия, раскрыла его роль на основе анализа исследований ученых Швеции и Норвегии и уголовно-правовой практики этих государств. Совместно с другими учеными она описала функционирование этого института в государствах Северной Европы.

Л.Л. Ананиан (благодаря отчасти своему преподавательскому опыту[6], а отчасти – безграничному обаянию, доброжелательности и интересу к меняющемуся окружающему миру) легко общалась с молодежью, и ей удавалось привлекать к участию в изданиях отдела в качестве «постоянных внештатных референтов» (в те годы институт мог предложить им достойную оплату – 6 руб. за страницу машинописного текста) молодых ученых, сотрудников других организаций – вузов и НИИ, проявивших интерес к работе с литературой на иностранных языках. Среди них можно назвать, например, одного из самых молодых на тот момент докторов юридических наук В.П. Шупилова, который изучал институт условного осуждения в США, О.Л. Дубовик, впоследствии известного ученого, доктора юридических наук, профессора, чьи научные интересы не ограничивались только уголовным правом и криминологией; она одна из ведущих ученых, изучавших комплексные проблемы законодательства об охране окружающей среды.

Во время работы в отделе Л.Л. Ананиан удалось сформировать научную школу криминологов, владеющих разными (от немецкого до японского) иностранными языками, что позволяло изучать опыт развитых государств. Среди них юрист-японовед О.А. Белявская, заслуженный юрист РФ И.С. Власов (ИЗиСП при Правительстве РФ), профессор кафедры уголовного права МГЮА Т.Ю. Орешкина и многие др. Их дети, заметим, приняли эстафету, работали и работают в отделе правоведения сегодня. Это – дочь и внучка Т.Ю. Орешкиной – Екатерина и Елизавета Афанасьевы, дочь О.Л. Дубовик – Алла Рёрихт (Жалинская).

В 90-е годы одной из актуальных тем стала тема федеративных отношений в России. По запросу Совета Федерации Федерального Собрания РФ под руководством академика В.А. Виноградова и академика (в то время доктора юридических наук, профессора) О.Е. Кутафина, докторов юридических наук Н.А. Михалевой, И.А. Умновой (Конюховой) началась большая научно-исследовательская работа над серией «Федерализм, региональное управление и местное самоуправление» (отв. ред.-составитель – Е.В. Алферова). «Крестный отец» этой серии (придумал ее название и консультировал) – Борис Михайлович Лазарев, заслуженный деятель науки, известный ученый-административист из Института государства и права РАН. К исследованиям были привлечены многие ученые-государствоведы, конституционалисты, представители экономической и социологической наук. Было издано более 50 книг, в которых исследовались новый уровень федеративных отношений, закрепленных в Конституции РФ 1993 г. и Федеративном договоре о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами власти и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации (март 1992 г.); проблемы применения названного последнего акта в республиках; вопросы бюджетного федерализма; регионального управления и межрегионального сотрудничества; муниципального управления. В начале 90-х годов установились плодотворные связи с высшим законодательным органом государства. Сотрудники ИНИОН выступали не только экспертами по многим вопросам экономического, политического и правового развития государства, но и активно участвовали в обсуждении многих законопроектов.

В 1993 г. реферативные журналы «Общественные науки за рубежом» и «Общественные науки в СССР» всех серий были переименованы в журнал «Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература» (с этим названием он выходит в свет и ныне). Так, в названиях отразились политические реформы, происходившие в тот период в стране. Что изменилось? Вместо двух вышеупомянутых реферативных журналов серии «Государство и право» стал формироваться один, в котором анализировалась научная юридическая литература. С их содержанием читатель может познакомиться на сайте как ИНИОН РАН, так и научных электронных библиотеках eLIBRARY и Киберленинка. Как и прежде, внимание сосредоточено на тенденциях развития юридической науки в Российской Федерации и зарубежных государствах, на актуальных исследованиях ученых-правоведов, специалистов в различных отраслях права.

В начале 2000-х годов в целях сравнительного исследования наиболее важных вопросов юриспруденции в отделе создается серия научных трудов «Правоведение», которая позволяет научным сотрудникам отдела, представляющим разные отрасли правовой науки, изучать потоки юридических научных источников и выделять новые значимые темы, проводить исследовательскую работу и публиковать ежегодно тематические сборники научных трудов и монографии[7]. Все эти издания редактировала, а значит, они имели «знак качества», научный редактор Валентина Николаевна Листовская. Многие ученые-юристы знают ее как

[6] См.: *Афанасьева Е.Г.* Хранители традиций. Воспоминания Л.Л. Ананиан и Ю.М. Ткачевского: интервью // ПРИМ. 2011. № 2 (2). С. 18–21.

[7] См., напр.: Современное уголовное право: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Э. Жалинский. М., 2007; Международное гуманитарное право: сб. обзоров и реф. / отв. ред. Е.В. Алферова. М., 2009; Права человека. Законодательство и судебная практика: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова. И.А. Конюхова. М., 2009; Информационные технологии: инновации в государственном управлении: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова, И.Л. Бачило. М., 2010; Конституционная культура. Универсальные ценности и национальные особенности: сб. науч. тр. / отв. ред. Г.Н. Андреева. М., 2011; Охрана окружающей среды и качество жизни: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова, О.Л. Дубовик. М., 2011; Правовое регулирование предпринимательской деятельности (зарубежный опыт): сб. науч. тр. / отв. ред. Е.Г. Афанасьева. М., 2013; Модернизация законодательства ЕС об охране климата и энергосбережения: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова, О.Л. Дубовик. М., 2014; Современное семейное право: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.Г. Афанасьева. М., 2015; Современное международное право: отечественные и зарубежные исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова. М., 2016; Право в условиях глобализации: научные подходы и практики: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова. М., 2016; Право в новой информационной реальности: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова, Д.А. Ловцов. М., 2018; Современное конституционное право: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова, И.А. Умнова-Конюхова. М., 2014; Государство и право в новой цифровой реальности / под общ. ред. И.А. Умновой-Конюховой и Д.А. Ловцова. М., 2020; и др.

редактора по сотрудничеству с издательствами «Норма», «Эксмо» и др.

Информационно-исследовательская деятельность все эти годы ведется в сотрудничестве с учеными Института государства и права РАН, НИУ-ВШЭ; Российского государственного университета правосудия, МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и других вузов. Ныне эта серия дополнена отдельными изданиями в виде ежегодников[8]. Реферативный журнал «Государство и право» (начиная с 2021 г.) трансформировался в информационно-аналитический журнал (ИАЖ) с тем же названием, но новой структурой, содержанием и видами публикаций в нем. Это преимущественно научно-аналитические и реферативные обзоры, рецензии. От рефератов мы не отказались, при этом включаем в журнал рефераты источников, которые вышли малым тиражом, порой недоступны, и те, которые, по мнению специалистов отдела, нуждаются в освещении ввиду актуальности тематики и грамотном кратком переводе. Изменилось и содержание этого журнала, первая его часть – тематическая. Например, № 1 ИАЖ посвящен правовым аспектам использования искусственного интеллекта в юриспруденции, № 2 – конституционным реформам, вопросам конституционной демократии и популизму, № 3 – правовым проблемам устойчивого развития; № 4 – цифровизации судебной деятельности.

2021 год станет для Института переломным, мы въедем осенью в новое восстановленное здание, туда, где и находился ранее ИНИОН РАН. Уже сейчас под руководством директора Института, члена-корр. РАН А.В. Кузнецова происходит трансформация научной деятельности, она все более становится научно-исследовательской, модернизируются формы и виды научной информации, открываются новые журналы, в т.ч. электронные. Внедрение новых цифровых технологий становится важным направлением научной и библиотечной деятельности ИНИОН РАН. Прошлое Института с нами и в нас, будущее... тоже зависит от нас и читателей, т.е. ученых, аспирантов и студентов, которые придут в здание библиотеки, ее читальные и конференц-залы за знаниями и информацией по общественным наукам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 90 лет служения науке. К юбилею Фундаментальной библиотеки общественных наук и Института научной информации по общественным наукам РАН: сб. ст. / ред. кол.: Ю.С. Пивоваров (предс.) и др.; сост.: Ю.Ю. Черный, Н.Ю. Соколова, Л.В. Юрченкова. М., 2009. С. 5–7, 242.
2. *Афанасьева Е.Г.* Хранители традиций. Воспоминания Л.Л. Ананиан и Ю.М. Ткачевского: интервью // ПРИМ. 2011. № 2 (2). С. 18–21.
3. *Габричидзе Б.Н.* Аппарат управления местных Советов. М., 1971.
4. *Габричидзе Б.Н.* Конституционный статус органов Советского государства. М., 1982.
5. *Габричидзе Б.Н., Елисеев Б.П.* Российское административное право: учеб. для вузов. М., 1998.
6. Государство и право в новой цифровой реальности / под общ. ред. И.А. Умновой-Конюховой и Д.А. Ловцова. М., 2020.
7. Информационные технологии: инновации в государственном управлении: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова, И.Л. Бачило. М., 2010.
8. Конституционная культура. Универсальные ценности и национальные особенности: сб. науч. тр. / отв. ред. Г.Н. Андреева. М., 2011.
9. Международное гуманитарное право: сб. обзоров и реф. / отв. ред. Е.В. Алферова. М., 2009.
10. Модернизация законодательства ЕС об охране климата и энергосбережения: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова, О.Л. Дубовик. М., 2014.
11. Николай Никанорович Разумович. Русский Гамлет / сост. Ю.С. Пивоваров; авт. вступ. ст. А.Б. Усманов. М., 2010 (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).
12. Охрана окружающей среды и качество жизни: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова, О.Л. Дубовик. М., 2011.
13. *Пивоваров Ю.С.* Русский Гамлет: сб., посвященный памяти Н.Н. Разумовича. М., 2000. URL: https://litresp.ru/chitat/ru/П/pivovarov-yurij-sergeevich/polnaya-gibeljvserjez/10 (дата обращения: 28.12.2020).
14. Права человека. Законодательство и судебная практика: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова. И.А. Конюхова. М., 2009.
15. Право будущего. Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет / отв. ред. Е.Г. Афанасьева. М., 2018–2020. Вып. 1–3.
16. Право в новой информационной реальности: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова, Д.А. Ловцов. М., 2018.
17. Право в условиях глобализации: научные подходы и практики: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова. М., 2016.
18. Правовое регулирование предпринимательской деятельности (зарубежный опыт): сб. науч. тр. / отв. ред. Е.Г. Афанасьева. М., 2013.
19. *Разумович Н.Н.* Испания. Конституция и законодательные акты / пер. с исп. М., 1982.
20. *Разумович Н.Н.* Кто и как правит в Латинской Америке. Полит. система латиноамерик. стран. М., 1967.
21. *Разумович Н.Н.* Политическая и правовая культура. М., 1989.
22. *Разумович Н.Н.* Политическая и правовая культура. Идеи и институты Древней Греции / отв. ред. В.Е. Гулиев. М., 1989.
23. Современное конституционное право: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова, И.А. Умнова-Конюхова. М., 2014.
24. Современное международное право: отечественные и зарубежные исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова. М., 2016.
25. Современное семейное право: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.Г. Афанасьева. М., 2015.

[8] См.: Право будущего. Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет / отв. ред. Е.Г. Афанасьева. М., 2018–2020. Вып. 1–3; Экономическая конституция в цифровую эпоху / отв. ред. Г.Н. Андреева. М., 2020. Вып. 1.

26. Современное уголовное право: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Э. Жалинский. М., 2007.

27. Экономическая конституция в цифровую эпоху / отв. ред. Г.Н. Андреева. М., 2020. Вып. 1.

REFERENCES

1. 90 years of service to science. For the anniversary of the Fundamental library of social Sciences and the Institute of scientific information on social science Academy of Sciences: collection of articles / ed. col.: Yu.S. Pivovarov (chairman) etc.; comp.: J. Black, N. Yu. Sokolov, L.V. Yurchenkova. M., 2009. P. 5–7, 242 (in Russ.).

2. *Afanas'eva E.G.* The keepers of traditions. Memoirs of L.L. Ananian and Yu. M. Tkachevsky: interview // NOTE. 2011. No. 2 (2). P. 18–21 (in Russ.).

3. *Gabrichidze B.N.* The apparatus of management of local Councils. M., 1971 (in Russ.).

4. *Gabrichidze B.N.* The constitutional status of the organs of the Soviet state. M., 1982 (in Russ.).

5. *Gabrichidze B.N., Eliseev B.P.* Russian Administrative Law: textbook for universities. M., 1998 (in Russ.).

6. State and law in the new digital world / ed. by I.A. Umnova-Konyukhova and D.A. Lovtsov. M., 2020 (in Russ.).

7. Information technologies: innovations in public management: collection of scientific works / ed. by E.V. Alferova, I.L. Bachilo. M., 2010 (in Russ.).

8. Constitutional culture. Universal values and national features: collection of scientific works / ed. by G.N. Andreeva. M., 2011 (in Russ.).

9. International Humanitarian Law: collection of reviews and ref. / ed. by E.V. Alferova. M., 2009 (in Russ.).

10. Modernization of the EU legislation on climate protection and energy saving: collection of scientific works / ed. by E.V. Alferova, O.L. Dubovik. M., 2014 (in Russ.).

11. Nikolay Nikanorovich Razumovich. Russian Hamlet / comp. Yu. S. Pivovarov; auth. A.B. Usmanov. M., 2010 (Library of Russian Public Thought from ancient times to the beginning of the XX century) (in Russ.).

12. Environmental protection and quality of life: collection of scientific works / ed. by E.V. Alferova, O.L. Dubovik, M., 2011 (in Russ.).

13. *Pivovarov Yu.S.* Russian Hamlet: collection dedicated to the memory of N.N. Razumovich. M., 2000. URL: https://litresp.ru/chitat/ru/П/pivovarov-yurij-sergeevich/polnaya-gibelj-vserjez/10 (accessed: 28.12.2020) (in Russ.).

14. Human rights. Legislation and judicial practice: collection of scientific works / ed. by E.V. Alferova. I.A. Konyukhova. M., 2009 (in Russ.).

15. Law of the future. Intellectual property, innovations, the Internet / ed. by E.G. Afanasyeva. M., 2018–2020. Issue 1–3 (in Russ.).

16. Law in the new information reality: collection of scientific works / ed. by E.V. Alferova, D.A. Lovtsov. M., 2018 (in Russ.).

17. Law in the context of globalization: research approaches and practice: collection of scientific works / ed. by E.V. Alferova. M., 2016 (in Russ.).

18. Legal regulation of business activities (foreign experience): collection of scientific works / ed. by E.G. Afanasyeva. M., 2013 (in Russ.).

19. *Razumovich N.N.* Spain. Constitution and legislative acts / transl. from Spanish. M., 1982 (in Russ.).

20. *Razumovich N.N.* Who and how rules in Latin America. Political system the Latin American countries. M., 1967 (in Russ.).

21. *Razumovich N.N.* Political and legal culture. M., 1989 (in Russ.).

22. *Razumovich N.N.* Political and legal culture. Ideas and institutions of Ancient Greece / ed. by V.E. Guliyev. M., 1989 (in Russ.).

23. Modern Constitutional Law: collection of scientific works / ed. by E.V. Alferova, A.I. Umnova-Konyukhova. M., 2014 (in Russ.).

24. Contemporary International Law: national and international studies: collection of scientific works / ed. by E.V. Alferova. M., 2016 (in Russ.).

25. Modern Family Law: collection of scientific works / ed. by E.G. Afanasyeva. M., 2015 (in Russ.).

26. Modern Criminal Law: collection of scientific works / ed. by A.E. Zhalinsky. M., 2007 (in Russ.).

27. The Economic Constitution in the digital age / ed. by G.N. Andreeva. M., 2020. Issue 1 (in Russ.).

Сведения об авторах

АЛФЕРОВА Елена Васильевна –
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом правоведения ИНИОН РАН; 117418 Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

АЛЕШКОВА Ирина Александровна –
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН; 117418 Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

Authors' information

ALFEROVA Elena V. –
PhD in Law, leading researcher, head of the Department of jurisprudence, ISISS RAS; 51/21 Nakhimovsky ave., 117418 Moscow, Russia

ALESHKOVA Irina A. –
PhD in Law, senior researcher of the Department of jurisprudence, ISISS RAS; 51/21 Nakhimovsky ave., 117418 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 4, с. 155–160
STATE AND LAW, 2021, № 4, pp. 155–160

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННОЙ (УДАЛЕННОЙ) РАБОТЫ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ (ОБЗОР «КРУГЛОГО СТОЛА»)

© 2021 г. С. Ю. Чуча

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: romashkin1933@mail.ru

Поступила в редакцию 16.02.2021 г.

Аннотация. Обзор содержит тезисы выступлений участников «круглого стола» «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы: вопросы теории и практики», проведенного 26 января 2021 г. междисциплинарным Центром правовых исследований в области трудового права и права социального обеспечения Института государства и права Российской академии наук. В обсуждении приняли участие сотрудники междисциплинарного Центра, представители разных направлений науки (юристы, социологи, историки, философы) и отраслей права: теории и истории государства и права, конституционного права, трудового права и права социального обеспечения, гражданского права и процесса, семейного права и др. В фокусе внимания участников «круглого стола» находились условия, предпосылки и перспективы правового регулирования дистанционного (удаленного) труда в условиях смены экономической модели общества. Обсуждавшиеся проблемы, как правило, лежат на стыке разных отраслей права, экономики, психологии и социологии, носят межотраслевой и междисциплинарный характер. Только комплексный подход к их решению позволяет достичь реальных практических результатов в оптимизации регулирования соответствующих отношений.

Ключевые слова: Трудовой кодекс РФ, дистанционная работа, удаленная работа, дистанционный труд, цифровая экономика, пандемия, концепция пенсионного обеспечения, междисциплинарное исследование.

Цитирование: *Чуча С.Ю.* Правовое регулирование дистанционной (удаленной) работы: вопросы теории и практики (Обзор «круглого стола») // Государство и право. 2021. № 4. С. 155–160.

DOI: 10.31857/S102694520014359-5

LEGAL REGULATION OF REMOTE WORK: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE (REVIEW OF THE “ROUND TABLE”)

© 2021 S. Yu. Chucha

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: romashkin1933@mail.ru

Received 16.02.2021

Abstract. The review contains the theses of the presentations of the participants of the “Round Table” “On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation regarding the regulation of remote (remote) work: Issues of theory and practice”, held on January 26, 2021 by the interdisciplinary Center for Legal Research in the field of Labor Law and social security law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. The discussion was attended by employees of the interdisciplinary Center, representatives of various fields of science (lawyers, sociologists, historians, philosophers) and branches of law: theory and history of state and law, Constitutional Law, Labor Law and social security law, Civil Law and procedure, Family Law, etc. The

participants of the round table focused on the conditions, prerequisites and prospects for the legal regulation of remote (remote) work in the context of changing the economic model of society. The problems discussed, as a rule, lie at the intersection of different branches of law, economics, psychology and sociology, are intersectoral and interdisciplinary in nature. Only an integrated approach to their solution allows us to achieve real practical results in optimizing the regulation of relevant relations.

Key words: Labor Code of the Russian Federation, remote work, digital economy, pandemic, pension provision concept, interdisciplinary research.

For citation: *Chucha, S. Yu. (2021).* Legal regulation of remote work: questions of theory and practice (Review of the "Round Table") // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 155–160.

26 января 2021 г. в Москве междисциплинарным Центром правовых исследований в области трудового права и права социального обеспечения Института государства и права Российской академии наук был проведен «круглый стол» «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы: вопросы теории и практики».

Междисциплинарный Центр правовых исследований в области трудового права и права социального обеспечения (ЦТП ИГП РАН) был создан приказом директора Института государства и права РАН от 17 ноября 2020 г. № 677 в целях формирования актуальной межотраслевой правовой модели трудовых и социальных отношений, содействия развитию справедливых и сбалансированных трудовых отношений в условиях свободы, равенства, уважения человеческого достоинства, выявления проблем в области социально-трудовых отношений, разработки, предложения и продвижения механизмов их решения. Задачами Центра являются: проведение фундаментальных, прикладных и междисциплинарных научных исследований по актуальным проблемам трудового права и права социального обеспечения; научно-экспертное обеспечение законопроектной деятельности Федерального Собрания РФ, Президента РФ, Верховного Суда РФ, Правительства РФ и других государственных органов; научно-методическое и кадровое обеспечение развития науки и образования; распространение накопленного в Институте научного опыта; развитие международного сотрудничества в этой области научной деятельности.

«Круглый стол», посвященный теоретическим и практическим проблемам правового регулирования дистанционного (удаленного) труда, стал первым научно-практическим мероприятием такого рода, проведенном ЦТП ИГП РАН в 2021 г., объявленном Указом Президента РФ Годом российской науки.

Открыл обсуждение **директор Института государства и права Российской академии наук, член-корр. РАН А.Н. Савенков**, подчеркнув острую потребность в открытом и принципиальном обсуждении проблем, складывающихся в правовом регулировании трудовых и социально-обеспечительных отношений в современный период, характеризующийся обострением взаимодействия работников и работодателей, вызванном общим дефицитом финансовых ресурсов. Особенностью текущей ситуации стало снижение числа квалифицированных специалистов рабочих специальностей на фоне роста продолжительности трудовой жизни, практическое отсутствие защиты граждан, занятых самостоятельным трудом без заключения трудового договора. А.Н. Савенков отметил, что эффективное социальное обеспечение на всей продолжительности жизни граждан – «от ясельной группы детского сада до похоронной конторы» – возможно исключительно с опорой государства на современные междисциплинарные исследования. Самого пристального внимания государства и ученого сообщества заслуживают и проблемы дистанционного труда, приобретающего все большее распространение в рамках современного экономического уклада и особенно в период пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19).

Модераторами «круглого стола» выступили *руководитель междисциплинарного Центра правовых исследований в области трудового права и права социального обеспечения, главный научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса ИГП РАН, д-р юрид. наук, проф. С.Ю. Чуча* и *зам. руководителя ЦТП ИГП РАН, и.о. зам. директора ИГП РАН по научной работе, д-р юрид. наук Н.В. Летова*. В обсуждении приняли участие сотрудники междисциплинарного Центра, представители разных направлений науки (юристы, социологи, историки, философы) и отраслей права: теории и истории государства и права, конституционного права, трудового права и права социального обеспечения, гражданского права и процесса, семейного права и др.

С основным докладом «***Правовое регулирование дистанционного труда в Российской Федерации: условия, предпосылки, перспективы»*** выступил **руководитель ЦТП ИГП РАН, д-р юрид. наук, проф. С.Ю. Чуча,** который выделил предпосылки, условия и перспективы правового регулирования

дистанционного труда в России и задал, таким образом, направления и рамки последовавшей дискуссии.

Докладчик отметил, что правовое регулирование трудовых отношений вне места нахождения работодателя не является новеллой для российского трудового права. Этому вопросу посвящены институты надомного труда, в какой-то степени – командировок, сложившиеся еще в советское время. В 2013 г. в ТК РФ была внесена гл. 49[1] об особенностях регулирования труда дистанционных работников.

Предпосылками обновления института дистанционного труда стали прежде всего факторы развития экономики – фактическое и повсеместное возникновение отношений, позволяющих с большей эффективностью осуществлять предпринимательскую деятельность с привлечением работников, выполняющих свою трудовую функцию вне места нахождения работодателя. Этот мировой тренд в полной мере отразился на отечественной экономике и был поддержан российским законодателем и представителями науки трудового права.

Второй предпосылкой обновления института дистанционного труда стало развитие технологических условий для его широкого распространения –глубокой цифровизации общества, развертывания обширной сети современных телекоммуникационных средств и обеспечения реальной возможности ее использования конечными потребителями цифрового продукта. Дело в том, что институт надомного труда был в целом направлен на обслуживание трудовых отношений в рамках предыдущего экономического уклада, предполагающего производство неких материальных благ. Современный институт дистанционной (удаленной) работы стал ответом общества и законодателя на вызовы нового экономического уклада, в рамках которого акцент сместился на производство нематериальных благ и услуг. Разработка законодательства о дистанционном труде в условиях его экономической потребности, однако без технологического обеспечения общества, стало бы лишь имитацией правового регулирования соответствующей группы общественных отношений, не способных распространиться сколь-нибудь широко.

Следует отметить еще одну предпосылку обновления института, связанную с двумя предыдущими: принятие и широкая апробация законодательства, регламентирующего дистанционное оформление возникновения, изменения и прекращения трудовых отношений, ведения трудовых книжек, оформления периодов временной нетрудоспособности и внесения сведений о пенсионном стаже в органы Пенсионного фонда РФ и т.д. Мало того, что внедрению новых норм предшествовал длительный эксперимент с охватом широкого круга работодателей. Проведение таких экспериментов становится нормой для Минтруда России и может только приветствоваться. Предметом обобщения и анализа стала уже и практика применения действующих норм о дистанционном труде. К слову, следует признать позитивной формирующуюся практику проведения масштабных экспериментов по применению новых технологий и регулированию формирующихся общественных отношений и на законодательном уровне. Примером может служить Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”»[1].

В ряду условий, при которых проходило обновление действующего законодательства о дистанционном труде, следует указать:

режим самоизоляции в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, одномоментно расширивший круг общественных отношений с применением наемного труда и существенно ускоривший коррекцию их правового регулирования. Режим повышенной готовности показал возможность обходиться без миллионов работников и служащих, во всяком случае непосредственно в офисах, зачастую дистанционный труд вполне заменяет классический трудовой договор. Возможность учиться дистанционно – и в школе, и в институте или колледже. Возможность обойтись без потребления шоу-контента «вживую» – и музыкально-песенного, и театрального, и спортивного. Допустимость реже ходить или не ходить вовсе в магазины и предприятия общественного питания, ограничившись дистанционным заказом доставки соответствующих товаров на дом, а лучше и вообще реже выходить из дома, ограничив общение социальными сетями и мессенджерами. Режим повышенной готовности показал ненужность в ближайшей перспективе целого ряда профессий и должностей. В Российской Федерации на пике пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 удаленно работало 11% от общего числа трудящихся. Причем наиболее востребованным оказался комбинированный тип занятости, когда работник периодами работает дома и в офисе;

вызванная экстренным переводом трудовых и образовательных отношений на удаленный формат форсированная цифровизация общественных отношений и эксперимент в г. Москве по

[1] См.: СЗ РФ. 2020. № 17, ст. 2701.

созданию искусственного интеллекта, о котором было сказано выше;

конституирование социального партнёрства в сфере труда и активизация применения его принципов и механизма в практике нормотворчества, все более тщательный учет мнения при принятии нормативных актов Правительства РФ, затрагивающих трудовые отношения, представителей работников и работодателей в Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений.

Перспективы правового регулирования отношений, связанных с удаленным трудом, докладчик видит в:

дальнейшем совершенствовании законодательства о дистанционном труде и, в частности, обеспечивающем его электронном кадровом документообороте и хранении информации о трудовых отношениях в электронном виде, широкий эксперимент, направленный на апробацию которых прямо сейчас проводит Минтруд России;

доработке и включении в законодательство о труде нормы о «режиме тишины» в трудовых отношениях, когда вне рабочего времени работодатель не вправе тревожить работников, исключенных из рассматривавшегося законопроекта в ходе третьего чтения;

расширение внедрения принципов и механизма социального партнерства в практику нормотворчества, в частности, в случае прекращения регулирования особенностей трудовых отношений в тех или иных отраслях, видах деятельности и профессиях;

распространение правового регулирования дистанционного труда на все категории прекариата, а также на все случаи применения самостоятельного труда не по трудовому договору (самозанятые, работающие по договору с агрегаторами, индивидуальные предприниматели, не использующие наемный труд и т.д.)

Обозначенные в докладах А.Н. Савенкова и С.Ю. Чучи проблемы вызвали дискуссию, позволившую предложить целый ряд теоретических и практических подходов к их решению.

Прения открыла **А.В. Дзюбак, секретарь ЦТП ИГП РАН, начальник научно-организационного отдела ИГП РАН, канд. юрид. наук**, которая на основе анализа действующего законодательства, практики его применения, теоретических разработок разграничила понятия дистанционной и надомной работы, отметила особенности заключения и прекращения трудового договора о дистанционной работе, рассмотрела особенности охраны труда удаленных работников.

Продолжила дискуссию **Т.В. Соколова, научный сотрудник ЦТП ИГП РАН, младший научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса ИГП РАН**. В докладе ***«Новеллы Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ “О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях”»*** ею было отмечено, что пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) оказала сильное влияние на все стороны жизни человека, в т.ч. и на сферу труда. Для сдерживания распространения вируса в различных государствах были приняты такие меры, как физическое дистанцирование, закрытие большинства предприятий и организаций и др. Чтобы сдержать распространение вируса, в Российской Федерации были осуществлены мероприятия по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения, в т.ч. перевод на дистанционный режим работы, которые носили императивный характер и распространялись на большинство организаций.

Наиболее приемлемым в период пандемии представлялся перевод работников на дистанционную работу, что в большей степени позволяло учитывать интересы сторон трудовых отношений, в отличие от таких форм работы на дому, как надомная и удаленная, также рекомендованных Минтрудом России. Но нормы, регламентирующие особенности регулирования труда дистанционных работников, закрепленные в гл. 49^1 ТК РФ, оказались недостаточно гибкими и ограничивали возможности применения информационно-коммуникационных технологий в трудовых отношениях, а отсутствие оформленного должным образом перевода на дистанционную работу, подробной регламентации труда дистанционных работников, установления для них режима труда и времени отдыха, порядка взаимодействия работника с работодателем и другие обстоятельства породили ряд споров. Трудовое законодательство оказалось не готовым к массовому переводу работников на удаленный режим работы. В связи с чем возникла необходимость внесения изменений в трудовое законодательство в части регулирования труда работников, выполняющих трудовую функцию дистанционно.

Так, Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» были внесены изменения в гл. 49^1 ТК РФ. Изменения коснулись

понятия дистанционной работы, особенностей приема и увольнения дистанционных работников, расширены возможности применения для выполнения трудовых обязанностей информационно-коммуникационных технологий, сетей связи общего пользования и др. Появилась возможность привлечения работников к временной дистанционной занятости на период, не превышающий шести месяцев, либо периодически при условии чередования периодов выполнения трудовой функции дистанционно и периодов выполнения трудовой функции на стационарном рабочем месте, а также временно переводить работников на дистанционную работу в исключительных случаях, установленных ст. 312^9 ТК РФ.

Т.В. Соколовой было отмечено, что в организации должно быть разработано и принято положение о дистанционной работе, регулирующее вопросы взаимодействия сторон в электронном виде, в том числе порядок и сроки для обмена документами, связанными с выполнением трудовой функции дистанционно, передачи результатов работы и отчетов о выполненной работе по запросам работодателя, ознакомления с локальными актами организации и др. Избранная работодателем форма обмена документами в электронном виде должна обеспечивать фиксацию факта их получения работником и (или) работодателем.

Ранее взаимодействие работника и работодателя осуществлялось исключительно с применением квалифицированной электронной цифровой подписи, но ее стоимость и порядок оформления ограничивали возможности распространения дистанционной работы. По этой причине, а также для максимального перехода на электронный документооборот в рамках регулирования труда дистанционных работников, было предложено использовать усиленную квалифицированную электронную подпись работодателя и усиленную квалифицированную электронную подпись или усиленную неквалифицированную электронную подпись работника только в строго установленных ч. 1 ст. 312^3 ТК РФ случаях. Например, при заключении трудового договора и расторжении трудового договора в электронном виде, при заключении в электронном виде договора о материальной ответственности или внесения в него изменений и др. С использованием усиленных электронных подписей в вышеназванных случаях дистанционный работник и работодатель осуществляют и обмен документами, а также направляют подтверждение получения документов и информации от другой стороны.

Еще одной новеллой является обязанность обеспечения дистанционного работника необходимыми для выполнения им трудовой функции оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами. В случае использования работником принадлежащих ему или арендованных им оборудования и др., с согласия или ведома работодателя и в его интересах, установлена обязанность работодателя выплачивать компенсацию, а также возмещать расходы, связанные с их использованием.

Кроме того, законодательно был регламентирован порядок временного перевода работников по инициативе работодателя на дистанционный режим труда в строго определенных ситуациях (ст. 312^9 ТК РФ), ставящих под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего населения или его части, а также в случае принятия решения органом государственной власти или органом местного самоуправления с целью охраны здоровья и безопасности работников. В данных случаях предусмотрен упрощенный порядок перевода, не требующий заключения дополнительных соглашений к трудовым договорам, а осуществляющийся на основании издания локального нормативного акта, содержащего указание на обстоятельство (случай), послужившее основанием для принятия работодателем решения о временном переводе работников на дистанционную работу; список работников, срок перевода, порядок организации труда данных работников, в т.ч. режим рабочего времени, порядок и способ взаимодействия работника с работодателем, и другие. Обязанностью работодателя является ознакомление работника с данным приказом любым способом, позволяющим достоверно подтвердить его получение. На этот период на работника распространяются гарантии, предусмотренные гл. 49^1 ТК РФ, регулирующей труд дистанционных работников, в т.ч. гарантии по оплате труда и др.

Особый интерес и бурную дискуссию участников «круглого стола» вызвал доклад **В.И. Жукова, научного сотрудника ЦТП ИГП РАН, главного научного сотрудника сектора философии права, истории и теории государства и права ИГП РАН, акад. РАН, заслуженного деятеля науки РФ,** на тему ***«О возможной рациональной модели пенсионного обеспечения граждан Российской Федерации».*** Докладчик сквозь призму новейших достижений социологии обозначил основные проблемы правового регулирования дистанционного труда в современных условиях и обозримой перспективе, отметил несовершенство его правового регулирования в России и за рубежом в целом и понятийного аппарата, в частности. «Любая наука – система понятий. И если эти понятия нестабильны – нет науки», – подчеркнул В.И. Жуков. Анализ современных тенденций в сфере правового регулирования труда позволил ему вплотную приблизиться к обоснованию и формулированию фундаментальных предложений по коренному изменению модели пенсионного

обеспечения и регулирования трудовых отношений в Российской Федерации.

Обсуждение влияния правового регулирования дистанционного труда на общественные отношения, упорядочиваемые иными, нежели трудовое право, отраслями, открыла **Н.В. Летова, зам. руководителя ЦТП ИГП РАН, и.о. зам. директора ИГП РАН по научной работе, д-р юрид. наук,** докладом на тему ***«Особенности удаленного труда женщин, имеющих детей до 14 лет»***. Н.В. Летова отметила, что государство проявляет особую заботу и внимание к женщинам с семейными обязанностями, в т.ч. при осуществлении ими своих трудовых обязанностей в удаленном режиме. На практике возникает немало проблем, которые требуют своего решения, в частности касающиеся дополнительных гарантий в сфере труда для женщин с детьми. Эти проблемы, как правило, лежат на стыке трудового и семейного права, экономики, психологии и социологии, и носят межотраслевой и междисциплинарный характер. Только комплексный подход к их решению позволит достичь реальных практических результатов в оптимизации регулирования соответствующих отношений.

Сравнительно-историческим аспектам регулирования дистанционного труда посвятила свое выступление **М.В. Раттур, научный сотрудник ЦТП ИГП РАН, научный сотрудник сектора философии права, истории и теории ИГП РАН, канд. юрид. наук**.

Обсуждение межотраслевых аспектов обозначенных проблем продолжилось в выступлениях **научных сотрудников ЦТП ИГП РАН Е.В. Михайловой, ведущего научного сотрудника сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса ИГП РАН, д-ра юрид. наук,** и **К.А. Лебедя, старшего научного сотрудника сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса ИГП РАН, канд. юрид. наук**, а также **научного сотрудника сектора административного права и административного процесса ИГП РАН О.В. Новикова**, проанализировавших причины, особенности, перспективы и последствия внедрения дистанционных технологий в судопроизводство и регулирование государственной гражданской службы.

* * *

Подводя итоги «круглого стола», **С.Ю. Чуча** обобщил содержащиеся в докладах и выступлениях предложения, наметил планы по публикации результатов исследований с учетом состоявшегося обсуждения в монографических изданиях и научных статьях, разработке предложений по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения, типовых локальных нормативных актов и их апробацию в Институте государства и права РАН, поблагодарил руководство Института, сотрудников междисциплинарного Центра и иных участников «круглого стола» за содержательную и плодотворную дискуссию.

Сведения об авторе

ЧУЧА Сергей Юрьевич –
доктор юридических наук, профессор,
руководитель междисциплинарного Центра
правовых исследований в области трудового
права и права социального обеспечения,
главный научный сотрудник сектора
гражданского права, гражданского
и арбитражного процесса Института государства
и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

CHUCHA Sergey Yu. –
Doctor of Law, Professor, Head of the
Interdisciplinary Center for Legal Research in the
Field of Labor Law and social security law, Chief
Researcher of the Civil Law, civil and arbitration
process Sector of the Institute of State and Law of
the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 4, с. 161–164
STATE AND LAW, 2021, № 4, pp. 161–164

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

П.П. Серков. ПРАВООТНОШЕНИЕ (НРАВСТВЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ): монография. М.: Норма, 2020. – 688 с.

© 2021 г. Н. Н. Цуканов

Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Красноярск

E-mail: Nikolai_Zukanov@mail.ru

Поступила в редакцию 02.02.2021 г.

Аннотация. Представленная работа является рецензией на монографию П.П. Серкова «Правоотношение (нравственность современного правового регулирования)». В рецензии дается общая оценка научного труда, показан его фундаментальный характер, оцениваются ключевые положения и выводы автора, отмечаются перспективы дальнейшего научно-практического использования полученных результатов. По мнению рецензента, работа ориентирована в первую очередь на философию права. На фоне общей высокой оценки научного труда обращается внимание на ряд спорных положений, касающихся прежде всего вопросов соотношения права и нравственности в системе социальных регуляторов.

Ключевые слова: нравственность, правоотношение, механизм правоотношения, правовое регулирование, социальные регуляторы.

Цитирование: *Цуканов Н.Н.* П.П. Серков. Правоотношение (нравственность современного правового регулирования) // Государство и право. 2021. № 4. С. 161–164.

DOI: 10.31857/S102694520000000-1

P.P. Serkov. LEGAL RELATIONS (THE MORALITY OF MODERN LEGAL REGULATION): monograph. M.: Norma, 2020. – 688 pp.

© 2021 N. N. Tsukanov

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnoyarsk

E-mail: Nikolai_Zukanov@mail.ru

Received 02.02.2021

Abstract. The presented work is a review of P.P. Serkov's monograph “Legal relations (the morality of modern legal regulation)”. The review provides a general assessment of the scientific work, shows its fundamental nature, evaluates the key provisions and conclusions of the author, and notes the prospects for further scientific and practical use of the results obtained. According to the reviewer, the work is focused primarily on the Philosophy of Law. Against the background of the general high assessment of the scientific work, attention is drawn to a number of controversial provisions concerning, first of all, the relationship between law and morality in the system of social regulators.

Key words: morality, legal relationship, legal relationship mechanism, legal regulation, social regulators.

For citation: *Tsukanov, N.N. (2021).* P.P. Serkov. Legal relations (the morality of modern legal regulation) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 161–164.

Оценивая содержание и значение монографии д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ П.П. Серкова, необходимо учитывать как минимум две ее существенные особенности. Прежде всего это авторский стиль изложения, делающий знакомство с работой весьма интересным, но вместе с тем непростым занятием. Как отмечает по этому поводу в своем предисловии к книге В.Н. Синюков: «П.П. Серков пишет в очень странной для теоретического повествования манере полного творческого своеволия, попирая привычные нормы и формы, выстраивая затейливые лабиринты мысли, куда забредает его творческое воображение»[1]. В тексте часто используется констатация научной недоказанности как основание для неожиданной постановки вопроса, формулирования проблемы. Например: «Не доказано, что субъективное право по своей ментальности не “учит” брать, но приучает отдавать» (с. 527); «остается недоказанным тот факт, что человек, воспитываемый на идеях субъективного права, как субъект механизма индивидуальных правоотношений однозначно усваивает, в частности, равенство своего права и своей же субъективной обязанности» (с. 529); «не доказано существование естественного раздельного источника ощущений ценностей права и ощущений ценностей обязанностей» (с. 532); «не представлено весомых конкретных доказательств того, что право в любой гипотезе всецело управляет правовой действительностью и приводит в движение всю масштабность межличностного общения» (с. 514) и т.д.

Характерное для П.П. Серкова массированное использование логически объемных терминологических конструкций, во многих случаях влекущих возможность их многозначности, ведет к тому, что текст используется автором не только для передачи информации, но и (в гораздо большей степени, чем это характерно для большинства научных работ) для выражения личного восприятия предмета. Именно поэтому ряд утверждений вне контекста работы могут показаться читателю непонятными, например: «В настоящее время эта логика не работает из-за фактической невостребованности конструкции правоотношения» (с. 254); «до настоящего времени правовые нормы не обрели своей постоянной правоприменительной универсальной траектории» (с. 271); «при таком концептуальном подходе отдельная взятая норма, при всей важности, не приобретает абсолютного решающего значения для доктрины правового регулирования» (с. 435); «в ходе таких разработок прояснится, должны ли общество и государство всегда уповать только на правовое регулирование, а точнее, на государственное принуждение органов власти» (с. 389); «деликтоспособность практически невозможно отличить от правосубъектности, так как она представляет собой условную её специализацию применительно к юридической ответственности» (с. 555) и т.д. Это первая важная особенность работы.

Ее вторая особенность заключается в том, что предмет рассуждений П.П. Серкова не просто значительно шире заявленной темы монографии, но и не предполагает её явного доминирования. В тексте упоминаются и так или иначе используются высказывания Клавдия Галена, Цицерона, Плутарха, Сенеки, Патриарха Кирилла, апостола Павла, Иисуса Христа, раскрываются категорический императив И. Канта, абсолютная идея Г. Гегеля, приводятся выводы и суждения Фомы Аквинского, Ф. Бэкона, Ч. Дарвина, Р. Декарта, М. Джейкобса, Г. Лейбница, Г. Тейлора, В. Франкла, З. Фрейда, П. Эльцбахера и многих других. Аргументация положений, содержащихся в рецензируемой работе, сопровождается приведением антропологических, исторических, психологических, психиатрических, юридических, социологических и иных видов фактологических данных. Удивительным по разнообразию является и иллюстративный материал, помимо прочего, охватывающий описание физических опытов с водой (с. 391–395), ужасов концентрационных лагерей (с. 568–574), организацию племен древних австралийцев (с. 111), содержание молитвы оптинских старцев (с. 492) и др. Однако главное заключается в том, что направленность аргументации и содержание предлагаемых автором выводов по параграфам, главам и работе в целом ориентированы на поиск смысла права, его места в жизни человека и человечества в контексте сопоставления с механизмом правоотношения, что гораздо ближе к философии права, нежели к его теории. Показателен вывод, сделанный автором: «Итак, consummatum est (лат. свершилось), своего рода логическая цепь замкнулась. Выявление и обоснование механизма правоотношений началось с доказывания приоритетной важности объекта как объективного средоточения субъективных потребностей по сравнению с правом и обязанностью. При этом прояснились смыслы и закономерности движения идейного содержания правовых норм, а также их государственного психического принуждения. Рациональная логика возникновения и развития механизма правоотношений привела к сакральным аспектам сущности человека и социальной организации межличностного общения» (с. 686).

Учитывая избранный предмет исследования, П.П. Серков закономерно приходит к выводу о том, что, «исходя из реальности правовой действительности, эта многомерность объективно не может полноценно и всесторонне исследоваться какой-либо гуманитарной наукой. «Следует признать, что и юридической науке самостоятельное решение обозначенной задачи не осилить» (с. 349); «Своего рода экспертная взаимопомощь устранит настроения отраслевого “всезнайства”, максимально снизит элементы неполноты и условности полученных знаний и относительно единой гуманитарной области» (с. 105). Такой подход существенно усложняет решение стоящих перед исследователем задач в силу их множественности и свидетельствует о научной смелости автора, а саму работу делает заведомо увлекательной, поскольку предполагает новый взгляд на, казалось бы, хорошо известные научные проблемы.

Первая глава монографии *«Нравственность и правовое регулирование»* определяет исходные условия, влияющие на методологию всего исследования. Здесь ключевое значение приобретают две основополагающие идеи. Во-первых, человек не должен рассматриваться юридической наукой исключительно в качестве статичного и абстрактного носителя определенных прав и обязанностей (с. 397). Во-вторых, в современной традиции принято рассматривать мораль и нравственность в соотношении с неопределенным пониманием права, а не с правовым регулированием, что в целом нельзя признать оптимальным (с. 46).

Развивая данные идеи, автор сосредоточивается на проблематике следующего уровня:

наряду с правом в цивилизованном обществе действуют и другие социальные нормы[2];

[1] *Синюков В.Н.* Предисловие глазами теоретика правового регулирования // *Серков П.П.* Правоотношение (нравственность современного правового регулирования). М., 2020. С. 15.

[2] «Можно сказать, что принципы права вообще и принципы трудового права в частности выступают свидетельством взаимосвязи экономических, социальных, политических, нравственных и правовых категорий, сложившихся в исторически конкретном обществе...» (см.: *Серков П.П.* Указ. соч. С. 52).

мораль поставлена на первое место, т.к. по сравнению с правом предъявляет к человеку более высокие требования и выступает как критерий оценки права (с. 47);

«мораль и право в своем происхождении едины», но «право, основываясь на морали, тем не менее выходит за его пределы, не совпадает с ним» (sic) (с. 49).

Соглашаясь в целом с вектором направленности представленных суждений, думается, что возникают сомнения в обоснованности излишней категоричности некоторых положений.

Во-первых, по мнению П.П. Серкова, каждый отдельно взятый акт межличностного общения наполняет общественную жизнь благоприятной или агрессивной средой. «Между этими социальными режимами, скорее всего, не имеется каких-либо промежуточных состояний... гипотетически можно говорить о нейтральной среде.., однако, учитывая действие причин и следствий, в реальности такое вряд ли возможно... столь жесткая альтернатива объясняется "простотой" социальной жизни, у добра один антагонист – зло» (с. 106). Полагаем, что в многообразии межличностных отношений неизбежно должны присутствовать такие, которые не просто допускают вариативность поведения, но и вообще трудно соотносимы с категориями «добро» и «зло». Кроме того, при таком подходе морально-нравственный регулятор становится абсолютным, с безграничным предметом воздействия, что в целом представляется неверным.

Во-вторых, однозначность утверждения относительно более высоких требований права, как представляется, не охватывает всего многообразия возможных характеристик этого тезиса. В частности, мораль как регулятор отнюдь не характеризуется единством содержания. Соотношение и набор приоритетов может зависеть от исторических, культурных, географических, профессиональных и иных факторов. П.П. Серков правильно отмечает, что «религиозные нормы могут относиться и к правилам морали (религиозная мораль), и к нравственности (религиозная нравственность), и к праву (нормы канонического права)» (с. 59). Соответственно, отказ работника аптеки продать родственнику тяжело больного, страдающего человека психотропное вещество по причине того, что в рецепте неправильно оформлен реквизит, неизбежно повлечет у разных людей принципиально различные моральные оценки. Следует также учитывать, что нравственность – это еще и подлежащая толкованию юридическая категория (например: гл. 6 «Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность» КоАП РФ, гл. 25 «Преступления против здоровья человека и общественной нравственности» УК РФ), а в отдельных случаях необходимость учета мотивов прямо предусмотрена или предполагается законодательством (например, в уголовном или семейном).

Вторая глава монографии *«Нравственность конституционно-правового регулирования»* основана на не очень популярном, но правильном тезисе о том, что правовая действительность (включая правовое регулирование. – *Н.Ц.*) проявляется «не в статике терминов, а в сущностной динамике их протекания» (с. 538). Это гармонично расширяет горизонты исследования, существенно повышая его объективность. В цепи рассуждений ключевое значение приобретают верные тезисы о том, что «культура – выступает генетическим носителем нравственных ценностей» (с. 372).

Особое внимание уделяется вопросам взаимосвязи субъективных прав и обязанностей участников правоотношений, обращается внимание на логику, порядок и проблемы их взаимосвязи. П.П. Серков отмечает, что «наличие закономерностей взаимодействия сознания и психики с названным содержанием (идейным содержанием правовых норм. – *Н.Ц.*) системно не выявлено... В теории права нормам права общепринято придана фактически "блуждающая" миссия из-за отсутствия системных объяснений, для чего предназначено их действие и каким образом они связаны между собой» (с. 271); «подлинные ценности отмеченного "тандема" (субъективных прав и обязанностей. – *Н.Ц.*), образованного социальной жизнью, остаются системно не осознанными, прежде всего юридической наукой» (с. 519). Не вполне понятна причина такой оценки, поскольку правоприменитель не просто носитель сознания, он еще и носитель соответствующей культуры, юридической и иной социальной ответственности, обладатель необходимых профессиональных знаний и опыта. Возможно, если бы проф. П.П. Серков привел конкретные практические примеры, представленный тезис был бы более понятным.

Не очевидной с правовой точки зрения представляется обоснованность утверждения о том, что, «подчиняя себя должному, человек не может привносить в сущее зло в любом его проявлении» (с. 369). Как представляется, «зло в любом его проявлении» – необоснованно широкая для данного контекста категория, поскольку охватывает, в т.ч. нередко диаметрально противоположные субъективные оценки поведения участников правоотношений, которые зависят от множества факторов и на которые правоприменитель не должен ориентироваться. При этом многочисленные нормативные акты, регламентирующие основы профессиональной этики, не оперируют терминами «добро» и «зло», что само по себе требует оценки.

Третья глава монографии, хотя и названа *«Опыты обобщения»*, совсем не ограничивается подведением итогов. В формате самостоятельных параграфов рассматриваются нравственные основы доказывания в юридической науке и практике правового регулирования, ценностные аспекты правового регулирования, соотношение правовой теории и правовой действительности, отдельные категории правовой теории, правосознание и правопонимание, нравственные начала и перспективы юридической науки. Остановимся лишь на некоторых положениях.

Отталкиваясь от бесспорного тезиса о том, что обоснование упорядоченности межличностного общения должно культивироваться юридической наукой постоянно (с. 432), автор приходит к выводу, что «без кардинального изменения методологии научной аналитики недальновидно надеяться на успехи в будущем» (с. 425). «Предел одностороннего восприятия правовой действительности, – отмечает П.П. Серков, – вероятно, наступил.., право "уснуло" в чувствах, эмоциях и мотивах из-за объективной неспособности реально обеспечить упорядоченное удовлетворение потребностей в непростом межличностном общении "века сего". Теория права в целом оказалась неспособной к погружению до такого уровня восприятия социальной и правовой действительности, однако... спасительная "тропа" для преодоления неизвестного в перипетиях конкретной ситуации "подсвечивается" системной логикой "работоспособности" конструкции его (правоотношения. – *Н.Ц.*) механизма» (с. 541). В итоге выражается уверенность, что «уяснение и использование механизма правоотношений способно привести общество и государство к успеху и даже величию» (с. 418).

Рассуждая о фундаментальных условиях успешного развития правовой системы, конечно, можно отталкиваться от различных приоритетов: от механизма правоотношения, принципов, предмета или приемов правового регулирования, субъектов права и т.д. Однако представляется, что ни один из этих элементов сам по себе не может гарантировать успех, залог которого кроется в их разумном согласовании. Тем не менее новизна подхода, оригинальность суждений, энергетика авторского повествования, широчайшее разнообразие приводимых суждений, мастерство владения терминологией уже сами по себе делают работу П.П. Серкова достойной самого внимательного изучения.

Полученные автором выводы, безусловно, носят фундаментальный характер. Какие-то из них еще предстоит осмыслить, какие-то будут опровергнуты в ходе научного обсуждения, однако бесспорным является то, что сама по себе представленная работа – это заметное событие в научном мире, приглашение к дискуссии, весьма успешная попытка внести новое в теоретическую основу решения актуальных вопросов прикладного характера, которых в реальности очень много.

На страницах своей монографии П.П. Серков рассматривает вопросы нравственности правового регулирования преимущественно применительно к отношениям государства (в лице его органов и должностных лиц) и человека как индивидуального носителя уникальных характеристик. Однако не меньшую, а может быть, и большую сложность представляют вопросы нравственности как существенное условие юридической профессии. И речь идет далеко не только о нравственных характеристиках законодательства, соответствующих тенденциях в современной нормотворческой и правоприменительной деятельности.

В монографии специально отмечается, что «чем выше уровень морального сознания членов общества, тем легче, безболезненно и бесконфликтно соблюдаются и исполняются нормы права» (с. 47). В целом соглашаясь с приведенным правилом, обращаем внимание, что оно имеет очевидные и весьма многочисленные исключения. Так, в соответствии с Основами социальной концепции Русской Православной Церкви «во всем, что касается исключительно земного порядка вещей, православный христианин обязан повиноваться законам, независимо от того, насколько они совершенны или неудачны. Когда же исполнение требования закона угрожает вечному спасению, предполагает акт вероотступничества или совершение иного несомненного греха в отношении Бога и ближнего, христианин призывается к подвигу исповедничества ради правды Божией и спасения своей души для вечной жизни. Он должен открыто выступать законным образом против безусловного нарушения обществом или государством установлений и заповедей Божиих, а если такое законное выступление невозможно или неэффективно, занимать позицию гражданского неповиновения» (п. IV.9). Приведенная формулировка, ограничивая условия для позиции гражданского неповиновения со стороны христианина, недвусмысленно указывает на возможность других несоответствий, которые для иных лиц могут оказаться решающими.

К сожалению, подобные проблемы не являются для большинства юристов редкостью. Речь, например, идет о ситуациях, когда привычные морально-нравственные ориентиры требуют большего сочувствия к обвиняемому, чем к потерпевшему, который своим аморальным поведением спровоцировал правонарушение, когда адвокат заявляет о невиновности преступника, в виновности которого он не сомневается, когда юрисконсульт, выполняя служебное поручение, отстаивает в суде позицию, которую сам считает нравственно несостоятельной, и т.д. Не секрет, что именно неготовность к ситуациям конфликта приоритетов различных социальных регуляторов есть одна из основных причин профессионального выгорания представителей юридической профессии.

* * *

Остается надеяться, что автор монографии проф. П.П. Серков – настоящий ученый, специалист-практик, обладающий богатейшим опытом судейской работы, – не остановится на достигнутом, а обозначенные в настоящей рецензии вопросы найдут отражение в его новых публикациях и станут предметом широкого научного обсуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Серков П.П.* Правоотношение (нравственность современного правового регулирования). М., 2020.
2. *Синюков В.Н.* Предисловие глазами теоретика правового регулирования // *Серков П.П.* Правоотношение (нравственность современного правового регулирования). М., 2020. С. 15.

REFERENCES

1. *Serkov P.P.* Legal relations (the morality of modern legal regulation). M., 2020 (in Russ.).
2. *Sinyukov V.N.* Preface through the eyes of a legal regulation theorist // *Serkov P.P.* Legal relations (the morality of modern legal regulation). M., 2020. P. 15 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЦУКАНОВ Николай Николаевич –
доктор юридических наук, заместитель начальника Сибирского юридического института (по научной работе) Министерства внутренних дел Российской Федерации;
660131 Красноярский край, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20

Authors' information

TSUKANOV Nikolay N. –
Doctor of Law, Deputy Head of the Siberian Law Institute (for scientific work) Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
20 Rokossovskogo str.,
660131 Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 4, с. 165–167
STATE AND LAW, 2021, № 4, pp. 165–167

Е.А. Осавелюк. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАТУСНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ВЫСШИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ / отв. ред. Б.С. Эбзеев. М.: Проспект, 2020. – 192 с.

© 2021 г. В. В. Невинский

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: nevinski@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.01.2021 г.

Аннотация. Дана рецензия на монографию кандидата юридических наук, доцента Е.А. Осавелюк, в которой проводится сравнительный анализ статусных и иных полномочий высших органов государственной власти Российской Федерации. При этом обращается внимание на то, что статусные полномочия в наибольшей степени способствуют взаимодействию указанных субъектов и придают ему системный характер. Признается актуальность подобного системного исследования для теории и практики современного конституционного права Российской Федерации. Рецензируемая монография обладает определенной научной новизной, отличается четкостью постановки вопросов.

Ключевые слова: конституционные основы, статусные полномочия, высшие органы государственной власти Российской Федерации.

Цитирование: *Невинский В.В.* Е.А. Осавелюк. Конституционно-правовые основы статусных полномочий высших органов государственной власти / отв. ред. Б.С. Эбзеев // Государство и право. 2021. № 4. С. 165–167.

DOI: 10.31857/S102694520014039-3

E.A. Osavelyuk. CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASES OF THE STATUS POWERS OF THE SUPREME BODIES OF STATE POWER / ed. by B.S. Ebzeev. M.: Prospect, 2020. – 192 pp.

© 2021 V. V. Nevinsky

Kutafin Moscow state Law University (MSLA)

E-mail: nevinski@yandex.ru

Received 22.01.2021

Abstract. The review of the monograph of the PhD in Law, associate Professor Elena A. Osavelyuk, which provides a comparative analysis of the status and other powers of the highest state authorities of the Russian Federation, is given. At the same time, attention is drawn to the fact that the status powers most contribute to the interaction of these subjects and give it a systemic character. The relevance of such a systematic study for the theory and practice of modern Constitutional Law of the Russian Federation is recognized. The reviewed monograph has a certain scientific novelty, differs in the clarity of the questions posed.

Key words: constitutional foundations, the status of the authority, the supreme bodies of state power of the Russian Federation.

For citation: *Nevinsky, V.V. (2021).* E.A. Osavelyuk. Constitutional and legal bases of the status powers of the supreme bodies of state power / ed. by B.S. Ebzeev // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 165–167.

Рецензируемая монография Елены Алексеевны Осавелюк, кандидата юридических наук, доцента, проректора по учебной работе Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, представляет собой комплексное научное исследование, посвященное конституционно-правовым основам статусных полномочий высших органов государственной власти Российской Федерации. Настоящее исследование может быть охарактеризовано как актуальное, целостное по форме, структурно логически выстроенное и завершенное изыскание в области российского конституционного права.

Несмотря на то что в отечественной конституционно-правовой науке отдельные положения темы нашли развитие в монографических и диссертационных работах, следует признать актуальность подобного системного исследования для теории и практики современного конституционного права Российской Федерации. Степень актуальности значительно повышают конституционная реформа 2020 г. на основе Закона РФ от 14 марта 2020 г. № ФКЗ-1 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» и принятые в ее развитие многочисленные изменения и дополнения в конституционный статус высших органов государственной власти Российской Федерации в 2020–2021 гг.

В этой части определенный интерес представляет Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”».

Конституционные изменения и дополнения существенно расширяют круг полномочий высших органов государственной власти России. В этих условиях автор закономерно ставит вопрос о том, не повлияли ли происходящие изменения и дополнения на конституционный статус каждого из высших органов государственной власти и сложившиеся конституционные принципы их взаимодействия (с. 108–111). Е.А. Осавелюк обращает внимание на один из центральных пунктов возможного ответа на поставленный вопрос – проведение анализа полномочий на основе обновленных критериев их классификации с учетом происходящих изменений, что является своевременным для отечественной конституционно-правовой науки (с. 112–114).

Монография отличается четкостью постановки вопросов (введение). В развитие поставленных ключевых вопросов автор структурирует содержание работы по *трем главам*. В *первой главе* проводится углубленный анализ сущности и отдельных элементов конституционно-правовых основ высших органов государственной власти в целом (Президент РФ, Федеральное Собрание РФ (в составе Совета Федерации и Государственной Думы), Правительства РФ, Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ) с учетом происходящих изменений. Содержание *второй главы* посвящено уточнению принятой классификации полномочий высших органов государственной власти, а также понятию и роли статусных полномочий функционирования названных органов. В *третьей главе* исследованы теоретические, конституционно-правовые и эмпирические основы собственно статусных полномочий высших органов государственной власти как важнейшей подсистемы конституционных полномочий высших органов государственной власти России. Содержание каждой главы опирается на анализ конституционно-правовой доктрины и действующего законодательства, правоприменительной практики и тем самым создает достаточно полное и целостное восприятие поставленной проблемы и возможных путей ее решения.

Заслуживает внимания инициативный подход к обновлению оснований классификации полномочий высших органов государственной власти Российской Федерации и группирования по этим основаниям отдельных конституционных полномочий. Разработанная автором классификация может быть признана оригинальной с точки зрения введения в научный оборот категории «статусные полномочия» и выделения статусных полномочий, позволяющих определить их влияние на положение соответствующих высших органов государственной власти в целом. При этом, по мнению исследователя, «статусные полномочия» представляют собой группу полномочий соответствующего высшего органа государственной власти, которые в максимальной степени отражают сущностные, в т.ч. функциональные, характеристики его конституционно-правового статуса (с. 127, 128).

Многие содержащиеся в исследовании положения, выводы и рекомендации являются новыми, обоснованными, достоверными. В частности, это касается авторского предложения о выделении трех групп конституционных полномочий Президента РФ: полномочия, посредством которых реализуется конституционно-правовой статус Президента РФ; полномочия, обеспечивающие непосредственное осуществление конституционно-правового статуса Президента РФ; иные полномочия, не отражающие существенные характеристики конституционно-правового статуса Президента РФ (с. 137–142).

Предложения Е.А. Осавелюк основываются на дополнительном анализе достаточно исследованных «инфраструктурных» теоретико-правовых и конституционно-правовых положений. Однако они используются в контексте поставленных автором задач, обеспечивая тем самым прочную теоретико-методологическую базу. Это касается таких известных категорий, как «конституционно-правовой статус», «принципы организации и деятельности высших органов государственной власти», «полномочия», «система и структура органов государственной власти».

Особое значение придается в работе основным направлениям взаимодействия Президента РФ, Федерального Собрания РФ и Правительства РФ (с. 135, 136). Это позволило автору дать целостное представление о конституционно-правовом статусе каждого из названных органов, в т.ч. об их статусных и иных конституционных полномочиях.

Ученому удалось убедительно продемонстрировать несколько факторов, влияющих на осуществление полномочий высших органов государственной власти России, а именно принципов организации и деятельности высших органов государственной власти, формы правления и государственного режима, что дополняет комплексный характер исследования.

Монографическое исследование основано на привлечении широкого спектра научной литературы, объемного законодательного и правоприменительного материалов, юридической практики, включая решения Конституционного Суда РФ.

Интерес к проблематике классификации полномочий высших органов государственной власти России не ослабевает на протяжении многих лет: обозначить собственную позицию относительно данного вопроса стремятся

и именитые ученые-конституционалисты, и те, кто делает лишь первые шаги на научном поприще. При этом обилие разнообразных точек зрения и подходов не снижает степень актуальности настоящей темы, ибо конституционно-правовое регулирование и практическое осуществление конституционно-правовых полномочий высших органов государственной власти Российской Федерации испытывают воздействие внутренних и внешних факторов, постоянно обновляющих правовую действительность и требующих динамичного «маневрирования» статусными полномочиями этих органов.

В монографии есть немало дискуссионных предложений и выводов. Но в целом она являет собой актуальное, обладающее определенной научной новизной и практической значимостью исследование. Нельзя не отметить, что автор проявляет научную добросовестность, не допускает безымянное заимствование. Основные положения и выводы достоверны, доктринально и нормативно обоснованы.

* * *

Монографическое исследование Е.А. Осавелюк вносит существенный вклад в обобщение сложившихся представлений о классификации полномочий высших органов государственной власти Российской Федерации, привнося вместе с тем собственное видение решения существующих проблем. Оно обогащает отечественную науку конституционного права. Основные положения и выводы исследования могут быть полезными в процессе государственного строительства, выработки потенциальных подходов к построению системы высших органов государственной власти. Монография может быть интересной и полезной для исследователей в области конституционного права, практикующих юристов в системе высших органов государственной власти Российской Федерации, иных работников государственного аппарата и всех интересующихся вопросами организации и функционирования высших органов государственной власти России и зарубежных стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Осавелюк Е.А. Конституционно-правовые основы статусных полномочий высших органов государственной власти / отв. ред. Б.С. Эбзеев. М., 2020. С. 108–114, 127, 128, 135–142.

REFERENCES

Osavelyuk E.A. Constitutional and legal bases of the status powers of the supreme bodies of state power / ed. by B.S. Ebzeev. M., 2020. P. 108–114, 127, 128, 135–142 (in Russ.).

Сведения об авторе

НЕВИНСКИЙ Валерий Валентинович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 123995 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

Authors' information

NEVINSKY Valery V. – Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow state Law University (MSLA); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 123995 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 4, с. 168–169
STATE AND LAW, 2021, № 4, pp. 168–169

IN MEMORIAM

НЕВИНСКИЙ ВАЛЕРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ (05.12.1950–11.02.2021)

Вечером 11 февраля остановилось сердце нашего друга и коллеги Валерия Валентиновича Невинского... Ушел из жизни известный ученый, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

Валерий Валентинович Невинский родился 5 декабря 1950 г. в Томске. Он прошел активный и насыщенный трудовой путь от рабочего до учёного-юриста. После окончания средней школы в 1967 г. работал в качестве рабочего сплавной конторы треста «Томлес» (1967–1969), старшим инспектором Молчановского РОВД МВД СССР (1969–1973), секретарем Молчановского райкома ВЛКСМ (1973–1974). Одновременно с этим в 1967–1973 гг. обучался и успешно окончил юридический факультет Томского государственного университета по специальности «Правоведение».

В 1975–2015 гг. В.В. Невинский работал (с перерывом на обучение в очной аспирантуре кафедры государственного и административного права Ленинградского государственного университета в 1978–1981 гг.) в Алтайском государственном университете (ассистент, старший преподаватель, доцент, старший научный сотрудник, профессор кафедры теории и истории государства и права (1975–1978; 1981–2001 гг.), кафедры конституционного и международного права (2001–2015 гг.), зав. подготовительным отделением университета (1984–1987 гг.), зав. кафедрой теории и истории государства и права (1994–2001 гг.) и кафедрой конституционного и международного права (2001–2015 гг.), проректор по международным связям университета (2001–2005 гг.), проректор по научной работе и международным связям университета (2005–2011 гг.)).

В 1982 г. В.В. Невинский защитил кандидатскую диссертацию на тему «Правовое положение федеральных земель ФРГ». В 1994 г. – докторскую диссертацию на тему «Немецкие граждане и основополагающие принципы Конституции ФРГ».

Ученое звание «профессор» ему было присвоено Государственным комитетом РФ по высшему образованию 24 июля 1996 г.

С 1 сентября 2015 г. В.В. Невинский – профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Валерия Валентиновича всегда отличало внимательное отношение к людям, коллегам по работе, дружеская помощь, высокий профессионализм и невероятная трудоспособность. Под его научным руководством защищено 24 кандидатских и две докторские диссертации, а также 14 магистерских диссертаций. Он выступал официальным оппонентом по защите свыше 40 докторских и кандидатских диссертаций.

Общее количество научных публикаций – 230, учебно-методических публикаций – 40. Опубликовано более 20 индивидуальных и в соавторстве монографий, научно-практических изданий, многочисленных учебников и учебных пособий. В 2020 г. им были подготовлены к печати учебное пособие «Разграничение предметов ведения и полномочий в системе публичной власти» и учебник «Конституционное (государственное) право зарубежных стран».

В.В. Невинский – автор и соавтор рабочих программ спецкурсов «Муниципальное управление и местное самоуправление», «Институты публичной власти: система, проблемы эффективности и тенденции развития в России и мире», «Академик Кутафин О.Е. – гражданин, педагог, ученый-юрист», «Актуальные проблемы правового статуса юриста в национальных и международных органах», «Противодействие экстремистской деятельности», рабочей программы дисциплины «Конституционное

право; конституционный судебный процесс; муниципальное право».

Участвовал в организации 27 международных и российских научных конференций и семинаров по основам конституционного строя, правового статуса личности, избирательного права, федерализма и местного самоуправления, организации публичной власти, противодействия коррупции и проч.

Выступал с научными докладами в международных и российских научно-образовательных центрах и за рубежом (Потсдам, ФРГ; Усть-Каменогорск, Казахстан; Ереван, Армения; Пекин, КНР; Неаполь, Италия).

Являлся руководителем временных научных коллективов по составлению и реализации шести грантовых проектов федерального уровня.

В.В. Невинский любил и ценил студентов, магистрантов и аспирантов. Все свое свободное время и знания он старался уделить им. Они ему платили взаимной любовью. Не только за его высочайшие человеческие качества. В неменьшей степени – за универсальные юридические знания и удивительную память.

Валерий Валентинович успешно совмещал научную деятельность с практической работой. Точнее было бы сказать, как ученый-юрист он отдавал практике те огромные теоретические знания по отечественной и зарубежной конституционно-правовой юриспруденции тому, чтобы отечественное законодательство и правоприменение обеспечивали эффективное функционирование публичной власти в Российской Федерации.

Принимал активное участие в качестве эксперта в Конституционном Совещании 1993 г. Выступал в качестве представителя стороны в трех конституционных судебных процессах («алтайское дело», «налоговый федерализм» и «государственный суверенитет Российской Федерации»). Подготовил 14 научных экспертных заключений в Конституционный Суд РФ. Участвовал в разработке проектов ряда федеральных законов, муниципальных уставов, концепций и программ. Участвовал в качестве эксперта Рособрнадзора в аккредитации 12 вузов.

Был членом диссертационного совета Омского государственного университета, членом редакционных коллегий пяти юридических журналов из списка, утвержденного ВАК при Минобрнауки России, экспертом Общественной палаты РФ (в течение трех лет подготовил шесть заключений на проекты федеральных законов).

Активный и добросовестный труд Валерия Валентиновича Невинского был по достоинству оценен. Подтверждение тому – многочисленные государственные, правительственные, ведомственные и иные награды. Указом Президента РФ от 30 июля 1999 г. № 941 ему присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации». Указом Президента РФ от 28 октября 2019 г. № 525 он награжден орденом Дружбы. Среди наград почетные грамоты Конституционного Суда РФ, Министерства образования и науки РФ, Росфинмониторинга, Общественной палаты РФ, полномочного представителя Президента Российской Федерации по Сибирскому федеральному округу. В декабре 2020 г. губернатор Алтайского края наградил В.В. Невинского медалью «За заслуги во имя созидания».

Безвременный уход Валерия Валентиновича Невинского – невосполнимая утрата не только для нас, его друзей и коллег, но и для конституционно-правовой науки. Время нашей совместной работы показало его самые лучшие человеческие качества. Мы потеряли друга, достойного человека, профессионала. Нам будет его не хватать. Вечная и светлая память!

Друзья и коллеги

* * *

Редакция журнала «Государство и право» Российской академии наук выражает соболезнования родным, близким и коллегам Валерия Валентиновича Невинского.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 4, с. 170–171
STATE AND LAW, 2021, № 4, pp. 170–171

IN MEMORIAM

ДУБОВИК ОЛЬГА ЛЕОНИДОВНА (22.11.1949–28.03.2021)

28 марта 2021 г. на 72 году жизни скоропостижно скончалась Ольга Леонидовна Дубовик – главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор.

Ольга Леонидовна Дубовик родилась в г. Уфе 22 ноября 1949 г. В 1972 г. окончила с отличием юридический факультет Львовского государственного университета. С 1972 по 1975 г. обучалась в аспирантуре Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР. Под руководством акад. В.Н. Кудрявцева подготовила и в 1976 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Принятие решения в механизме преступного поведения». В 1993 г. в Институте государства и права РАН защитила докторскую диссертацию на тему «Механизм действия экологического права (юридический и социологический аспекты)».

О.Л. Дубовик была стипендиатом Общества Макса Планка (1988–1998), Фонда Александра фон Гумбольдта (1990–1991, 1993–1994), Дж. и К. Мак-Артур (1996–1997), Вашингтонского университета (2000, 2001, 2002). Участвовала в международных проектах, среди которых «Уголовно-правовая охрана окружающей среды» (г. Фрайбург, ФРГ, 1988–1989); «Рациональная экологическая политика – рациональное экологическое право» (г. Билефельд, ФРГ, 1998–1999); была постоянным участником международных научных мероприятий эколого-правовой и уголовно-правовой направленности, проводимых в разных странах (России, Германии, Китае, Польше), где всегда выбирала для своих докладов наиболее актуальные и общественно значимые темы.

Ольга Леонидовна обладала широким научным кругозором и не замыкалась в рамках одной юридической специальности. Она не только участвовала в междисциплинарных научных исследованиях, инициированных ее учителем – акад. В.Н. Кудрявцевым, но и обращалась в своих работах к его идеям и концепциям. Так, О.Л. Дубовик принадлежит модель механизма действия экологического права на основе масштабных социологических исследований: ею развито новое направление – экологическая криминология – по результатам исследования экокоррупции в таких сферах, как незаконная торговля окружающей средой, экосертификация и эколицензирование, теория причин экологических преступлений, теория экологических конфликтов. Последней опубликованной монографией стала «Экологическая конфликтология (предупреждение и разрешение эколого-правовых конфликтов)», в значительной степени являющаяся итогом ее многолетних исследований проблем юридической конфликтологии. Этот проект осуществлялся в начале 1990-х годов в Институте государства и права РАН, акад. В.Н. Кудрявцев был его вдохновителем и руководителем.

О.Л. Дубовик опубликовала более 400 научных работ, в т.ч. такие фундаментальные труды, как «Причины экологических преступлений» (М., 1988) (в соавт. с А.Э. Жалинским), «Механизм действия права в охране окружающей среды» (М., 1994), «Экологические преступления. Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации» (М., 1998), «Экологическое право Восточной Европы» (М., 2018), «Экологическая конфликтология (предупреждение и разрешение эколого-правовых конфликтов)» (М., 2019). Она являлась ответственным редактором книги «Практическое пособие для экологической милиции» (М., 2003), сборников «Современное экологическое право в России и за рубежом» (М., 2001), «Современное медицинское право в России и за рубежом» (М., 2003), монографии «Юридическая ответственность за экологические правонарушения» (М., 2011), многочисленных

комментариев к экологическому законодательству, вышедших в 2011–2016 гг. Нельзя не отметить, что после смерти своего супруга, одного из ведущих российских ученых в области уголовного права и криминологии, доктора юрид. наук, проф. Альфреда Эрнестовича Жалинского, Ольга Леонидовна взяла на себя огромный труд по подготовке четырехтомного издания его работ.

О.Л. Дубовик в совершенстве владела немецким и польским языками. В этой связи одну из своих научных задач она видела в информировании российской научной общественности о современных направлениях и тенденциях развития экологического и уголовного права за рубежом. В периодических научных изданиях можно найти подготовленные ею многочисленные рецензии на труды ведущих ученых-юристов в сфере экологического и уголовного права из Германии, Польши и других европейских стран. Пристальное внимание она уделяла также и анализу норм экологического права Европейского Союза, опубликовав по этой тематике более 20 работ.

Научное наследие О.Л. Дубовик, в котором преобладают научные работы фундаментального характера, значимые для правовой доктрины и правовой политики, долгие годы будет служить основой для новых научных исследований в сфере экологического и уголовного права.

Ольга Леонидовна вела активную просветительскую работу по продвижению прогрессивных эколого-правовых идей и взглядов, активно сотрудничала с государственными органами в процессе обсуждения и принятия ими экологически значимых решений. Она являлась членом Научно-консультативного совета при мэре г. Москвы, Коллегии Департамента по природопользованию и охране окружающей среды Правительства г. Москвы, в 1994–1999 гг. была членом Высшего научного совета при Комитете по экологии Государственной Думы РФ.

О.Л. Дубовик входила в состав редакционного совета журналов «Аграрное и земельное право», «Международное право и международные организации / International Law and International Organizations», «Налоги и налогообложение», «Национальная безопасность», «Политика и общество», «Право и политика», «Финансовое право и управление», редакционной коллегии журнала «Право и государство: теория и практика» и др.

Значительную часть времени О.Л. Дубовик отдавала делу подготовки молодого поколения юристов-экологов. Под ее непосредственным руководством в Институте государства и права РАН, где она проработала более 45 лет, защищено 27 кандидатских и одна докторская диссертации. Светлая память о ней навсегда останется в сердцах ее учеников, для которых она открыла дорогу в юридическую науку.

Ольга Леонидовна была заботливой мамой и бабушкой, свободное время старалась проводить со своей семьей. Ее человеческие качества всегда привлекали к ней людей, и за свою жизнь она приобрела много друзей, для которых ее уход из жизни – невосполнимая потеря. Талантливый ученый, замечательный Учитель, добрый и отзывчивый человек, мудрая и любящая мать и бабушка – такой она останется в памяти своих родных и близких.

О.Л. Дубовик похоронена в г. Гамбурге (Германия) рядом со своим мужем.

Коллектив Института государства и права Российской академии наук и сотрудники редакции журнала «Государство и право» РАН глубоко скорбят о ее безвременной кончине и выражают искренние соболезнования коллегам, родным, близким и друзьям Ольги Леонидовны Дубовик.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

БАКАЛАВРИАТ

Юриспруденция (гражданско-правовой профиль, уголовно-правовой профиль)

МАГИСТРАТУРА

Правовое обеспечение предпринимательской деятельности

АСПИРАНТУРА

Юриспруденция

Юридический факультет ГАУГН осуществляет подготовку специалистов юридического профиля на классической академической основе. Студенты проходят курс подготовки, включающий комплексное изучение базовых и специальных дисциплин, отражающих современный уровень развития российской юриспруденции (теории и практики).

Изучение обширного комплекса правовых и гуманитарных дисциплин в совокупности со стажировкой в юридической клинике факультета и овладением современными информационными технологиями готовит выпускника к исследовательской (экспертной) и практической деятельности во всех сферах взаимодействия бизнеса, государства, гражданского общества и граждан.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 60 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).